Kārlis Jansons „Kazis"

Валентин Штейнберг

ЧАРЛЗ СКОТТ, ЕГО ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

О Карле Янсоне

TEATRA

Валентин
Штейнберг

ЧАРЛЗ СКОТТ, ЕГО ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

О Карле Янсоне

Издание второе, дополненное

Москва
Издательство
политической литературы
1983

66.61(2)8
Ш88

Штейнберг В. А.

Ш88 Чарлз Скотт, его друзья и враги. О Карле Янсоне.— 2-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1983.— 255 с., ил.

Герой документальной повести К. Э. Янсон — большевик с 1904 года, видный интернационалист, участник революции 1905—1907 годов, социалистического, затем коммунистического движения в США и Канаде. По поручению Профинтерна выполнял задание в Китае. Жизнь этого легендарного человека отмечена 25 подпольными кличками и псевдонимами, украшена дружбой с Д. Ридом, Т. Баком, Ч. Рутенбергом, У. Фостером. Автор — академик АН Латвийской ССР, заслуженный деятель науки республики, член Союза журналистов СССР. Первое издание этой книги выходило в Латвии в 1981 году под названием «Чарлз Скотт из Латвии». В новое издание книги внесены изменения и дополнения.

Ш $\frac{0505040000-010}{079(02)-83}$ 228—83

66.61(2)8
3КП1(092)

Мы стремимся взять из прошлого пламя, а не пепел.

Жан Жорес

Они являются великими людьми именно потому, что они хотели и осуществили великое, и притом не воображаемое и мнимое, а справедливое и необходимое.

Гегель

ФАКТЫ ДЛЯ БЕЛОГО ЛИСТА...

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

История — книга, в которой многие страницы утрачены. Сколько бы ни знали мы о прошлом, оно в какой-то мере навсегда останется для нас сфинксом. Да, законы истории строги и непреложны, воля людей неукротима, судьбы эпохи зависят от них. Однако жизнь полна загадок, противоречий, а как много неожиданностей в людских судьбах...

Человек, о котором рассказывается в этой книге, был известен под именем Чарлза (Чарли) Скотта, но он мой земляк, латыш. Чарлз Скотт из Латвии? С каких пор, спросите вы, латыши стали носить английские имена и фамилии?

Материал о нем я начал собирать давно; и почти на пустом месте. Сначала попадались отрывочные данные, отдельные факты, с трудом нанизывались они на нить событий, иногда выпадали из контекста. Неудачи порой приводили в смятение, затем вновь лихорадочная жажда поисков, без которой барьер неизвестности не преодолеть. Наконец, наступил момент, когда из накопленного материала, как на фотопленке в проявителе, стали возникать не только штрихи, детали, необычные факты, но и связные эпизоды жизни Чарлза Скотта, отдельные ее периоды.

...Карл Янсон — таково было его настоящее имя — родился на побережье Балтийского моря. И оно, как говорится в одной из дайн, латышских народных песен, дарит мужчинам силу, а женщинам — терпение. И народ действительно наградил своего сына многим, прежде всего неукротимым стремлением к свободе, ненавистью к ярму, которое пригибало человека, иссушало его душу.

Он навсегда избрал путь борьбы, заставивший не только отказаться от собственного имени, но и покинуть родину. Горести и страдания тех, кого он встречал на чужбине, в незнакомых странах, обострили понимание им жизни в родной стороне, в муках прозревала человеческая душа, укреплялось чувство общности цели всех людей труда.

То, что становилось известным о Карле Янсоне — Чарлзе Скотте, казалось фантастическим, не верилось даже, что все это может вместить жизнь (и недолгая) одного человека. Закрадывалась мысль, что Чарли — образ собирательный, а не конкретная личность.

Первые определенные сведения, как это ни парадоксально, мы получили от врагов. Они продолжали люто ненавидеть Чарлза Скотта даже тогда, когда его уже не было, хотя и говорят, что перед лицом смерти вражда прекращается.

Не чужаком, а Человеком, радетелем за судьбы обездоленных попал Карл Янсон сначала в Западную Европу, а затем в США. Судьба словно хотела испытать его на стойкость.

Опытный моряк с дипломом капитана дальнего плавания, Янсон в Америке не смог подняться на мостик корабля. Он стал рабочим-эмигрантом, но эмигрантом не безропотным. Умел постоять не только за себя, но и за своих товарищей и учил этому других. Любил людей, а «демократичная» Америка всегда была беспощадна к непокорным с пустым карманом. Чарли встретил здесь многих из тех, кто стали его соратниками, товарищами, друзьями. Их преследовали, травили. Травили и Чарли...

Но в этой травле враги, клевеща, не могли не проговориться о каких-то подлинных фактах и событиях, связанных с Чарли (сплошную ложь трудно выдать за правду).

...Некто Доценберг в свое время тоже эмигрировал из Латвии, скитался по Бостону в поисках случайной работы, потом стал машинистом локомотива в Ньюхейвенско-Хартфордской железнодорожной компании. Он был знаком со многими своими земляками, знал и Чарли. К нему отнеслись с доверием, приняли в партию. Руки у него оставались натруженными, но сердце стучало все глуше, как бы силясь не напоминать о себе. В конце 20-х годов Доценберг демонстративно покинул ряды партии. Дезертировал...

Свершив акт отступничества, ренегат перебрался в отдаленный штат, бывшие товарищи вычеркнули его из памяти. Безвестность — итог жизни предателей... Однако Доценберг, затаив злобу, ждал своего часа.

Прошло почти 12 лет, в мае 1940 года Доценберга наконец пригласили в Вашингтон. Все эти долгие годы его там, очевидно, не теряли из виду. В стенах Конгресса работала комиссия палаты представителей по расследованию так называемой антиамериканской деятельности. Комиссии недоставало «изюминки»: в США давно повелось, что причины всех бед правящая верхушка ищет среди «красных» и негров.

Его, извлеченного из небытия, встретила у входа толпа корреспондентов. Войдя в наполненное публикой помещение, он распрямился, приосанился. Ему предложили сесть.

Прозвучал голос председателя:

— Прошу вас встать и поклясться, что вы будете говорить правду, всю правду и только правду, да поможет вам бог!

— Клянусь! — последовал ответ.

Предатель рассказал тогда комиссии немало. Кое-что ему было известно и из того, что доверялось только единомышленникам, ве-

дущим честную и мужественную борьбу, хотя в общем-то особого секрета не составляло.

Заканчивая пристрастный допрос, председатель комиссии спросил отступника, не желает ли тот как гражданин своей страны оказать помощь в защите США от «красных агентов». Доценберг мог бы еще удержаться от окончательного падения, уйти от ответа, но он очень уж старался выказать себя подлинным американцем, приобрести политический капитал.

— Я готов, сэр, дать новые показания. Желал бы это сделать на закрытом заседании...

Ни в США, ни в Англии — в Библиотеке Британского музея,— где автору этой книги приходилось читать материалы комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, с протоколами закрытых заседаний познакомиться не удалось. Но суть не в этом. Предатель свое дело сделал. Чем больше в комиссии ханжески склоняли слово «правда», тем больше (под одобрение заседавших) он врал. Оклеветал, очернил и Чарли... Он знал: клевета что уголь — не обожжет, так замарает. Чарли уже не было в живых, а мертвый во лжи не уличит.

Последним обстоятельством и воспользовались враги, чтобы, пороча Чарли, опорочить все, что нам так дорого.

Американские блюстители правосудия использовали Доценберга в качестве ценного для них свидетеля. Способный, чтобы выслужиться, подтвердить любую небылицу, он должен был подтвердить пущенную на Западе ложь о Советской России и ее «особых агентах» из латышей, которые якобы были «специального типа революционеры», готовившиеся для США, где большевики им «доверяли работу наиболее... секретную по своей природе» (!). Ссылались при этом и на то, что в России «в ходе большевистской революции латышским ударным частям давались наиболее трудные и опасные задания».

Разными способами на американском континенте «делался» материал на многих эмигрантов из России, в том числе и на Чарли. И в этом помогали разные доценберги. Появляются увесистые тома: книга перебежчика Т. Дрейпера «Корни американского коммунизма», труд профессора из Канады У. Родни «Солдаты Интернационала». Их сочинения написаны по-разному. Дрейпер не чурается лжи, как и положено ренегату, ставшему «специалистом по России»; Родни несколько сдержаннее, он старается сохранить подобие правды. Но и тот и другой стремятся показать Чарли Скотта человеком, опасным для благополучия западного общества. И если бы они одни!

И хоть ложь на тараканьих ножках, а ведь как живуча она там, в Америке, где профессия лгуна давно в фаворе. Стендаль еще в прошлом веке говорил: «Лжет всегда и во всем; когда оно не может лгать в основном, оно лжет в мелочах». Это о прави-

тельстве Соединенных Штатов. (Социологи Гарвардского университета, предпринявшие анализ публикаций в газете «Нью-Йорк таймс» об СССР, пришли к выводу, что в этой «респектабельной» газете за последние три десятилетия из каждых 100 статей об СССР 87 целиком и полностью лживы, остальные содержат большие или меньшие искажения фактов.)

Шла очевидная и скрытая борьба вокруг человека и против человека, который сам за истину постоять уже не мог. За него должны были говорить его дела. А враги делали все, чтобы обесславить его, развенчать его идеи — наши идеи. Тенета лжи все больше обволакивали имя Карла Янсона. А мы — наследники его, и разве нам не безразличны его честь или бесчестье? Понадобились подлинные, достоверные и подробные сведения о Чарли — кем он был, как жил и за что боролся. И то, что еще недавно казалось автору просто увлечением, внезапно обрело новый смысл.

Личные планы пошли насмарку. Предстояло узнать все, что возможно, все проверить, отыскать документы и свидетельства, где бы они ни находились — в США, Канаде, Англии или Германии, в советских ли городах — Москве, Ленинграде, Баку, Владивостоке, Риге, Лиепае... Правда и справедливость должны восторжествовать!

Но для этого понадобились годы.

Теперь мы о Карле Янсоне знаем достаточно много. Мне повезло, посчастливилось как старателю, который, промывая годами песок, среди блесток золота вдруг встречает полновесный самородок.

Карл Янсон предстает перед нами человеком благородного сердца и высокого духа. Мужественным. Не потому, что никогда не ведал страха, а потому, что всегда мог подчинить его себе, побороть. Бескорыстным. Не потому, что ничего не делал для себя, а потому, что посвятил себя самому трудному и нужному делу, не рассчитывая на вознаграждение. Счастливым. Не потому, что никогда не страдал, скорее, страдал всю жизнь, но понял (возможно, не сразу) самое главное в ней: он доискался до той, казалось бы, простой истины, что подлинная жизнь — это жизнь для других, полная подвижничества, и одновременно ради себя. Ведь жизнь — это не только ты один, а мы все, и ты частица всех... Он жил счастьем трудным, крылатым...

Двадцать пять подпольных кличек и псевдонимов! И эти новые имена были для него не талисманами, а щитом, средством борьбы.

Он прошел дорогами тревожного XX века, когда всюду пробуждались умы и жизнь противостояла смерти. В пламени этого динамичного века отливалась и его судьба. Он прошел школу революций.

Сокровенная память о Чарли и все то, что он сделал для людей, ничего не взяв взамен, кроме сознания, что он жил такой жизнью, какую избрал сам, заставляет нас использовать случай, чтобы разоблачить лгунов.

Мы последуем словам мудрого Вольтера, сказавшего однажды во гневе: «Если речь идет о важных событиях, истине иногда приходится спускаться с высей и опровергать ложь, даже когда ложь исходит от людей презренных; их бесчестность не должна служить препятствием к выяснению истины, точно так же как низость преступника, вышедшего из подонков общества, не препятствует правосудию принимать против него нужные меры...»

* * *

Документальная книга требует долгой и кропотливой черновой работы: извлечения фактов, казалось бы забытых и стершихся в памяти поколений, уяснения обстоятельств прошлого во всей их сложности и противоречивости. А если речь идет о конкретном человеке, то приходится как бы перевоплотиться в него, чтобы понять, зачем он жил, почему кого-то ненавидел, кого-то любил. Черновая работа нередко непосильна для одного автора: нужна помощь. Мир устроен так, что помощь все же приходит, рано или поздно. И то, что, казалось, навсегда исчезло, ушло в небытие, вдруг проступает в первозданных и живых красках.

В тот год весна в Лондоне была почти без дождей и туманов, зонтик не понадобился ни разу. В свободные часы я бродил под холодным солнцем по закоулкам громадного города, теша себя надеждой найти хоть какие-то следы событий более чем полувековой давности. К счастью, наименования улиц и площадей в Лондоне не меняются, и это очень помогало.

Автобус № 15 — из самого центра, мимо собора св. Павла и Тауэра, мимо мостов через Темзу, что оставалась справа,— повез на восток, и вот я узнаю по описаниям, что уже нахожусь в Уайтчепеле, когда-то известном промышленном районе Ист-Энда. Дальше — Степни, Лаймхауз и, наконец, Поплар. Без труда я нашел нужную мне улицу — она и теперь называется роуд (дорога) Вест-Индских доков.

Разглядываю сохранившиеся старые дома — почерневшие от времени, угольной пыли и копоти. Неподалеку доки. Когда-то и они были шумным районом Лондона; сюда прибывали корабли с грузами изо всех известных стран мира. Товары — лес и уголь, товары в бочках и ящиках, в тюках и мешках — сгружались на берег или грузились в темные трюмы на спинах матросов, обитателей городского дна, согнанных сюда голодом, докеров, в поте лица добывавших свой хлеб.

Эти улицы слыхали и речь латышских моряков.

На этой роуд, бывало, появлялся и Карл Янсон.

По ней я ходил сейчас в доки — некогда здесь стояли ворота. Теперь здесь безлюдье — доки умирают. Нахохлившиеся голуби без опаски сидят прямо на проезжей части дороги. Из-за угла, однако, показывается полисмен. Он вопросительно смотрит на меня — так редки здесь посетители. Я рассказываю, не затрудняя его деталями, в чем дело, называю дом «Маулин холл», возможно, «Мартин холл», ибо трудно было разобрать адрес на старом истлевшем конверте, а номер дома не был отмечен. (Когда в России началась революция 1905 года, вскоре появились в массе и революционные эмигранты. Те, что оказались в Лондоне, центр своей организации основали где-то близ доков. Вот я и отыскивал нужный дом.)

Полисмен отзывчив, он ведет меня в помещение своего постоянного поста, долго и старательно роется в справочниках, разыскивая этот затерявшийся во времени «холл», говорит, что, возможно, у дома давным-давно новый хозяин, а может, их сменилось несколько, а потому и название новое. По его совету иду в небольшую местную библиотечку и роюсь в старых справочниках и картах. Итог — нулевой.

Расставаясь с полисменом, я попросил разрешения сфотографировать уголок опустевших Вест-Индских доков. Нацеленную уже было камеру пришлось, однако, убрать — не положено!

Больше повезло мне в ту весну во время поездки на юг Англии. В небольшом приморском городке Борнмуте я сразу же нашел улицу Дарракот-роуд, 8. Двухэтажный домик типично английской каменной кладки я сразу же узнал по имевшейся у меня фотографии. Дом в свое время принадлежал англичанке, дочь которой вышла замуж за латыша. Поэтому среди латышей-эмигрантов дом этот был известен. В годы первой революции в России здесь некоторое время жил Яков (Екаб) Ковалевский («Кундзиньш», «Валтер») — друг Карла Янсона.

Ни во время посещения Борнмута, ни позже я так и не узнал, бывал ли в этом доме Карл Янсон. Однако сюда приходили — иногда сугубо деловые, иногда слегка тревожные и почти всегда конспиративные — письма Карла Янсона, которые могли бы стоить головы и их автору и адресату, пойми кто-нибудь недомолвки в скупых строках.

Часть этих писем была впоследствии счастливо найдена в... Риге. И главное — их удалось прочесть. А пока я с наслаждением фотографировал этот дом на Дарракот-роуд, 8.

В поисках сведений о Янсоне мне пришлось написать множество разных писем всем, кто только «подозревался» в знании пусть хотя бы какой-то детали, мелочи, но касающейся моей цели. На некоторые письма ответы так и не пришли (словно их путь исчисляется световыми годами).

Откликнулись из-за океана, из Канады: Карл Янсон вкусил ее горький хлеб и полюбил эту страну. Полюбил людей, которые делились с ним этим хлебом.

«18 сентября 1972 г.

Дорогой товарищ,

мы получили вашу просьбу проинформировать вас относительно деятельности Чарлза Скотта как в Канаде, так и в США. Мы делаем все, что можем, чтобы собрать любую доступную нам информацию, и также связываемся по этому вопросу с нашими американскими товарищами.

Откровенно говоря, многих старожилов, которые могли знать товарища Скотта, уже нет в живых. Тем не менее мы будем упорно продолжать наши поиски, и, как только что-либо обнаружится, мы вышлем вам в ближайшем будущем.

Нам, естественно, приятно слышать, что вы будете писать книгу о жизни и деятельности Карла Янсона, и мы желаем вам всяческих успехов в осуществлении вашего проекта.

С дружеским приветом
Уильям Каштан —
генеральный секретарь».

Внезапно я узнаю из газет, что в Канаде умирает известный коммунист-ветеран Тим Бак. Это один из упомянутых Генеральным секретарем Коммунистической партии Канады Уильямом Каштаном старожилов. Позже окажется, что в Канаде он был одним из последних, кто в молодости знал Янсона. Успели ли канадские товарищи поговорить с Тимом Баком? Ведь он болел и лечился вдали от Канады — в Куэрнаваке, в Мексике, где и умер.

В письме товарища Уильяма Каштана от 4 апреля 1973 года с благодарностью в ответ на посланное мною соболезнование по случаю смерти Тима Бака ни слова о судьбе моей просьбы.

Шли месяцы, я терпеливо ждал...

«22 мая 1974 г.

...Я говорил с товарищем Баком перед его смертью о вашей просьбе, и он обещал написать вам. Позже я напомнил ему о нашем разговоре, и он сказал, что написал. Вероятно, он имел в виду написать вам, но не сделал этого. В любом случае он, кажется, должен был быть единственным из живых, кто знал Чарлза Скотта. Насколько мне известно, в том, что написал Тим, товарищ Скотт не упоминается».

Уильям Каштан посоветовал ознакомиться с биографией Тима Бака, которая написана «знающим человеком» Оскаром Райеном и издана в Торонто. В этой книге я действительно нашел существенный материал, о котором расскажу позднее. Далее в письме

Каштана говорилось: «Тим все же оставил некоторый материал, и, если мы найдем в нем то, что вы могли бы использовать, мы будем счастливы передать вам его.

...Благодарю Вас за Ваше напоминание мне и за Вашу настойчивость, которая является хорошей чертой.

P. S.! Я попросил Берта Кини, члена нашего ЦК, связаться с вами по упомянутому делу. Он, может быть, несколько поможет вам».

За этим письмом, как я потом узнал, скрывались значительные усилия, приложенные канадскими товарищами. Поэтому порой чувствовал угрызения совести за то свое качество, которое Каштан назвал «хорошей чертой»,— не излишне ли я напорист? Можно себе представить, сколько дел у него и его товарищей, руководителей трудной борьбы, которую ведет рабочий класс страны за свои интересы. Чтобы как-то отблагодарить канадских друзей за внимание, я написал рецензии на книгу О. Райена «Тим Бак — совесть Канады» и американского автора Оукли С. Джонсона «Марксизм в истории Соединенных Штатов... (1876—1917)» (журнал «США», 1975 и 1976).

Что касается книги Оукли С. Джонсона, то в поле зрения она оказалась не случайно. Я и ему писал о Карле Янсоне. Оукли в ответном письме дал полезные советы, познакомил с некоторыми данными из истории революционной борьбы в США, личными свидетельствами и прислал свою интересную и содержательную книгу с надписью: «Эта книга предназначена другу, которого я узнал по переписке, и, могу добавить,— как свидетельство общих интересов».

Об этих общих интересах, глубоком уважении к памяти Скотта-Янсона свидетельствовали и два новых письма из Канады.

«Дорогой товарищ Штейнберг!

В приложении посылаем найденный материал, который может оказаться вам полезным в связи с товарищем Чарлзом Скоттом. Мы просим извинения, что не могли сделать больше. Я пытался найти старожилов, которые могли бы знать его, однако их уже нет в живых...

Если мы что-либо еще можем сделать, то, пожалуйста, дайте нам знать об этом.

С горячим приветом
У. Каштан —
генеральный секретарь».

Пришло письмо и от Берта Кини, написанное 1 октября 1976 года. Он сообщал:

«Мне в конце концов удалось найти фотографию Тима Бака, сделанную в 1923 году. Это вполне хорошая фотография, поэтому

я надеюсь, что она будет использована вами. Я рад, что имел возможность помочь Уильяму Каштану в поисках некоторых материалов, относящихся к пребыванию Чарлза Скотта в Северной Америке. Ваша работа о его жизни вызывает у меня большой интерес...»

В том же 1976 году состоялся съезд Коммунистической партии Канады и Уильям Каштан был вновь избран ее Генеральным секретарем. Я послал ему свои самые сердечные поздравления. Товарищ Каштан не замедлил откликнуться.

«Я рад слышать, что Вы закончили свою книгу о Чарлзе Скотте. Надеюсь, что она будет опубликована на английском, и тогда канадцы имели бы возможность прочитать ее. В любом случае поздравляю Вас и шлю Вам наилучшие пожелания. Книга послужит полезным целям».

Позже я убедился, что несколько опередил события — книга близилась к завершению, а стали известны новые факты, новые обстоятельства жизни ее героя. Этому помогли новые встречи.

Узнаю, что Карла Янсона знал живущий в Берлине Франц Далем, человек, прошедший большой и долгий путь испытаний и борьбы. В начале 30-х годов дороги Карла Янсона и Франца Далема пересеклись в сложных обстоятельствах, где-то в Западной Европе. Подвернулась оказия, и я спешу в Берлин. Вспомнит ли Франц Далем то, о чем я его спрошу?..

Но не буду рассказывать о дальнейших перипетиях работы над книгой, ибо неизбежно придется вторгаться в ее содержание.

А теперь о самом главном.

Своих детей у Карла Янсона не было. Но он вырос в большой семье — кроме Карла было четверо братьев (один умер в раннем детстве) и трое сестер,— поэтому с годами круг родственников расширился. И все они, с кем, конечно, меня свела судьба, оказали, по мере сил и возможностей, большую помощь в работе над книгой. Это самая младшая сестра Карла — Анна Каспарсон (Янсон), с которой я встречался в Москве, его племянники: солдат-гвардеец, участник Великой Отечественной войны Эдуард Робежниек; участник революционной борьбы в буржуазной Латвии Карл Кавалиерис; профессор одного из московских институтов Август Каспарсон; племянница Амалия Путра; внучатый племянник, ныне генерал и доктор наук Анри Кавалиерис, его мать коммунистка Милда Кавалере...

Не могу здесь не вспомнить многих друзей, соратников, товарищей, просто людей, знавших Карла Янсона, которые поделились со мной своими воспоминаниями и свидетельствами. В их числе З. Рудзутак (Роджерс), Г. Элиас, А. Крижанович (Латвия), А. и Ал. Каспарсон, М. Фортус (Москва), Эд. и Л. Маурини, П. Кроссер (США), Э. Ротштейн (Лондон), Ст. Окенский (Варша-

ва), Фр. Далем, Х. Вольф (ГДР), У. Каштан (Канада). Много и по-товарищески мне помог в создании книги А. Восс.

Я благодарен неизменным моим помощникам — Людмиле Лубей, Анне Кравченко, Маре Страуме за их советы, практическую помощь.

Мне пришлось работать в Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР, в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в Партархиве Института истории партии при ЦК КП Латвии, в Государственной библиотеке имени В. Лациса Латвийской ССР, в Библиотеке Британского музея. Всюду мне были оказаны поддержка и внимание.

Особое участие в моей работе принимали партийные организации на родине героя — Лиепайский районный и городской комитеты партии.

Я признателен всем за материалы, уточнения, помощь всякого рода — без всего этого книги просто бы не было. Признателен больше, чем могу выразить.

КАПИТАН ДАЛЬНЕГО ПЛАВАНИЯ

МЛАДШИЙ В РОДУ ЯНСОНОВ

Западные районы Латвии — Курземе — и сегодня еще кажутся тихими. Летом буйную зелень прорезают чистые речки. Шумят вековые дубы, то и дело попадаются старые проселки. Живописные, извилистые. Еще тише казался этот край во времена господства немецких баронов, когда его именовали «Курляндия». Путешественники, которые забредали в этот край, писали о латышах, что они «проводят обыкновенно унылую, тихую жизнь в дикой глуши, в разрозненных, далеко друг от друга расположенных хижинах, вдали от больших дорог и мыз... Не видно у них, как в наших великороссийских губерниях, длинных деревень...» Но тишина эта была обманчивой. Историки и публицисты давно обратили внимание на то, что маленькая Курземе не раз становилась местом бурлящих страстей и острых столкновений.

В историю вошла битва при Дурбе, где литовцы и латыши обратили в бегство, казалось бы, несокрушимые полчища немецких рыцарей-крестоносцев. Озеро Дурбе находится в Курземе. Некогда появлялись здесь остроносые корабли варягов, непрошеные гости из Германии, Швеции, Дании, Польши — коронованные и титулованные особы со своими войсками и претензиями. По Курземе прокатывались полчища Наполеона. Неспокойным был этот край латышской земли...

В периоды временного затишья латыши отдавали все силы своей земле, которая требовала упорного труда. На этой неподатливой, нещедрой земле в семье Янсонов (одна из самых распространенных фамилий в Латвии) на хуторе Каугари близ того самого озера Дурбе и родился сын Карл. Это было 12 января 1882 года.

Из глубины веков шел трудовой род Янсонов. Отменные работники, мастеровые, они славились также и многодетными семьями. Дед Карла Янис Янсон в первой половине XIX века был крепостным немецкого барона. Непосильным трудом, а порою угождая господам, большим и малым, он пытался встать на ноги, добиться хоть какой-то самостоятельности. Одно уже такое стремление по тем временам было не просто дерзостью, а подлинным вызовом судьбе. И все же настал день, когда дед добился своего: стал арендатором хутора Тиса в Равской области.

На склоне лет он уже мог считать, что жизнь прожита недаром — как-никак почти владелец усадьбы, вырастил семерых сыновей и двух дочерей. Все они вышли в люди — кто стал кузнецом, кто столяром, один даже учителем. Большинство их служило у помещиков, и все считались хорошими работниками — немногословными и упорными. Не бунтовали, хотя и были с норовом.

Старший сын Эрнст Янсон по праву слыл искусным резчиком по дереву. До сих пор сохранилась прялка, сделанная его руками еще в 70-х годах прошлого века, служившая и в нашем веке. Это была лучшая работа 28-летнего мастера. А история ее такова. Эрнст знал себе цену, мало кто в округе мог с ним потягаться в его ремесле. Поэтому он позволял себе поглядывать на единственную дочь арендатора Каугари Краузе. Тот не слишком благоволил к молчаливому сыну арендатора Тисы. Краузе рассчитывал на лучшую партию для своей дочери: ведь он был выходцем из Швеции, а не каким-нибудь забитым латышским крестьянином. Однако отвадить настырного парня никак не удавалось. А когда он изготовил эту чудо-прялку, подарил ее Анне Краузе и посватался к девушке, ее отец смягчился и дал свое согласие.

Эрнст и Анна — отец и мать Карла Янсона — счастливо прожили вместе двадцать два года. Эрнст был преисполнен энергии. Дальше отца он, правда, так и не пошел, хотя усилий приложил к этому немало, но хозяйство Каугари (старому Краузе пришлось уступить хутор своему зятю) вел хорошо, пользовался уважением соседей.

Анна любила своего мужа, любила своих четырех сыновей и трех дочерей. Но судьба отказала ей в счастье всех их вырастить и воспитать: заболев воспалением легких, она скончалась на сорок третьем году жизни. На тенистом Равском кладбище, верстах в трех от Каугари, по сей день сохранилось мраморное надгробье, под которым почила Анна Янсон-Краузе.

Эрнст Янсон один стал воспитывать семерых детей. Старшему, Янису (Janis), исполнился тогда 21 год. Он учился в Московском университете, летом приезжал на каникулы. За ним числилось дерзкое выступление в Елгаве против господ, он даже напечатал что-то. Ходили слухи, что Янис водится с какими-то подозрительными людьми — «социалистами». В откровенные разговоры с отцом Янис не пускался. Но, когда хоронили мать, он произнес у ее могилы такую речь, что Эрнст не мог удержаться от слез.

К тому времени подрастали и другие сыновья — 20 лет было Андрею, Карлу исполнилось 13, а маленькому Янису (Jānis) — 10 лет. Дочери Карлине шел восемнадцатый год, Амалии — шестнадцатый, Анна была еще совсем маленькой — восьми лет.

Эрнст Янсон любил вспоминать, как вдруг у него на хуторе появилась шумная ватага товарищей и ровесников старшего сына. Среди них были Петр Стучка и Фрицис Розинь, известные в их

краях вольнодумцы: первый живал в Петербурге, второй — в Тарту, где они постигали науки... Парни в этот раз приехали из Лиепаи (Либавы) на веселый праздник Лиго какие-то притихшие. Оказалось, за ними увязался незнакомец. В семье Янсонов нежданных гостей не чурались, был бы принят и этот.

Еще по дороге друзья задумались, как избавиться от назойливого «компаньона». Стучка, самый старший и самый рассудительный, предложил вернуться в Лиепаю и провести ночь Лиго на берегу моря. Но Янис Янсон заупрямился: с какой стати лишать себя удовольствия? День летнего солнцеворота положено встречать в деревне, на природе.

Так и заявились они на хутор в сопровождении новоявленного «приятеля». Янис поцеловал мать, что-то шепнул ей, а потом все по очереди поздоровались с матерью и отцом. Стали обносить гостей пивом. Угощали радушно, а пиво в доме Янсонов было вкусное, пенистое, хмельное. К вечеру незваный гость изрядно выпил и стал приставать к приемной дочери Янсонов. Когда он потянул девушку в сад, та по наущению Анны Янсон закричала благим матом. Все сбежались.

Эрнст, хозяин дома, возмутился:

— Мы вас приняли как своего человека, а вы наших девушек обижаете!

Вмешалась и мать:

— А вы его проучите! Верно?

Решение было единодушным — отстегать крапивой. Парни незамедлительно схватили подгулявшего шпика и, с удовольствием задав ему перцу, бросили на приготовленную телегу, свезли к большаку.

Праздник удался на славу. Пили пиво, пели песни, рассказывали смешные истории, хохотали над незадачливым посыльным бдительного начальства. Говорили свободно, не таясь о «Капитале» К. Маркса, о выборах в германский рейхстаг, о социалистических идеях, о брожении в Петербурге, на фабриках и заводах Риги, Лиепаи...

...Эрнст Янсон тревожился о своем семействе и его друзьях не напрасно. Беда разразилась летом 1897 года. Были арестованы Ян Плиекшан — прославившийся впоследствии поэт Ян Райнис, Фрицис Розинь. На квартире у Стучки арестовали Яниса Янсона, старшего сына. Попали в тюрьму и П. Стучка, и Э. Ролав, и другие. Газеты были полны ужасающих сообщений — объявлялось о ликвидации опаснейшей группы заговорщиков-социалистов, о коих ранее в Латвии мало кто слышал.

Поначалу Эрнст мало верил газетам, надеялся, что все образуется. Но когда Райнис и Стучка были высланы в далекую Вятскую губернию, город Слободской, а старший сын — за пределы Латвии, в Смоленск, он понял, что дело приняло серьезный оборот.

В Латвии, как и по всей России, уже веяли новые ветры, разгоралась борьба против царского самодержавия, против угнетателей. В России складывались социал-демократические организации. Приобретало известность имя Ленина, его работы уже проникли в Латвию. В 1900 году появилась газета «Искра», вокруг которой начали сплачиваться ячейки революционных социал-демократов, ставшие основой партии большевиков. В ней революционные борцы Латвии заняли впоследствии свое достойное место.

Всего этого стареющий Эрнст Янсон сам не видел и не знал. Он со своего хутора Каугари лишь с тревогой следил за судьбой собственных детей, стремясь понять, что происходит в мире, что происходит с ними.

В 90-е годы Эрнст женился вторично, он чувствовал себя еще крепким, да и без хозяйки не обойтись. Его вторая жена оказалась работящей, домовитой, но детям была мачехой в недобром смысле этого слова, что еще больше осложнило жизнь на хуторе. Старшие дети теперь сюда заглядывали редко, словно залетные птицы. Выбирались из гнезда и младшие. Дочь Анна в 17 лет ушла пешком в Либаву искать работу. На прощание отец сказал, что помогать ей не будет. Но если она не сможет устроиться в городе, пусть возвращается домой. Работа на хуторе всегда найдется. Однако Анна была с характером: нелегко ей приходилось «в людях», а не вернулась...

Еще раньше покинул дом Карл, Кажис, как все звали его в семье. Ему уже минуло 16, и отец сказал, что пора становиться на ноги.

При прощании слегка защемило сердце, но когда родной хутор скрылся из виду и только поблескивало вдали озеро Дурбе, он не почувствовал себя одиноким, бесприютным... Ведь где-то в мире жили его брат Янис, друзья брата, пострадавшие в результате арестов девяносто седьмого года. В любое время мог, казалось Карлу, появиться в Лиепае из-за границы долговязый и близорукий Фрицис Розинь, которого они уже знали под кличкой Азис. Хотя Розинь был на 12 лет старше, Карл считал, что они могли бы стать товарищами. Фрицис поразил воображение Карла ловкостью, с которой обманул полицию и скрылся куда-то на Запад (слухи об этом дошли до хутора). После арестов девяносто седьмого года Ф. Розинь якобы удалился в ссылку на хутор близ Приекуле, где жил его отец и где Розиню надлежало ожидать окончания следствия. Поскольку было ясно, что дело кончится тюрьмой, Розинь решил уехать за границу. Вместе с другими беглецами он покинул Россию на пароходе. Укрылись в трюме, пришлось отлеживаться там под котлами в невероятной жаре. А выйдя на палубу, чтобы немного освежиться, он по близорукости своей провалился в угольный трюм. Падая, будучи хорошим гимнастом, с лету ухватился за какую-то трубу, проходившую через

трюм. Труба оказалась раскаленной, но он все же повис на руках и держался, пока товарищам не удалось его снять. Конечно, ладони были сожжены до мяса. У берегов Англии эмигранты «бросились в воду, решив плыть до берега, помогая друг другу. Розиню особенно было трудно, так как он почти не владел руками. Вылезши из воды, все мокрые и черные от угля, они предстали перед полицейским в ужаснейшем виде... Они кое-как узнали, куда им идти по адресу рабочего-латыша, жившего в Уайтчепеле, в этом беднейшем районе громадного Лондона. С большими мытарствами они добрались до квартиры своего товарища. Небольшая лондонская колония латышей приютила их, и с этого дня началась тяжелая эмигрантская жизнь»[1],— описывал спустя много лет эту одиссею В. Бонч-Бруевич.

Все, что Карл Янсон узнавал, прочно укоренялось в его сознании. За спиной оставались детские годы, тяжелая деревенская работа, волостная школа. Неудовлетворенность узким хуторским миром, вера во что-то новое, что еще предстояло встретить и осознать, придавали силы. Он прибавил шагу. Озеро Дурбе уже не виднелось вдали...

Перед ним предстал чужой, неизвестный мир, где полагаться он мог только на себя, на свои силы.

«НА ТЕХ ДЕРЕВЯННЫХ СКОРЛУПКАХ ЖЕЛЕЗНЫЕ ПЛАВАЮТ ЛЮДИ»[2]

Первый морской журнал в России, выходивший с 1800 года под названием «Морские записки, или Собрание всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов, издаваемых учрежденным при Государственной Адмиралтейской Коллегии Комитетом», сообщал: «Всем российским и чужестранным мореплавателям известно, как много по всему Балтийскому морю насеяно низких и голых островков, подводных камней, рифов и мелей, делающих плавание по оному столь трудным, что и самый искусный и остроумный мореходец при крепких ветрах, в туманные и пасмурные погоды, а паче во время осенних долгих и темных ночей не может надеяться на безопасность своего пути, поелику принужден бывает избирать оный наудачу и часто, избегая от одной опасности, попадает в другую».

Да, Балтийское море сурово, а за ним — другие моря, не менее грозные и опасные, впереди трудный путь.

Карл Янсон стал искать работу в Лиепайском (Либавском) порту.

[1] Библиотека им. В. И. Ленина. Отд. рукописей, ф. 369. Бонч-Бруевич, карт. 20, д. 1.

[2] Из старинной морской песни. (Все подстрочные примечания даны автором.)

В самом городе устроиться тогда было трудно. Подкрадывался экономический кризис 1900—1903 годов. Но в мореходном деле, в морской торговле на Балтике до кризиса было еще далеко.

По всему латвийскому побережью Балтики состоятельные предприниматели строили довольно быстроходные и вместительные шхуны, способные достичь далеких берегов и почти всегда в те годы находившие фрахт. Парусникам давались самые различные названия, начиная от собственных имен («Альберт», «Гейнрих Эмма») и кончая патриотическими («Родина»). Шкиперами на парусники нанимались русские и немцы, латыши и эстонцы, шведы и финны. Из толпы на пирсе отбирали на корабли самых сильных и старались угадать самых смирных...

Карл Янсон нанялся юнгой на небольшое судно, которое вот-вот выйдет в море. Он подписал контракт, где было указано его жалованье — 8 рублей в месяц. Штурману хозяин платил 36 рублей, боцману — 20 рублей, несколько матросов были оценены в 12—15 рублей, и только мальчишке-поваренку назначили еще меньше — 7 рублей в месяц. От экипажа требовалось полное повиновение, обязательное выполнение рейса, срок же найма ограничивался шестью — восьмью месяцами. В случае вынужденной зимовки корабля вдали от Лиепаи оплата по контракту срезалась наполовину...

Казалось бы, где еще человек может быть свободнее, чем в море? Однако на поверку выходило, что на одной палубе с тобой отправляются в путь все земные тяготы. Контракт обязывал каждого, кто его подписывал, «от должности не отрекаться ни днем, ни ночью». Если же «учинится вред или ущерб, то удовлетворит из его платы сполна сам виновный». Со ссылкой на «Законы о купеческом водоходстве» в контракте подробно излагалась крутая система штрафов. Вахту проспал — 1 рубль, просрочил время увольнения — 50 копеек за час, за невыполнение приказа — 5 рублей и т. д. и т. п.

В 1900 году, например, с судна «Когеа» бежали моряки, русские и латыши: Степан Григорьев, Юрис Штейнберг, Андрей Круминь. Бежали в Антверпене. В том же порту с парохода «Malaga» бежал матрос Роберт Кенке. В Ньюкасле, в Англии, покинули русское судно «Европа» два матроса — Василий Рогацкий и Эдуард Тим. Они тут же нанялись на английское судно, отправлявшееся в Южную Африку.

Да, не от хорошей жизни бежали моряки, бежали куда глаза глядят. Царское правительство вело настойчивую борьбу с «дезертирством», но без особого успеха. Помимо всего прочего эту борьбу затрудняло явное и тайное маклерство почти в каждом заграничном порту. Взамен одной каторги рекламировалась другая.

«Дезертиры», как правило, попадали в руки так называемых кримпов. «Кримпы» в Англии, например, создали целую сеть со-

держателей матросских притонов, систему самого грязного маклерства, предназначенную для сманивания иностранных матросов. И хотя нередко бежавшие с российских кораблей матросы сразу же получали благодаря «кримнам» бо́льшую плату, тем не менее, как уже говорилось, одна каторга сменялась другой, столь же мучительной. Иной раз беглецы оказывались на корабле почище пиратского...

Что же ожидало юнгу Карла Янсона в этом мире, исполненном вольнолюбия и несправедливости, надежд и опасностей?

О жизни юнги, а позднее и полноправного матроса Карла Янсона нам известно очень мало. Вначале он плавал на парусниках, очевидно, большое физическое напряжение сделало его на всю жизнь пружинистым, мускулистым, сильным. Все, кто знал Карла Янсона, впоследствии отмечали его отличные физические данные, могучие руки и плечи, что не раз сослужило добрую службу в его сложной, не дававшей поблажек жизни.

Ходил он не только на Балтике. Однажды они добрались даже до Бомбея.

В Западной Европе Карлу чаще всего доводилось заходить в Лондон. Судно долго тянулось по Темзе. Город смотрел на реку окнами темных, старых зданий. Плыли мимо холодильника, больших пакгаузов, пока не добирались до Вест-Индских доков, удаленных от центра, где бросали якоря сотни судов со всего света. Здесь корабль выгружал лес, зерно, затем грузили английские товары — паровые машины, плуги, соду, консервы.

Однажды, когда по приходе в Лондон основные работы были выполнены, капитан отпустил Карла на берег на два дня. Карл решил повидать Фрициса Розиня. Тот жил милях в сорока северо-восточнее Лондона — в небольшом городке Молдоне. Но за два дня можно было обернуться. В Молдоне тогда обосновались латыши — революционные эмигранты во главе с Розинем. Там Карлу показалось, что он понял, почему земляки поселились именно здесь. Окрестности Молдона напоминали Латвию, точнее, даже Курземе. Такие же просторы, небольшие холмы и много зелени — деревья и поля. Ветер приносил запахи моря, можно было увидеть воды залива Блэк-уотер. Конечно, на самом деле причина была иной: эмигрантская группа Розиня присоединилась в Молдоне к колонии толстовцев, которые печатали здесь запрещенные в России сочинения графа Льва Толстого. Присоединилась, естественно, в том смысле, что печатали в одной типографии с толстовцами латышский социал-демократический ежемесячник «Латвиешу страдниекс» («Латышский рабочий»).

Розинь жадно расспрашивал Карла о событиях на родине — о состоянии дел в Каугари, о забастовках в Лиепае и Риге. Розинь не скрыл своей озабоченности «латышскими делами» в Молдоне, где от былого согласия среди эмигрантов не осталось и следа.

Он разошелся тогда во взглядах с Ролавом и Весманом. Розинь сказал, что предполагает перебраться на континент, чтобы издавать там журнал в революционном духе, в духе «Искры». Об «Искре» Карл услышал впервые. Они попрощались, и Карл Янсон спрятал под блузу за ремень несколько тонких, напечатанных убористым шрифтом экземпляров «Латвиешу страдниекс».

— Кажис, а ведь за такие гостинцы недолго и за решетку угодить!

Но Карл Янсон в ответ лишь хитро подмигнул: я свое дело, мол, знаю.

С этого времени за Карлом кроме домашнего имени Кажис закрепилась подпольная кличка Моряк.

Обратно в Вест-Индские доки Карл добирался через центр Лондона. По Стрэнду и Флит-стрит прогуливались с тросточками лондонские денди, о которых говорили, что они в самую промозглую зиму щеголяют без пальто и носят тонкое белье. Уайтчепел дымил своими черными трубами, застилая дымом все небо. У входа в доки в одной лавчонке Карл купил синюю матросскую фуражку с лакированным козырьком, какие носили тогда моряки многих стран, особенно Скандинавии и Центральной Европы. Она походила на капитанскую...

Затем он забрел в замызганную пивную («паб»), где несколько матросов кричали на разных языках так, что казалось, пирует целая команда. Пища в таких «пабах» была прескверная, и Карл попросил лишь несколько кружек пива. Пиво оказалось отменное. Он словно очутился дома на хуторе... Где-то был теперь его дом? На хутор он почти не заглядывал: корабль, берег, Либава... Карл отгонял мысли о доме, но они вновь возвращались...

Фрицис Розинь вскоре действительно перебрался в континентальную Европу: раскол молдонской группы оказался фактом. Он приступил к изданию латышского марксистского журнала «Социалдемократс». Розинь и Карл снова отыскали друг друга. Разумеется, следовало соблюдать строгую конспирацию. Моряку обычно сопутствовала удача — он благополучно доставлял революционную литературу в Латвию. Но бывали и трудные, опасные моменты.

Вот что значительно позднее об этом писал сам Карл Янсон: «Был арестован на пароходе как матрос за кощунство над богом и царем, и по решению суда ряд месяцев держали меня в лиепайской тюрьме. В 1903 году, продолжая плавать, установил связь с «Азисом» (Розинь), от которого через Фреймана в Берлине брал латышскую и русскую социал-демократическую литературу для транспортировки ее в царскую Россию, в Латвию». В другой автобиографии он рассказывает об этом несколько подробнее: «В 1901 году был арестован на корабле в Либаве в связи с пропагандой учения Дарвина и был приговорен к 6-месячному тюрем-

ному заключенню. После освобождения опять поступил на корабль дальнего плавания и в 1903 году за границей установил связь с заграничным издательством Латышской социал-демократической рабочей партии и начал перевозить революционно-марксистскую литературу в Либаву и Ригу».

По этому поводу сестра Карла Янсона Анна рассказывала: «Насколько мне помнится, он сидел в Лиепае под следствием за перевозку литературы. Я именно от него получила эту заграничную литературу. Он занимался этим длительное время. Тем более что он имел много товарищей в Лиепае, и они немало ему помогали в этом деле».

Вот, пожалуй, и все, что мы знаем об этом аресте; даже его дата осталась неуточненной. Сам Карл Янсон спутал годы этого происшествия в своей жизни. Мы нашли три записи, сделанные рукой Карла Янсона, и в каждой из них указан другой год ареста — 1900, 1901, 1902-й. Откуда такой разнобой? Впервые, судя по имеющимся материалам, ему пришлось об этом писать почти через четверть века; вероятно, подвела память, тем более что проверить свои данные ему было трудно: никакого «досье» подпольщик иметь не мог.

Все бы стало на свое место, если бы удалось найти судебное дело Карла Янсона. Однако его пока не нашли ни в Латвии, ни в Литве (Лиепая одно время входила в Виленский судебный округ), ни в Ленинграде, ни в архивах Москвы.

Все эти события, так круто изменившие жизнь молодого Карла Янсона, пришлись уже на ту пору, когда он начал учиться, чтобы профессионально овладеть морским делом, стать моряком высокого класса.

Либавская трехклассная мореходная школа, как она стала называться с 1904 года, без преувеличения говоря, была одной из лучших в России. В 1903 году по числу сдавших экзамены воспитанников Либавская среди 17 подобных школ занимала пятое место в России. Из Либавской школы обычно выходили дипломированные судоводители, плавевшие на паровых судах, на парусниках помощниками капитанов, штурманами.

Придя в Либавскую мореходную школу, Карл Янсон быстро свыкся с обстановкой, с группой, в которой начал учиться.

Учение Карлу Янсону давалось нелегко. Главным было плавание, а в школу он попадал большей частью в зимние месяцы, когда навигация несколько стихала. Весной и ранней осенью занятия приходилось пропускать. Если удавалось найти нужную книгу, разыскать учебник, он брал их с собой в плавание, учась схватывать на лету. Максимум усилий приложил к занятиям зимой 1903/04 года, надеясь выдержать экзамены.

Во главе школы стоял человек, присутствие которого все постоянно чувствовали, и самую школу в те годы невозможно было

представить без него. Это был Кристиан Кристианович Даль. Он пришел в Либавскую школу в 1893 году и начальником ее был до самой своей смерти. Человек в летах — ему шел седьмой десяток, он давно выслужил пенсию, являлся кавалером двух орденов св. Станислава и одного — св. Анны. В указах Сената имя Даля фигурировало не раз по поводу производства в чины. Присвоенным ему чином статского советника он особенно гордился.

По происхождению швед, сын капитана, жившего в Таллине, Кристиан Даль все свое рвение употребил на развитие мореходства в России. Мальчиком, 14 лет от роду, он отправился в море и уже в 18 лет сдал в Риге экзамен на звание капитана. Он плавал вначале штурманом, затем капитаном, а с середины 60-х годов руководил частным мореходным училищем в Айнажи. Ему принадлежит книга «Описание двух экспедиций в реку Обь...», проведенных в 1876 и 1877 годах под его руководством на пароходе «Луиза», который он привел в Тобольск из Любека и матросами на котором были учащиеся Айнажского училища. Известный русский астроном Ф. А. Бредихин в своем предисловии к книге упомянул «о достоинствах астрономических наблюдений г. Даля», особо подчеркнув, «что поручение, возложенное на Даля, было им исполнено совершенно добросовестно и усердно, и можно пожалеть только, что г. Даль не был снабжен лучшими инструментальными приборами», не преминув добавить, что погрешности Даля в связи со сказанным «мало заметны».

В своей книге-отчете Даль не мог скрыть некоторые «диссонансы», замеченные им на севере и в глубине Сибири. Он встретил там, например, поляка, сосланного «за политическое преступление». Видел остяков и самоедов, которые топили свое горе в водке. «Очень жаль,— писал Даль,— что эти племена, которые при более благоприятных условиях могли быть весьма полезными, находятся, кажется, на пути к совершенному исчезновению». Он убедился в ужасающем казнокрадстве сибирских купцов...

У Даля тогда, думается, возникали мысли, которые заставили бы содрогнуться большинство российских чиновников, но он в своем печатном отчете изложил все в приглаженном виде, а кое-что упрятал под юмором...

Карл Янсон залпом прочитал сочинение Кристиана Даля и уловил в нем демократичность (пусть и не революционность!), умение наблюдать, стремление понять жизнь, чувство высокого долга перед отечеством. Карл Янсон потом не раз вспомнит эту книгу и самого Кристиана Даля, статного старика с белой окладистой бородой, умными и проницательными глазами. Вспомнит, как тот выглядел в парадном фраке со звездами в петлицах.

Кристиан Даль умер в конце лета 1904 года, заслужив славу первого в Латвии основателя и руководителя морской школы.

Даль был не только хорошим моряком, но и умелым админист-

ратором. Чтобы поставить на ноги Либавскую мореходную школу, он писал реляции в Петербург, выпрашивал хотя бы ничтожное пособие у городской думы и купцов Либавы, радел о ремонте школы, заказывал в Англии «звездный глобус с меридианом, часовым кругом и квадрантом для измерения высоты и азимута светил», «Navisazimut капитана Глерупа» и прочие приборы и пособия. Многие его планы рухнули — Петербург, купцы и дума не очень-то были склонны раскошеливаться, и никакие самые здравые доводы тут помочь не могли. Однако в результате всех усилий школа все же оказалась хорошо оборудованной.

Успешно закончив Либавскую мореходную школу, Карл Янсон, обычно по-латышски сдержанный, испытывал беспредельную, невыразимую радость. На 23-м году жизни он выстрадал — тяжелым моряцким трудом, исступленным порывом к знаниям — диплом капитана дальнего плавания российского флота! И было чему радоваться: пять лет тому назад вступил на корабль как юнга, а сегодня имел право подняться на капитанский мостик. Да и выглядел он к этому времени уже по-мужски. Хорошо сложенный, с плотными от мускулов плечами, рослый. Американцы любят все переводить на фунты и меры длины. Они скажут позже о нем, как о красивом мужчине «под шесть футов ростом», то есть около 180 сантиметров. Но Карл и не подозревал тогда, что не пройдет и нескольких лет, как его лишат этого диплома. На то будет специальное постановление правительственных органов царской России...

А тем временем перед Карлом как профессиональным моряком открылась широкая дорога. Человеку в таком положении будущее обычно рисуется в радужных тонах. Однако этого, несомненно, одаренного моряка обуревали совсем другие чувства. Да, он попрежнему любит море, суровый и почетный труд моряка, борьбу с коварной стихией... Но столько несправедливости вокруг, столько страданий и унижений! В такие минуты мучительных размышлений перед его глазами вставали сотни метавшихся по Курземе батраков, которые искали работы, особенно в ненастные осенние дни, когда урожай был уже собран и крепкие мужицкие руки становились лишними. Он не мог оставаться счастливым среди моря бедствий и мук своего народа... Тем более что он уже начал понимать, как бороться против общего зла — царского самодержавия, сознавать, что настоящий путь в жизни еще не найден. Мир лишил Карла Янсона покоя, и он стремится найти заветный путь, чтобы этот мир обрел наконец покой...

Карла Янсона с Фрицисом Розинем связывала давняя дружба. Он сближается и с елгавским рабочим, членом партии с 1898 года, одним из основателей Латвийской социал-демократической рабочей партии Яном Ленцманом (Кенцисом). В Лиепае судьба его свела с Янисом Лутером (Бобисом), который к этому времени уже вел жизнь партийца-подпольщика. В 1903 году вернулся в Латвию

из ссылки и жил поначалу в Либаве его старший брат Янис Янсон (Браун). Все они и некоторые другие революционеры оказали огромное влияние на Карла.

В 1904 году Карл Янсон вступает в ЛСДРП, в ее Лиепайскую организацию. Ему посчастливилось: он оказался в одной из самых боевых организаций — Латвийской социал-демократической рабочей партии.

Теперь Карл Янсон все свои знания, опыт, умение отдает партии, ее великому делу. Присущие ему смелость и решительность подкрепляются опытом всей организации, замыслами, выношенными вместе с товарищами, чувством партийной ответственности. Он умело использует для общего дела свой высокий морской ранг, плавая помощником капитана на рейсах в Западную Европу. Он входит в зону еще большего риска...

Шла опасная, труднейшая борьба с царской жандармерией, ее агентурой, которые все больше ожесточались. И не мудрено: в латвийские порты ввозились марксистская литература, оружие в саквояжах, в чемоданах с двойным дном...

В промежутках между рейсами Карл Янсон жил в Либаве на Пальмовой улице в одной квартире с братом Янисом и сестрой Анной. Они снимали там две небольшие комнаты с отдельным входом. Опытному Бобису эта квартира очень понравилась, и он быстро, при содействии жильцов, превратил ее в одну из точек партийной сети: здесь хранили нелегальную литературу, печатали листовки на гектографе, здесь переодевались и гримировались подпольщики (приходилось делать и такое!). Все нелегальные грузы, которые Карлу Янсону удавалось провезти в очередном рейсе, доставлялись на эту квартиру, пока она была вне подозрений.

По сведениям Лутера, Карл Янсон держал в Либаве на Сиротской улице — параллельно Пальмовой улице — главный склад партийной литературы, прокламаций. Об этом складе знали только они двое.

Тогда с Карлом Янсоном снова чуть было не приключилась неприятная история. Он выносил оружие с парохода в Либаве или Риге, рассовав револьверы по карманам и даже за пояс брюк, сошел уже было по трапу, но вдруг его задержали полицейские, хотевшие обыскать. Карл Янсон прикрикнул на них по-английски: «Go away!» («Прочь!»), и те, решив, что имеют дело с иностранцем, не стали с ним связываться, отпустили его. Карла выручил английский язык, которым он овладел в морской школе[1].

Этот случай насторожил Карла Янсона. Насторожил... Ибо вполне возможно, что теперь за ним установлена слежка. Но революция приближалась. И поэтому меньше всего приходилось думать о себе.

---

[1] По рассказу Эдуарда Робежниека.

КАПИТАН В МАТРОССКОЙ ФУРАЖКЕ

На судне, где Карл Янсон стал плавать помощником капитана, его авторитет быстро укрепился. Матросы видели в нем своего человека и верили, когда он им говорил, казалось, совсем странные вещи, пусть и иносказательно, как бы намеками... Некоторые из матросов стали помогать ему в «необычных делах». Позже в автобиографии Карл Янсон напишет: «На корабле я организовал революционную группу моряков и доставил в Либаву несколько больших транспортов революционной литературы и оружия».

Но опасности, все умножающиеся опасности, постоянно преследовали Карла Янсона и его новых друзей и на борту судна, и на берегу.

В начале 1905 года (по другим сведениям, в 1904 году) снова возникло, как написал впоследствии сам Карл Янсон, «осложнение в связи с доставкой одного транспорта». На корабле обнаружили нелегально перевозимое оружие, а так как Карл Янсон был помощником капитана, то с него и первый спрос. Были и прямые улики. Тучи сгущались...

После прибытия в порт помощник капитана неожиданно ушел в город, не без основания полагая, что его разыскивают. Шли часы. Ячейка подпольщиков решала судьбу помощника капитана.

После споров, анализа всех «за» и «против» возвращения на корабль решение было принято. Возвращение означало скорее всего арест, судебную расправу; организация теряла ценного человека. Карл Янсон не может вернуться на корабль. Отныне он переходит на нелегальное положение... Он выслушал это решение товарищей молча.

На официальном языке морских властей помощник капитана Карл Янсон стал «дезертиром», «опозорил честь русского флота».

Что творилось тогда в душе Карла Янсона — профессионального моряка, можно догадаться. Ведь не случайно он в своих служебных и партийных анкетах писал упрямо и неизменно: «Был моряком с 1899 по 1910 год». В то же время он понимал, что в попытках совместить морскую службу и служение революции он потерпел крушение. Однако, оставляя корабль, он, вероятно, думал, что каким-то образом станет снова моряком. Он надел ту матросскую синюю фуражку, которую однажды купил в Вест-Индских доках Лондона. Она пахла соленым ветром... По ночам Карла Янсона мучило море, море крушило берега, неистово кричали чайки, так кричали, что он их слышал, даже проснувшись. Товарищи, словно бы в компенсацию за то, чем пожертвовал ради общего дела Карл Янсон, дают ему подпольную кличку Каптейнис (Капитан)...

После Кровавого воскресенья в Петербурге 9 января 1905 года и расстрела демонстрации 13 января в Риге волны революции захлестнули и Латвию. В городах забастовки, на селе борьба против немецких помещиков.

Из казарм выводили на улицу солдат в полной боевой готовности, появились вооруженные контрреволюционные отряды, организованные немецкими баронами. В ответ революционеры создают городские группы боевиков, в лесах Курземе и Видземе собираются и действуют бесстрашные партизаны — «лесные братья». Они были грозой контрреволюции. Бароны устраивали на них облавы. Но крестьяне помогали им, скрывали их, снабжали продовольствием, теплой одеждой и т. д.

Ход революции 1905—1907 годов в Латвии изложен уже во многих книгах, поэтому ограничимся здесь широко известным высказыванием В. И. Ленина: «Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее видных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя»[1].

О своих делах в революции Капитан собственной рукой написал следующее: «В 1905 г. работаю в Лиепайской организации Латвийской С.-Д., принимаю участие в транспортных делах, делах боевиков и т. д.» (15 июля 1932 года). «В начале 1905 года... пошел на подпольную партработу, преимущественно по выполнению заданий «боевиков», т. е. конфискация оружия, изгнание священников из церквей, порча телеграфа, железных дорог, мостов и т. д.» (8 октября 1933 года). Наконец: «Принимал участие в поджогах имений» (черновик автобиографии от 1933 года).

Итак, Капитан стал боевиком, был в рядах «лесных братьев». Он сдружился с Лутером и его друзьями, которые поистине не знали страха в те кровавые и тяжелые дни. Сестра Капитана Анна писала: «Оба — хладнокровные, смелые. Они вместе организовали сельскохозяйственных рабочих в Дурбе, Дуналке и в других местах». «В марте (1905 года.— *В. Ш.*),— вспоминал Ян Лутер,— мы решили провести митинг у Циравской церкви недалеко от Дуналки. Если я не ошибаюсь, то это был один из первых митингов на селе в Курземе, когда мы использовали церковь. В субботу вечером Зимулиньш, Каптейнис (брат Янсона-Брауна) и я снова появились в Дуналке. Каптейнис прямо поехал в отцовский дом, чтобы оттуда послать батраков и членов организации в Циравскую церковь». Все события развернулись в воскресенье. Были выставлены патрули, перерезаны провода, началось массовое собрание тут же у самой церкви. Собравшиеся кричали «Долой самодержавие!». Попытки барона Сиверса и царских солдат захватить зачинщиков не удались. Позже Сиверс сам был убит.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 305.

В последние месяцы 1905 года революционная борьба в Курземе обострилась. Кровавые столкновения в Айзпуте, вошедшие в историю Латвии под именем Айзпутской битвы, явились кульминацией революционного подъема в Курземе. В эти дни Лутер, Дарзниекс, Капитан и другие члены Лиепайского комитета постоянно находились в лесах, помогая организовывать и укреплять отряды «лесных братьев».

Врагам сопротивлялась почти вся Латвия. Однако силы были неравными. Оправившись от смятения, местное дворянство при поддержке царского правительства начало поспешно стягивать силы для подавления революции. В Прибалтике было объявлено военное положение. Прибывали отряды оголтелых карателей, которые рассылались по всей Латвии. В этих условиях приходилось думать о спасении людей от расправы. Капитан о своей деятельности в этот период писал: «Во время наступления орловской армии и подавления революции преимущественно занимался отправкой скомпрометированных товарищей за границу» (черновик автобиографии от 1933 года).

«Еще осенью Бобис и Каптейнис,— вспоминает Анна Янсон,— а также другие наши товарищи совершали налеты на волостные управления, захватывая там бланки чистых паспортов и печати. Теперь все это пригодилось, когда в массовом порядке пришлось организовывать переправу людей по подложным документам в центральную часть России и за границу. Это было довольно сложное дело...». Тогда были изготовлены паспорта Карлу Бегге, Маде Фридрихсон и другим.

Карательные операции ужесточались. «Судили»: обычно расстреливали и вешали. Бросали в тюрьмы. Революционеры и сочувствовавшие им погибали тысячами.

Ф. Розинь, который в начале революции вернулся в Латвию, долго был на волоске от ареста, и вскоре его действительно схватили и сослали на каторгу.

Несчастье не обошло и большую семью Янсонов. Эмигрировал за границу Янис Янсон-Браун. За участие в Айзпутской битве арестовали Кристапа Робежниека — мужа Карлины, сестры Капитана. Кристапа привезли в Раву, затем под конвоем переправили в Айзпуте, где продержали до мая 1906 года, а потом доставили в Либаву. Военный суд приговорил его к каторге с лишением всех прав и оставлением на поселении в Сибири.

Усиленно разыскивали Андрея Янсона. Во время подъема революции его избрали председателем Равского волостного распорядительного комитета, и он принял это как ответственное поручение народа. Но вот в уезде появились первые каратели, они двинулись и на Раву. Андрей Янсон из волости исчез. Бобис и Капитан изготовили ему надежные документы на имя Яншевского. Это имя он и носил до конца жизни (умер в Сибири в 1934 году).

Департамент полиции объявил срочный розыск Андрея Янсона. Следует оговориться, что он даже не состоял в партии. Его великим преступлением в глазах царского суда было участие в «противозаконных действиях». Подобных «преступников» были, разумеется, тысячи. Андрей Янсон в одном из списков разыскиваемых лиц числился за номером 4840...

Последовал новый удар: арестован Бобис!

Лутера-Бобиса сразу же препроводили в управление тайной полиции в Риге, и он попал в лапы «специалистов» по допросам — Грегуса и Давуса. Хотя Бобис на этот раз скрывался под именем А. Карлсона, оба палача поняли, что в их руках «важная птица». Грегус со знанием дел принялся за очередную жертву. Два дня изощренных истязаний...

Грегусу положительно не везло с этим Карлсоном. Утром 17 января, когда Рига еще тонула в сумраке и шел густой мокрый снег, в управление тайной полиции вошли четверо неизвестных. Они открыли огонь по страже. Грохот, паника... Бобис и другие товарищи оказались на свободе. Неизвестные — это дерзкие рижские боевики: Е. Дубельштейн (Епис), Г. Элиас (Страуме), Я. Чокке (Брашайс) и Хр. Салнинь (Гришка)...

Законопослушные петербургские газеты негодовали: столько войск послано в Прибалтику, а смутьяны безнаказанно делают, что хотят! Излагая подробности нападения на управление полиции в Риге, газеты требовали новых кровопролитий...

Когда царю Николаю II попалось на глаза донесение о налете «злоумышленников» на «сыскное отделение», он внимательно его прочитал и подчеркнул слова: «полицейские чины разбежались»...

В круговерти описываемых событий Капитан продолжал делать свое дело. Он укрывался в районе Либавы. Здесь боевики и «лесные братья» продолжали отчаянную борьбу с карателями. Капитан выправлял документы на тех, кто оставлял Латвию.

Никаких документов Капитан не собирался доставать только для себя. По морскому закону капитан покидает корабль последним...

Чтобы не стать легкой добычей лютовавших в Латвии карателей, часть членов партии, в том числе и некоторые боевики, теми или иными путями покидали на время родные края. Ускользали в Петербург, в Финляндию, а по мере необходимости и за границу. Следовало сохранять силы для новых революционных боев. Такова была тактика большевиков: отступать там, где перевес контрреволюции очевиден, и наступать там, где враг слабее, откуда менее всего ждет удара.

Финляндия была удобна для побега своей близостью от Прибалтики, куда относительно легко при первой необходимости возвратиться. Из Финляндии в случае надобности нетрудно и перебраться за границу. На это обратил внимание В. И. Ленин, когда

накануне IV съезда РСДРП он писал в ЦК в Россию: «Некоторые из вас могут приехать вполне легально... Другие достанут чужие паспорта или проедут (Дельта[1] говорит, что переезды легко устраивают финляндцы) без паспорта»[2].

В Финляндии помимо всего прочего действовала Боевая техническая группа (БТГ) при ЦК РСДРП, в функции которой входило изготовление боеприпасов, ввоз оружия в Россию, хранение и доставка «потребителям».

В январе — феврале 1906 года в Гельсингфорсе собралось немало латышских боевиков. Н. Е. Буренин, один из членов БТГ, встретившись со многими из них, был просто восхищен. «Все это были совсем молодые люди,— вспоминал он,— но они поражали своим огромным революционным энтузиазмом, боевым опытом, выдержкой и дисциплинированностью. Почти все они прошли школу партизанской борьбы в отрядах боевых дружин и «лесных братьев». Революционеры из Латвии «значительно пополнили силы Боевой технической группы при ЦК РСДРП. Их опыт и революционная закалка оказались очень ценными для нашей работы. Через Бобиса, Еписа, Фрица Булле и Тришку-Салниня Боевая группа непосредственно осуществляла связь с Прибалтийским краем»[3].

В Гельсингфорсе вскоре появились и другие известные боевики — Карл Янсон, Христиан Трейман, Петер Салин, три брата Чокке — Карл, Густав и Ян (Брашайс). Все они догадывались, что готовится что-то важное. И действительно, был разработан невероятный по смелости план и обсужден в Боевой технической группе ЦК РСДРП. Начал он осуществляться по заданию ЦК СДЛК.

«ОТЧАЯННЫЕ ПАРНИ»

Революции нужны были деньги. На оружие и боеприпасы...

Построенное еще в прошлом веке, солидное трехэтажное здание банка с ажурными балкончиками находилось в самом центре города. По соседству весь день шумел оживленный рынок, куда медлительные жители пригородов и ближних островов привозили продукты, живность, шкуры. Всего сотни три шагов было до казарм, где дежурному офицеру вменялось в обязанность опекать и банк. Из банка в дни революционных событий в казармы подвели специальную сигнализацию.

---

[1] Дельта — Е. Д. Стасова.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 83.

[3] *Буренин Н. Е.* Бобис в Финляндии.— В кн.: Янис Лутер-Бобис. Страницы жизни революционера-подпольщика. Сборник статей и воспоминаний. Рига, 1962, с. 290, 291.

Правда, в этой части России во время революции не в пример Прибалтике, Кавказу было сравнительно тихо. Во всяком случае, банки и кассы нападениям не подвергались, и это, полагали революционеры, могло усыпить бдительность властей. Конечно же основной задачей было сохранение подготовки операции в глубокой тайне, главное — застать врасплох. Однако оказалось, что с какого-то момента внезапность исчезла. И трагизм ситуации усиливался тем, что ни организаторы операции, ни ее участники этого не знали. Парадоксально, что в неведении оставались и в самом банке. (История раскрытия этой тайны стала известна лишь спустя 30 лет, и о ней впервые, кажется, поведал финский автор Эйно Парманен в «Книге борьбы», который, к своему удивлению, нашел свидетельства поистине поразительные.)

Государственная машина российского самодержавия, которая, как и положено машине, и знать не хотела о нуждах народа, затрачивала массу времени и средств для выработки самых кощунственных и изощренных методов борьбы с народом. Мирное шествие к Зимнему дворцу 9 января было встречено царем-батюшкой огнем и свинцом... В ответ на решительные требования покончить с несправедливостями и немецким засильем в Прибалтике царизм отправил туда карателей. Когда же в России участились случаи изъятия революционерами из банков и касс денег, фактически отнятых самодержавием у народа, царские провокаторы решили не только свести на нет усилия борцов за свободу, но и изыскать новые поводы для «наведения порядка» в губерниях.

...Товарищ министра внутренних дел России генерал Курлов, поднаторевший в подобных делах, как-то пригласил к себе дворцового коменданта генерала фон Лауница. Курлов был в превосходном расположении духа. Такого случая в другой раз не будет! Пусть эти господа революционеры ворвутся в гельсингфорсский банк. Мешать им отнюдь не станем, наоборот — готовы помочь! Разумеется, до определенного момента. Нападение на банк в главном городе Финляндии призвано еще раз засвидетельствовать, как плохо управляется финским сеймом эта часть России, появится веский аргумент против конституции Финляндии (бельмо на глазу самодержавного государства!). И даже скептики при дворе вынуждены будут согласиться — пора приняться за финнов. Курлов полагал, что, хотя латыши — эта ударная сила тайного плана революционной партии — по своей природе «упрямы и в таких делах наиболее компетентны», тем не менее удастся сделать так, чтобы ограбление прошло по «плану Петербурга». Главное в этом плане не допустить, чтобы деньги на самом деле ушли в кассу революционеров; «бандитов» переловить; наконец, поднять «общественное мнение» по поводу отсутствия безопасности для граждан России и их собственности в Финляндии...

Охранка действительно действовала умело — в число участников операции были внедрены ее агенты — Трейтман и Ратсеп, сотрудники департамента полиции. Непосредственно за осуществление плана охранки в Гельсингфорсе отвечал некий Медников; агентов он принимал каждого в отдельности (те друг друга не знали) и методически твердил им об их задачах, и главная — помешать захвату и выносу денег из банка. При «беседах» присутствовал Вальдбург — еще один ответственный сотрудник департамента полиции. Чтобы освоиться на месте, Трейтман несколько раз выезжал в Гельсингфорс, изучал обстановку в банке и вблизи здания, сближался с «товарищами по операции». Карл Луодо — еще одно лицо в этом провокационном заговоре — был фактически начальником штаба операции охранки. Он тщательно изучал план банковских помещений, продумал время начала операции, надеясь избранный им час навязать другой стороне через столь удачно внедренных агентов.

Накануне самих событий Трейтман получил в Петербурге несколько новых револьверов, взрывчатку; стоило только насыпать ее в замок и поджечь фитилек, и никакой сейф не устоит. Бах — и все. Латыши этот вариант, правда, отвергли — они намеревались в банке все проделать без излишнего шума и грома...

Наконец, Медников и Вальдбург сами с группой филеров отправились в Гельсингфорс. Филеры предназначались для Трейтмана и Ратсепа — те могли в последний момент сглупить, испугаться, шарахнуться в кусты. В Гельсингфорсе Вальдбург совещается с Луодо и уезжает в Петербург. Так лучше, думал Вальдбург, оставляя Финляндию,— при неудаче можно будет все свалить на Медникова, который остался на месте с восьмью филерами...

А Медников и Луодо волновались не на шутку. Они никак не могли установить день и час начала операции — никоим образом из латышей нельзя было вытащить сведения об этом. Далеко не все они и сами его знали. По-прежнему оставалась и опасность разоблачения Трейтмана и Ратсепа — двух лучших агентов, которые работали так успешно. Однако латыши так и не сорвали маску с «помощников». В этом поединке стороны не были равны, в тактическом отношении охранка явно сохраняла преимущество, но и ее игра еще не была сделана. Создалась крайне запутанная ситуация...

26 февраля 1906 года младший помощник гельсингфорсского полицмейстера лейтенант Бруно Яландер, как обычно, прогуливался по Эспланаде. Ничто не предвещало каких-то событий. В понедельник на рынке людей было мало. По пути у памятника Рунебергу встретил Карла Луодо, рядом с ним стояли несколько человек, они перебрасывались фразами. Яландер не был посвящен в истинную роль Луодо и знал только, что это важный полицейский чин

из Петербурга. Чуть позже Яландер встретил девицу Зиллиакус. Она служила в Объединенном банке.

Пока лейтенант удалялся от рынка, за ним наблюдали. «Если бы я задержался у банка...» — думал впоследствии бравый лейтенант. Но в том-то и дело — пунктуальность и исполнительность лейтенанта подвели его; нападавшие знали, что Яландер только через час снова вернется к рынку.

...В банке в понедельник клиентов, как обычно, было мало. Девица Эльза Зиллиакус, отмечалось впоследствии в полицейском протоколе, собиралась обменять на марки 8500 рублей. Правда, вслед за ней вошли какие-то молодые люди, которые говорили по-немецки и по-русски. На вопрос привратника Баладина они ответили, что будут менять деньги и ждут своих товарищей. Они никуда не торопились и спокойно ожидали остальных. Когда их набралось человек десять, Баладин вдруг заметил, что несколько молодых людей остались у дверей, и понял, нет, вернее, почувствовал — грозит опасность...

Но в этот момент в банке все перевернулось вверх дном. «Именем Российского революционного комитета — руки вверх!» Голос Яниса Лутера был решителен. Это был приказ. Для убедительности поднялся десяток револьверов, давая ясно понять, что тут не спектакль. Взметнулись к потолку руки чиновников. Девица Зиллиакус уронила на пол свою кружевную сумку... Лишь отчаянный Баладин бросился к ближайшей двери — за ней висела сабля. Однако он не успел что-либо сделать: раздался выстрел, и Баладин соскользнул на пол.

Ни это убийство, ни выстрел не входили в планы боевой группы. Капитан почти закричал на Трейтмана: «Разве не знаешь приказа?» — «А тебе жалко этих гадов? Всех их перестрелять надо!» — парировал Трейтман; у него дрожали руки и выступила испарина на лбу.

К счастью, особого внимания на выстрел никто на улице не обратил. Разве только Карл Луодо, который внешне безучастно попрежнему беседовал со своими друзьями на Эспланаде неподалеку от банка. Но этот выстрел лишь успокоил Луодо: все происходит по сценарию Петербурга, сейчас сюда примчатся из казармы солдаты и все эти большевики окажутся у нас в мешке. (Было задумано, что Трейтман в банковской суматохе доберется до сигнальной кнопки и незаметно нажмет ее — в казарме поднимется тревога. Трейтману это удалось.)

Всех чиновников, второго привратника, девицу Зиллиакус загнали в самую последнюю комнату, окна которой выходили в закрытый двор. Капитан на скорую руку связал испытанным морским узлом чиновника, который все продолжал нелепо твердить: «Господа! Это беззаконие!» А когда перед его носом повертели револьвером, он умоляюще заговорил о семье и детях...

Кассы были очищены. Лутер стал писать расписку... Непреложным правилом боевиков было от имени партии оставлять расписку. Более того, о том, какая сумма изъята, объявлялось в революционной печати, чтобы жулик из банка или магазина не смог нагреть руки на экспроприации. Пачки купюр, тяжелые мешочки с золотыми монетами разделили на несколько пакетов — их, понятно, вынесут несколько человек. Удобнее, легче, да и в случае провала пропадет не все. У Трейтмана пересохло в горле (неужели все возьмут да унесут!), в то же время ему чудился топот солдатских кованых сапог... Однако всеведущая охранка и Трейтман так и не узнали, что, согласно плану нападения на банк, сигнализация была заранее и в полной тайне перерезана.

Когда лейтенант Яландер на обратном пути приблизился к банку, его едва не сбила с ног группа молодых парней, выскочивших из здания. Но то, что среди белого дня, за такой короткий промежуток времени в Гельсингфорсе был дерзко ограблен банк, ему и в голову не могло прийти. Он понял все, только распахнув двери...

На полу операционного зала белели разбросанные документы, стулья и кресла были свалены. Ничком уткнулся у стены убитый Баладин. Яландер подскочил к двери, за которой были заперты служащие. Оттуда закричали: «Не подходите! Взлетим на воздух, они оставили бомбу!..» Яландер и на самом деле увидел какой-то сверток на полу. Все же он решился осторожно раскрыть его. Там оказалась... консервная банка с остатками сардин, и Яландер в сердцах швырнул ее прочь.

Потом он поднял в ружье солдат. Все теперь делалось для поиска налетчиков — Яландер получил возможность проявить свои недюжинные способности (по полицейским меркам это был явно талантливый человек, после 1917 года он уже вышел в «люди»: был губернатором столичной Нюландской губернии, а позже в буржуазной Финляндии носил погоны генерала и не раз занимал пост военного министра).

С трудом Яландер освободил от пут чиновника, веревку пришлось перерезать. «Работа опытного моряка»,— сделал вывод младший помощник полицмейстера.

На первые следы Капитана полиция напала...

Оставшийся в живых другой привратник банка, придя в себя, бросился крутить ручку телефонного аппарата. Он сообщил о своих подозрениях: о людях, которые недавно поселились у госпожи Пелконен, владевшей домом по Восточной аллее, 10.

Лейтенант Яландер в свою очередь позвонил в полицию и приказал по этому адресу неотложно произвести обыск. Позднее он сам отправился туда. По пути Яландер встретил полицейских, уже возвращавшихся после обыска, не давшего, по их словам, никаких улик. Но лейтенант из разговора уяснил, что на второй этаж

подозрительного дома полицейские даже не заходили. Он повернул их обратно.

В двух комнатах второго этажа был произведен тщательный обыск. Все, что знала, простодушно рассказала госпожа Пелконен. Полиция напала еще на один след «злоумышленников». (По этому адресу жили почти месяц Ян Чокке, Петер Салин, Эмма Гайлитис. Не раз заходил сюда и Капитан.) В другой комнате жили, как сказала хозяйка, двое русских. Теперь никого — ни мужчин, ни женщин. Ни русских, ни латышей...

В полицию поступали новые сведения.

...В поезде, что шел в сторону Керавы, обнаружили трех подозрительных. На конечной станции их попытались задержать. Они выхватили пистолеты и стали прокладывать себе дорогу. Раздались выстрелы. Один жандарм упал замертво. Началась погоня. «Мы снова оказались втроем — два брата Чокке и я,— рассказывал автору Христиан Трейман, последний из оставшихся в 70-х годах в живых участников экспроприации гельсингфорсского банка.— Мы были сильны и молоды, и поэтому оставалась надежда, что нам удастся уйти, если, конечно, выйдем к лесу. Но солдаты и полицейские шли по пятам. Чокке стреляли не часто, тщательно не целились, больше старались напугать, они знали о своей меткости. Обессилев, мы наткнулись на какой-то заброшенный покосившийся дом с драночной крышей. Еще одна перестрелка, и патроны кончились... Вырваться из кольца не удалось. Нас арестовали и окружили огромным конвоем».

Участники налета на банк были схвачены. Лейтенант Ялaндер и полицейские, которых он привез из Гельсингфорса, действовали умело. Задержанный четвертый подозрительный оказался Карлом Фернигом, местным жителем, к дерзкой операции непричастным. Его отпустили. Остальные — братья Карл и Густав Чокке и Христиан Трейман — были теперь в «надежных» руках. Все улики налицо — у них нашли деньги, на пачках еще сохранились банковские печати.

Ялaндер доставил арестованных на железнодорожную станцию Керава. Там его ожидала группа жандармов и рота солдат. Офицер уговаривал русских солдат взять схваченных под свою охрану, но те не соглашались («Мы не полицейские!»). Ялaндеру вообще не нравилась эта затея — передать «преступников» солдатам. Услышав же решительный отказ ввязываться в полицейские дела, Ялaндер охотно взялся препроводить «грабителей» в губернскую тюрьму своими силами. Он нашел выход из положения и тогда, когда получил телеграмму, что на вокзале в Гельсингфорсе собралась толпа, требующая освобождения арестованных. Действовал он умно и решительно — по его приказу вагон с арестованными занял место в хвосте состава, а в Пасила, пригороде Гельсингфорса, был быстро и без всякого шума отцеплен. Теперь уже

никто и ничто не могли помешать младшему помощнику полицмейстера водворить «преступников» в губернскую тюрьму.

Но из головы Яландера не выходила мысль о моряке, который явно был среди «грабителей».

...Когда стремительные события вымели всех из банка на Эспланаду, участники операции рассыпались кто куда. Третий брат Чокке, Ян, оказался вместе с Трейтманом и Ратсепом. К ним по дороге присоединилась Эмма Гайлитис, которая незаметно взяла какие-то пачки у Яна и потом нырнула в ближайший переулок, где метался колючий ветер и спешили редкие прохожие. Эмма сыграла свою роль...

Трейтман, Ян Чокке и Ратсеп добрались до французского ресторана, хозяйкой которого была госпожа Иоханна Петерсон, высокая красивая женщина лет тридцати, умная, кокетливая, легко вступавшая в знакомство с посетителями. (Русская охранка своевременно оценила эти качества Иоханны, нашла с ней общий язык, а проще говоря, завербовала. Ей, естественно, предстояло информировать охранку о своих посетителях. Получаемые сведения, как выяснилось позже, не всегда представляли ценность, но условленные 100 рублей в месяц владелица ресторана получала аккуратно.)

Трейтман завел всех в ресторан, но через черный ход. Он попросил у хозяйки отдельный кабинет для своих друзей, что и было сделано. Позже госпожа Иоханна Петерсон говорила Вальдбургу, встретившемуся со своим тайным агентом, что эти трое, так неожиданно сюда ввалившиеся через двор, оставили впечатление очень нервных, пили много шампанского...

Дальше все складывалось, как в пьяной компании. К ним подсел еще кто-то, изрядно захмелевший. Ян Чокке почувствовал неладное. И хотя тоже пил, но ума не терял. Он заметил, что Трейтман и Ратсеп, пьянея, платили по счетам так, словно денег не считали. Вместо 50 финских марок они бросали на стол 100. Общий счет потом дошел со всеми «чаевыми» до 2 тысяч марок. У Иоханны Петерсон посетители никогда даже в солидной компании не оставляли при расчете больше 200 марок. А здесь в 10 раз больше!

Ян Чокке отлично помнил, что перед операцией еще раз условились взятые суммы беречь (хотя это и так было понятно, ведь деньги становились собственностью партийной кассы). Если необходимо, то расходовать, конечно, но экономно. Кто же были эти Трейтман и Ратсеп, если деньги так круто их изменили? Кто они на самом деле? Время тогда нередко заставляло революционеров задавать такие вопросы. «Неужели я в ловушке?» — подумал Ян. А Трейтман и Ратсеп не выпускали Яна из виду...

Иоханна Петерсон в этой подозрительной компании знала только фармацевта Нимана, именно он подсел к их столу. И она,

уловив слухи об ограблении банка, не преминула сообщить о своих догадках куда следует.

Трейтман и Ратсеп вскоре были «взяты» полицией. Ян Чокке, однако, перед этим, извинившись, сказал Трейтману, что выходит по нужде. В уборной он взломал окно, выбрался во двор и растаял в темноте.

Ян Чокке отправился в Тампере (Таммерфорс) — в этом рабочем городе у него и его друзей из Латвии были товарищи. Он счастливо наткнулся там на Салина и Эмму Гайлитис и убедился, что переданные им деньги в полной сохранности. Ян Чокке и Петер поселились в гостинице на Виниканкату, а Эмма сняла неподалеку от них угол в старом доме. В Тампере можно было переждать какое-то время, а затем переправить деньги уже дальше, да и самим выбраться из облавы...

Так как Салин в нападении на банк не участвовал и, естественно, не был там замечен, то именно он на следующее утро взял все деньги и пошел в редакцию газеты «Кансанлехти» («Народный листок»), встретил знакомых финнов и для большей гарантии оставил у них в конторе аккуратный сверток.

Ян Чокке тем временем пошел на вокзал, намереваясь выехать ночным поездом в Гельсингфорс спасать остальных — Карла Янсона, Бобиса, Страуме. Возможно, это была неосторожность (к этому времени «арестованные» в ресторане Трейтман и Ратсеп уже рассказывали Медникову все, что они знали о Яне). На вокзале Яна арестовали так внезапно, что он не успел и подумать о сопротивлении и вскоре предстал перед следователем. На допросе Чокке пришел в ярость, а в гневе он был страшен.

Ударом финского ножа, который по недосмотру не отобрали, он прикончил следователя. Затем отправил на тот свет полицейского и ранил еще двоих, когда они пытались его схватить. Казалось, вот-вот он сможет выбраться из здания полиции, но вдруг обнаружил, что все полицейские, оставшиеся в живых, бежали. Ян принял решение: забаррикадироваться. Потом встал в выбитом окне. Толпа на рыночной площади собралась поодаль. Но полицейские не решались стрелять. На призывы Яна помочь уйти от полицейских толпа не реагировала. Он надеялся, что здесь случайно окажется кто-либо из своих: братья Карл и Густав, возможно, Гришка-Салнинь, Капитан, Бобис.

Три с половиной часа полиция осаждала дом, где засел Ян, как загнанный зверь. Не удавалось ни войти в дом, ни выманить его из дома. Вызвали пожарную команду, которая развернула брандспойты, как настоящую артиллерийскую батарею. Под ударами тяжелых струй вылетели стекла из рамы, посыпалась штукатурка. В морозном воздухе поднимался пар. Пожарные со шлангами ворвались и на лестницу... Мокрый, замерзший, обессилевший, Ян был наконец взят. Обойма его револьвера была уже пустой...

Позже арестовали Салина. Долго разыскивали Эмму Гайлитис, но она сама явилась в полицейский участок и сдалась. Двадцатидвухлетняя официантка из Риги, связав свою судьбу с этими удивительными парнями, их делом, решила до конца разделить их судьбы. К тому же одного из этих парней — Яна Чокке — она любила... Возможно, самой большой потерей для себя Ян Чокке, Эмма и Салин считали то, что полиции удалось добраться до пакета, спрятанного ими в редакции «Кансанлехти». Здесь было 8 тысяч рублей и немного финских марок. Эти деньги, к сожалению, никогда не пойдут на дело революции.

Полиция неистовствовала. В Петербурге генерал Курлов и его команда метали гром и молнии — грабителей упустили из банка, а все твердили, что ловушка сработает. Упустили и деньги! Возвратить казне удалось, быть может, только четвертую часть. Вальдбургу не снести головы!

Вальдбург срочно выехал в Гельсингфорс... Курлов отправился на доклад в Зимний дворец...

...Выскочив из банка, Капитан на улице вскоре остался один. Так и было предусмотрено. Он сбавил шаг, пошел спокойно, пропустил солдат, которые неслись в сторону Эспланады. Капитан прошел мимо французского ресторана Иоханны Петерсон. Владелица красива, конечно, но не в меру словоохотлива. Улавливается какая-то навязчивость, излишнее любопытство... Это может быть чертой характера, но может быть и профессиональной привычкой. Капитан добрался до Южной Эспланады, 8, и вошел в ресторан «Bodeya Española» и по-английски заказал пиво... Он бывал здесь и раньше. Хозяйка тоже красивая женщина — Нанни Рединг, высокая, стройная, живая. И не любознательна. Приветлива, улыбчива, старается угадать желание клиента, но и только.

Капитан размышлял. Суматоху, возникшую вокруг ограбления гельсингфорсского банка, следовало бы переждать в Финляндии.

До операции советовали: как можно скорее скрыться, лучше всего в Западную Европу. Капитан выговорил себе разрешение действовать на свой страх и риск. Вскоре он узнал из русской «Финляндской газеты», что в Швеции полиция схватила трех студентов рижского политехникума, объявив их участниками нападения на банк (позже эти студенты предстали и перед судом), а одного финского социал-демократа по этому же подозрению задержали в Ганге на пароходе «Ойхонна», отходившем в Швецию... Так что полиция учитывала, что возможно бегство. Не запер ли Капитан себя добровольно в этом городе, где надежд обмануть многорукую полицию становилось все меньше?

Капитан не подозревал, насколько он был близок к истине. Губернатор Герард на свой всеподданнейший доклад императору

о происшествии в Гельсингфорсе мог прочесть начертанные Николаем II слова: «Надеюсь, меры для розыска преступников приняты».

Шли дни. Капитан переоделся. Стал выглядеть истинным англичанином. Ночевал в разных местах. После посещений ресторана Нанни Рединг решил не появляться там — так ему подсказало «шестое чувство». И он не ошибся. Надеясь на очередной приход Капитана, его здесь несколько дней подряд поджидал Трейтман — уже в подлинной своей ипостаси — с двумя переодетыми и, естественно, вооруженными дюжими полицейскими. Капитану так и не довелось узнать, что, подобно Иоханне, красавица Нанни тоже отнюдь не брезговала охранкой. Еще с 1900 года она ловко служила тайным ее агентом, а потом нашла себе там и мужа — полицейского чина Арсения Карелина. Именно Нанни и «навела» на Капитана. Но затянула игру, промахнулась...

А в газетах то и дело смаковались и варьировались описания событий. Читателям предлагались мнимые и действительные подробности. Полосы пестрели захватывающими дух заголовками: «Налет на государственный банк днем в Гельсингфорсе. Захвачено 170 000 рублей и 459 000 финских марок. Погиб охранник...»; «В столице, в Гельсингфорсе, ограблен банк. Унесено 170 000 рублей. По следам грабителей...»; «Комиссар уголовной полиции Линдстрем сообщает... На вопрос: правда ли, что директор банка был связан преступниками? — ничего определенного ответить не мог. Городской следователь Местерсон, который также расследовал это дело, сообщил, что директор в момент ограбления даже не был в банке и поэтому нет никаких оснований говорить о том, что он был связан».

Тамперская газета сообщала, что, когда Яна Чокке, захватившего полицейский участок, пытались вновь арестовать, собравшаяся здесь толпа выражала ему свои симпатии. Ох как это точно было!

Герард телеграфировал министру внутренних дел Дурново, что финляндцы взбудоражены арестами, «возможны народные волнения и беспорядки, размеры коих трудно предвидеть».

Разными путями к Капитану доходили слухи — арестовали Карла и Густава Чокке, потом и третьего брата — Яна. Затем и Салина... С повинной сама явилась Эмма Гайлитис... Возможно, за решеткой и другие... У большинства задержанных изъяты деньги... Он догадывался, что Центральный Комитет планировал вывезти захваченные суммы в Европу и Петербург. Удалось ли это? Или все усилия оказались напрасными при таких-то жертвах?

Да, ничего не может быть хуже для революционера, чем находиться в бездействии, разве только когда он окружен, «зафлажкован», как волк, и не вырваться туда, где товарищи, где ждет дело. А бездействие, пусть и вынужденное, порождает опасения, сдают

нервы, может прийти и страх. Но парализовать волю, сковать, лишить сил Карла ничто не могло. Да, тревога владела им, не оставляла, казалось, чей-то липкий, настойчивый взгляд не отпускает тебя, но слабости, «ватных» ног не было. Была только готовность ко всяким неожиданностям, готовность к борьбе.

Лишь когда он добрался до Стокгольма, это неприятное чувство прошло. У него хватило сил зайти в фотографию и спокойно усесться перед глазом фотоаппарата. Нужен был снимок, ведь могут понадобиться другие документы. А фотографироваться лучше не там, где для тебя изготовляют «липовые» документы, а в другом месте — меньше улик. Это одно из правил конспирации. Фотография получилась удачной: Карл выглядел на ней наивным провинциалом; ничего не осталось от гордого англичанина.

Он думал, что попадет в Мальме, город, который узнал еще моряком, но оказался в Треллеборге. Однако именно отсюда уходил паром на остров Рюген, уже в Германию. Шведские власти не придирались к документам беженцев из России, хотя были уверены, что среди них немало подозрительных личностей, которых на родине днем с огнем ищут. Но конечно же этих «временных постояльцев» шведы с удовольствием сплавляли в любую другую страну.

Над проливом то сгущался, то рассеивался туман — была еще ранняя весна. Паром часто подавал гудки, словно с их помощью прокладывал себе дорогу в холодном бризе. Карл вскоре увидел белые, почти пятидесятисаженные меловые скалы Рюгена, издавна ему знакомые, но только издалека, с борта корабля.

Наконец он в Берлине. У своих. И уж тут проспал часов двадцать кряду. Очнувшись после долгого сна, вспомнил, что назначил встречу девушке, с которой ехал на пароме, она тоже добиралась до Берлина, надеясь, по ее словам, потом отправиться в Америку. Когда попутчица показала ему свой документ, Капитан незаметно улыбнулся — документ изготовлял-то он сам...

Это была Анна Зиберг. Она работала сначала на текстильной фабрике, а потом на патронном заводе. Полтора года назад вступила в партию и выполняла подпольную техническую работу. Какую, не сказала. В январе 1905 года во время всеобщей стачки и демонстрации в Риге была тяжело ранена жандармом. Позже ей посоветовали эмигрировать...

Капитан помчался на берлинский вокзал, где должен был встретиться с Анной, если бы пришел днем раньше. На вокзале ее конечно же не оказалось. Но встреча состоится через несколько лет совсем при других обстоятельствах. Она окажется особо памятной и значимой для них обоих.

И другие из Гельсингфорса выбирались с неимоверным трудом. Ведь город был практически на осадном положении, кишел шпионами, повсюду проводились обыски, вагоны уходящих поездов

были наводнены сыщиками. Бобис к тому же еще оказался фигурой, совсем мало подходящей для того, чтобы незаметно раствориться в толпе,— вдруг обнаружилось, что его светло-рыжие волосы обращают на себя внимание своей яркостью. Срезать волосы не хотелось. Было решено... перекрасить Бобиса. Н. Е. Буренин в своих воспоминаниях «Памятные годы» рассказывает: «Взялась за это дело Елена Дмитриевна Стасова. Будучи человеком энергичным и экспансивным, она, недолго думая, облила ему голову какой-то жидкостью. Результатом было неожиданное: волосы стали зеленого цвета! Бросились его мыть, но чем больше мыли, тем хуже становилось. Насколько помню, пришлось нам звать специалиста, который быстро поправил дело. Бобис стал жгучим брюнетом». После этого Бобис выбрался из Гельсингфорса. В Таммерфорсе он некоторое время прятался под сценой эстрады, на которой выступали известные тогда певцы (деньги шли политическим эмигрантам), приглашенные виноторговцем Вальтером Шебергом, благоволившим к революционерам. Потом «жгучий брюнет» все же сумел выбраться за границу...

Перед судом в Финляндии предстали: Христиан Трейман, братья Чокке — Ян, Карл, Густав, Петер Салин, Эмма Гайлитис...

Гельсингфорсские события — это героизм и трагедия, высокое чувство долга и горечь скрытого предательства, порывы увлечения и любовь. Люди этих дней приняли на себя тяжкие удары, но не склонились перед могуществом зла. Те, кто остались живы, не попали на каторгу, избежали власти изощренных палачей, не ждали, что снова преподнесет им судьба, они искали новых испытаний сами...

ПРИГОВОР В ИСПОЛНЕНИЕ ПРИВЕДЕН НЕ БУДЕТ...

В департаменте полиции в Петербурге составлялись все новые и новые секретные циркуляры. Они рассылались всем губернаторам, градоначальникам, начальникам жандармских и полицейских управлений, охранных отделений, жандармским офицерам на пограничных пунктах. Особенно большое значение придавалось списку «А». Лиц, попавших в этот список, предписывалось арестовать, обыскать и отправить в соответствующее место для учинения расправы. Капитан имел все основания предполагать, что его уже внесли в этот список смертников, в список «А». Но это его мало заботило.

Революционеры, которые оказывались в эмиграции, в первые дни обычно чувствовали себя как бы выброшенными на берег...

В 1906 году был создан Заграничный комитет (ЗК) СДЛК, в который вошли Я. Янсон-Браун, Я. Ковалевский (Кундзиньш, Валтер), К. Зутис (Негис, Шлосс) и другие. ЗК СДЛК всячески заботился, чтобы революционные эмигранты могли заработать себе на жизнь и не отрывались от партии, от событий, которые быстро и круто разворачивались на родине.

В различных городах Западной Европы возникали кружки революционных эмигрантов латышской социал-демократии. В Германии они были в Берлине, Гамбурге, Бремене и других городах. Берлинский кружок назывался «Заграничные парни».

В Берлинском кружке читались доклады, обсуждались важнейшие вопросы пролетарской борьбы в России. В Гамбургском кружке в 1906 — начале 1907 года состоялись выступления на темы: «Аграрный вопрос в России и в Прибалтике»; «Социал-демократическая партия и профессиональные организации»; «Политические партии в России»; «Парламентаризм и революционная борьба»; «Социал-демократия и анархизм». Докладчиками были Я. Лутер и К. Зутис. Эмигранты создавали и кружки самообразования.

Наиболее важной задачей, которая возлагалась на ЗК СДЛК и кружки, подобные «Заграничным парням», была закупка оружия, его транспортировка в Россию, переправка туда людей с другими, не менее важными заданиями. Для таких агентов подготавливались явки, изыскивались средства, выбирались наиболее безопасные пути в Россию.

Капитан вступил в кружок «Заграничные парни» и заявил о своей готовности участвовать в самых трудных делах.

Революционная Россия, революционная Латвия ждали оружия...

В 1905 году с этой целью за границу посылали людей, верных партии, умевших быстро устанавливать необходимые контакты, знающих языки, людей с железной волей.

Летом, когда М. М. Литвинов работал в Риге, сюда по делам вооружения приехал Н. Е. Буренин. Затем М. М. Литвинов выехал за границу. Вскоре он писал В. И. Ленину и Н. К. Крупской: «...без хоть некоторого количества ружей нигде ничего нельзя предпринять, даже в таких революционных центрах, как Рига. ...Латыши получили через нашего контрабандиста недавно несколько ящиков ружей... Жму крепко руку. Феликс» [1].

В конце 1905 — начале 1906 года революционные социал-демократические организации Латвии стали принимать решительные и конкретные меры для вооружения рабочих, создания боевых групп и, естественно, для приобретения оружия. Вооружаться маузерами, револьверами и винтовками, силой отнятыми у жандармов, поли-

[1] Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг. М., 1937, с. 283.

пии, солдат-карателей, было, понятно, сложно: иногда в этих операциях боевики погибали, а результаты были невелики. Оружие требовалось в больших количествах, и его можно было приобрести за деньги в Западной Европе. Этим «товаром» там торговали многочисленные фирмы.

Партия создала систему боевых организаций, на которые прежде всего возлагались обязанности всемерно обеспечивать «техническую» сторону подготовки вооруженного восстания, сопротивления контрреволюции. Разрабатывались инструкции по военной подготовке дружинников, в подпольных мастерских делали бомбы и снаряды, в специальных школах готовили инструкторов, транспортировали оружие, изучали расположение полицейских учреждений, воинских частей, систему почтово-телеграфной связи и т. д. Во главе этих организаций стала Боевая техническая группа при Центральном Комитете РСДРП.

Еще до того, как был создан ЗК, СДЛК принимала меры по приобретению оружия за границей и доставке его в Латвию. В Бельгии, в Льеже, с помощью революционных социал-демократов Латвии было организовано 15 мастерских, где изготовляли револьверы типа браунинг. Каждый обходился в 15 франков; эта цена считалась умеренной. Мастерские были умело узаконены. Бельгийские товарищи, содействовавшие революционерам России, зарегистрировали «фирму» на свое имя, а уполномоченным «фирмы» на законном основании был назначен Я. Ковалевский.

Когда за границу из Латвии выехал видный боевик Грининь (Бурлак), он «инспектировал» эти мастерские и в целом остался доволен, как и порядком на двух складах в Генте, где на одном готовили к отправке в Латвию изготовленные браунинги, на другом — литературу.

Но одно обстоятельство латышей не удовлетворяло: в России требовались не только револьверы, но и винтовки, а их-то купить было трудно, даже на имевшиеся для этих целей деньги. Торговые фирмы не всегда могли предложить то, что спрашивали люди из России; никто не ожидал «бума».

В Германии были созданы немногочисленные, но крепкие группы, которые возглавлялись «техническими агентами», хорошими организаторами, знавшими местные условия и многое другое, необходимое для того, чтобы обеспечить растущую потребность в вооружении масс на родине.

Их было пятеро — Бобис, Шлосс, Капитан, Онкулитис (Дядюшка) и Недзелис. Основной заботой технических агентов было приобретение «инструментов», «спортивного инвентаря» и тому подобного. Так в конспиративных целях именовалось оружие.

...Весной 1906 года в центре Гамбурга можно было встретить двух молодых парней, просто одетых (один, что был ростом повы-

ше, носил синюю морскую фуражку), которые внимательно рассматривали витрины магазинов в поисках нужного им «товара». Это были технические агенты партии — Бобис и Капитан. Бобис после операции в Финляндии имел поручение объехать Германию, Бельгию, Данию, закупить там оружие и обеспечить его доставку в Латвию. В Берлине они удачно приобрели 500 кавалерийских карабинов, предварительно испытав образцы.

И теперь в Гамбурге Бобис и Капитан набрели на оружейный магазин Адольфа Франка, что располагался неподалеку от Ратушной площади. Витрины магазина свидетельствовали о солидности фирмы: из-за сияющих стекол с первого и второго этажей на прохожих смотрели... пулеметы. Они познакомились и с самим владельцем магазина — корректным, общительным и с приятными манерами Адольфом Франком, которого впоследствии между собой и в конспиративных связях стали называть запросто Адольфиком.

Знакомство ознаменовалось покупкой 500 маузеров. Адольфик сразу смекнул, что имеет дело не со случайными людьми, и, надеясь, что они станут его постоянными клиентами, сделал небольшую скидку. Адольфик не хотел упускать шансов.

Гамбургская оружейная фирма Франка шла навстречу «скупщикам». Вскоре новые клиенты приобрели следующую партию оружия, включая пулеметы, и рассчитывались они наличными — хрустящими марками, подлинными, не фальшивыми. Франк лишний раз убедился, что «русские агенты» отличаются честностью и солидностью.

Бобис и Капитан встретились в это время с М. М. Литвиновым. Они обдумывали смелый проект. Литвинов уже договорился с Бобисом составить команду парохода из латышей и кавказцев во главе с Янсоном. Проект осуществить не удалось. Помимо всего прочего нельзя было позволить Карлу Янсону открыто привести корабль в Россию. Это означало бы толкнуть его в руки властей, которые, несомненно, уже давно разыскивали Капитана. А следовательно, и провалить все дело.

Но откуда добывались деньги для обеспечения финансовых операций технических агентов?

...Перед нами старые, пожелтевшие листы, извлеченные из архива. Они испещрены цифрами, расчетами, нередко — партийными кличками, которые непосвященному читателю ничего не говорят. Но углубимся в содержание этих бумаг, и они раскроют нам тайны острой борьбы, героические будни борцов революции.

Мы читаем денежный отчет ЗК СДЛК за период с 1 июля 1906 года по 1 марта 1907 года. И узнаем, какими суммами располагал ЗК в то время, откуда пополнялись эти суммы и на что расходовались. Из США от эмигрантов, в основном революционных социал-демократов Латвии, поступило 6008 марок и 34 пфен-

нига (в среднем ежемесячно по 751 марке). От немецкой социал-демократии — 1500 марок, от Международного социалистического бюро из Брюсселя — 2871 марка и 75 пфеннигов. В августе 1906 года пришли деньги от Розиня, итого — 5851 марка и 75 пфеннигов. 442 марки и 22 пфеннига собрали члены кружков латышских революционных эмигрантов в Бремене, Цюрихе, Берлине, в Англии. В результате гельсингфорсской операции было добыто более 150 тыс. рублей. (Часть этих денег, 10 тысяч золотом, пошла в партийную кассу в Петербурге, куда их доставила Е. Д. Стасова.) Бо́льшая же часть была отправлена за границу — в Германию и Швецию — для закупки оружия.

По свидетельству одного из старых участников революционной борьбы К. Зандерсона, какую-то часть «гельсингфорсских» денег в Германию привезла финская девушка. Она зашила монеты в клетчатую юбку. Надо полагать, девушка была достаточно сильной, чтобы нести на себе столько золота: в каждую клетку юбки было вшито по десятирублевой монете. Имя ее осталось неизвестным.

Деньги, доставленные в Германию, были переданы члену немецкой социал-демократии и депутату рейхстага М. Грюнвальду. Сын богатого немецкого купца (с которым разошелся в политических воззрениях), он имел большой опыт и возможности осуществления финансовых операций, и потому через него было удобно реализовать имеющиеся суммы для приобретения оружия («инструментов»). До первого июля 1906 года на «инструменты» было истрачено 77 469 марок и 47 пфеннигов, в последующие восемь месяцев было выплачено через Онкулитиса 72 009 марок и 15 пфеннигов, а через Я. Лутера — 7200 марок. Кроме этих сумм техническим агентам потребовалось еще 6095 марок и 34 пфеннига. В итоге общая сумма достигла 85 304 марки и 49 пфеннигов.

Установление деловых связей с А. Франком привело к тому, что значение Гамбурга как главного, пожалуй, центра по закупке и транспортировке оружия резко возросло. В Германии были свои трудности, но в этом крупном рабочем центре латышские революционные социал-демократы имели старые связи с немецкими социал-демократами и могли пользоваться их поддержкой, а теперь устанавливались и новые связи. Позднее, в 30-е годы, Капитан вспоминал: «Нам помогали в работе такие товарищи, как Карл Либкнехт, Гуго Гаазе и Добнер (редактор «Гамбургер эхо»)». Из Гамбурга, крупнейшего порта Западной Европы, в Россию часто уходили корабли, направлявшиеся в Лиепаю, Ригу, Петербург.

За работу «фирмы» в Гамбурге, за ее оперативность и результативность фактически отвечали Капитан и Шлосс. Франк, вступая в связь с «техническими агентами», отнюдь не сочувствовал революции. Но заработать он был не прочь, тем более (а это ему

было известно еще со школьной скамьи) что революции и войны бывают не всегда и повышенный спрос на оружие — обычно дело временное. Франк лишь требовал, чтобы все формальности относительно документов соблюдались в точности и чтобы это, по возможности, были документы, заслуживающие доверия. Такие бумаги агенты большевиков уже научились изготовлять. Недаром писатель Анатоль Франс говорил, что подложные документы в общем более ценны, чем настоящие, так как они сделаны на заказ, для данного случая, по точной мерке...

Для большей безопасности Франк указал квартиру, где должен проживать агент «скупщиков». В ней и поселился Капитан, поддерживая строго определенные связи как с фирмой, так и с людьми, бравшимися вывезти оружие на родину. Адольфик оказывал услуги клиентам, покуда это давало прибыль, рекламу и не подрывало репутацию фирмы. Он, конечно, знал, для чего покупается оружие и куда его отправляют, но делал вид, будто это его не касается.

21 мая 1906 года Адольфик записал за Капитаном первые суммы в счет проданного товара. До конца месяца таких сделок было зарегистрировано 4, а в июле — 14. Всего же за неполных полтора месяца у Адольфика было закуплено товара на 3951,90 марки. Это было оружие и прочие необходимые «вещи», которые часто получали невинное название, вроде «кофе», «табак», «нитки», «апельсины», «диваны» и «телескопы». Адольфик не только позаботился о квартире для технического агента — Капитана, но и помог достать паспорт Бобису. Правда, взял за это 15 марок 30 пфеннигов.

По мере приобретения «товара» Капитан отправлял транспорт с оружием. В одном из писем в связи с этим говорится следующее: «30/VI 1906. Здравствуйте! Вы хотели знать, что мы получили от Капитана. Все спортивное состоит из: 11 штук маузерных трубок, 18 000 маузерного табака, 2850 карабинного табака, 1000 винтовочного табака. 3 трубки и 2000 табака я выслал в Вашу резиденцию. Скоро получим еще (на следующей неделе). Пока все». И собственноручная подпись — Паганс.

Если бы удалось найти еще одно письмо от Паганса, то при совпадении почерков мы стопроцентно могли бы сказать: Паганс — это известный боевик, член Лиепайской социал-демократической организации Фриц Карклинь.

Летом 1906 года боевик Ф. Грининь (Бурлак) возвращался из Цюриха в Россию. Он заехал в Гамбург и долго говорил с Капитаном. Они по-братски простились, и Бурлак отправился в свой завершающий путь, пренебрегая смертельной опасностью. По бумагам, найденным в архивах, мы узнаем, что он вернулся в Латвию через пограничную станцию Вержболово в июне того же года и благополучно добрался до Риги.

9 июня, уже после отъезда Бурлака, Капитан пишет почтовую открытку в Ригу довольно близкому человеку, ибо обращается к нему на «ты» и сообщает о своих переживаниях в связи с посылкой очередного транспорта: «Сейчас я брожу по улицам и молю бога, чтобы Конторщик[1] и К⁰ нормально получили 11 диванов, 9 тысяч ниток, 1000 толстых ниток...— всего 11 пудов». Это было в пятницу, а в субботу, на другой день, в приписке к длинному письму, к которому мы еще вернемся, на имя Екаба Дубельштейна (Еписа) он просит: «Непременно сообщи адрес в Петербурге, может быть, смогут туда отправить 20 диванов, барышня — швейцарка, и она, наверно, будет расторопная и не побоится самого черта!»

Это добавление к письму чрезвычайно знаменательно. Оно показывает нам широкий диапазон деятельности Капитана: он не только отправлял транспорты в Латвию, но и был связан с Петербургом и, возможно, отправлял туда оружие, хотя прямых данных об этом мы не имеем. Однако письмо-то адресовано Епису, а тот, как известно, был членом Военной организации при ЦК РСДРП в Петербурге.

Активность «националов» в закупке оружия на Западе и транспортировке его в Россию имела большое значение для общего дела. Под давлением царского правительства западные торговцы оружием нередко избегали вступать в сделки с русскими клиентами и охотнее шли на переговоры с «провинциалами», к которым причисляли латышей, грузин и других. Карл Янсон писал из Гамбурга в ЗК СДЛК: «Здесь же русским никто ничего не дает, пока деньги не перейдут к вам или к нам с вашего ведома». Партия большевиков учитывала эти «нюансы» и в операциях по закупке оружия там, где это было необходимо, на первый план выдвигала покупателей нерусского происхождения. Однажды Лутер даже представил себя на встрече с оружейными дельцами в качестве «военного атташе республики Эквадор».

Из пяти «технических агентов» Капитан, вероятно, играл в то время самую большую роль. Через 27 лет один из его товарищей, Лейцман (Кенцис), тоже благополучно бежавший из Финляндии после «банковской операции», писал: «Имел связь с тов. Янсоном как зав. нелегальным транспортом по транспортировке литературы и оружия».

Карл Янсон, можно полагать, был наиболее удачно отобранным человеком для роли «технического агента». Помимо качеств, о которых мы уже говорили, он, как опытный моряк, знал ходы и выходы в портах Гамбурга, Риги, Лиепаи, Роттердама, был знаком со многими моряками, владел несколькими языками, умел изъясняться на жаргоне европейских моряков, «языке», как он говорил сам, «с примесью английских, шведских, датских слов»; умел, как

[1] Конторщик (Кантористс) — Янис Янсон, младший брат Карла Янсона.

немногие, заметать следы, применяя часто неожиданные приемы, новые имена и клички. На плечи Капитана в то время была возложена еще и обязанность транспортировать революционную литературу из Западной Европы в Латвию и получать оттуда подпольные издания для распределения среди эмигрантских организаций революционных социал-демократов в Западной Европе. Один из важнейших складов литературы находился в Генте, но после того, как Я. Ковалевский, фактически ведавший им, был вынужден покинуть Бельгию и перебраться в Германию, туда, вероятно, переместилась и сама основная работа по транспортировке литературы.

«...Таким образом, будет только «Цейтунг». В понедельник можете ожидать у Д. по ул. Зиргу. Как здесь, так и в Штутгарте невозможно больше найти ни номера «N. Zeit». Что было, то отправили» (письмо Капитана в Ригу от 9 июня 1906 года). «И газеты и «N. Zeit» пошли в Лиепаю, они Вам пришлют. Здешнему кружку высылай аккуратно 15 экземпляров и 3 экземпляра каждой прокламации; если у тебя под рукой, то пришли все «Nākotne» [1]. Уплачено будет все точно, и деньги передаст Шлосс или перешлет их. Обязательно вышли газеты [2] начиная с 38-го и 39-го номера, 37-й уже получил и уже продал — одну часть направил в Бремен, поскольку здесь так много не понадобилось» (письмо в Ригу от 25 июня 1906 года).

Капитан не просто сортировал и рассылал необходимую литературу, но и внимательно ее читал. Иначе нельзя истолковать его отрицательного отношения к газете «Страдниекс» («Рабочий») [3], только начавшей выходить в 1906 году. Позицию газеты он не одобрил, не случайно ее распространяли эсеровские элементы из бывших латышских социал-демократов. «Здесь есть несколько «савиенибниеков» [4], и они подсовывают «Страдниекс», но если будет «Циня», тогда никто его не будет покупать» (письмо от 25 июня 1906 года).

Закупка и транспортировка оружия были сопряжены с огромными трудностями. Сказывалась неопытность технических агентов в операциях столь крупного масштаба. Большевистская партия никогда ранее не организовывала такой большой работы по транспортировке оружия. Энтузиазм, смелость, героизм, находчивость сами по себе еще не решали успеха. А он был крайне необходим: без оружия революция не могла развиваться! В условиях конспи-

---

[1] «Nākotne» («Будущее») — научно-литературный журнал, издавался в Риге в 1906 г.

[2] Речь идет о «Цине».

[3] По всей вероятности, речь идет об издании эсеровского толка — газете, которая выходила с перерывами с 1906 по 1913 г.

[4] «Савиенибниеки» — латышские эсеры, члены так называемого Союза латышских социал-демократов.

рации велось большое «хозяйство», сложное, запутанное, агенты одновременно приобретали навыки «деловых людей». И все это, преодолевая сопротивление реакционных кругов и властей стран Западной Европы, поддерживавших царизм в преследовании «государственных преступников». Руки царизма дотягивались до них и за рубежом.

Однажды на квартире постоянного агента «скупщиков» внезапно появилась немецкая полиция, почти ворвалась (Франк даже не успел предупредить Капитана). Был произведен обыск, который, правда, не дал результатов. И полиция удалилась, не найдя в тот момент оснований для ареста Капитана. Однако у Франка изъяли документы, переписку о покупке оружия, и сам он был привлечен позже к следствию в качестве свидетеля.

Конспиративную квартиру пришлось ликвидировать. Однако оставалась опасность, что в почте, которая еще придет сюда, могут оказаться улики, сведения, способные навести полицию на след. Ни Бобис, ни Капитан не могли ничего предотвратить, хотя и знали, что полиция перлюстрирует поступающую почту. Однако нашелся человек, который опередил и полицию, и скупщиков оружия. Он изъял всю корреспонденцию и при встрече передал ее Бобису. Этим человеком был сам А. Франк. Адольфик, конечно, прежде всего заботился о престиже своей фирмы. Но Франк уже ловил себя на том, что начинает сочувствовать этим парням, хотя и старался избавиться от излишних сантиментов, несвойственных солидному коммерсанту...

После обыска «деловые отношения» с Адольфиком на какое-то время были свернуты. Но за ним числились крупные суммы, на которые он обязался выполнить заказы.

Обстановка сложилась лихорадочная, напряженная. Необходимость заставляла Капитана не выходить из игры, хотя почва под ним колебалась. Он менял квартиры, «выправлял» документы на новое имя или брал у кого-нибудь из земляков-матросов напрокат. Избегал регистрации в полиции.

Власти не на шутку заинтересовались его сотрудничеством с фирмой Франка. Попасть в руки немецкой полиции еще не означало отделаться только судом, на котором, может быть, удастся как-то вывернуться. Грозила выдача царскому правительству. А в России он был фактически приговорен...

Капитану, развернувшему крупную «коммерцию», временами казалось, что работа ему не под силу. На пути следования оружия случались провалы. Неудача постигла «технических агентов» в Стокгольме, куда они отправили 500 килограммов «кофе» и никак не могли двинуть его дальше. Как на стену наткнулись. О грузе приходили разные слухи: то его бросили в море, то шведы сами начали его расходовать, пользуясь затруднениями у технических агентов... Не всегда была удачной и договоренность с «барышня-

ми», которые обслуживали почтовые связи между Германией и Россией. Да и сами фабриканты, в том числе и Адольфик, были тоже хороши: нахватали заказов на поставку оружия, набрали авансов, а силенок-то и не хватило.

Иногда происходили просто досаднейшие недоразумения. Об одном из них Капитан так поведал в письме своему товарищу в Латвию: «Бурлак спутал все карты своим письмом. Он писал, что Джонис 31-го выезжает и через 8 дней будет в Генте и т. д... Я решил тогда, что появлюсь вовремя с 32 диванами в Генте, но после моего прибытия Джонис, к сожалению, уже покинул Гент! Я не знал, что со злости делать. Думал, что же напутал Бурлак в своем письме? Только потом я понял, что он подразумевал по новому стилю (а это он ведь мог оговорить, что 31-го по новому стилю). Растратил 40 марок и самое худшее — не мог поставить диваны».

Можно было просто прийти в отчаяние. Но задание партии — закупать и отправлять оружие — было превыше всего.

В письме к Сленгису (одна из подпольных кличек Е. Дубельштейна) от 10 июня Капитан излил свою душу. Ведь он хорошо понимал, во что обходятся революционной России неудачи «технического агента». «Милый Сленгис! Расскажу, как дела обстоят. В Любеке провалила распутная девчонка: дошло до капитана [корабля], и тот приказал наш прекрасный букет роз бросить в море! Этот старикан, вернувшись обратно, рассказывал, что барышни в Любеке встречаются с одним отчаянным парнем и поэтому надо за ними присматривать, когда они вечером возвращаются на пароход, не провожает ли их этот бес и нет ли у них с собой чего-либо существенного! Эту распутную девчонку старикан сразу же прогнал... Другие две обещали почту брать аккуратно — каждую неделю, и в итоге все газеты аккуратно и быстро были бы у Клима [1], Азиса и К°, но они [девчонки] удирают от меня и не вступают в контакт — испугались».

На дела с А. Франком потребовались новые средства, и Капитан отправился к «геноссе» М. Грюнвальду, который, как подставное лицо, хранил на своем счету определенную сумму денег, полученных после операции в Гельсингфорсе. Грюнвальда, помогавшего Капитану и другим товарищам, временами охватывал страх. Капитан продолжает в письме к Сленгису: «Когда я захожу к нему, он все изворачивается и хнычет, чтобы я оставил его в покое, так как он боится за детей и жену и т. д. Я еще раз поеду туда [в Любек] и, по меньшей мере, хотел бы уладить с почтой, и если страх у них еще не прошел, то выругаю их за заячьи души, за любовь к тихой жизни и т. д. и на этом все дела нужно с ними кончать. Надо кончать надеяться на них, ибо в действительности от

[1] Клим — партийная кличка Яниса Озола (1878—1968).

дел там больше убытков, чем результатов. Плохи дела! Дальше. Здесь, в Гамбурге, дела более или менее налажены и можно бы надеяться, что дела пойдут хорошо и быстро. Однако снова — беда с Вильгельмом [Мазайс]. Его провал очень и очень вредит здешнему новому филиалу, и курс моих акций у барышень упал и, возможно, дойдет до нуля, т. е. мои бумаги барышни не берут и не покупают и не вступают со мной в дела... Я сегодня пойду на свою биржу и посмотрю, в какой цене мои акции! В остальном здесь было бы хорошо, поскольку я отыскал очень хорошее и надежное помещение для упаковки и т. д., но что толку, если с барышнями дело не продвигается... Компания теперь пристально следит за всеми, чтобы ей снова не пришлось за дела барышень расплачиваться несколькими тысячами.

...Теперь ты знаешь, как обстоят дела!.. Взять тот же самый «кофе». Раньше я никак не мог его доставить в St [Стокгольм], и ты видишь, сколько трудов стоит его получить... Фабриканты не держат слова; когда вступаешь с ними в дела, они обещают и головой ручаются, что все будет в назначенный срок и можно будет послать туда-то и туда-то. Но время приходит, и оказывается, что они могут наполовину меньше, чем обещают. А мы, наивные, им верили, надеялись. Проклятые фабриканты! Особенно «смоки» в том городе, где живет Онкулитис».

К сожалению, в приводимых письмах не все удалось расшифровать. Их терминология имела целью отвлечь внимание «нежелательного читателя» от истинного содержания сообщения. В данном случае мы можем предположить, что «кофе» — это пули, «табак» — порох, «распутные девчонки», «барышни» — служащие почты, которая переправляла морем не только корреспонденцию, но и небольшие по объему грузы, а «отчаянные парни» — агенты партии и их помощники, занимавшиеся транспортировкой оружия, а «смоки» — жаргонное обозначение фабрикантов и торговцев оружием...

У Капитана, Бобиса и других «технических агентов» появилась мысль перенести центр по отправке оружия, нелегальных изданий в Англию, создать там соответствующий «филиал», ибо в Германии при значительных плюсах имелось и немало таких факторов, которые временами, как казалось Капитану, сводили их усилия на нет.

Летом ушел первый «груз» — ящик пистолетов — в Англию, в Лит, что поблизости от Эдинбурга. Это был длинный окружной путь, но зато в Лите вряд ли кто заподозрил бы «русских» в пересылке оружия домой. Однако стоимость перевозки такого транспорта возрастала неимоверно...

Сознавая, что оправдания и радужные проекты дела все же не решают, Капитан писал далее: «Возможно, вы на меня смотрите косо, поскольку я за это время ничего не наладил с делами! Милый

Епис! Знаешь ли ты, сколько я здесь тружусь? И со здоровьем не в порядке, еле ноги таскал, живой труп!»

Однако Капитан не из тех, кто падает духом. «Но в начале августа,— пишет он далее,— мы много чего получим. И я уверен, что... дела благополучно наладятся... Количество, которое у нас окажется, не переправить по малости и за несколько месяцев... По крайней мере сообщите свое мнение, я же полагаю, что мне грешно здесь дальше оставаться».

Капитан в раздумье. Все, что закуплено, заказано, не может пересылаться в Россию малыми порциями. На это уйдут месяцы. Надо отправить большой транспорт. А если он провалится по дороге или его перехватят на границе? Кому можно поручить такое дело? Не было дня, часа без мучительной головоломки. А тем временем вырисовывались новые перспективы.

Группа «практиков» летом 1906 года на специальном совещании решила применить новый метод пересылки оружия. Смысл этого метода состоял в том, что оружие, боеприпасы складывались в бочки, которые заливались своеобразной, похожей на металл массой с температурой плавления около 96°. И такие бочки, считалось, можно легально отправлять в Россию, официально оформив на них документы как на перевозку магнезии. Предполагалось, что обычность товара не вызовет подозрений у таможенных чинов, внимание которых концентрировалось отнюдь не на каких-то бочках с химикатами.

Капитан и Зутис (Шлосс) должны были «теорию» превратить в практику. Они при содействии немецких социал-демократов создали в Гамбурге перевалочную базу для упаковки и дальнейшей транспортировки оружия в Латвию. У одной женщины, члена немецкой социал-демократии, было снято невзрачное помещение, которое Капитан и Шлосс быстро оборудовали под специальную мастерскую. Сюда привозили пустые бочки, а вывозилась «магнезия в специальной упаковке».

Капитан и Шлосс работали только ночью в наглухо закупоренном помещении, откуда не должно было проникнуть ни звука, ни луча света. Эти изнурительные бессонные ночи требовали полной отдачи сил.

Кто же получал «бочки с магнезией» в Риге?

Одним из адресатов был латышский революционный социал-демократ, талантливый ученый, работавший в Политехническом институте, ученик крупнейшего химика того времени П. И. Вальдена Ян Приедит (1876—1908). Он имел патент на новый способ производства искусственных мельничных жерновов и открыл в Риге мастерскую по их изготовлению. Некоторые материалы для этой мастерской привозились из Германии.

В статье, посвященной Я. Приедиту, Я. Страдынь и П. Валескалн, ссылаясь на Я. Лутера-Бобиса, пишут: «Закупленное у фирмы

Franck оружие в Ригу переправлялось частично по адресу Я. Приедита. Дело в том, что Я. Приедит уже ранее для своего предприятия искусственных жерновов получал магнезию из Германии. Под прикрытием магнезита в бочках ввозились маузеры, карабины, патроны, удельный вес которых соответствовал весу сырья. Благополучно переправленное через границу оружие затем доставлялось дружинникам, действовавшим на предприятии Я. Приедита под видом рабочих, и далее распределялось по назначению»[1].

Ян Приедит был мужественным человеком, ради нужного дела он шел на риск. Когда жандармерия обратилась к нему как специалисту за подтверждением, что найденный у одного арестованного набор химикалий предназначен для изготовления взрывчатки, Я. Приедит официально удостоверил: «Найденные у арестованного Рубенис 3 пакета с порошком и разные стеклянные трубочки, согласно Вашему запросу, взрывчатых веществ из себя не представляют и таковые из них составлены быть не могут. Очевидно, владелец их занимался самыми элементарными химическими опытами». Так Рубенис был спасен от 15-летней каторги.

Казалось, что транспортировка бочек с «магнезией» могла продолжаться беспрепятственно. Однако случилось непредвиденное. Как-то ночью во время заливки очередной бочки произошел взрыв. Взметнулось жгучее пламя. Капитану посчастливилось — взрыв не причинил ему вреда. Но пострадал К. Зутис, получивший ожоги. Пришлось обратиться к врачу, который необходимую помощь оказал, однако, похоже, мог и донести в полицию.

Жизнь, жестокая, до обидного злая, сулила новые удары. И они не преминули последовать...

Началось все в дешевой гамбургской гостинице Крегера на площади Гросс-Ноймаркт, 36, пристанище бесприютных безработных моряков, случайных проезжих, мелких торговцев, захудалых коммивояжеров. С недавних пор здесь обретались и эмигранты из России, озлобленные, замкнутые и подозрительные. Хозяин мало интересовался своими клиентами: кто они? зачем здесь? — у него своих забот был полон рот, да постояльцы обычно здесь и не задерживались. За исключением некоторых...

Служащие гостиницы знали г-на Эрдмана, немногословного и спокойного, говорившего по-немецки с сильным акцентом. Он приходил в гостиницу за кипами своих газет еще долго после того, как отсюда съехал. Часть газет он сразу же забирал, иные оставлял на хранение. На день-два...

Некоторое время спустя служащие узна́ют, что в номерах гостиницы Крегера собирались группы по 6—10 человек, проводили свои собрания и даже слушали лекцию «д-ра Гофмана». Но, узнай они об этом даже и сразу, вряд ли они бы насторо-

[1] Известия АН Латвийской ССР, 1961, № 10, с. 131.

жились. Люди, потерявшие родину, имеют все основания мечтать о свободе на своей земле. Эмигранты для Гамбурга были не в диковинку.

В воскресенье, 26 августа, какой-то человек с бородкой подошел к администратору гостиницы господину Умланду, который в тот момент просматривал за конторкой счета, и со странным, как показалось Умланду, выражением лица спросил, не может ли тот взять на хранение несколько тюков и мешков, принадлежащих одному «русскому дезертиру». Умланд согласился. Тюки принес... господин Эрдман. Он даже якобы добавил, что в них бомбы и пистолеты.

Умланд принял кладь и немедленно позвонил на полицейский пост. А тем временем пришли бородач и еще кто-то и принесли новые таинственные пакеты. Подоспевшие полицейские задержали их уже в дверях. В суматохе господин Эрдман бесследно исчез.

Вахмистр Хейнкель немедленно приступил к дознанию. Бородатый оказался Бернардом Дзервеном. Его спутник назвал себя матросом Жаном Хайстнером и лишь позднее отказался от этого имени. Пакеты были вскрыты, и в них обнаружилось 525 ружейных патронов и 30 деревянных кобур для маузеров... Дзервена и «матроса Хайстнера» арестовали.

А за день до этих событий полицейский агент арестовал человека, проживавшего на Заксенштрассе в Хаммерброке, который показался ему подозрительным. Арестованный предъявил бельгийский паспорт на имя писателя Эжена Фавара, а во время обыска на его квартире и в другом снятом помещении полиция нашла тексты, написанные по-латышски, огнестрельное оружие и большое количество патронов.

Обыск у Дзервена и «матроса Хайстнера» ничего не дал. Тогда вахмистр заинтересовался Эрдманом, бежавшим из гостиницы Крегера после появления полиции, и выяснил, что это был отнюдь не Эрдман, а латыш Бертулис Тифенталь. При обыске по месту жительства Тифенталя (Зегерплац, 4) обнаружили множество латышских газет и журналов, рукописей, а также 4750 браунинговых и 750 маузерных патронов, 20 шомполов и один футляр от браунинга. Следователи обратили особое внимание на подозрительный список, якобы свидетельствовавший о деятельности в Гамбурге незарегистрированной организации «Латышская социал-демократическая партия», председателем которой оказался Дзервен, секретарем — тот же Тифенталь, а членом — Хайстнер. Полиция жаловалась, что список был составлен так, что не все имена можно прочесть.

В ходе дальнейшего следствия Эжен Фавар вдруг заявил, что он вовсе не Фавар,— он Карл Зутис из Риги...

У полиции Гамбурга давно не было такого «улова». Наклевывался громкий процесс, например «дело революционной эмигрант-

ской группы в Гамбурге», что, как думали в правящих сферах Германии, поможет улучшению отношений с российским правительством, уже не раз упрекавшим германское правительство в потворстве «врагам русского отечества». Однако для этого требовалось во что бы то ни стало найти Эрдмана (он же Тифенталь), который, судя по всему, был крупной птицей.

Но Эрдман-Тифенталь исчез. Бесследно... Он больше не появился ни в гостинице Крегера, ни в своей квартире по Зегерплац, 4. Продолжавшие поступать в гостиницу на имя Эрдмана газеты какое-то время хранились, но надежды полиции, что адресат обнаружится, не сбылись. Человек ни с одним, ни с другим из этих имен никогда и нигде более не появлялся. Это подтвердили даже длительные архивные изыскания, сравнения и расшифровки.

Что же случилось с Эрдманом-Тифенталем после того, как он на глазах у полиции скрылся из гостиницы Крегера 26 августа 1906 года? Эрдман-Тифенталь «умер». То есть не сам он, а подпольные имена, которые выполнили свою задачу...

Отбросив уже «отработавшие» имена, Капитан (а это был он) вынужден был укрываться — то ли в Гамбурге, то ли в Берлине — уже под другим именем. Под каким — мы не знаем. Он словно и сам был не рад, что не попал в лапы вахмистра: он на свободе, а Карл Зутис — в тюрьме!

Все настойчивей возвращалась мысль отправиться с большим транспортом оружия в Латвию. Кольцо сжималось все теснее (он это почувствовал даже и потому, что у него на улице однажды потребовали документы). В России, правда, его ничего хорошего не ждало: ведь голова одного из арестованных в гостинице Крегера была оценена прибалтийскими баронами в 1000 рублей, а самого Капитана могли попросту вздернуть на виселицу. К тому же он теперь остался, пожалуй, единственным человеком на свободе, который знал, где хранятся запасы закупленного и сбереженного такой ценой оружия. И оно должно быть доставлено. Да и боевые друзья в России просто задыхаются от нехватки оружия и боеприпасов!

Именно теперь надо сделать то, о чем он писал Е. Дубельштейну: «Со всяческими предосторожностями я берусь с 200—300 тыс. клубков ниток и несколькими сотнями диванов прибыть к тебе, это бы чего-то да стоило...»

Капитан настойчиво убеждает товарищей из Заграничного комитета в разумности своих доводов. Им руководило не только отчаяние, он предлагал разные варианты, но для себя все же хотел оставить самое трудное — доставку транспорта на территорию Латвии, в Ригу.

Старшие товарищи по партии дают Капитану согласие. Тот пишет затем своему адресату: «Я жду только Бобиса и тогда думаю ехать домой, и может быть мне удастся попасть на какой-нибудь ко-

рабль, тогда я попробую вывезти за счет судовладельца!.. Я этот мешок — за уши и привезу к тебе!» «Мешок» — это был, конечно, шифр. Речь шла о крупном транспорте оружия.

Такой транспорт был снаряжен, и Капитан отправился в рискованый путь. Казалось, никогда он так не нуждался в разумной осторожности, как теперь. Усвоенное в свое время искусство кораблевождения, вырабатывающее осторожность, могло ему помочь. В борьбе с врагами революции он тоже кое-чему научился. Но хватит ли сейчас этого опыта?

Многие подробности рейса Капитана в Латвию нам неизвестны. Но главные сведения до нас дошли. На корабле и с грузом он прибыл в Лиепаю. Здесь судно осмотрели жандармы, казалось, обнюхали все углы, ио ничего не иашли. После суточной стоянки корабль отплыл в Ригу. Можно было считать, что добрая часть дела сделана: вряд ли по прибытии в Ригу полиция будет во второй раз лазить по трюмам и осматривать заново все помещения... Так оно и вышло на самом деле.

В Риге Капитан отправился к Бурлаку по адресу: Елизаветинская, дом 22, квартира 45. Надо было войти во двор, чтобы убедиться, что его ждут: окно квартиры изнутри должно было быть завешено немецкой газетой. Но условленной газеты иа окне не оказалось. И ои быстро ретировался. Сложным путем он Бурлака всетаки нашел. Тот проживал уже по Марииской улице, в доме № 44, квартира 6. Сюда и пришел Капитан. Только ни Бурлак, ни он не знали, не ведали, что и эта квартира небезопасна: она находилась под надзором дворника, следившего за «подозрительными лицами». Хозяии квартиры и гость при всей своей осмотрительности не предчувствовали надвигающейся катастрофы.

Осложнеиие вначале возникло с другой стороны.

В Риге началась забастовка трамвайщиков, которая то стихала, то разгоралась с новой силой, и обе стороны проявляли невиданное упорство. Положение обострилось, когда хозяева решили возобновить движение при помощи штрейкбрехеров и иа лииию стали выходить первые трамваи...

Рижская социал-демократическая организация призвала жителей города бойкотировать трамваи и оставить штрейкбрехеров без дела. Бастующие в свою очередь стали задерживать эти трамваи, отнимать у водителей регуляторы, а редких пассажиров высаживать из вагоиов. Неудивительно, что в этой обстановке стали применяться и более острые формы борьбы: в дело включились боевики. С помощью рабочих проволочного завода, высказавшихся за солидарность с бастующими, на Александровской улице был задержан и опрокинут трамвай. Боевики стали подрывать столбы на линии, взрывать трамвайные вагоны, иа рельсы ставили петарды, чтобы спугнуть штрейкбрехеров. До этого из Риги в Петербург в Боевую техническую группу партии был послан латышский боевик

Мерниекс. По поручению Сленгиса он должен был получить и доставить в Ригу оружие и боеприпасы. В августе в Ригу привезли 30 японских гранат (бомб), которые выпускались при помощи винтовки, пояс капсул для взрыва снарядов и два пуда взрывчатки.

Ожидалось дальнейшее обострение ситуации: город был наводнен полицией и войсками. Требовалась еще бо́льшая осторожность, и Капитан как мог это учитывал. Но он наведывался на квартиру к Бурлаку. Дворник продолжал незаметно следить за гостями квартиры. В подворотне какой-то мужик торговал яблоками прямо из ведер...

Оружие, доставленное Капитаном, разошлось среди боевиков. Сам он оставался в Риге примерно две недели, встретившись за это время еще и со Сленгисом. Им было что делать, было о чем поговорить. Ведь писал же Капитан в Латвию — возможно, самому Сленгису: «Если когда-нибудь встретимся, все расскажу, и ты перестанешь сердиться, а сейчас сердишься, не зная здешних условий и хлопот с фабрикантами» (письмо из Гамбурга от 25 июня 1906 года).

В один из дней рижской осени, теплой и сухой, на Мариинской собрались Капитан, Сленгис, Бурлак. Капитан уезжал к «своим» за границу (пришло распоряжение вернуться в Германию). Перед отъездом уже все было оговорено, и теперь они на радостях, что собрались вместе, просто хохотали над разными потешными случаями из жизни, а в ней всегда такие найдутся. Как жить завтра, им было известно. Свой путь они избрали раз и навсегда. Этим молодым жизнерадостным людям, к счастью, не было дано знать, что одному из них осталось жить неполных два месяца, а другому год...

Несколько дней спустя Капитан объявился в Лиепае. Пересечь российскую границу теперь было куда проще, нежели по дороге сюда, когда он волок, как он писал, на своих плечах, вне себя от волнения транспорт оружия. Он «заказал» себе солидные документы. Бланки в тайниках Лиепайской организации тогда имелись, а дядя Капитана бородач Ян Янсон был всегда готов выправить документы, совсем как «законные». Не исключено, однако, что и эти «заказные» бумаги каким-то способом проводились через официальные учреждения. Дядя в подробности не вдавался, а Капитан не допытывался. Пришлось лишь расплатиться с теми, кто изготовил эти надежные документы.

Перед самым отъездом Капитан неожиданно встретился с Гришкой Салнинем, которого он хорошо знал по Гельсингфорсу. Тот совсем недавно по поручению Боевой технической группы прибыл в Ригу, но на явке попал в засаду и оказался в лапах карателей. К счастью, ненадолго. Бежал. Добрался до Лиепаи, где, говоря словами Гришки, его «опять накрыла полиция на конспира-

тивной квартире». Второй раз ареста нельзя было допускать: счастье боевика что шагреневая кожа — с каждой удачей убывает. Гришка пустил в ход оружие и оторвался от преследователей. Он был отчаянной храбрости человек. Еще до этого, весной, Гришка прибыл из Петербурга в Ригу и вступил на какое-то время в отряд «лесных братьев». В трудной, рискованной операции по изъятию 28 тысяч рублей из почтового отделения он попал в ловушку. Казалось, все кончено. Но в сарае, куда его посадили, он нащупал под низким потолком что-то вроде забитого досками оконца. А желание свободы было беспредельным. Рискуя быть застреленным при попытке к бегству, Гришка тем не менее бежал, поскольку был уверен, что его все равно поставят к стенке.

Гришка был по характеру резким, отчаянным, и многие считали его чуть ли не авантюристом, очевидно недооценивая его ум и беззаветную преданность революции, ради которой для него не было ничего невозможного.

Гришка, увидев Капитана, со сдержанной радостью улыбнулся и неожиданно сказал:

— Послушай, дай-ка мне рублей пять, я сейчас все бросил на явке и смылся!

Друзья обнялись. Так обнялись, что кости у обоих хрустнули.

Нелегальный выезд всегда вызывал у Капитана состояние настороженности. Правда, документы были на сей раз совершенно «правильные», и на корабль он явился открыто. У него не было ни тени сомнения, что документы, как бы мы сказали сегодня, «сработают». Он почувствовал себя еще уверенней, когда, случайно познакомившись с одним парнем, догадался, что тот тоже едет по «правильным» документам. У Капитана уже выработалось чутье на своих... Но то, что ему этот парень сообщил позднее, потрясло — речь шла о Бурлаке!

После его встречи с Бурлаком прошло недели две, от силы три. Конечно, Бурлака выслеживали. Он об этом знал, и потому преследователи часто сбивались со следа; в городе вообще выследить кого-нибудь трудно, для гарантии успеха требуются несколько филеров. Бурлака схватили 7 октября, часа в четыре пополудни. Там же, на той же конспиративной квартире на Мариинской улице. «Торговец», который торчал в подворотне со своими яблоками, был переодетым полицейским...

В волнении Капитан сразу не мог вспомнить, когда заходил туда в последний раз. Да ведь это было 6 октября! Он тогда пересек двор, миновал дворника, «торговца яблоками». Говорят, что дворник и «торговец» изо всех сил гнались за Бурлаком, пока не схватили его. Будь Капитан 7 октября вместе с Бурлаком, возможно, ничего бы не случилось. Все-таки вдвоем легче, чем одному. И Капитан к тому же блестяще владеет браунингом. (Сколько он испытал их в подвале у Франка, вызывая восхищение у торговца!

«Мое оружие достойно вашей руки»,— говорил при этом Франк.) Когда же Капитан прибыл в Либаву, слухи о происшедшем туда еще не дошли. Иначе он что-нибудь да придумал бы, под руками было немало отчаянных парней, вроде Гришки, всегда готовых прийти на помощь товарищу, а теперь он в море и все удаляется от Латвии. Из первого же порта можно вернуться в Латвию, в Ригу... Но он хорошо знал, что не вправе действовать самостоятельно. На это надо иметь разрешение по крайней мере нескольких членов ЗК СДЛК...

Когда Капитан прибыл в Берлин, все тамошние латыши уже знали о Бурлаке. Сведения каким-то образом просочились сюда через Петербург и Финляндию. Бобис неистовствовал. Позже он напишет: «Бурлак был очень изворотлив и осторожен. На улице его не так просто было арестовать, и не каждый полицейский или шпик мог это сделать. Наконец в октябре его все же на улице шпики ранили в спину и арестовали. Теперь он был в руках истязателей: безоружный, раненый».

Бобис задумал экстренную операцию: собрать лучших боевиков, самому возглавить эту группу и немедленно выехать в Латвию для освобождения Бурлака. Он дал срочную зашифрованную телеграмму Епису: возможно ли что-нибудь предпринять для спасения Бурлака? Время тянулось медленно, ответ, казалось, никогда не придет. Но прибыло подробное письмо: устроить нападения на тайную полицию или на Центральную тюрьму невозможно...

Бурлака пытали, истязали. Военно-полевой суд приговорил Бурлака к 15 годам каторжных работ. Товарищи, узнав о приговоре, перевели дыхание: они ожидали смертной казни. Вскоре после суда в камеру Бурлака вошли тюремщики, помогли одеться и с трудом вывели из тюрьмы — у Бурлака был переломан позвоночник, выбиты зубы, сорваны ногти. Ему бы впору в госпиталь, а повезли его почему-то в Кокнесе, за сто верст от Риги... Здесь убили «при попытке к бегству». Это случилось 27 декабря 1906 года. Трудно себе представить, как мог бы бежать этот человек, без посторонней поддержки не стоявший на ногах.

Так погиб молодой, беззаветно преданный революции и партии борец Фердинанд Грининь (Бурлак) — друг и сподвижник Карла Янсона.

Капитан прибыл в Берлин. Это было в начале ноября. Он рассказал членам ЗК СДЛК о настроениях в Риге и Лиепае, о последних событиях, жертвах.

Его отозвали в Западную Европу, чтобы он заменил Бобиса в «технических делах». Предполагалось, что Бобис отправится в Северную Америку и отныне все дела, по крайней мере в Гамбурге, в отношениях с Франком будут полностью переложены на плечи Капитана. Зутис еще оставался в тюрьме, и судьба его была неясна.

Следствие продолжалось. Конечно, и Капитан был по-прежнему на лезвии ножа. Но разве смертельная борьба возможна без опасностей? Теперь он жил и боролся под новыми подпольными именами: Карл Штейн, Авенида, Розенталь.

А суд в Гамбурге тем временем все же начался.

Больше трех месяцев продолжалось следствие, но свидетелями обвинения оказались только трое полицейских, владелец гостиницы Крегер и его жена. Гамбургские власти пытались предать суду 16 латышских эмигрантов, но пришлось ограничиться семью; трое из них находились в камерах. В наиболее трудное положение попал Карл Зутис. Поэтому его товарищи на воле стали организовывать серьезную защиту.

Зутис тогда не знал Карла Либкнехта лично, но по совету друзей избрал его своим адвокатом, надеясь, что он ему не откажет. Вторым адвокатом по этому делу стал доктор Херц.

Карл Либкнехт выехал в Гамбург, ознакомился с делом и, обнаружив там листовки на латышском языке, изъятые у Зутиса при аресте, вспомнил, что в Берлине с ним работает один латыш — К. Зандерсон. Либкнехт вызвал Зандерсона в Гамбург для перевода документов.

Наиболее опасными для Зутиса оказались документы, которые были изъяты у него при обыске на квартире и в снятом помещении. Суду были предъявлены фактуры на закупленное оружие и боеприпасы «на очень большие суммы», как говорилось в приговоре, счета по фрахту, предъявленные местной маклерской фирмой Антона Гинтера за перевозку грузов судами, счета на доставку оружия и боеприпасов, документы об отправке ящика с пистолетами из Гамбурга в Лит. На столе перед судьями были разложены сопроводительные документы, оформленные берлинской оружейной фабрикой Георга Кнака на сумму 20 тысяч марок, фактура и счета по фрахту на доставку химикалий (догадывался ли суд, о каких бочках химикалий шла речь?), калькуляции, связанные с покупкой оружия, документ о снятии со счета Дрезденского банка в Берлине суммы в 20 тысяч марок, выписанный на имя Екаба Фреймана, и пр. Суд, однако, зашел в тупик, не обнаружив ни на одном из счетов фамилии получателя «груза». А Зутис к тому же еще сказал на суде, что он ничего не может пояснить относительно этих бумаг, ибо их ему, мол, оставил один его земляк на хранение. Да, он послал ящик пистолетов в Англию (в Лит), но разве это запрещено германскими законами? Газета немецких социал-демократов «Форвертс», освещая этот процесс, писала, что Карл Зутис вообще «отказался отвечать относительно конфискованного у него оружия и т. д., счетов о доставке оружия... а также по поводу банковских счетов на большие суммы» [1].

---

[1] Vorwärts, 1906, 8. Dezember.

Когда же дело дошло до снятого Зутисом помещения (в нем заполнялись «химикалиями» бочки!), то хозяйка дома заявила на суде, что помещение у нее снимал тот, другой человек, Эрдман, а Зутис никакого отношения к мастерской не имеет и оказался в ней, когда пришла туда полиция, чисто случайно.

Председатель суда д-р Эвальд и прокурор д-р Шен понимали, что пытаться осудить Зутиса за покупку и транспортировку оружия бессмысленно, ибо это означало бы поставить под сомнение деятельность фабрикантов, производивших оружие, торговцев оружием, которые свободно вели свои дела в Западной Европе.

Суд был вынужден признать, что деятельность Зутиса не выходила за рамки обычного торгового предпринимательства, независимо от того, куда вывозилось оружие, в Африку или в Россию. По этому обвинению К. Зутис и другие подсудимые были оправданы.

Суд и прокурор приложили все усилия для доказательства того, что подсудимые виновны «в участии в организации, существование которой, ее устав и цели были утаены от государства, т. е. в гамбургской группе Латвийской социал-демократической рабочей партии»[1]. Прокурор утверждал, что «существовала тайная организация латышских социал-демократов, которая укрывалась от государственных органов Гамбурга, что констатирована поддержка русских революционеров деньгами и оружием, что нетерпимо ни при каких обстоятельствах»[2]. «Если бы местные власти терпели существование такой организации, это могло быть рассматриваемо как враждебная позиция в отношении к русскому правительству и вызвало бы осложнения политического характера»[3] и т. д. и т. п.

Суд склонился к мысли, что гостиница Крегера была местом тайных собраний и заседаний этой организации, что д-р Гофман, выступивший на собрании эмигрантов с лекцией о положении пролетариата в разных странах, был не кто иной, как К. Зутис (хотя прямых доказательств у суда не оказалось)[4], что список, найденный на квартире у Тифенталя, являлся списком тайной организации латышских революционеров (хотя в ходе судебного разбирательства выявилось, что список был перечнем адресатов, которым Тифенталь, то есть Карл Янсон, высылал печатные издания!), что члены «гамбургской группы», в том числе и подсудимые, до эмиграции участвовали в «эксцессах» в Прибалтике, с оружием в ру-

[1] Текст приговора.
[2] Vorwärts, 1906, 8. Dezember.
[3] Текст приговора.
[4] Суд ие смог докопаться до истииы, кто был д-р Гофман. Им, возможио, все же был Зутис (Шлосс) или Лутер-Бобис.

ках выступали против «законных властей». Прокурор намекал, что здесь вырисовывается дело «о государственной измене» (!).

Карл Зутис отверг все предъявленные ему обвинения. Учитывая, что в пресловутом списке гамбургской группы его не было (Тифенталь ничего ему не высылал — они работали рядом!), Зутис заявил, что он не является членом ЛСДРП, а состоит в РСДРП, не скрыв того, что эта партия «борется за справедливость и против грубой силы». Зутис отказался отвечать, с какой целью он посетил Германию.

Смешивая факты с домыслами, обвинитель и суд пытались обрисовать Тифенталя-Эрдмана как одну из самых зловещих фигур «гамбургской группы». Он получал и распространял запрещенные(!) издания; он хранил уставы «латышской революционной организации», он хорошо сознавал «противогосударственный» характер группы и только потому (понимая всю ответственность за «содеянное») он скрывался от преследования и суда.

Громы и молнии обрушивали блюстители закона на голову Капитана-Тифенталя-Эрдмана. Но как разыскать этого «преступника»?! Он наверняка бежал за границу!

И без того шаткие основы обвинения были серьезно поколеблены защитой. По словам «Форвертс», Карл Либкнехт свое выступление «обосновал интересными юридическими выводами и показал, какие чрезвычайные обстоятельства сложились на родине обвиняемых, в Прибалтийских провинциях, где наряду с полевыми судами, связанными с карательными экспедициями, так неистовствовали бароны и крупные землевладельцы, что даже генерал-губернатор Меллер призвал к сдержанности. 50 процентов всех казней в последнее время совершалось в Прибалтике...». Защитник Херц сказал, что «обвиняемые боролись за себя, за свою свободу, жизнь и честь. Они... защищались от преступного государства».

Подсудимые и защитники заклеймили царское самодержавие, Суд не решился открыто стать на его сторону и, не имея фактов, которые свидетельствовали бы о преступности «гамбургской группы», не имея юридических аргументов, был вынужден освободить подсудимых.

Власти подобный исход дела предусмотрели и приняли меры для задержания Зутиса сразу же после суда, намереваясь предъявить ему новые обвинения. Однако Либкнехт и его товарищи в свою очередь догадались, а возможно, и узнали о новой опасности, о ловушке, подстроенной властями. Решение гамбургского суда имело силу только на территории, управляемой властями города Гамбурга, но стоило оправданному оказаться на его окраине, в Альтоне (а это была уже территория Пруссии), как Зутиса могли снова арестовать и судить. В Германии царили своеобразные законы. Поэтому, когда на суде было объявлено об оправдании и осво-

бождении Зутиса, он вышел из помещения суда через боковой ход. Там его ожидала автомашина немецких друзей. Он сел в нее, машина покатила на север, к датской границе, и вскоре пересекла ее. Полиция осталась с носом...

Обстановка в России тем временем резко менялась не в пользу революции. Царизму удалось перейти в наступление против революционных сил. Повсеместно рассылались каратели, которым предоставлялась полная свобода действий. Начинался период реакции. Особенно кровавым он был в Латвии, где карательные экспедиции, военно-полевые суды свирепствовали уже с самого начала 1906 года.

На реакционный перелом в России официальная Западная Европа прореагировала быстро. Еще в первой половине 1906 года, когда после поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве царизм стал заметно набирать силы, решительно стремясь овладеть положением, М. Литвинов так изложил свои впечатления от увиденного им в Европе: «Наступление реакции в России отразилось, конечно, на отношении к русским революционерам и эмигрантам буржуазного общества за границей и буржуазных правительств... Царское правительство сделало английскому дипломатическое предостережение, и английская полиция была начеку. В союзной Франции подкупленная пресса вела кампанию в пользу царизма, подготовляя царский заем 1906 года. В Германии, где полиция Вильгельма всегда работала рука об руку с царской охранкой, преследования русских революционеров особенно усилились в 1906 году... Но Ильич нас учил с трудностями не считаться и невозможностей не признавать, и мы бодро, с полной надеждой на успех, приступили к делу» [1].

Положение менялось, но еще продолжалась закупка оружия и отправка его в Россию. Правда, многое из того, что было закуплено ранее, приходилось придерживать и даже при возможности реализовывать. Капитан снова вел дела с Адольфиком. Снова в подвале у торговца часами испытывались браунинги. В промежутках он готовил подробный отчет для ЗК.

Вначале он составил отчет о своей поездке в Латвию. Человек кристально честный, аккуратный до педантизма, крайне щепетильный, когда дело касалось финансов партии, он писал буквально следующее: «По приезде в Лиепаю у меня было 35 рублей. Затем уехал в Ригу и там недели две жил у Бурлака и Сленгиса. В связи с делами у меня остались копейки. Бурлак дал мне на дорогу до Лиепаи, потом Сленгис дал мне рублей 130—140 (точно не помню) на лечение. Из этих денег я дал Гришке 10 рублей. Для Недзелиса я купил и выслал ему русские книги по теории — на 10 руб.

---

[1] *Литвинов М.* Транспортирование оружия в Россию.— В кн.: Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг. М., 1934, с. 104.

Кристап Робежниек — муж сестры Карла Янсона Карлины, осужденный за участие в революционной борьбе. Владимирская тюрьма, 1906 г.

Кр. Салиинь (Гришка) и Я. Лутер (Бобис) — боевики периода первой российской революции

Карл Янсон (около 1907 г.)

Янис Янсон — дядя Карла Янсона, участвовал в изготовлении документов для выезда за границу революционеров, преследуемых полицией

25 октября Сленгис дал мне 50 руб., чтобы я поехал вместо Бобиса. Из этих 50 рублей я купил себе теоретические книги, добыл нужные документы для выезда и, когда приехал в Берлин, у меня было 23 марки и несколько пфеннигов».

Заграничный комитет вел строгий учет фондов, сам отчитывался перед ЦК, перед съездом и требовал точности от «технических агентов», бережного обращения с деньгами, разумного их использования. Капитан строго придерживался этих требований. В архивах сохранились счета, которые он вел. Поражает скрупулезность записей, вынуждавшая, правда, пользоваться шифром, партийными кличками, условными названиями пунктов.

Вот, например, что писал Капитан, подводя финансовые итоги за период с 9 ноября 1906 года по 1 февраля 1907 года [1]:

«Дорожные расходы:
19/XI, 6/XII, 20/XII и 7/I — 07 г. расходы на билет Бобису; два раза платил за извозчика. Оформил, отправил имущество, взял багаж, дал деньги Сленгису в связи с поручением, поменял «табак» на другое имущество, уплатил за билет Кундзиньшу, плата за трамвай и проч.— на все это ушло 143,30 марки. На почтовые расходы пришлось истратить 20,25 марки. Писал Недзелису 3 раза до востребования и послал ему пять заказных писем» (письмо Сленгису, вероятно, в Ригу и другие письма адресатам, не поддающимся расшифровке).

В конце Капитан указал и свои личные расходы: покупал рукавицы, носки, шарф, туфли; уплатил зубному врачу за пломбу (15 марок), за электричество, за комнату, за отопление, стирку, обеды и пр. На все это он истратил за 2 месяца и 20 дней около 350 марок.

В свой отчет Капитан занес суммы, которые он получил от Бобиса (45 марок), от Онкулитиса: 3/XII — 700, 12/XII — 110, 17/XII — 600, 4/I — 300, 26/I — 200 марок; от Адольфика в Гамбурге — 25 марок. 23 марки было у Капитана, когда он вернулся из Латвии в Германию. Общая сумма составляла 2343,17 марки. За вычетом расходов в указанный период на 30/I 1907 года в кассе «технического агента» оставалось 152,12 марки.

С изменением обстановки в России у Капитана появились новые обязанности. Потребность в ранее закупленном «материале» резко снизилась, его следовало сбыть, по возможности вернуть торговцам. Франк успел получить крупные авансы и возвращать их не хотел, всячески тянул. Адольфик показал наконец свои зубы...

Все это нашло отражение в подробном «Объяснении», которым Капитан сопроводил свой отчет за период с 9 ноября 1906 года по 1 февраля 1907 года. Процитируем его:

[1] Отчет по мере возможности расшифрован.

«Если бы продажа была начата раньше, то, возможно, удалось бы «балласт» перевести на деньги, но ныне на рынке затишье, а здешнее правительство вводит новшество (с острой пулей), а старое (с овальной) продает, и поэтому, естественно, цены упали. Недзелис тоже у себя в стране ничего не смог продать ни местным заводам, ни отдельным лицам. Тогда через местного «смока» мы вступили в контакт с заводом, но те давали за тысячу — 60 марок, и нам еще за свой счет следовало бы переправить все на отдаленный завод! Это означало бы продать за полцены, т. е. с большими убытками. Дальше, Адольф эту цену — 88 и 84 марок — дает только при условии, если мы взамен возьмем другое имущество, и спишет с нас те 2392,58 марки, которые мы должны были заплатить 5/I. Адольф потребовал: или мы вернем ему по 88 и 84 марки эти 192 тысячи, или оставим у себя, поскольку он позднее не обещает дать такую цену. Через несколько дней в Гамбург приехал Кундзиньш устраивать дела и пр. Наконец Адольф уступил и согласился выплатить наличными за 50 тыс. по 68 марок = 3400 марок, но нам это показалось дешево (теряем в таком случае 1000 марок), и мы взяли свое имущество обратно...»

Капитан верит в новый подъем революции в России. «Мы не можем также себе представить, что все организации считают, будто петициями или резолюциями можно достигнуть всего или что-то разрушить!»

Далее он пишет в «Объяснении»: «Здешних денег (13 000 марок с несколькими сотнями, т. е. % %) нам еще не вернули, и выходит, что известный геноссе [вероятно, М. Грюнвальд.— *В. Ш.*] израсходовал их на свои нужды... Вчера пошел Кундзиньш нажимать на него, зачем он обманывает нас, будто 1 декабря не смог сделать потому якобы, что мы заранее его не предупредили, и т. д.»[1]. И далее: «Может быть, следует поехать к Недзелису и познакомиться на месте с делами, чтобы помочь ему все получить, если у него дела идут туго и пр. Однако я поеду лишь в том случае, если вы посчитаете это необходимым... Те 200 ящиков никому не удается всучить: Адольф тоже не берет их обратно даже за полцены! Однако попробую все же кому-нибудь всучить.

С сердечным приветом! Кпт.».

За цифрами и конспиративными названиями этих счетов и писем Капитана, найденных в архивах, где они пролежали более 70 лет, мы чувствуем напряженный пульс работы «технического агента», видим яркий мир тревожных событий и переживаний, в котором он тогда жил. Ради революции.

---

[1] По воспоминаниям К. Зандерсона, М. Грюнвальд позднее вернул оставшуюся у него сумму.

Это была обыкновенная реформатская церковь на далекой окраине Лондона — церковь Братства; до наших дней она не сохранилась. Капитан ничуть не удивился, что именно здесь откроется съезд Российской социал-демократической рабочей партии: в Англии местом общественных встреч могли служить любые помещения — от церквей до пивных («пабов»).

После съезда РСДРП латыши наметили тут же, в Лондоне, провести свой съезд СДЛК. Всему этому предшествовали трудные дни. Норвегия отказалась дать разрешение на проведение съезда, а Дания ультимативно потребовала, чтобы прибывшие в Копенгаген делегаты немедленно покинули страну. И тогда местом проведения съездов был избран Лондон.

Небольшими группами и поодиночке прибывали в Англию люди из России, из рассеянных по Западной Европе эмигрантских организаций.

Английские власти без энтузиазма отнеслись к намерениям и действиям этих иностранцев. В большом докладе Форин оффиса (министерство иностранных дел), где были собраны важнейшие данные за 1907 год, касающиеся России, говорится, в частности, следующее: «Надо упомянуть о съезде Российской социал-демократии, который состоялся в Лондоне в мае месяце... Заседания были секретными... Русское правительство вначале было несколько разочаровано в связи с тем, что заседания, которые были запрещены в других либеральных странах, были разрешены в столице дружественного государства... Однако русскому правительству было конфиденциально объявлено, что запретить заседания в Англии не представлялось возможным», хотя Форин оффис отдавал себе отчет в неприятном характере «совершившегося».

Министерство иностранных дел подняло тогда на ноги Хоум оффис — министерство внутренних дел. С Уайтхолла, улицы Лондона, где были расположены правительственные учреждения, в Форин оффис поступил документ.

«Уайтхолл,
9 августа 1907.

Секретно.

Сэр,

В отношении Вашего письма от 31 истекшего месяца (24686) с препровожденным экземпляром конфиденциального предупреждения от русского посла по поводу слухов о намерении Российской социалистической революционной партии[1] провести конгресс в Лондоне в этом месяце я имею указание секретаря Гладстона

[1] Так здесь названа РСДРП.

довести до Вашего сведения с целью информации секретаря сэра Эдварда Грэя, что он информирован полицией метрополитен[1] о появлении в некоторых газетах в начале июля заявления, что 1500 русских революционеров приготовились встретиться здесь, но полиция не получила информации в подтверждение этого. Кроме того, полиция отметила, что среди русских революционеров, проживающих в Лондоне, не замечено каких-либо приготовлений для приема этих лиц».

Почему же правительство Великобритании не решилось запретить созыв V съезда РСДРП и II съезда СДЛК в Лондоне? В значительной мере — под давлением общественного мнения. В Англии нарастало враждебное отношение к царизму и тем, кто его поддерживал.

Весть о кровавой расправе царя с народом 9 (22) января 1905 года вызвала в Англии открытый протест. В Лондоне, неподалеку от полицейского отделения, в районе Кингс-Кросс роуд, у витрины магазина «Сосиски Харриса» было выставлено чучело русского царя в форме и объявлено, что он будет повешен как преступник. Инициатором этой «казни» явился сам «король сосисок Билли», то есть Харрис. Газета «Дейли миррор» 31 января 1905 года поместила даже фотографию той части улицы у магазина, где маячило чучело.

Скотланд-Ярд, вмешавшийся в эту «расправу» по настоянию русского посольства, ничего не мог предпринять. К Харрису явились агенты, предупредили о возможности «серьезных последствий», но, как сказано в докладе Скотланд-Ярда от 1 февраля, «мистер Харрис, вопреки здравому смыслу, намеревается продолжить осуществление своей программы». Забаррикадировать витрину, чтобы скрыть чучело от глаз прохожих, полиция не решилась — это было бы посягательством на священную частную собственность, что в доброй старой Англии считалось кощунством.

Когда в Лондон пришли известия о преследованиях Максима Горького, а затем о его аресте, пресса откликнулась на это с негодованием. «Горький в опасности!» — сообщала огромными буквами уже упомянутая нами «Дейли миррор» своим читателям.

1 июня 1905 года в английском парламенте был поднят вопрос о недопустимости распространения «уличной литературы», как были названы английские издания, направленные против царизма и обнаруженные полицией на углу Кокспер-стрит на Трафальгарской площади. Полиция изъяла брошюру «Правда о царе» на английском языке, в которой, по словам министерства иностранных дел, «нанесено огромное оскорбление членам российской императорской фамилии» (письмо от 10 мая 1905 года в адрес министер-

[1] Полиция центральной части Лондона.

ства внутренних дел). Но ни настояния русского посла, ни усердие английских властей ничего не дали. Высокий чиновник из министерства внутренних дел был вынужден признать: «Если эта публикация составляет криминал, то половина всех газет в Соединенном Королевстве преступна».

Социалистическая рабочая партия Великобритании 19 февраля 1905 года приняла решение — «предложить всем отделениям партии провести митинги в поддержку усилий революционеров России». Паддингтонское и другие отделения Независимой рабочей партии приняли 15 июля 1907 года резолюцию, в которой говорилось: «Протестуем против последних coup d'etat[1] жестокого российского самодержавия, против любого соглашения между британским правительством и этим бесчеловечным деспотизмом, осуждаем его варварство... опустошение Кавказа и Прибалтийских провинций и тюремные пытки в Риге».

Несколько забегая вперед, мы можем добавить к сказанному, что в 1909 году, когда намечался визит русского царя в Англию, в Лондоне, Глазго, Блэкпуле, Манчестере, Кройдоне и других городах прошли митинги протеста и собрания, на которых рабочие и безработные, клерки и мелкие торговцы, представители других слоев населения резко осуждали царя и правительство Великобритании, напоминали о Кровавом воскресенье. Раздавались и призывы к борьбе за социализм. На 8 августа 1909 года в списке полиции, составившей тогда специальный перечень резолюций протеста и выступлений против этого визита, числилось 58 организаций и учреждений, выступивших с протестом.

В обстановке растущих симпатий к российской революции, ненависти к царизму — душителю революции — власти Великобритании не могли действовать прямолинейно...

Латыши-эмигранты в Лондоне («Лондонское отделение») радушно встречали своих товарищей — делегатов съезда, делились, чем могли,— кровом и хлебом, а вознаграждением для них служили правдивые вести с родины, по которой все больше томилось сердце изгнанника.

В Лондон уже пришла весна, светило солнце. Однако для делегатов обоих съездов это было трудное время. 1907 год. Революция шла на убыль. Требовалось выработать тактику применительно к новым условиям, был необходим съезд революционной социал-демократии России. Революционная Россия ждала слова съезда...

То обстоятельство, что оба съезда собрались один за другим и оба в Лондоне, не было случайностью. Революционная социал-демократия Латвии к тому времени уже почти год как официально входила в состав РСДРП: одни и те же делегаты представляли

[1] Coup d'etat — государственный переворот *(фр.)*.

Латвию как на том, так и на другом съезде. Ехать дважды большой группе людей из России в Западную Европу означало вдвойне увеличить риск и расход из партийной кассы.

Помещение церкви Братства по утрам тонуло во мраке. Свет пробивался сквозь узкие окна, теряясь меж толстых стен, серых и шершавых. Более трехсот делегатов и гостей располагались на заседаниях своеобразно — в левом нефе сидели меньшевики, в правом — большевики, в центре размещались латыши, поляки, бундовцы; гости, как правило,— на хорах. Карл Янсон впервые участвовал в таком большом и авторитетном собрании.

Здесь был Степан Шаумян. Рассказывали, что он учился в Рижском политехническом институте, пока полиция его как «смутьяна» не удалила из Риги...

Появился и Максим Горький, высокий, худой, скуластый. Держался очень просто. В первый же день Капитан издали увидел и Плеханова. Возле него постоянно кто-то был, о чем-то спорили...

Латыши приехали на съезд довольно большой группой, они не держались обособленно. Старина Азис-Розинь, Ян Берзинь (Зиемелис) были здесь своими людьми, знали многих, и многие знали их. И это Капитана воодушевляло. Здесь он встретился с братом Янисом Янсоном (Брауном), с которым не виделся с марта, когда Янис покинул Берлин и поселился в Финляндии, поближе к родным местам. К брату, как успел заметить Капитан, собравшиеся относились уважительно. Горький обнял Яниса и трижды, по русскому обычаю, прижался к его щекам. Они были знакомы по Риге еще до революции, когда в местном русском театре ставились нашумевшие горьковские «Дачники».

Сюда приехал Ленин. Говорили, что по глубине мышления, по силе аргументации ему в России нет равных. Иные, правда, находили его крайне упрямым и неуступчивым, но не считаться с Лениным не могли. Капитан впервые видел Ленина, но знал о нем немало от Карла Зутиса, с которым разделил много трудных дней. А Зутис был в числе тех, кто беседовал с Лениным во время его приезда в Ригу в апреле 1900 года. Только один день, да и того меньше — часа полтора он видел Ленина, но запомнил эту встречу на всю жизнь. Особенно его покорила искренность, непосредственность Ленина. В разговоре о «Рижском бунте» 1899 года Ленин, по словам Зутиса, с ноткой восхищения в голосе воскликнул: «Да, Рига тогда прогремела на всю Россию!»

Своими впечатлениями о Ленине как-то поделился и Азис. Ему в Ленине как раз и нравились твердость, упорство, и он сказал в шутку Капитану, что Владимир Ильич походит на латыша, на умного латыша...

Капитан читал статьи Ленина в «Искре», которая доходила до Латвии. Еще раньше, когда Капитан фактически ведал складом партийной литературы в Германии, в его руки попала книга

Н. Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Только позднее он узнал, что Н. Ленин — это В. И. Ленин.

Когда на первом заседании объявили результаты голосования за членов президиума, Капитан услышал среди других имя Ленина. Потом он видел, как Розинь своими близорукими глазами поискал место у стола в президиуме и сел рядом с Лениным, поблескивая очками. В секретариат из знакомых избрали Е. Тиниса, в протокольную комиссию — Р. Пельше и Е. Дубельштейна, а в мандатную прошел друг Капитана Я. Ленцман. Капитан почувствовал себя гораздо увереннее на этом большом заграничном собрании, где страсти уже начинали разгораться. По рассказам очевидцев, общероссийские съезды партии всегда проходили остро, с большим накалом: такое уж было время.

Больше двух недель продолжался V съезд РСДРП. В исторической литературе он охарактеризован как съезд, который наглядно обнаружил две линии, две тактики в революции: революционно-пролетарскую линию большевиков и реформистско-буржуазную линию меньшевиков. Большевикам удалось сплотить вокруг своей платформы национальные социал-демократические организации и обеспечить победу революционной линии. Тактика большевиков была одобрена, несмотря на сопротивление меньшевиков, бундовцев, Троцкого, и принята как единая тактика для всей партии. Только в одном вопросе меньшевикам удалось протащить свою резолюцию — о партизанских выступлениях.

Неоценимое значение для съезда имели доклад Ленина об отношении к буржуазным партиям и его заключительное слово по этому вопросу. Вопрос удалось включить в повестку дня съезда лишь после упорной борьбы при поддержке польских и латышских социал-демократов. Силою обстоятельств вопрос об отношении к буржуазным партиям «встал во главе не только всех принципиальных вопросов съезда, но и всех работ вообще» [1],— писал позднее В. И. Ленин, подводя итоги работы этого трудного, но плодотворного съезда российской социал-демократии.

Большевистские резолюции съезда РСДРП дали партии и революционному рабочему классу России ясную перспективу дальнейшей работы и в значительной мере способствовали укреплению большевизма в Социал-демократии Латышского края.

В субботу 1 июня (по новому стилю, принятому на Западе) делегаты съезда РСДРП сошлись на свое последнее заседание. Председательствовал Ленин. Уже восьмой раз ему приходилось руководить заседанием съезда. И как ни трудна и сложна была эта обязанность — меньшевики, бундовцы, «нефракционный» Троцкий всячески пытались гнуть в свою сторону,— Ленин к концу съезда оставался бодрым, без видимых следов усталости...

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

Капитан высоко ценил это в людях. В море он встречал таких несгибаемых борцов — капитанов, штурманов, которые выходили из жестоких бурь с изрядно потрепанными кораблями, но сами не сломленные, не сникшие, готовые к новым схваткам со стихией.

3 июня, в понедельник, латыши открыли свой съезд в скромном зале «Кингсхолл», находившемся в восточной части Лондона. В память о павших борцах революции делегаты и гости спели стоя латышскую революционную песню.

В президиум избрали троих: Я. Янсона (Брауна), П. Дока, Т. Калныня, а протоколистов — девять, три тройки для последующего сличения записей. (Стенографирование было тогда слишком дорогим способом ведения протокола.) В одну из троек был избран и Капитан; в другие тройки вошли Ю. Гавен, Е. Дубельштейн, Р. Пельше, Я. Берзинь (Зиемелис).

Мандатная комиссия сообщила, что 26 делегатов имеют решающий голос: они были посланы на съезд непосредственно от организаций Латвии. Большая группа участников съезда получила совещательные права. В нее входил и Капитан, а также Ю. К. Данишевский, Я. Берзинь (Зиемелис), Я. Янсон-Браун, Г. Даберт, жена Ф. Розиня — Розинь-Добеле и некоторые другие.

Трудным оказался вопрос о регламенте. Съезд был очень ограничен в средствах: касса располагала примерно 150 английскими фунтами. Этого могло хватить не более чем на четыре дня для оплаты помещения, пособий участникам съезда и обратного проезда. Делегаты были готовы, если понадобится, после окончания съезда задержаться в Лондоне, чтобы заработать на обратный путь. Словом, финансовые проблемы были те же, что и на съезде РСДРП.

Удалось найти кредиторов. Некоторые из них ссудили деньги даже безвозмездно. В их числе был один из первых латышских марксистов — большевик Паул Дауге. Я. Ковалевский в 1932 году писал: «...в 1907 году только благодаря крупной денежной поддержке тов. Дауге 35 латышских делегатов могли оставаться лишнюю неделю в Лондоне после 5-го съезда РСДРП, принять участие во 2-м съезде СД партии Латышского края и вернуться из Лондона домой».

Сообразуясь с наличными финансами, съезд решил работать ежедневно с восьми часов утра до двух дня, затем после часового перерыва — снова до шести вечера. Однако и в восемь вечера нередко еще продолжались горячие дебаты.

На четвертое заседание съезда пришел Г. В. Плеханов. Его встретили громкими аплодисментами в ожидании блестящей речи — он славился своим ораторским искусством.

Плеханов поблагодарил за приглашение на съезд и выразил сожаление, что не может принять участие в его работе, поскольку

завтра вынужден покинуть Лондон. Он проникновенно сказал о героизме латышского пролетариата, так ярко проявившемся в дни революции. Плеханов говорил спокойно, без пафоса, как бы регистрируя точно проверенные факты. Далее он напомнил, что «всем надо быть марксистами», и эта мысль была произнесена еще более обыденно. Плеханов чуть повысил голос, заговорив о необходимости единства партии, которое превыше всего, ибо наш «противник силен и беспощаден и против него нам надо выступать единой силой». Он призвал съезд работать «в духе примирения и объединения» [1].

Товарищам Капитана и ему самому показалось, что Плеханов сознательно или нет, но как бы отодвинул в сторону все ожесточенные споры в партии российских социал-демократов как нечто незначительное. Да и что значит единство в революции? Скорее уж сначала необходимы знамя, цель, тактика действий, и тогда все, кто с этим согласен, могут стать единым целым.

Выступление Плеханова многих разочаровало...

На съезде обсуждались важные политические вопросы сложного процесса революции. Делегаты говорили и о чисто практических вопросах организации революционных боев — о вооружении революционных масс, действиях «лесных братьев», приобретении оружия, его транспортировке и о складах оружия. Против царского правительства нельзя было выступать с голыми руками.

Революция — явление противоречивое. Поэтому неудивительно, что «лесные братья», которыми так гордился народ и которых так ненавидели и боялись бароны и царские каратели, вызывали в партии споры. Меньшевики не раз обвиняли «лесных братьев» в анархии, ибо считали, что революция — это процесс, который протекает строго по пунктам, разработанным теоретиками партии. Меньшевики и их сторонники в Латвии немало шумели по поводу «анархических действий боевиков». Им на время удалось даже оклеветать такого преданного партии большевика, как Салнинь (Гришка), якобы подрывавшего партийную дисциплину. Однако на съезде СДЛК было немало и самих боевиков, живых свидетелей и участников героической борьбы, которые могли легко опровергнуть любую клевету на себя и своих товарищей.

На V съезде РСДРП меньшевикам удалось протащить резолюцию с осуждением партизанских выступлений. Многим было известно, как отнесся Ленин к действиям боевиков в 1905 году, освободивших в Риге из тюрьмы обреченных на смерть членов Рижского комитета ЛСДРП Я. Лациса и Ю. Шлессера. Ленин был тогда в Женеве, прочел об этой операции сообщение в буржуазной газете «Le Temps». И тут же написал статью «От обороны к нападению»,

[1] Latvijas Socialdemokratijas II kongress. M., 1935, 105. lpp.

где на живом примере показал глубокую разницу между индивидуальным террором и боевой тактикой массовой пролетарской партии. «Вот когда пионеры вооруженной борьбы,— писал Ленин,— не на словах только, а на деле сливаются с массой, становятся во главе дружин и отрядов пролетариата, воспитывают огнем и мечом гражданской войны *десятки народных вождей,* которые завтра, в день рабочего восстания, сумеют помочь своим опытом и своей геройской отвагой тысячам и десяткам тысяч рабочих.

Привет героям революционного рижского отряда! Пусть послужит успех их ободрением и образчиком для социал-демократических рабочих во всей России. Да здравствуют застрельщики народной революционной армии!» [1].

Съезд СДЛК по-деловому обсудил боевую деятельность членов партии.

Я. Ленцман располагал полной информацией о связях, транспортах оружия и был готов представить съезду эту информацию, разумеется с соблюдением полной конспирации. Предполагалось, например, создать специальную комиссию из делегатов съезда, которая ознакомится со всей информацией и выступит затем с сообщением перед делегатами. На последнем заседании съезда было сделано такое сообщение — о фонде оружия, которым располагала партия латышской революционной социал-демократии. В целях конспирации протокол не вели, и до нас эти сведения не дошли.

В докладе Заграничного комитета СДЛК на II съезде высоко оценивалась интернационалистская помощь, которую оказывал Карл Либкнехт латышам в интересах общего дела — российской революции... В этой связи в нем говорилось и о «гамбургском деле», упоминались Шлосс и Капитан.

После обсуждения доклада ЗК СДЛК по предложению Ф. Розиня было единогласно решено послать телеграмму Карлу Либкнехту.

На восьмом, вечернем заседании 6 июня было решено заслушать доклад о текущем моменте. Постановка этого вопроса еще при обсуждении повестки дня съезда вызвала большие споры. Лишь спустя много лет Капитан по-настоящему понял, что это заседание было кульминационным моментом съезда латышской социал-демократии. Дело в том, что на V съезде РСДРП большевикам пришлось вести острую борьбу с меньшевиками и бундовцами, которых поддерживал Троцкий, за то, чтобы обсудить ряд принципиальных общих вопросов, и «текущий момент» как самостоятельный вопрос так и не удалось включить в повестку дня съезда.

Спустя много лет Я. Берзинь-Зиемелис рассказал следующее: «Приглашая Ленина на свой съезд, латышские большевики имели

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 268—269.

в виду предложить ему прочесть доклад по вопросу о текущем моменте и уже заранее договорились с ним об этом. Здесь отчасти сказывалось желание латышских большевиков взять реванш за то поражение, которое в этом вопросе потерпела большевистская фракция на съезде РСДРП, где голосами меньшевиков, бундовцев и «примиренцев» было провалено большевистское предложение о включении в порядок дня общеполитического доклада о текущем моменте»[1].

Целью доклада В. И. Ленина было закрепить положение большевиков еще по одному принципиальному вопросу — о задачах пролетариата в современный момент буржуазно-демократической революции.

Когда Ленину было предоставлено слово для доклада, съезд встретил его дружными аплодисментами. Капитану повезло — на этом заседании он не должен был вести протокол и мог слушать н смотреть не отвлекаясь. Ленин приступил к докладу без всяких экивоков, которых вообще-то хватало в те дни на обоих съездах. Он только взглянул в зал с чуть заметной улыбкой, и Капитану показалось, что Владимир Ильич немного волнуется. Это волнение передалось аудитории, сблизило с ней оратора.

Закончив доклад, Ленин сразу же предложил и свою резолюцию, но не настаивал ни на каких формальностях. Он считал, что съезд должен решить, обсуждать ли этот проект сразу, или отложить его обсуждение до окончания других, более срочных дел, или вообще на этот раз проект резолюции не обсуждать, а открыть дискуссию в печати и на собраниях местных организаций по вопросам, затронутым в докладе и резолюции. Ленин не пытался как бы то ни было повлиять на делегатов съезда, чтобы они немедленно с ним солидаризировались. Самым важным в данном случае было добиться, чтобы делегаты поняли исключительную важность всех поставленных в докладе принципиальных положений о революции в России. Ведь резолюция нужна была не на бумажке, а как программа действий для латышской революционной социал-демократии. Ленин не без основания считал, что делегаты сами сумеют решить, какая форма обсуждения, какое время и место окажутся наилучшими для достижения цели.

Верой в сознательность делегатов съезда — а это делегаты почувствовали,— своим демократизмом Ленин вызвал всеобщие симпатии. Но главным средством воздействия на аудиторию были, как всегда, его аргументы, его логика.

Пройдет три года, и Ленин в своей статье «Юбилейному номеру «Zihna» отметит, что во время революции в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее видных

[1] Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига, 1969, с. 15—16.

мест. Возможно, в этом заключении нашли отражение и часы его пребывания на II съезде СДЛК.

А пока Ленин, оставив небольшую трибуну, сел в зале на переднюю скамью в ожидании реакции съезда. На этом заседании из 26 решающих голосов лишь 12 принадлежали твердым большевикам, два — противникам Ленина. Остальные 12 человек колебались между большевиками и меньшевиками, половина из них была идейно близка к большевикам. Поэтому большевики могли надеяться провести свою линию.

Предложенная Лениным резолюция носила сугубо принципиальный характер. В максимально сжатом виде она формулировала задачи истинных борцов в буржуазно-демократической революции, четко определяла ближайшие и более отдаленные цели революционного рабочего класса России. В ней указывалось, что главная задача пролетариата — доведение до конца демократической революции в России. Всякое умаление этой задачи неминуемо приводит к превращению рабочего класса из вождя народной революции, ведущего за собой массу демократического крестьянства, в пассивного участника революции, плетущегося в хвосте либеральной буржуазии. В резолюции отмечалось также, что, поддерживая всеми силами осуществление этой задачи, социал-демократическая партия ни на минуту не должна забывать самостоятельных социалистических целей пролетариата.

Екаб Янсон (Бунтовиц) и Роберт Пельше предложили никаких дискуссий по резолюции Ленина не открывать и присоединить ее к протоколам съезда.

Их предложение было принято, и съезд перешел к обсуждению следующего пункта повестки дня.

Через месяц «Циня» опубликовала этот важный ленинский документ, ставший документом революционной социал-демократии Латвии.

Сторонникам Ленина удалось, как это подтвердил съезд СДЛК, завоевать в Латвии прочные позиции; решения съезда о профессиональных союзах, безработице, демократических и военных организациях носили большевистский характер. В новый состав ЦК СДЛК вошли в основном революционные социал-демократы, а опубликованный ЦК манифест «Ко всему пролетариату Латвии» был составлен в большевистском духе.

Стрелки часов уже близились к полуночи.

Это последнее заседание было самым длинным, но все же съезд закончил свою работу еще 7 июня. Делегаты покинули небольшой зал «Кингсхолл» до 12 часов ночи, чтобы не пришлось снова добывать деньги для дополнительной платы за помещение. ЦК и так пришлось сделать заем, но съезд дал твердую гарантию, что полный расчет с кредитором будет произведен в самое ближайшее время: до 18 декабря.

До закрытия съезда состоялось последнее голосование — выбирали новый Центральный Комитет. Новый Центральный Комитет опубликовал манифест «Ко всему пролетариату Латвии», провозглашавший, что СДЛК будет работать в соответствии с директивами V съезда РСДРП, будет всеми силами содействовать тому, чтобы пролетариат смог выполнить роль вождя в буржуазно-демократической революции в России, что латышская революционная социал-демократия будет высоко держать знамя международной революционной социал-демократии.

Члены Центрального Комитета, как и большинство делегатов съезда, возвращались в Россию. Навстречу тяжелым испытаниям. Туда, где еще продолжались революционные бои, хотя революция явно шла на убыль и свирепствовали военные суды, лютовали каратели...

Вернувшиеся в Латвию члены ЦК Ф. Розинь, Ю. Гавен, Э. Зандрейтер, П. Док вскоре были схвачены и брошены в тюрьму. Делегата съезда Е. Дубельштейна (Сленгиса), отважного боевика, продолжившего свою трудную партийную работу в Елгаве под именем Эрнста Хейдемана, царские власти выследили, арестовали, подвергли зверским пыткам и казнили без суда...

Погиб Фердинанд Гринипь (Бурлак, Заляйс). Это были лучшие друзья Капитана, соратники по боевым делам.

...Выписка из автобиографической записи Карла Янсона от 8 октября 1933 года: «В 1907 году участвовал в Лондонском съезде РСДРП, а также в Лондонском съезде латышской социал-демократии. После съезда, согласно указаниям руководящих товарищей, я не вернулся в Россию, а остался за границей».

Оставаться за границей в то время, когда народ истекал кровью и нуждался, по крайней мере, в защите от царских янычар! Оставаться за границей, когда ты накопил такой ценный опыт революционной борьбы, а здесь, в Лондоне, прошел такую школу большевизма! Капитан теперь глубже, чем когда-либо, понимал, как «делаются» революции, глубже вник в марксизм, прошел еще одну ступень закалки воли, характера...

И надо оставаться вдали от родины!

Но таково было требование партии, и оно имело под собой серьезные основания. Для партии, для революции эмиграция выполняла особую миссию. «Заграничная база необходима и неизбежна для партии, которая действует в таких условиях, как наша» [1],— писал В. И. Ленин в 1910 году.

Оставаясь в эмиграции, надо было сделать все возможное для успеха там, на родине. Съезды дали ясно понять — ход революции изменился, выявилось ее поражение, значит, менялись тактика и способы борьбы с самодержавием. Звать теперь к вооруженной

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 232.

борьбе означало остаться в одиночестве, сомкнуться с одиночками-террористами, которые предлагали снова собирать деньги на оружие. Пройдет какое-то время, и Капитан будет снова возражать против такой «революционности». Он напишет в письме товарищу: «О новых заказах не может быть и речи».

Я. Берзинь-Зиемелис и Ю. Гавен вскоре после завершения V съезда РСДРП пошли к Владимиру Ильичу с приглашением выступить на съезде СДЛК. Они попали в небольшую меблированную комнату. На столе лежало несколько книг, рукописи. Состоялся разговор. В. И. Ленин, по словам Ю. Гавена, улыбался добродушной, хитроватой улыбкой и высказал тогда и похвалу, и упреки в адрес латышей:

— Вы, латыши, превосходные революционеры. Вы обладаете революционной экспансивностью французского пролетариата и выдержкой, стойкостью и дисциплинированностью немецкого, у вас громадный практический опыт, особенно в области партизанской борьбы. Вы создали хорошую, дисциплинированную образцовую подпольную организацию. Вообще вы хорошие революционеры-практики. Но в теории вы сильно хромаете. И здесь кроется опасность соскользнуть с последовательно революционной, марксистской линии и опуститься в оппортунистическое болото. Узкий практицизм, не видящий конечных задач, ведет к меньшевизму[1].

Похвала была лестная, тем более что она касалась, как думал Карл Янсон, самого важного в революции — смелости людей, самоотверженности в борьбе, сплоченной и целенаправленной организации. Однако, по Ленину, выходило, что это еще не все, и более того — даже хорошая практика рано или поздно должна быть подкреплена прочной теорией. Быть хорошим революционером-практиком — это только полдела.

Значит, преданности, честности и героизма боевиков, «лесных братьев» было недостаточно. Капитан знал, что были эсеры, а до них и народники, в большинстве своем — честные люди, но их борьба уводила на неправильный путь. Это верно. Партизанская борьба сильна лишь тогда, когда она одухотворяется замыслами партии и является частью большого дела настоящих революционеров.

Теперь Янсон начинал понимать, что есть более высокий идеал революции — сочетание революционной практики и революционной теории, подлинной теории.

Капитан в Латвию не вернулся. Однако и его ожидала борьба, как и каждого, кто идет нехожеными путями и чья жизнь принадлежит будущей победе.

---

[1] См.: Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 89.

Германские власти, увидев, что Николай II снова становится полновластным хозяином в стране, больше не желали иметь с эмигрантами каких-либо дел, способных навлечь обвинение в потворстве им, стали строже следить за россиянами и пользовались малейшим поводом для высылки их из страны.

Полицейские патрули обходили улицы, заглядывали в магазины, пивные, на частные квартиры. Они проверяли документы и особенно тщательно следили за эмигрантами из России — имеется ли у тех прописка, в порядке ли паспорт. Сомнение относительно документов приводило к обыску. Поэтому приходилось заботиться, чтобы дома не было «вещественных доказательств».

В 1907 году из Берлина в 24 часа был выслан латышский революционный социал-демократ К. Зандерсон. До появления полиции он успел избавиться от различных бланков и печатей царских учреждений для Латвии (Зандерсон по поручению партии готовил выезжающим в Россию «правильные документы»). Полиция нашла только фотографию А. Бебеля.

Из Германии был изгнан Ковалевский, вынужденный переехать в Англию.

Несмотря на все это, Капитан вернулся в Германию. Уже становилось правилом — где труднее, там он был необходим... Надо было завершить дела с Адольфиком, умело распорядиться оставшимся оружием и прочими припасами, которые были закуплены, но не отправлены в Россию. Для этого его направили в Германию.

Однако просто жить в Гамбурге он не мог из-за полицейских строгостей. Могли еще всплыть и недавние его «грехи», а там, глядишь, и потянут в суд. Поэтому Капитан нанялся матросом на корабль. Тем более что партия уже не могла полностью содержать своих «технических агентов». А пребывание в Гамбурге между рейсами он рассчитывал использовать — до минуты! — на выполнение партийного поручения.

Новое в работу Капитана внесло и то обстоятельство, что летом 1907 года в Западную Европу прибыл с высокими полномочиями и ответственным поручением Хр. Салнинь (Гришка). Последний сам об этом писал так: «С мандатом от ЦК, что я являюсь представителем этой группы (БТГ.— *В. Ш.*), и за подписью Владимира Ильича Ленина я должен был отправиться в Англию и Бельгию за оружием. В Англии мы должны были получить оружие от латышских соц.-дем. через их представителя в Англии Ковалевского (Кундзинь)» [1].

Гришка вошел в Лондонское отделение СДЛК, собиравшееся обычно в районе Вест-Индских доков, где постоянно обретались мо-

[1] Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг., с. 206—207.

ряки всех стран и наречий и, конечно, Латвии, и развил здесь бурную деятельность. Он установил связи с представителем ЗК СДЛК Я. Ковалевским, а также с Г. Дабертом, Я. Петерсом, К. Зутисом и другими. Выезжал в Бельгию, Германию. Гришка нередко писал строгие письма своим же товарищам. Вот одно из них (точный адресат неизвестен): «Ликвидация «Технической группы» была предусмотрена — поэтому я командирован сюда, чтобы ликвидировать ее заграничные дела. От Вас я должен получить имущество — часть я получил, но часть еще должен получить. Будут ли заграничные дела ТГ ликвидированы, или готовятся новые операции — это Вам знать не надо, и за это отвечаю я как заграничный представитель группы. Это я пишу потому, что Вы очень нетактично действуете. Подумайте!»

В таком тоне не было ничего удивительного: дисциплина и порядок требовались и во время отступления. Их-то Гришка и стремился насаждать. Он нажимал на Кундзиньша, тот в свою очередь бомбардировал письмами, просьбами и требованиями Капитана. К счастью, в архивах сохранились написанные зачастую карандашом его малоразборчивые письма, относящиеся к тому времени и довольно подробно раскрывающие его жизнь в тот сложный период.

Капитан отправился в море на немецком корабле «Кениг Вильгельм», совершил рейс в Америку под именем Карла Розенталя и вернулся в Гамбург примерно 10 декабря 1907 года.

По условленному адресу он нашел немецкие и латышские газеты и, по его словам, «был проинформирован о текущем положении и в России, и за рубежом». Это было чрезвычайно важно, ибо «за несколько месяцев [я] совершенно выбился из курса [дел]».

Янсон пишет письмо Кундзиньшу в Лондон и просит его, если есть что важное, немедленно сообщить в Гамбург. Он очень спешит — до следующего рейса немногим больше двух недель. «Пишите сейчас же, иначе будет поздно. 28 декабря я оставляю Гамбург и плыву в Аргентину». Как только пришел ответ, Капитан сразу отправился к Адольфику, и все оставшиеся дни ушли на переговоры, споры, убеждения. Тот все откровеннее хитрил. Комбинировал.

В длинном письме Ковалевскому перед самым отплытием Капитан написал обо всем: «Дорогой Кундзиньш! Все ваши письма прочитал и старался выполнить все, что было указано. Особенно все, что касается Адольфа. Там дела таковы: 1) 18 800 таб[ака] он берет обратно и, возможно поменяет на м[аузерные] трубки и уже почти согласен за одну тысячу [дать] одну м[аузерную] трубку, при этом он платит фрахтовку с [непонятное слово], только мы сами должны сдать, т. е. все должно быть упаковано и взято из нашего укрытия. 2) 6 телескопов — у него есть надежда продать их в январе 08 года; он уточнит и немедленно Вас известит. 3) О 200 апельсинах — он ничего не смог продать другим, но, возможно, кто-нибудь найдется. 4) За все он назначил около 350 марок, ибо он

не может избавиться от взятого назад и будет вынужден продать менее чем по 88 марок за тысячу. Но это все ерунда, что он говорит, будто не может переслать остальное. Я думаю, что нам надо быть дипломатами и до января не поднимать большого шума, лишь напоминать ему в письмах, что так ни один торговец не поступает: если приходится проигрывать, то проигрывают иногда с расчетом на будущее. О новых заказах не может быть и речи...»

Матрос К. Розенталь отправился в рейс. 29 декабря корабль должен был зайти в Саутгемптон, 3 января — в Лиссабон, а 18 января — уже причалить в Буэнос-Айресе.

Я. Ковалевский в то время жил неподалеку — в Боримуте на Дарракот-роуд, 8 (в доме тещи Александра Зиринса, латышского революционного социал-демократа), но его встреча с Капитаном на сей раз не состоялась. Корабль заходил в Саутгемптон всего лишь на три часа и, принимая пассажиров и почту, оставался на рейде. Карлу Розенталю как матросу при этом надлежало быть на своем месте. Даже если Я. Ковалевский прибыл бы с пассажирами на рейд, к борту, все равно поговорить бы не удалось. Капитан пообещал Кундзиньшу подробно написать с острова Мадейра...

Около 20 февраля 1908 года Карл возвратился из плавания в Гамбург. Он опять послал письмо Кундзиньшу, чтобы получить от него новые инструкции для завершения всех деловых отношений с Адольфиком. Опять следовало торопиться, поскольку Капитану вскоре предстояло отплыть на этом же судне в очередной рейс — в Южную Америку.

Менять судно не имело смысла: это означало бы подписывать новый контракт и при этом предъявлять документы, удостоверенные русским консульством. Закреплять за собой фамилию Розенталь Капитан считал нежелательным. Да и вообще являться к консулу после того, как русским властям стало известно о роли латышских революционных социал-демократов в оружейных «сделках», в нападении на банк в Финляндии, вряд ли разумно. Можно перейти на какой-нибудь английский корабль: там не требовалось особых документов, но стоит ли это делать сейчас?

В то же время Капитан чувствовал, что почва под ним колеблется. Царская зарубежная агентура разыскивала российских революционеров. Ей помогала и тайная полиция западноевропейских стран. «Здесь начинает неприятно беспокоить полиция,— пишет он Кундзиньшу.— Я еще не столкнулся с ней лицом к лицу, но не волнуйтесь: связываться с ней я не намерен, поскольку все еще очень осмотрителен, как всегда» (письмо от 2 марта 1908 года).

А в письме от 9 марта он уже сообщает Кундзиньшу: «В Гамбурге все прошло благополучно, хотя мои документы достаточно «мыты» и мною самим выписаны и можно нарваться на неприятности. Но все уже позади, а в следующий раз раздобуду бумаги получше».

Капитану приходилось менять фамилии, чтобы запутать ищеек. На немецком корабле он плавал под именем Розенталя. Некоторые письма он получал через Адольфа (тот шел на риск ради коммерции), и адресованы они были Клейеру. На гамбургской почте его ждали до востребования письма на имя Авенида. Кое-кому в Германии он был известен в то время как Эрдман... И возможно, это еще не все его имена...

Письмо от 2 марта 1908 года Капитан начинает с самого важного: «...я был у Адольфика, и он на нас сердится. Он просто недоумевает, почему мы не можем прислать имущество из Англии в Гамбург. Ведь это совсем простое дело. И, кроме того, надо же знать, сколько есть всего имущества... Я сказал ему следующее: пусть он выдаст документ на определенное имя, что это, мол, его агент и ему принадлежит это имущество, и тогда тот агент смог бы пойти к экспедиторам и последние направили бы все сюда. Но он хочет еще подумать. И второе — на чье имя можно было бы написать такой документ, должен ведь он знать, кто возьмется за это дело. Или Вы сами туда поедете, или поедет товарищ-латыш из лагеря Черткова [1]. Во всяком случае имя необходимо, если мы хотим здесь получить такой документ... А может быть, дело в другом: Вы пишете, что испортилось больше половины, и их высыпали в море, и сейчас там только 7500!!! Я думаю и уверен, что там нет ничего! Они все высыпали в море или продали?! Если шведы кофе использовали для своих нужд, то почему так не смогут сделать англичане?..

Пишите тотчас же, экспресс-почтой, сколько в действительности еще имеется имущества, где оно находится и на чье имя можно было бы выдать [непонятное слово]?

Отвечайте на адрес Адольфика, а внутри конверта — для Клейера. Я у него, самое последнее, могу быть в пятницу в 8 вечера. Утром в субботу уже ухожу в море.

Что касается телескопов, то пока ничего не удалось, но во всех случаях они останутся до мая (еще месяца два), тогда получим окончательный ответ, да и я буду дольше на берегу и посвободнее, поскольку в мае я спишусь с этого корабля...»

Перед самым отплытием Капитан все же еще раз заскочил к Адольфику. К счастью, долгожданное письмо на имя Клейера в контору Адольфика уже пришло.

Карл так задержался на берегу, что еле успел на судно, даже не смог опустить в городе письмо о содержании своей договоренности с Адольфиком. Об этом он написал уже в море, в первую же свободную минуту: «...через Адольфика получил Ваше письмо и сразу же попросил его указать агента в Эдинбурге или Лите. К сожалению, он мне такового не назвал, но предложил, чтобы Вы

[1] Вероятно, речь идет о члене Лондонской организации СДЛК Александре Зиринсе (Саша), с которым Ковалевский жил в одном доме в Борнмуте.

написали ему бумагу, указав в ней, что столько-то и столько-то имущества находится в таких-то городах и местах и что принадлежит это ему, тогда у нас не будет никаких забот и хлопот. Он мне сказал, что об этом предложении уже писал Вам, но Вы ничего ему не ответили...

Однако, возможно, до мая месяца с этим имуществом Вы доведете дело до конца; и я тогда буду в Гамбурге дольше и, может быть, отправлюсь на каком-нибудь пароходе в Англию, ибо мне с этого корабля придется уйти». Письма полны волнения, беспокойства. Где-то за ними стоял Ковалевский и чувствовалась твердая рука Гришки... Ответственность давила плечи, сжимала сердце.

В свое время Капитан предполагал, что именно через Англию можно будет с успехом отправлять оружие и боеприпасы в Россию. Вероятно, тогда и было отправлено в Англию то «имущество», которое значилось в письмах Капитана как «18 800 порций табака» (его Адольфик согласился взять обратно), но которое неизвестно в каких условиях хранилось англичанами на складе, возможно, с намерением привести его в негодность. Ныне Капитан, как мы видим из его писем, метал громы и молнии относительно надежности англичан, их отношения к революционным эмигрантам из России. Он, по крайней мере интуитивно, сознавал, что власти Великобритании всячески притесняют революционных эмигрантов, препятствуют закупке оружия, ведут себя не лучше бельгийских, шведских властей.

Сегодня мы можем привести документальное подтверждение этому, найденное автором в правительственных архивах Великобритании.

...Еще 29 января 1906 года царский посол в Англии Сазонов обратился с нотой в министерство иностранных дел к сэру Эдварду Грею — не допускать экспорта оружия в район Вислы [1], в Курляндию, в Лифляндию, Кронштадт и Финляндию. Нота вызвала у правительства Англии недоумение. Россия в состоянии войны не находится, как же тогда запретить ввоз оружия? Как выступить в парламенте с проектом о запрещении? Воспользоваться тем, что в России введено военное положение? Но ведь это неприятный прецедент! Министерство внутренних дел считало возможным принять соответствующие меры, но с условием, чтобы они были «practicable», то есть осуществимы.

Всполошились и торговцы оружием. Ведь если будет принято такое запрещение, все клиенты предпочтут другие европейские страны.

Наконец, в документе министерства внутренних дел появилась авторитетная запись от 12 марта 1906 года: «Русское прави[тель-

[1] Имеются в виду польские губернии России.

ство] просит нас сделать в мирное время то, чего мы обычно не делаем во время войны».

В Англии были влиятельные люди, которые хотели и впредь свободно торговать оружием... Сазонову разъяснили, что его предложение в Англии оценивают понимающе, положительно, но оно, к сожалению, «non practicable».

Однако торговля торговлей, а политика борьбы с революционными элементами в Англии остается в силе. Английские власти скрупулезно, настойчиво помогают царскому правительству бороться с агентами по закупке оружия в Англии и отправке его в Россию. На этот счет в лондонских архивах также были найдены официальные документы.

Рассматриваем большую переписку между министерством иностранных дел, русским посольством в Лондоне и английской полицией. Начало переписки — 23 июля 1907 года, конец — 3 апреля 1908 года. Бумаги с грифами: «Секретно!», «Оружие для России», «Латышские революционеры. Крумин» и пр. По просьбе барона Бенкендорфа из русского посольства в Англии разыскивали «латышского революционера» Петера Крумина, который, по агентурным сведениям, в июне 1906 года покинул Ригу, чтобы добраться до Лондона за оружием...

Власти искали описание этого человека, искали его фотографию, чтобы облегчить полиции поиск опасного Петера. Обо всем, что узнавалось, участники преследования взаимно информировали друг друга. Вот записи в деловых бумагах министерства иностранных дел: «Барон Бенкендорф дружески проинформирован нами о предпринятых шагах. Е. 31 июля 07». «Выяснили ли частным образом у Бенкендорфа? Информируйте его об этом. Л. О. 31.1.08» и т. д. и т. п.

Петера Крумина полицейские ищейки так и не нашли [1]. Но это не умаляет рвения полиции и заслуг английских властей перед царским самодержавием (хотя приведенные факты и стали известны только сейчас).

Да, в проницательности Капитану отказать нельзя!

А с Адольфиком стало нелегко разговаривать. Он все менее входил в положение «клиентуры» и держался за каждую «заработанную» марку. К тому же у Капитана возникли осложнения и с работой. «В Гамбурге сейчас прямо-таки неблагополучно с работой, а найти работу на море совсем трудно» (письмо от 9 марта 1908 года).

Кундзиньш приглашал Капитана в Англию, где тот мог бы найти себе занятие, да и активно работать в одной из эмигрантских латышских организаций, возможно, стать партийным пропагандистом. Но Капитан от этого предложения отказался. В душе даже

---

[1] Кто в действительности скрывался под именем Петера Крумина, пока остается невыясненным.

несколько обиделся, подумал, что хотят отозвать из Гамбурга и прислать другого. Гришка хоть и товарищ, но за промахи взыщет... Написал, однако, иначе: «Дальше о своем решении не ехать в Лондон... Не могу сказать, что мне не под силу написать и прочесть несколько докладов, но дело в том, что после месяца такой жизни я бы оказался со своими нервами совершенно в незавидном, нежелательном положении, поскольку я неоднократно убеждался, что только физическая работа, строгая дисциплина оказывают на меня положительное влияние. (В следующий раз по возвращении в Гамбург попробую выступить с докладом по какому-нибудь вопросу, хотя на корабле трудно подготовиться.)

Я не могу даже себе представить, что мне удастся найти в Лондоне какую-нибудь работу, а жить на пособие от партии я не согласен, тем более что и пропагандист, и профессиональный организатор должны иметь особые способности, лучшую подготовку...» (письмо от 6 мая 1908 года).

В те трудные дни Капитан духом не падал, однако поражение революции, драматические события в России воспринимал с болью. И все же веру в победу правого дела не терял.

В связи с арестом в Риге 26 человек — членов городского комитета и некоторых членов ЦК СДЛК,— когда брату Янцису, как писал Капитан Кундзиньшу, «благодаря длинным ногам и счастливой случайности удалось улизнуть», Карл Янсон утверждал: «Моральный дух у рабочих здоровый; конечно, отдельных людей, конференцию комитета [можно] арестовать, загубить, но армию с.-д. в Прибалтике никогда не удастся разбить, в ее ряды вступают все новые и новые отряды» (письмо от 9 марта 1908 года).

Капитан намеревался оставить немецкий пароход «Кениг Вильгельм» и в мае 1908 года наняться на английское судно. Правда, немцы лучше кормили и несколько больше платили. Но у Капитана были и другие цели.

«Я собираюсь поступить на какой-нибудь английский пароход и таким образом еще поучиться английскому; надо сказать, что на немецких пароходах овладеть немецким ни один смертный не может, потому что говорят они [моряки] совершенно неправильно и каждый по-своему, и то, чему здесь научишься, это не немецкий язык, а какой-то жаргон с примесью английских, шведских и датских слов. Я подучился только по учебнику и свободно читаю и понимаю [немецкие] газеты и всякие книги (за исключением сугубо теоретических). Думаю, что пробуду за границей не более года, и это время следует использовать для изучения английского языка, поскольку в моей профессии он нужен больше, чем любой другой» (то же письмо от 9 марта 1908 года).

В России воцарилась реакция, и предвидеть, сколько она продлится, никто не мог. Следовало как-то стабилизировать свое положение, чтобы новый подъем революции встретить в готовности.

«...Я задумал легализироваться, предварительно подготовив для этого условия. Завтра я поступаю на английское судно под своим настоящим именем, с правильным адресом, местом рождения и т. д. И, когда я оставлю это судно, у меня на руках будут безупречные документы. С этими документами я сам (а могу передать и товарищу) буду продолжать плавание на английских кораблях и, как только стану правильно говорить по-английски и еще понадобятся деньги — около 20 фунтов стерлингов, смогу получить английское подданство. По закону я должен для этого отработать на английских судах 5 лет, но это можно сделать и раньше, нужны только некоторые деньги и связи (последние у меня имеются). После принятия подданства, уплатив 2—5 фунтов стерлингов, я могу сдать экзамены на капитана без прохождения школы.

Это потребуется в том случае, если дома действительно погода совсем не переменится и реакция затянется еще на много лет» (письмо от 13 мая 1908 года).

Однажды, возвращаясь в Западную Европу, пароход вошел в Лиссабонский порт. Тревожное сообщение застало здесь Капитана. На берегу он купил красочную открытку с видом Лиссабона, чтобы послать ее Кундзиньшу. В коротком тексте на открытке от 26 апреля Капитан настаивал сделать все, чтобы освободить арестованных в Латвии. «Не знаю, как быть с освобождением. Нужную дружину я бы собрал, у меня имеется много хороших товарищей, т. е. близких друзей... Вышлите сразу же вымытые печати, ибо мне они, вероятно, понадобятся». И здесь же он сообщает гамбургский адрес и свои новые позывные — Авенида. Так и кажется, что его жгла память о судьбе Бурлака, которого тоже в свое время хотели освободить, послать группу боевиков в Латвию. Тогда этот план не удался.

Мы ничего не знаем ни о деталях, ни о судьбе плана освобождения товарищей, которые томились в рижских тюрьмах, но он характеризует Капитана уже сам по себе. Всегда готовый на отчаянный, смелый поступок. Всегда готовый помочь товарищам в беде. Чего бы это ни стоило!

Гамбург, куда корабль прибыл, вероятно, 6 мая, ничего радостного ему не сулил. Вернувшись из этого рейса, Капитан, как и задумал, списался с немецкого судна, но с работой было трудно. Он подыскивал английский теплоход с рейсом в Буэнос-Айрес, но был согласен и на маршруты в Китай, Японию. Такой корабль вскоре подвернулся. Карл нанялся на рейс с заходом в Кардифф, а затем и в Буэнос-Айрес. Но вдруг обнаружилось, что в предыдущем рейсе на этом корабле разразилась эпидемия тифа и желтой лихорадки. Хозяева скрыли это, как и смерть двух матросов от болезни, и, боясь огласки, даже не продезинфицировали помещения на корабле. Капитан, не желая искушать судьбу, покинул корабль. Покинул и не пожалел об этом. Он писал: «Материально я немного пострадал,

но это ничего. В итоге на этот раз вышло, что я три недели бился без места».

Теперь уже выбирать особенно не приходилось, и он искал возможности снова поступить на немецкое судно.

В многотрудных поисках работы была одна польза — оставалось свободное время. И конечно же первым делом Капитан бросается к Адольфику.

А у того произошли большие изменения. Он обзавелся новым магазином, который разместился в огромном здании, «грандиозно распростершемся», по словам Капитана, на самой респектабельной улице Гамбурга. В высоких витринах Адольф выставил начищенные и смазанные «телескопы» (кстати, ему не принадлежавшие!) и, благодушно настроенный, заявил, что «телескопы»-де могут оставаться и впредь у него и за это платить не надо... Капитан писал Кундзиньшу: «Наши «автоматические» он выставил в витрине и, таким образом, на них нет и признака ржавчины, я сам их осмотрел — смазаны и в порядке. Он пока еще не нашел покупателя...» (письмо от 6 мая 1908 года).

Капитан имел поручение забрать эти «телескопы», чтобы развязаться с Адольфом и где-то их спрятать. Но он считал неразумным посылать «телескопы» в «город, где живет Земитис»[1]. В Гамбурге было безопасней. И он нашел лучший выход: пусть «телескопы» по-прежнему стоят в роскошных витринах. Ведь они служат рекламе, а значит, их полная сохранность обеспечена.

Что же касается попытки полностью распроститься с Адольфом, то это оказалось не так-то просто. За Адольфом числились еще значительные суммы, которые он в свое время получил от «технических агентов» СДЛК и, как показало время, не торопился возвращать. Всячески тянул, и дело дошло до того, что в ЦК СДЛК стали подумывать, нельзя ли у Адольфа эти суммы отсудить...

С лета 1908 года по поручению Я. Ковалевского «делами» с Адольфом стал заниматься К. Зандерсон (Земитис). Почему не Капитан, это мы увидим дальше.

Завязалась оживленная переписка между Ковалевским, Зандерсоном и Адольфом. «Телескопы» продолжали еще в 1910 году стоять в витринах магазина. Зандерсон в своих воспоминаниях писал: «Франк как энергичный торговец хотел извлечь для себя еще какую-нибудь прибыль, повышая цену на оружие и вводя всякие наценки. Я переговорил по этому делу с д-ром Карлом Либкнехтом, в письме мы называли его Карлушей, нет ли возможности заставить Франка через суд придерживаться договоренности. И на это получили отрицательный ответ, о чем я сообщил Кундзиньшу (Ковалевскому). От намеченных действий мы отказались, и я был уполно-

[1] Речь идет о Берлине. Земитис-К. Зандерсон после высылки из Германии вернулся туда под другим именем и работал там в конторе Вильгельма Озе.

мочен получить от Франка оставшуюся сумму, величину которой не помню. Помню только свою поездку в Гамбург за деньгами, что оказалось довольно сложным поручением, ибо мои документы были не в порядке. Поэтому я решил на денежных документах подписаться именем начальника своего бюро — Озе (Wilhelm Ose), с просьбой перевести эти деньги на берлинский банк, кажется, на Коммерческий банк. Как только я вернулся в Берлин, я рассказал Озе, в чем дело, и попросил его помощи. У Озе в банке был свой счет. Когда его спросили в банке, действительно ли на документах его подпись, он полностью это подтвердил. Деньги после этого были переведены на его счет, откуда он их взял и передал мне, чтобы внести в партийную кассу».

А теперь вернемся к Капитану. 21 мая он написал Кундзиньшу о всех своих напастях: «С работой здесь довольно скверно, лишь каменщикам лучше; найти работу на судах трудновато». Но не успел он это письмо отправить, как вдруг засветило солнышко, и он в большой спешке дописывает на свободной части листка: «22/V. Через час надо быть на корабле, и завтра уже отправляюсь в море... Через пять недель буду снова в Гамбурге. С наисердечнейшим приветом. Кажис».

И действительно, 23 мая 1908 года Капитан на пароходе «Президент Грант», курсировавшем на линии Гамбург — Америка, покинул Западную Европу.

Он отправился в очередной рейс, не подозревая, что идет навстречу крутому повороту в своей судьбе...

Помощник капитана, набиравший команду, с первого взгляда почувствовал, что этот матрос не прост, но допытываться ни о чем не стал, а только прикрикнул:

— У нас тут не умничают, у нас матросы работают и выполняют приказы...

Команда корабля состояла в основном из немцев, а также бельгийцев, французов. Из России был один Капитан. Он объяснил помощнику капитана, что бежал из своей страны, не желая сложить голову, ведь в России теперь не разбираются, кто прав, кто виноват, последнее слово всегда остается за полицией. И этого оказалось достаточно.

Этот комфортабельный немецкий пароход казался пассажирам райским уголком — здесь все сияло чистотой, сверкали медные ручки и поручни, по вечерам оркестр играл вальсы и отрывки из опер Вагнера. Матросы же здесь находились на положении настоящих рабов.

Каторжная работа сплотила разноязыкую команду. На корабле разразился бунт. Поводом послужил какой-то пустяк, но он переполнил чашу терпения. Пароход только что коснулся бортом американского причала. Надо было высаживать пассажиров, а матросы отказались и пальцем шевельнуть. Это могло подорвать престиж

солидной германской пассажирской линии, и капитан не на шутку струхнул. Прибывших, конечно, высадили, но вместе с ними сошли на берег и матросы, с добрый десяток: часть немцев, бельгийцы, почти все французы...

Сошел на берег и организатор этой забастовки Карл Янсон, по кличке Капитан. Под ногами у него была земля Америки, неопрятный нью-йоркский причал. За спиной оставался белый «Президент Грант», освещенный слепящим, почти белым солнцем.

Новые чувства охватили Капитана. Казалось, случилось непоправимое. Где-то далеко осталась земля, политая кровью и потом, и его пот, кровь и слезы удобрили ту землю. Там он родился и жил. Там были могилы всех Янсонов, могилы его товарищей, там продолжалась борьба — глухая, неукротимая...

Он вспомнил Финляндию, кровавую драму. Там остались его товарищи. А ты теперь на краю света, и не узнаешь об их судьбе, не сможешь им ничем помочь.

Тяжкие мысли рвали сердце на части. Боль в груди не прекращалась. Оказавшись как бы выброшенным на американский берег, он почувствовал себя оторванным от Родины.

И перед ним, как в калейдоскопе, прошли события в Финляндии.

...После экспроприации банка в Гельсингфорсе от одного из ее участников в Латвию пришло письмо:

«Милая мама, братцы, родственники! Сим сообщаю вам, что мы находимся в гельсингфорсской тюрьме. По какому делу, это вы узнаете из газет. Я сообщу вам только, в каком состоянии мы находимся. Несмотря на то что наше дело носит политический характер, нас одели в «мундиры» уголовников. Яна и Карла [Чокке] заковали в кандалы. Будет суд, и еще неизвестно, будет смертная казнь или каторжная...»

В июне 1906 года Яна, Карла и Густава Чокке, Христиана Треймана, Петера Салина и Эмму Гайлитис привели в суд под сильным конвоем. Суд был нескорым и неправедным.

Эмму Гайлитис вначале приговорили к двум годам тюрьмы. Но кому-то пришла в голову мысль проявить к ней своеобразную гуманность — вместо заключения в тюрьму власти объявили ее бродягой и намеревались выслать на родину — в Латвию. Туда, где у людей при налетах карателей стыла кровь в жилах. В финских газетах прозвучали голоса протеста. И все же Эмму выслали. Оказавшись в обстановке полного произвола палачей, Эмма Гайлитис исчезла навсегда. Была сослана в Сибирь? Расстреляна? Повешена? Никто ничего не знал. Не знал и Капитан.

...Тяжелым был путь на Голгофу Петера Салина. При вынесении ему приговоров, а их было несколько, весы Фемиды колебались. Гельсингфорсский суд присудил Салина к девяти годам и пяти месяцам каторги с последующим лишением на десять лет гражданских прав.

Адвокат уверял его, что все обвинения легко опровергнуть и добиться снижения наказания. И Петер подал на обжалование. Прав оказался адвокат: прежний приговор был отменен, и Салину присудили только два года тюрьмы «за утайку краденого». Можно было обратиться еще в самую последнюю инстанцию — имперский финский сенат. Но инстанция эта окончательная! Либо полностью оправдают и освободят, либо все может быть иначе...

Срок подачи дела на пересмотр истекал. И, кажется, в последний день этого срока Салин все же решился. Результат оказался ужасным: сенат отменил предыдущий приговор суда, приговор был жесток — десять лет каторги, а в последующие 15 лет — лишение гражданских прав. (Салин, таким образом, мог стать полноправным гражданином, если выживет, только... в 1931 году.)

Какое-то успокоение приносили письма от младшего брата Юлия из Риги. Он сидел в камере рижской централки в ожидании суда... Юный Юлий писал бодрые письма, всячески воодушевлял брата.

Юлий с товарищами предстал перед военно-полевым судом. Его приговорили к смерти, которая парила тогда над каждым, кто был честен, кто боролся... Последнее письмо брата в Финляндию шло очень долго под незыблемым оком бдительного начальства, но все же дошло. «Милый дорогой брат! Стою у врат смерти... Меня, так же как и других, приговорили без каких-либо доказательств.

...Самые горячие приветы от всех, кто стоит перед смертью. Последние мои поцелуи. Твой брат Юлий Салин».

Потом было дописано обращение уже не к брату: «Прошу покорнейше, господа, переслать поскорее это последнее мое письмо. Меня осудили на смерть...»

Петер прочел письмо. Заплакал. Ведь Юлию не было еще и восемнадцати. Огрызком карандаша написал на полях письма: «Да здравствует политическая свобода! Прощай, дорогой братец. Спи спокойно. Слава погибшим! Ты, братец, давно уже в могиле, а я все же получил от тебя вести».

Он еще долго смотрел на подпись Юлия и на штамп, придавивший святую страницу: «Просмотрено прокурором Рижского окружного суда».

Особенно тяжело стало Салину, когда его перевели из гельсингфорсской тюрьмы в тюрьму в Або, порядки которой отличались изощренностью.

Салин писал жалобу прокурору:

«Уже прошло четырнадцать длинных месяцев с того дня, как я брошен в тюрьму за сырые ее стены. Работаю, как все другие несчастные, все дни напролет, в маленькой камере. Работаю со старым тряпьем, из которого вяжу чулки и которое полно пыли. Замучен клопами. Моя камера к тому еще не отапливается. Прошу перевести меня для работы в другое помещение».

Пыль, клопы, холод...

«Прошу улучшить наше питание, особенно утром и вечером. Вечером я вынужден довольствоваться кусочком засохшего хлеба и кружкой холодной воды. В груди у меня болит, поэтому я не могу кушать соленую салаку, которую мне выделяют. Имея свои деньги в той тюрьме, где я находился раньше, у меня было право выписывать съедобное. Здесь это не разрешено».

Голодал и болел...

«Особенно прошу, чтобы разрешили читать газеты. Если нельзя их получить в тюрьме, то хотя бы разрешили приобретать их за свои средства... Дайте мне книги, научную литературу и вообще литературу, газеты, бумагу и прочее, что необходимо для писания. Разрешите мне удовлетворить потребности духа и моего сердца, полного чувств...»

«Преступников» давили и духовно...

«Прошу продлить время наших несчастных прогулок. Место наших прогулок мало чем отличается от камеры. Под ногами асфальт, разве только нет крыши над головой. Человек не видит даже землю, не чувствует ее живую влагу. И вот так только полчаса... Решаюсь просить — раз в день, по крайней мере, один час для прогулки».

Салин писал дальше:

«Я не могу произнести ни одного слова, меня сразу же прерывает охранник, громко стуча ключами в железную дверь, так что звенит в ушах. Прошу перевести меня в общую камеру к моим землякам, которые страдают так же, как и я. Если нельзя в общую камеру, тогда хотя бы разрешить поговорить с ними. Не разрешают переписываться с моими близкими, оставшимися на родине. За исключением того одного письма, которое разрешено получить и отправить раз в месяц. И также прошу разрешить писать мои письма на родном языке».

Заканчивая прошение, Петер не стал скрывать свои взгляды и высказался до конца:

«Я пришел в этот мир не для того, чтобы меня заковали в кандалы. А для того, чтобы разорвать кандалы несправедливости. Я представляю те массы, которые стремятся добыть для всех счастье и благополучие... Если мне предстоит даже погибнуть, от своих идей я не отступлю ни на шаг, не отступлю от наших общих целей. Только вперед! Ибо знаю, что жизнь есть борьба. И счастлив тот, кто идет навстречу этой борьбе!.. Может быть, я не получу никакой помощи в ответ, так как являюсь противником существующего государственного строя. И сейчас, как и прежде, я говорю: этот строй уже начали сметать и его надо смести».

Подписал: «Пишет осужденный Петер Салин, латышский революционер».

Не зря все же Петер писал прокурору: ему разрешили пользо-

ваться тюремной библиотекой, газеты же по-прежнему не выдавали.

Библиотека стала для него отдушиной. Он читал Гоголя, Толстого, Фейербаха, Демокрита, Гольбаха, книгу по исследованию мозга, историю Вавилона и даже... «Капитал» Маркса. Как попала эта книга сюда?

На латышском языке здесь ничего не было. Он набросился на русские книги.

Салин стал вести дневник. Дневник только для себя! На первой странице он написал: «Жизнь в тюремной одиночке, когда ты исключен из мира на долгие годы, и когда из этого мира сюда не проникает ни одно слово, ни один звук, и когда ты не видишь ничего из того, что раньше так горячо волновало твое сердце, и сейчас только видишь, как все уничтожено... это можно рассказать только тому, кто сам испытал подобное...

Если мои тетрадки попадут в чужие руки, прошу отказаться от их чтения».

Он понимал, что заболевает: одолевала бессонница, по ночам не отпускали кошмары. Когда хорошо себя чувствовал, писал письма матери, письма иногда получались путаные и в то же время нежные.

Из этих писем что-то доходило до друзей на свободе, доходило и до Капитана. Только ничего друзья не знали о Яне Чокке...

На суде прокурор потребовал для Яна Чокке пожизненного заключения трижды и затем еще 19 лет тюрьмы. Но суд проявил «снисходительность», видимо справедливо учтя, что жизнь у человека одна, и приговорил его к каторге. Яна Чокке поместили в одиночку. И он ничего не знал, что происходит за этими узкими стенами, там, в огромном мире. Он не писал апелляций к пересмотру приговора. Он был словно свободолюбивый могучекрылый орел. Ему не нужна была полусвобода. Или все, или ничего!

Долго не знал Ян Чокке о том, как поступили власти с Эммой Гайлитис. От одного человека на краткой прогулке во дворе тюрьмы он узнал все и совсем ушел в себя.

Иногда Ян доставал чудом сохранившееся у него письмо, которое он впервые получил от Эммы накануне их знакомства.

«Дорогой товарищ! — писала она.— Вам, вероятно, покажется необычным, что я, не будучи лично знакома с Вами, посылаю Вам свою фотографию, но я люблю Вас без каких-либо церемоний. Для меня было бы большим счастьем познакомиться с Вами. Если это чисто моя фантазия, то все же прошу Вас, напишите мне ответ».

Ян ответил тогда Эмме. И они пошли вместе той трудной дорогой, что сами же выбрали.

Спустя четыре года после приговора, в возрасте немногим больше тридцати, не выдержав жестоких испытаний, Ян Чокке скончался...

В других камерах, за такими же сырыми и толстыми стенами, мучились другие. Тоже товарищи и сподвижники Капитана. Карл и Густав Чокке, Христиан Трейман. Легче других переносил все тяготы Трейман. Он был самым молодым, на каторгу попал девятнадцатилетним. До этого уже раз арестовывался в Риге, потом участвовал в нападении боевиков на рижскую тюрьму, когда были освобождены революционеры, приговоренные к смерти. Об этой операции тогда с высокой похвалой отозвался В. И. Ленин.

Трейман был человеком могучего духа, ведь не случайно он дожил до 91 года...

Христиана Треймана и Петера Салина освободили из тюрьмы по амнистии в честь трехсотлетия дома Романовых. Салин был совсем больным.

За стенами тюрьмы их, однако, поджидала неудовлетворенная алчность жаждущих палачей. Начальник Лифляндского губернского жандармского управления уже не раз просил, чтобы ему из Финляндии передали всех «преступников» — уроженцев Лифляндии — братьев Чокке, П. Салина, Х. Треймана... Теперь он просил уведомить, «освобождены ли из-под стражи» Салин и Трейман. «В утвердительном случае выбыли ли указанные лица из пределов Финляндии и куда именно». В Латвию пошел сожалеющий ответ: «...арестанты Абоской карательной тюрьмы (имярек) согласно высочайшему манифесту выпущены на волю... Выбыли в Санкт-Петербург, докуда получили даровые билеты».

Видения этой трагедии прошли в сознании Капитана. Едва сошел он на землю Америки, как дал себе слово, что вернется в Гамбург через пять недель. Но он не знал того, что все окажется по-другому. Пройдет более десятилетия, прежде чем он снова увидит Европу, Латвию, и все будет при совершенно других обстоятельствах...

ЭХО ТИТАНИЧЕСКОЙ БУРИ

РОЖДЕНИЕ ЧАРЛЗА ДЖОНСОНА

После поражения первой российской революции в Америку прибыла значительная часть революционной эмиграции из Латвии. В США тогда свирепствовал жесточайший экономический кризис, прежде всего обрушившийся на эмигрантов, не знавших местных условий и, как правило, не владевших английским языком.

Нужда заставила первыми выучить слова: «I am looking for job!»[1] Облачившись в лучшее, что только можно было раздобыть, люди отправлялись на поиски счастья. И обычно такие поиски продолжались не день и не два... Лишь товарищеская помощь — революционные эмигранты из Латвии нередко жили в США коммуной — спасала многих от голода и падения на дно жизни в этой богатейшей стране.

Среди латышских эмигрантов в Америке тогда рассказывали о том, как некий новичок родом из Латвии, отчаявшись найти работу, нанялся на захолустную ферму, которая считалась самым гиблым местом во всей округе. Голодный, но еще сильный, латыш работал неистово. Фермер каждые четыре часа менял загнанных лошадей, а работнику отдыха не давал, но тот держался, словно железный. И все же однажды утром работника на месте не оказалось. Он исчез так же внезапно, как и появился: для этой проклятой фермы даже у него, Карла Янсона, не хватило сил.

Янис Озол писал Заграничному комитету СДЛК из Америки 7 ноября 1907 года: «Только в Элизабете (штат Нью-Джерси.— *В. Ш.*) примерно из 60 латышей 20 уже без работы. Надо удерживать каждого эмигранта от намерения отправиться в Америку... Эмигрантов, как не знающих языка и неспециалистов, всегда увольняют первыми».

Легче удавалось найти работу в промышленных городах Восточного побережья: на фабриках и заводах, в каменоломнях и на лесозаготовках, на строительстве. Интеллигенты соглашались быть простыми рабочими. Учитель Д. Бейка стал рабочим вагоноремонтных мастерских, П. Круминь и М. Юрцен — также учителя — пошли на завод подручными. Вот как описывались в эмигрантской социал-

[1] «Я ищу работу!»

демократической газете «Страдниекс» («Рабочий», № 10 от 6 марта 1907 года) условия жизни на работах в лесу: «В комнате спят 45 мужчин. Посредине комнаты печь, в комнате одно окно. Вдоль стен повсюду нары в два этажа. На них солома и одеяла. Можно ли представить себе, какой здесь воздух, когда вечером приходят рабочие из леса и развешивают в комнате свою мокрую одежду?.. В помещении, где едят, страшная грязь...»

В своем очерке «Красные эмигранты в Америке» (1936 год) Д. Бейка подчеркивал: «Латышские красные эмигранты столкнулись с самыми скотскими способами эксплуатации, которые существуют только в Америке».

В 1911 году, по примерным данным, в США насчитывалось более 15 тысяч эмигрантов из Латвии, значительную часть которых составляли революционные эмигранты. С 1906 по 1910 год в США было создано 27 социал-демократических групп, главным образом на Атлантическом побережье, в промышленных районах. Во время первой мировой войны в Общей организации СДЛК в США состояло примерно 2 тысячи членов. Среди них были такие известные деятели латышской социал-демократии, как Давид Бейка (Гедерт Бернхард), Кристап Бейка (Джон Андерсон), Кристап Бакс (А. Вейман), Роберт Бакс (Джон Вилнер), Янис Озол (Зарс), Волдемар Рудзутак (Волдемар-Владимир Роджерс), Кристап Салнинь (Гришка). Накануне первой мировой войны сюда прибыл, бежав из далекой сибирской ссылки, Фрицис Розинь. В ту пору в США некоторое время находился и Ян Берзинь (Зиемелис).

Латышские революционные эмигранты в США в 1906 году стали издавать газету «Страдниекс», редакторами которой были К. Силиньш (1906 год), Я. Клява (1906—1909 годы), Я. Озол (1909—1913 годы), Ф. Розинь (1913—1917 годы).

Только зимой 1908 года Карл Янсон разыскал в Бостоне Яниса Озола. Говорили, что после Петра Стучки и Розиня-Азиса в Латвии никто лучше не знал «Капитал» Маркса, чем Озол. Он же был в числе тех, кто встретил В. И. Ленина во время его приезда в Ригу весной 1900 года. В 1905 году Озол показал себя смелым революционером. Он прошел в Государственную думу от рабочей курии, а затем его усиленно разыскивали каратели: в их списках смертников он числился одним из первых. Некоторое время он скрывался у П. Дауге в Финляндии под именем Сироткина и дни и ночи занимался английским языком. Добрался до Америки. Здесь стал редактором газеты «Страдниекс».

Карл долго стучался в квартиру, где, как ему сказали, проживал редактор латышской газеты. Звонка или колокольчика он не нашел, поэтому приходилось стучать еще и еще. Наконец дверь отворилась, и Карл, войдя, увидел перед собою человека, закутанного в большое желтое одеяло. Но они друг друга узнали, обнялись. Одеяло упало на пол, и Янис оказался перед Карлом в исподнем:

он только что вышел из ванны. В квартире было прохладно, уже начиналась бостонская зима — бесснежная, холодная, промозглая от жестоких океанских ветров.

Янис Озол извинился за свой вид.

— Как они только здесь живут! — возмущался он.— Рамы в окнах одинарные, печей нет, обогреваются одним камином. Английские традиции, видите ли! А я, чтобы согреться, должен или забираться в ванну с горячей водой, или все время сидеть в этом одеяле, как пугало...

Озол был крайне подавлен и раздражен. Его жену Клару, которая оставалась в России, арестовали. В доме нашли «Циню». Клара предстала перед военно-полевым судом. 18 ноября 1908 года суд приговорил ее к пожизненной ссылке в Сибирь с лишением прав на учительствование и вообще всех гражданских прав.

Драматическая судьба Клары Озол болью отозвалась в сердце Карла Янсона. Они были одногодки, оба курземцы. Да и многочисленная родня самого Карла тоже мыкалась, разбросанная по России...

Янсон рассказал Озолу о первой своей работе в Америке — злосчастной далекой ферме. Но он пришел сюда просто навестить Яниса Озола как признанного и авторитетного руководителя революционных латышей в Америке. Что же касается работы, то Карл Янсон и не собирался просить Озола о каком-либо содействии. Это было не в его характере. И вообще, он ведь знал английский и мог работать, где требовались сильные руки, сноровка механика, слесаря... Мог! Но пока жил надеждой.

Еще до фермы он наткнулся в Нью-Йорке, в каких-то грязных закоулках, на «рынок рабов», где обычно ютятся скитальцы, ищущие случая заработать. На черной доске он прочитал объявление: «Нужны 120 человек на строительство железной дороги в Биг-Крике за 4 доллара в день. Пропитание — 1,5 доллара в день. Проезд бесплатный». Заманчиво это не было, тем более что оформляться следовало через контору, которая требовала за посредничество (тебе выдавали особую квитанцию) от 3 до 6 долларов, и затем тебя же под конвоем так называемого охотника за людьми от имени конторы препровождали на «благодатное» место работы. Это напоминало деятельность английских «кримнов»... Нет, Капитан не торопился стать добычей «охотников за людьми». Однако свободолюбивый человек, если у него пуст карман, здесь нередко становился бродягой, то есть странствующим рабочим. Один такой старый скиталец рассказал Карлу о прелестях своей «независимой» жизни.

Америка слишком большая страна, чтобы по ней можно было ходить пешком в поисках работы. А на железнодорожные билеты требуется много денег. Поэтому путешествуют «зайцем». На пассажирских поездах — под вагонами, на крыше, на буферах, на паровозных тендерах. На товарных — среди груза на платформе,

Анна Янсон — сестра Карла Янсона (первая слева), Г. Элиас (Страуме) (в центре) с товарищами в период революции 1905—1907 гг.

Der Hamburger Geheimbundsprozeß gegen russische Revolutionäre.

Ueber die Verhandlung, deren Ausgang wir auf Grund eines Privattelegramms in der gestrigen Nummer noch melden konnten, wird uns aus Hamburg geschrieben:

[illegible]

Начало статьи «Гамбургский процесс против тайной организации русских революционеров» (газета «Форвертс» за 8 декабря 1906 г.)

Янис Янсон (Браун) — старший брат Карла Янсона, марксистский публицист и критик

Учредительный съезд Коммунистической партии США (Чикаго, 1919 г.). Впервые фотография была опубликована в 1920 г. Номерами помечены самые «опасные» делегаты съезда. Карл Янсон (Чарлз Джонсон) значится под номером 36

в пустых составах. Железнодорожная полиция ловит замешкавшихся «зайцев», а там — или штраф (если найдут деньги), или тюрьма. А сколько задавлено, искалечено в железнодорожных «путешествиях»!

Полиция часто навещает и «джунгли» (места стоянок этих странствующих людей на их пути), уничтожая драные палатки и жалкую утварь, уводя в тюрьму не успевших разбежаться обитателей. Жизнь этим странникам дала и свои имена: «гейкет» колесит по стране, надеясь когда-нибудь найти все же работу, «хобо» уже неспособен работать и лишь инстинктивно тянется к таким, как сам, профессиональным бродягам, этим «аристократам» американских дорог... Какое сердце не содрогнется, узнав хотя бы одну страницу из большой и страшной книги растерзанных судеб миллионов людей Америки?..

На «рынке рабов» Капитан познакомился и подружился с негритянской девушкой, которая тоже немало рассказала о неведомой ему Америке. Только однажды он девушки здесь так и не дождался. Она отправилась на север в товарном вагоне. Была уже осень, пора уборки урожая, и лишь «хобо» оставались в своем вечном движении. Хотелось и самому вырваться из-под гнета повседневных поисков, нужды...

Какое-то время Капитан жил в Нью-Йорке у Волдемара Рудзутака и даже пользовался его документами на имя Роджерса. Ходил в порт, зондировал, есть ли возможность наняться. Ему ничего определенного не обещали, но заверили, что в марте — апреле он сумеет устроиться на какое-нибудь судно, курсирующее между Америкой и Европой. Капитан намеревался отправиться в Англию, повидать Кундзиньша, а затем уж и окончательно определиться. Поиски работы в Нью-Йорке ничего не дали. И Капитан перебрался в Бостон. Тогда он и навестил Яниса Озола.

После Нового года — 8 января 1909 года — Карл писал первое письмо своему другу в Лондон: «Дорогой Кундзиньш! Закончил я свою работу на ферме, теперь я две недели без работы. Так как в Нью-Йорке и вблизи него не было надежды найти что-либо, то я поехал в Бостон. Здесь, в Бостоне, с работой тоже пока ничего не вышло, но завтра попытаюсь на местной судостроительной верфи, где, возможно, какую-нибудь работу найду, ведь у меня много специальностей, и разных. Кроме того, в Бостоне жизнь идет оживленнее, быстрее...»

Бóльшую часть письма он посвящает жизни в Западной Европе, пишет о «Цине», других изданиях, и мы чувствуем, что он все еще живет делами, которые совсем недавно полностью его захватывали, да и сейчас зовут его на родину. Возможно, забастовка матросов в Нью-Йоркском порту могла бы привести к лучшему финалу (не пришлось бы оставаться в Америке), если бы лучше все обмозговать. Так думал Капитан теперь... Однако для него еще не все

потеряно, и он заканчивает письмо словами: «Весной, в марте или апреле, собираюсь плыть на пароходе до Саутгемптона и тогда же навещу Вас. С сердечным приветом. Капитан».

В Бостоне Карл временно поселился у знакомых латышей-эмигрантов на окраине, в Куинси, Вашингтон-стрит, 177, под собственной фамилией — Янсон; но для удобства почтового ведомства указал свое имя по-английски — Чарлз. Для своего друга Кундзиньша он оставался, как и прежде, Капитаном — как бы в знак того, что его истинная миссия еще не окончена.

Но со временем выяснилось, что ни в какую Англию Карл не поедет. Его уже успело захватить все, чем жила латышская революционная эмиграция в Америке. Он начал неотвратимо врастать в эту новую для него землю, ведь и здесь, как повсюду, нужно было бороться за права трудового человека. Ни весной 1909 года, ни позже он не вернулся к своей морской профессии, даже в качестве матроса. Но он еще не предвидел, что так случится...

Через месяц он пишет второе письмо Кундзиньшу. Сообщает о трудной жизни своих сестер и братьев. Он хотел бы им помочь, но не в силах. «Денег, чтобы послать, у меня нет (недавно отправил 25 рублей сестре)... так как сам борюсь с нуждой; хорошо еще, что есть работа, и потому немножко сам оправился».

Примерно в конце 1909 года Карл в письме к тому же Я. Ковалевскому сообщал: «Теперь я занят чтением «Капитала» под наблюдением или руководством Зарса. Всякие дела в ЦК тоже отнимают много времени».

Янсон упорно изучал «Капитал» К. Маркса и приходил к Озолу за «отметкой». Озол был педантичен, он многие страницы великого труда знал почти наизусть. Своего ученика хвалил, но иногда его раздражало, если Карл вдруг спрашивал: а как это приложить, например, к Америке или к нашей маленькой Латвии? Страны такие разные, а теория выходит почти во всех подробностях одинаковая? Озол отвечал, что прежде всего надо знать теорию Маркса, а потом уж думать, куда и как ее приложить... Карл в принципе соглашался, но до второй части их программы дело так и не дошло. Янис Озол учил по-книжному...

Карл Янсон все более вживается в новую действительность и принимает ее уже как «свою». Он с охотой берется за поручения своей организации: посылает в юбилейный, сотый, номер «Цинп» поздравление от имени Центрального Комитета Общей организации СДЛК Социалистической партии Америки. В нем говорилось, что «пролетариату нет времени скорбеть и приходить в уныние даже в ночь реакции», провозглашалась здравица в честь газеты, российской революции, социализма. Он с удовольствием все это прочтет в самой газете среди многочисленных приветствий и обратит внимание на статью под названием «Юбилейному номеру «Zihna» и на подпись под ней: «Ленин»...

Политическая жизнь латышской революционной эмиграции в США была бурной. Хотя родина оставалась далеко, за тысячи миль, все, что делалось в России, все, что происходило в среде революционной социал-демократии, сравнительно быстро доходило до американского континента, вызывало немедленную реакцию в Общей организации СДЛК. И эта реакция была столь бурной оттого, что сама латышская социал-демократическая организация не представляла собой единого целого, хотя формально революционные социал-демократы из Латвии были объединены. Существенные расхождения — политические и идейные — выявлялись между настроенными большевистски и меньшевистски при обсуждении каждого мало-мальски важного вопроса. Острые столкновения происходили часто. Там, где имелись так называемые латышские клубы или удавалось просто снимать помещение за небольшую плату, по-прежнему собирались вместе. Пели народные песни, песни революционные: «Замучен тяжелой неволей», «Слушай», «Солнце всходит и заходит», «Последний поход»; ставили любительские спектакли, слушали доклады на различные темы. И тогда казалось, что они заодно. Но, как только дело касалось политики, выяснения партийных взглядов, это единство, как правило, распадалось.

К тому же латышские революционные эмигранты в США не варились в собственном соку. Они изо дня в день работали плечом к плечу с коренными американцами — с белыми и неграми, с эмигрантами из других стран, особенно из Западной Европы. И поэтому нужно было добиваться единства не только в своей среде, но и с местными революционными партиями во имя совместной деятельности, борьбы общим фронтом.

После 1905 года в США в рабочем движении главную роль играли организация Индустриальные рабочие мира (ИРМ), Социалистическая партия Америки (СПА), Социалистическая рабочая партия Америки (СРПА), левые силы которых совместно с некоторыми левыми и прогрессивными профсоюзными объединениями из Американской федерации труда (АФТ) наиболее решительно боролись за интересы рабочего класса.

Социалистическая партия Америки, в начале века количественно представлявшая собой основную силу рабочего класса, была крайне неоднородной и по социальному составу, и в политическом отношении. Понимание социализма у членов этой партии было разным в зависимости от принадлежности к правому, центристскому или левому течению. Руководство находилось в руках правых центристов (М. Хилквит, В. Бергер и другие). Главное внимание уделялось избирательным кампаниям. Руководители фальсифицировали марксизм, изгоняли из партии революционных рабочих, тормозили развитие революционной борьбы, проводили реформистскую, оппортунистическую политику. Сильны были анархо-синдикалистские, сектантские настроения. Один из ветеранов коммунистического

движения в США, У. Вайнстоун, справедливо писал в журнале «Political Affairs» (июнь 1962 года) о состоянии партии в те времена: СПА «не понимала роли партии как ведущей силы в борьбе за улучшение жизни и социализм. Она рассматривала себя и действовала главным образом как пропагандистская организация», а саму эту пропаганду направляла по линии реформизма.

Ничем существенным от СПА не отличалась СРПА, к тому же она была во многих отношениях слабее СПА.

После долгих дискуссий в рядах латышских социал-демократов в США было решено войти в состав СПА, в ее организации соответствующих штатов. Было принято название «Общая организация латышских социал-демократов СПА». Большевистски настроенные латыши-эмигранты и те, кто склонялся к ним, ориентировались в этой ситуации на левые силы СПА, как это они делали по отношению ко всем левым силам в организации ИРМ, в социалистическом движении вообще.

Это был верный путь. Пройдет несколько лет, и В. И. Ленин специально скажет (на Бернской конференции заграничных секций РСДРП(б) в начале 1915 года), что большевикам-эмигрантам следует с целью укрепления связей и поддержки интернационалистов в зарубежных социал-демократических партиях вступать в члены местных организаций этих партий и вести в них работу в духе большевизма.

Лучшая часть организованного американского рабочего движения в то время была представлена такими деятелями, как У. Хейвуд, Ю. Дебс, Ч. Рутенберг и другие. Они вели пропаганду идей научного коммунизма, всеми мерами мобилизовали рабочих на революционную борьбу, стремились усилить профсоюзное движение, организовав его по производственному принципу, вели самоотверженную борьбу с крупным капиталом и его агентурой в рабочем движении, в профсоюзах.

Вхождение в СПА открыло новые возможности для совместной работы с левыми силами в социалистических организациях США. Были достигнуты определенные успехи в Бостоне. Революционные социал-демократы Латвии в эмиграции установили контакт с лидером ИРМ Хейвудом и его товарищами, собирали для них деньги, распространяли их литературу.

Вступление в СПА привело к дальнейшему расслоению в организациях СДЛК, так как меньшевистски и «левацки» настроенные элементы сдавать своих позиций не желали, они даже блокировались с оппортунистическими элементами СПА. В результате во влиятельном среди латышских эмигрантов Обществе латышских рабочих Бостона, которое было коллективным членом Общей организации СДЛК, фактически произошел раскол. У редактора газеты «Страдниекс» и члена ЦК Общей организации Яниса Озола обострились расхождения с теми, кто защищал революционные по-

зиции, большевизм, и, наконец, он вышел из Общества латышских рабочих Бостона, а с ним ушли и другие 114 членов этого общества. В Бостоне была создана другая латышская социал-демократическая организация, именовавшаяся «Роксберийским клубом» (по названию южной части Бостона — Roxbury).

Вместе с Озолом и другими ушел тогда в «Роксберийский клуб» и Карл Янсон. Хотя за Озолом пошли те, кто в большинстве своем симпатизировали его партийным и политическим взглядам, на практике оказалось, что не все стоят на его позициях. Сейчас трудно выяснить, что́ явилось конкретной причиной перехода Янсона в «Роксберийский клуб». Несомненно, в этом сказались его определенные колебания, недостаточно глубокое понимание разногласий между большевиками и меньшевиками (о последнем можно судить, в частности, по письму Карла Ковалевскому от 8 января 1909 года). В то же время Янсон не сделал ни одного заявления, не совершил ни одного поступка, которые Янис Озол мог бы использовать в своих фракционных целях. Когда в 1913 году в США прибыл бежавший из сибирской ссылки Ф. Розинь, который был избран редактором газеты «Страдниекс» вместо Я. Озола, К. Янсон начал сотрудничать с Ф. Розинем и его кругом. С осени 1914 года К. Янсон стал секретарем ЦК Общей организации. А несколько позже, при других обстоятельствах, когда потребовалось открыто выбрать свою позицию (это было уже в начале первой мировой войны), Янсон решительно заявит о ней, но об этом мы еще скажем.

Итак, в Бостоне образовались две латышские социал-демократические организации со своими клубами — «Клубом общества латышских рабочих» и «Роксберийским клубом». Помещения этих клубов находились недалеко друг от друга. Первое — рядом с нынешней Бартлет-стрит, за углом, второе — около Оперхауза, рядом с площадью Коммон, которая, кстати, была в городе излюбленным местом массовых митингов.

Многие возмущались поведением Озола, теперь больше способствовавшего раздорам среди эмигрантов, чем революционной работе.

Карл Янсон принципиально в этих дрязгах не участвовал. Он работал на ремонте бостонских улиц, потом устроился в строительную мастерскую. На судостроительную верфь, где места освобождались редко, ему никак не удавалось попасть, хотя именно здесь он мог как-то использовать свой профессиональный опыт. И дипломированный капитан дальнего плавания российского флота прозябал в США как поденщик. Но это не сломило его...

В США удалось найти человека, знавшего Карла Янсона. Это Эдуард Мауринь, приехавший в Америку несколькими годами раньше, чем Карл, и активно участвовавший в деятельности Общества латышских рабочих Бостона. Он не симпатизировал Карлу Янсону: не нравился своей молчаливостью, за которой таилось неизвестно

что. Кем он был там, в Латвии, в Европе, с каким багажом он явился сюда, с какими целями? Ничего этого Мауринь не знал, а Карл о себе ничего не рассказывал. Своими же поступками он, как думал Эдуард Мауринь, давал понять окружающим, что у него здесь якобы имеются какие-то особые дела. Нет, он не стремился «выставлять» себя перед другими, но все, что Карл ни делал, он делал как-то по-особому — словно ему больше всех было надо. И вообще отношения у него с ним были натянутыми: ведь Янсон состоял в «Роксберийском клубе»...

Карл Янсон все больше втягивался в стачечную борьбу, которая в США не затихала. Это подтвердил и Фредис Ниедре, латыш, живущий и поныне в США, который встречался в свое время с Карлом в Бостоне. В 1912—1913 годах Янсон участвовал в организации профсоюзов и забастовок. Ниедре в связи с этим писал: «Теперь о Карле Янсоне... Вот один случай, который сохранился в моей памяти. Мэр Бостона не дал разрешения провести митинг в Долли Оперхаузе. Явилось много желающих участвовать, и помещение оказалось тесным. Тогда решили устроить демонстрацию и дойти до Интернационального холла в Дорчестере. Янсон взял красное знамя клуба, вышел на улицу, и все двинулись за ним. Через какие-нибудь полмили полиция и хулиганы налетели на демонстрантов. Знамя удалось спасти, его спрятали у сапожника, который, казалось, симпатизировал демонстрантам. Но потом сапожник отдал знамя в полицию...»

Карл устроился в мастерские в Роксбери. Они были неподалеку от дома, и не приходилось тратиться на проезд. Здесь работало много латышей, кое-кого Янсон знал еще по Латвии, были и члены Социалистической партии — американцы и латыши. Тяжелые условия труда нередко вызывали вспышки недовольства. Хозяева мастерских расправлялись с «бунтарями» поодиночке — выбрасывали их за дверь. Но пришла пора, и многие осознали необходимость коллективной защиты от хозяев. К тому времени в США усиливалась борьба за организацию профсоюзов по производственному принципу, что давало возможность рабочим лучше противостоять произволу капитала.

Карл Янсон оказался в числе сторонников таких профсоюзов. Он знал язык, пользовался уважением среди рабочих, и его послали на переговоры с У. Галлахером, который был национальным организатором Братства американских железнодорожников.

На четырех конспиративных встречах активистов обсуждался проект организации профсоюза в мастерских, написаны были и требования к хозяевам. Против создания профсоюза выступали отдельные анархисты. Но Галлахер умело руководил митингом, и собравшиеся одобрили подготовленные требования и избрали делегацию из 15 человек для вручения их администрации. На митинг, однако, проник шпик, и администрация решила все иначе: 14 делегатов и

23 активиста были уволены. Кое-кому повысили зарплату на 1—3 цента... Из делегатов остался в мастерских один лишь Карл Янсон. И это породило среди рабочих подозрение... «У меня лично и у многих других вызвало огромное удивление то, что меня не уволили...» — писал несколько позже Янсон в газете «Страдниекс». По всей вероятности, администрация хотела скомпрометировать Карла, хотя сам он считал, что шпик спутал его с другим Чарли (а Карла знали тогда под этим именем), которого тоже выдвигали в число делегатов, но тот отказался.

Переживая недоразумение, Янсон не забросил работу в массах и был так же активен. А мастерские лихорадило. Были конспиративные заседания. Были новые листовки, которые раздавались рабочим по окончании смены. Были митинги протеста. Новые увольнения. Встревоженная администрация прогнала Чарли, сославшись на «указание главного управления»...

Чарлз Джонсон не пошел добиваться правды, как делали другие...

Он потом долго ходил без работы, подумывал оставить Бостон. Иногда находил какое-то место, но администрация быстро собирала о нем сведения, и он снова бродил по задымленным улицам Роксбери, по грязным портовым улицам. Бродил мрачный, молчаливый. Голодал в этой «сказочно богатой Америке»...

Страдал он и из-за того, что жестокие события разбросали его родных и близких. Андрей скрылся в Сибири под чужим именем. Сестра Анна сослана вместе с мужем Каспарсоном в Архангельск... Когда он находил работу, выкраивал кое-что послать и родным. Деньги текли, как вода между пальцами...

Уже несколько лет Карл Янсон жил в Америке. Прозябал, перебивался кое-как. Не раз был близок к отчаянию, тем более что у него, активного борца, не было настоящего боевого дела. Новый подъем революционного движения ожидается в России. А ему приходилось отсиживаться где-то за тысячи миль, в Америке...

Старший брат Янис считал, что Америка — это место бессмысленной траты сил и энергии: там еще так далеко до революции. Другое дело здесь, в Западной Европе. Рядом Россия... Осев после Финляндии в Бельгии, где он редактировал «Циню», Янис писал Карлу: «Тебе уже давно пора оставить Америку, ведь ты, надеюсь, не рассчитываешь на покупку какого-нибудь дома или фермы... Я даже не могу понять по-настоящему, как ты можешь так долго выдержать в Америке» (письмо в конце 1912 года).

Зная Карла, его опытность, Янис обещал поручить ему, как только тот прибудет в Европу, транспортировку в Латвию «Цини» и другой революционной литературы. Янис понимал, что такое предложение не оставит брата равнодушным. И в самом деле, первым порывом было бросить все и ринуться в Европу. В России, в Латвии готовилось новое наступление на царизм...

Но Карл видел, что трудовые люди в США не меньше, чем в других странах, страдают от эксплуатации. И раз уж он оказался здесь, то честно ли бежать от тех забот, что день и ночь напоминают о себе?

Были и другие обстоятельства...

По делам организации Янсон поехал в Нью-Йорк. У него там предвиделась лекция. Заправским оратором он не был, но со своей манерой говорить не спеша, обстоятельно он мог толково и спокойно рассказать о каком-либо политическом вопросе, касавшемся эмигрантов, о революционном брожении в России, о том, что происходило в Латвии; мог уже рассказать и о пружинах политической жизни в Америке. Всем этим интересовались в клубах латышских эмигрантов. В этих клубах, которые, как уже говорилось, представляли собой чаще всего простое помещение, снимавшееся за небольшую плату, нередко показывали то, что мы назвали бы сегодня художественной самодеятельностью. Ставили пьесы, тем более что вырученные деньги, пусть и небольшие, отсылались в Латвию, в помощь подполью, политзаключенным.

После своей лекции в Нью-Йорке Карл остался посмотреть пьесу Р. Блаумана. И он увидел ее. Узнал сразу, узнал даже в гриме... Наконец закрыли занавес, и он заторопился к ней, боясь ее упустить. Успел поговорить.

Мрачнее тучи Карл возвращался в Бостон. Ту, с которой он разминулся тогда на берлинском вокзале, встретил теперь здесь, в Нью-Йорке. Она уже несколько лет замужем. Ее муж, Петер Кисис, родом из Алуксне, бежал в Америку после десятинедельной отсидки в рижской тюрьме за участие в 1905 году во всеобщей забастовке паровозоремонтников. Она рассказала, что Петер у себя в деревне был кузнецом, что человек он добрый, хороший. Они вместе играют и в спектаклях, когда выдаются свободные минуты.

Петер Кисис застал их за беседой. Карл познакомился с этим счастливцем. В их рукопожатии сказалась сила обоих крепких мужчин. Любящих одну женщину... Да, Карл Янсон понял, что влюблен. Он понял и безнадежность своего чувства.

В темном и грязном бостонском поезде, влачимом шумным паровозом «Болдуин», Карл только и думал что об Анне. Как глупо он проспал ее тогда в Берлине, проспал в буквальном смысле слова... Он теперь даже забыл, что виноваты бессонные ночи, когда он вырвался из Финляндии после операции с банком и добирался до Берлина. Анна, вероятно, хорошая жена. За две встречи, разделенные годами, Карл успел почувствовать ее спокойствие, дружелюбие, теплоту, которую способны излучать настоящие женщины и по которой так часто томятся суровые сердца. И ни за что не хотелось покидать США. Здесь он мог хотя бы изредка наезжать в Нью-Йорк... для чтения своих лекций.

Брат же не знал этого.

...После начала мировой войны резко обострились противоречия внутри СПА, в том числе в Общей организации латышских социал-демократов. Большинство в группе Яниса Озола заняло «социал-патриотические» позиции — позиции «войны до победного конца». Руководство же газетой «Страдниекс» находилось в твердых руках большевика Ф. Розиня.

С 3 по 5 июля 1915 года в Фитчберге собирается конференция СПА штата Массачусетс. Особенностью организации СПА этого штата было участие в ее работе самых крупных латышских социал-демократических организаций: в Бостоне выходил «Страдниекс», находились ЦК Общей организации, «Роксберийский клуб», где в основном собирались сторонники Озола. Учитывая общую обстановку, можно было ожидать, что на этой конференции произойдет резкое обострение борьбы между оппортунистическими элементами СПА и теми, кто стремился вывести организацию на действительно революционный путь борьбы, борьбы против социал-шовинизма, его оппортунистической политики и идеологии.

Так оно и случилось на самом деле.

Однако большинство на данной конференции, в том числе и большинство организации латышских социал-демократов из Роксбери, голосовало за шовинистические резолюции. Лишь несколько человек отказались подчиниться большинству. Д. Бейка в своей работе «Красные эмигранты в Америке» пишет: «В составе делегации из Роксбери исключением были только К. Янсон, Вилнер и еще два товарища, которые не поддерживали шовинистов на конференции».

Как ни удивительно, Карл Янсон в самые острые моменты быстро и правильно ориентировался. Вот и теперь, в решающий момент внутрипартийной борьбы, он находит свое место в рядах революционной социал-демократии как противник социал-шовинистической политики, как сознательный интернационалист.

К сожалению, нам неизвестны подробности того, как именно Янсон порвал с «Роксберийским клубом». Мало нам известно также о том, что происходило с К. Янсоном на протяжении последующих неполных двух лет после этой знаменательной конференции СПА штата Массачусетс.

Судя по некоторым фактам, еще до конференции К. Янсон занимал в Роксберийской организации особое положение, а после нее стал «белой вороной», противопоставив себя вместе с несколькими другими товарищами абсолютному большинству организации. Из писем Карла Янсона брату Янису в Лондон от 17 марта 1915 года, а еще ранее — Ф. Розиня Я. Озолу от 2 декабря 1913 года следует, что между Янсоном и Розинем сложилось тесное сотрудничество на принципиальной основе.

После «саморазоблачения» «роксберийцев» на конференции в Фитчберге Карл Янсон мог бы уйти от них — это было бы эффект-

ным жестом. К тому же он фактически никогда с ними и не солидаризировался. Но для пользы дела революционному меньшинству СПА, куда входил и Янсон, следовало усилить борьбу с оппортунистически настроенными членами СПА, в том числе и латышского происхождения, и в лагере «роксберийцев» для этого было больше возможностей, чем вне его.

Революционное меньшинство, о котором писал Розинь, после июльской конференции развернуло большую и значительную для всей СПА работу. Начав в декабре 1914 года публикацию на своих страницах ряда важнейших ленинских трудов, «Страдниекс» в 1915 году эту работу расширяет. Появляются статьи В. И. Ленина «Война и российская социал-демократия», «Положение и задачи социалистического Интернационала» (в переводе С. Бергиса и Д. Бейки). В 1915 году печатаются переводы, пересказы других ленинских произведений: «Мертвый шовинизм и живой социализм», «Как полиция и реакционеры охраняют единство германской социал-демократии?», «Русские Зюдекумы», «Конференция заграничных секций РСДРП» и «Крах II Интернационала». Последняя работа В. И. Ленина в 1916 году выходит в США на латышском языке отдельным изданием.

Все это не могло пройти мимо Карла Янсона, близко стоявшего к Фридриху Розиню, сотрудничавшему в газете «Страдниекс». О том, что Карл читал ленинские произведения, свидетельствует его переписка с братом Янсоном-Брауном, который под влиянием ленинской критики его ошибок, вообще под влиянием Ленина весной 1915 года переходит на интернационалистскую, ленинскую позицию. Из его письма Карлу от 16 ноября 1915 года видно, что братья обсуждали значение ленинских изданий для понимания событий, происходящих в Европе в дни первой мировой войны.

Революционное меньшинство повело в США энергичную работу и в другом направлении.

Осенью 1915 года из революционных элементов СПА (С. Фитцджеральд, А. С. Эдвардс, Дж. Вильямс) при активном участии революционных эмигрантов, в том числе и латышей — Ф. Розиня, Д. Бейки, Я. Юргиса, С. Бергиса, К. Салниня (всего 20 американских интернационалистов и революционных эмигрантов из других стран), в Бостоне образовалась «Лига социалистической пропаганды».

В. И. Ленин был обрадован известием об образовании в США самостоятельной организации интернационалистов «с программой, явно клонящей влево» [1].

Лига встала на платформу Циммервальдской левой и начала группировать вокруг себя революционные элементы из СПА. После

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 200.

Октября Лига создала Комитет большевистской информации, который разоблачал ложь и клевету буржуазной и реформистской печати о Советской России. В период интервенции Лига выступила с лозунгом «Руки прочь от Советской России!».

Образование «Лиги социалистической пропаганды» свидетельствовало об укреплении и расширении влияния левого крыла СПА. В наиболее полной своей автобиографии (1933 год) Карл Янсон написал, что «был одним из активистов и руководителей революционного крыла» СПА. А мы знаем, что уже в момент создания «Лиги социалистической пропаганды» левое крыло СПА существовало, хотя организационно оформлено не было[1].

Судя по всему, Янсон, встав на открытые и принципиальные позиции в связи с конференцией СПА в штате Массачусетс летом 1915 года, присоединяется к левому, революционному крылу СПА и вырастает в видного его деятеля под именем Чарлз Джонсон.

К тому времени Чарлз уже нашел место на судостроительном предприятии в Скуонтеме, на окраине Бостона. Его взяли на эту гигантскую судоверфь металлистом. Здесь за ним уже твердо закрепилось имя Джонсон. Иногда добавляли: из «Стил корпорейшн» — «Стального треста».

«Юнайтед Стейтс Стил корпорейшн» представлял собой громадный концерн со своими незыблемыми законами. Работать здесь полагалось по 12 часов в день. Трест охотно нанимал эмигрантов: они на многих предприятиях составляли половину работающих, поскольку соглашались работать за более низкую плату, чем коренные американцы. «Стальной трест» и слушать не хотел о праве рабочих на организацию в профсоюзы и на заключение коллективных соглашений. Статистика впоследствии точно подтвердит жестокость эксплуатации на его предприятиях. Если в 1914 году трест получил 135 204 тысячи долларов прибыли, то уже в 1919 году его прибыль составила 493 048 тысяч долларов, что на 13 миллионов долларов превышало фонд всей заработной платы и жалованья, выплаченных в том же году этой сталелитейной компанией[2]. В Америке это не было исключением: к концу первой мировой войны в США появилось 17 тысяч новых миллионеров.

Неслыханную прибыль тресту давали не безропотные и безличные роботы. Конфликты возникали все чаще. Металлисты готовились к трудным боям. И вместе с ними Чарлз Джонсон. Предстояло неравное единоборство рабочих со всемогущими капиталистическими магнатами, но в его исход будто непредвиденно вмешалась сила далеко за пределами Америки. Россия вступала в полосу очистительной революционной бури.

---

[1] См.: История рабочего движения в США в новейшее время. Т. 1. 1918—1939. М., 1970, с. 50.

[2] См. там же, с. 27.

«ЕСЛИ СОКРУШАТ ИХ, СОКРУШАТ И ВАС»[1]

Весть о Февральской революции, докатившаяся до Америки, вызвала шок у верхушки американского общества и огромный энтузиазм в его низах. Но мало кто здесь понимал глубинную сущность происшедшего. Потрясло величие революционного удара: сброшено многовековое российское самодержавие, казавшееся несокрушимым.

Чарлз не без гордости сознавал свою причастность к событиям в России. Он посвятил им большую часть прожитой жизни.

Все с жадностью набрасывались на газеты, которые приходили из России. Особенно ценилась большевистская «Правда»... И Чарлзу везло — он быстро доставал каждый номер, который поступал в Соединенные Штаты и, конечно, проходил через многие руки.

Один из апрельских номеров газеты «Правда». Он впился глазами в несколько газетных строк и не верил тому, что читал. Сообщалось, что по дороге из Лондона в Россию погиб его старший брат Янис Янсон-Браун. Пароход «Зара», на котором он плыл, был торпедирован германской подводной лодкой: ведь война продолжалась. В некрологе говорилось, что во время войны Я. Янсон (Браун) «занял резко интернационалистскую точку зрения и присоединился к той позиции, которую занял тов. Ленин». Он был назван в числе тех, «кто пал жертвой любви к пролетарскому делу, своей ненависти к капиталистическому строю и порожденной им интернациональной бойне». То, что некролог был помещен с полного одобрения В. И. Ленина, несколькими годами позже засвидетельствовал П. Стучка.

Товарищи, хорошо знавшие покойного, собрались в Бостоне 29 апреля на траурный митинг. Играла траурная музыка. В полной тишине проникновенно говорили Розинь, Дерман... Говорил и Озол, который тоже пришел на митинг.

А революция звала... Революционные эмигранты рвались из Америки в Россию, агитировали за возвращение, укладывали свой нехитрый скарб...

С Атлантического побережья Америки, из портов Нью-Йорка и Бостона, казалось, скорее всего можно достичь Европы, а затем и России. Но в море, как и прежде, поджидали добычу немецкие подводные лодки. Война продолжалась, трагедии повторялись, и гибель Янсона-Брауна была еще слишком свежа в памяти... К тому же американские власти строго контролировали свои восточные порты, чинили препятствия отъезду в Россию большевистски настроенных лиц.

[1] Из обращения Исполнительного Комитета Коммунистической партии Америки. Октябрь, 1919 г.

Поэтому многие латышские эмигранты решили добираться домой через Японию, а там уж вроде бы и совсем недалеко: Владивосток или Маньчжурия, потом Сибирь и Петроград. Не останавливало их и многодневное путешествие на Запад через весь американский континент в битком набитых, душных вагонах эмигрантских поездов, сутками тащившихся до Сан-Франциско. Наконец перед ними вырос прекрасный город, где, по словам одного из героев рассказа Р. Стивенсона, богачей «видимо-невидимо, и есть там холм — сплошь одни дворцы». Проведя несколько дней ожидания в порту, погрузились на корабли и после тысяч злоключений добрались до цели — бурлящей, расползающейся по швам старой России. Контуры нового были еще весьма расплывчаты.

Чарлз, как ни странно на первый взгляд, не влился в общий поток возвращающихся домой. Да и не все тогда возвращались... Дом у Чарлза Джонсона был уже здесь. Годы сделали свое дело. Он вначале порывался ехать со всеми. Но удержали новые обязанности, друзья и товарищи, с которыми его накрепко связала общая борьба за единые цели. Он не имел права покидать боевой строй, когда уже появились первые члены профсоюзного братства американских металлистов, завоеванного с таким трудом и риском. Ибо нет таких законов революции, которые могли бы точно указать, кто где должен находиться в дни ее свершений. Потому что революция — это не только прямое столкновение двух отрядов, это и глубоко эшелонированный фронт, где важны напор и отвага первых рядов, но вместе с тем и тот эшелон, где зреют новые взрывы классовой солидарности, откуда можно ожидать и подкрепления...

«Люди сами творят свою историю... творят ее своей головой и своим сердцем» [1],— писал В. И. Ленин.

Решение остаться укрепилось и еще одним мотивом — сугубо личным.

Чарлз Джонсон женился на Анне Зиберг.

За несколько лет до этого Анна развелась со своим первым супругом Петером Кисисом. Никто не знал истинных причин их развода, и счастливый Чарли до них и не допытывался. Было только известно, что Анна и Петер поженились необычно. Анна Зиберг эмигрировала в Америку без специальных на то документов. По прибытии парохода в Нью-Йорк ее сразу же втолкнули в битком набитый баркас, который доставил эмигрантов на остров Эллис, игравший роль «фильтра». Она, как и все здесь, оказалась в ужасающих условиях и в полной зависимости от произвола иммиграционных чиновников. Вручив каждому номер, они выясняли, сколько вздумается, личность прибывших и обстоятельства эмиграции. Если же у прибывшего имелся в США родственник, тот мог вытащить горемыку из ада. Кисис и заявил тогда иммиграционным властям, что

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 176.

Анна Зиберг — его жена. Таким образом она попала в дом к Петеру.

Кисис был активным членом революционной эмигрантской организации и хорошим семьянином. Работал в Бруклине машинистом. Был смекалистым механиком, получил патент на изобретение бензинового двигателя с самоочисткой от нагара. Потом открыл собственную мастерскую по ремонту автомобилей, занимался и продажей отремонтированных машин. Во время первой мировой войны снова включился в активную общественную деятельность и был известен как пацифист. Трудно сказать, что послужило причиной развода, да и нужно ли проявлять интерес в таких случаях...

Спустя некоторое время Анна решила вступить в новый брак. Она полюбила Чарли (которому было тогда 35 лет). Это было чувство зрелой, 33-летней женщины.

В том же, 1917 году в России грянул Великий Октябрь. Этот величайший в истории социальный переворот, впервые ликвидировавший эксплуататорский строй, всколыхнул все человечество, ворвался в судьбы миллионов людей.

Чарли Джонсон был окрылен: свершилось то, к чему он так стремился всю жизнь! Его снова охватило острое желание вернуться домой, и он завидовал своим землякам, которые находились уже в красной России, в Латвии, где, по сообщениям из Валмиеры, Цесиса, Валки, в северной ее части установилась Советская власть... Но разум, как и прежде, подсказывал: надо оставаться здесь, среди американских рабочих. Трудно сочетать чувства и разум, когда они на столь далеких полюсах, так отдалены географически. И — да простится здесь пафос! — интернационалистам дано сочетать в себе, казалось бы, несовместимое.

Ближайшие события в социалистическом движении США, развивавшиеся стремительно, показали, что Чарлз Джонсон не ошибся. В водовороте перемен для его нашлось дело, трудное и достойное. Дело, которое он всегда искал, пусть и не всегда сознавая свои устремления во всей их конкретности.

В новой ситуации левые силы США почувствовали себя намного прочнее, увереннее. В развернувшейся борьбе по вопросу об отношении к социалистической революции в России левые выступили в защиту Октября, против вмешательства США и других стран в дела красной России. На Нью-Йоркской конференции в 1918 году левое крыло СПА сумело организационно оформиться. Оно объединилось с «Лигой социалистической пропаганды». Был сделан еще один шаг вперед... Своей активностью в левом крыле выделялись социалисты-интернационалисты — Ч. Рутенберг, Ю. Дебс, Д. Рид, У. Хейвуд.

В 1918 году Чарлз Джонсон был уволен из системы «Стального треста». Это явилось следствием его активной общественной деятельности, ибо такими квалифицированными металлистами, как Чарлз, компания дорожила. Дорожила, если они не осмеливались

протестовать против порядков, установленных трестом. Фредис Ниедре в своем письме сообщает о Чарлзе: «После того как Карл потерял место, с 1918 по 1920 г. он работал в разных местах и на партийной работе». По всей вероятности, Джонсон продолжал участвовать в борьбе американских сталелитейщиков: не случайно тот же Ф. Ниедре добавляет, что после создания компартии в США (осень 1919 года) «он работал в партии, в Лиге профессиональных союзов». А последняя и была Лигой профсоюзной пропаганды, в которой уже тогда активным деятелем был и Уильям Фостер.

Присоединение Чарлза Джонсона к левому крылу СПА можно датировать, по крайней мере, 1917 годом. Косвенное указание на это мы находим в приведенном уже письме Фредиса Ниедре. Но еще определеннее это сказано в автобиографии Анны Карловны Янсон (Зиберг) — жены Карла Янсона. В 1937 году она писала: «В середине 1917 года я переселилась в Бостон и была на иждивении мужа и выполняла разную техническую работу левого крыла Американской соц. партии».

Чарлз Джонсон в это время близко сходится с некоторыми видными деятелями левого крыла, в их числе с Д. Ридом и Ч. Рутенбергом.

Джон Рид вернулся из России в США в 1918 году с грузом явных, по буржуазным понятиям, преступлений: страстная защита Октябрьской революции, диктатуры пролетариата, признание их полной исторической справедливости. После взятия Зимнего дворца он одним из первых журналистов проник в его помещения. Когда было разогнано Учредительное собрание, Джон Рид вместе с Бела Куном с оружием в руках охраняли Наркоминдел, и пр. и пр.

По возвращении на родину он был арестован. Его пытались судить, но временно выпустили на поруки. По крайней мере летом он уже начал активно выступать с антивоенными речами, в защиту социалистических идей, в защиту первой страны диктатуры пролетариата. Он выступал в помещениях и на улицах, с украшенных трибун и стоя на простом ящике; его слушали тысячи людей.

Благодаря своей активнейшей деятельности Рид быстро приобрел известность и признание и в кругах латышской революционной эмиграции. Вот что рассказала в 1973 году Зелма Яновна Рудзутак (Роджерс), вспоминая годы, проведенные ею в Америке: «Я немного знала Джона Рида. Слушала его выступление, когда он приехал из России. Как он был восхищен Россией! Он выступал тогда в Нью-Йорке. И латыши тоже пошли его слушать. И как нам было не пойти, когда из России приехал наш человек, наш, как мы называли Джона Рида! Зал был переполнен. Рида приветствовали цветами. Конечно, там были не только латыши. Приняли Рида исключительно: в Америке было немало людей, сердцу которых были близки интересы народа. Среди них и рабочие, тогда еще первые коммунисты».

Внешний облик Джона Рида его современники характеризуют так: «Рид был крупный мужчина, широкоплечий и широкогрудый, с длинными стройными ногами, не то чтобы мускулистый, но плотный, крепко сбитый, с той особой, без напряжения собранностью, которая отличает пловцов — плавал он и впрямь великолепно. Голова у него была массивная, черты лица неправильные и не гармонирующие между собой: высокий чистый лоб, выступающий из-под шапки непокорных волос, глаза какого-то неопределенного цвета — пожалуй, все-таки серовато-зеленые,— курносый, слишком маленький нос и слишком тяжелый подбородок, чуть насмешливо искривленные губы. В целом, несмотря на все недостатки, лицо это было красивым и значительным — молодое, обаятельное лицо человека, бурно радующегося жизни; и все же при взгляде на него было ясно, что эти спокойные глаза в любую минуту могут вспыхнуть гневом. Гордая посадка головы говорила о решительности и мужестве, а уверенность, с какой он держался, так естественно сочеталась со скромностью, что не могла не производить приятное впечатление»[1].

Таким увидел Джона Рида и Чарлз Джонсон. Разве только после пребывания в России еще резче выступили на его лице черты, говорившие о мужестве и решительности. Глаза теперь были по-настоящему зеленые и больше выделялась грива каштановых волос, да и курил теперь Рид не только сигары, но и махорку, привезенную им из далекой России, курил ее, браво сворачивая «самокрутки», шокируя своих бывших знакомых из американской элиты.

Вполне естественно, что Чарлз Джонсон, будучи в левом крыле, все больше сближался с этим необычным американцем, выходцем из высших кругов Запада, выдающимся публицистом, ставшим одним из основателей Коммунистической партии Америки. Чарлз Джонсон в то время уже был одним из руководителей левого крыла, которому история предопределила выдающуюся роль в формировании коммунистического движения в Америке.

По-прежнему жадный до жизни, словно предчувствуя, что она у него будет коротка, Джон Рид набрасывался на каждого, кто возбуждал в нем интерес. Не прошел он и мимо Чарлза Джонсона, этого высокого, шести футов, мускулистого латыша. Эдуард Мауринь рассказывает: «С К. Янсоном они были хорошие друзья. Они принадлежали к одной группе».

О чем они могли говорить? Разумеется, обо всем том, что их волновало: о событиях в России, в Америке и даже о Латвии, где Джон Рид уже побывал. Он встречался с латышскими стрелками в 1917 году. Месил осеннюю грязь под Цесисом и Сигулдой, встречал в слякоть и дождь босых беженцев. Обо всем этом он потом

[1] *Хови К. Львенок.* Джон Рид, каким я его знал. М., 1967, с. 31—32.

написал здесь, в Америке, в журнале «The Liberator» за апрель 1918 года, оставил в своей записной книжке неразборчивый текст, но с часто встречающимися фамилиями — Ленин, Дзержинский, Крупская, названиями городов — Петроград и Рига, Рига на Двине...

Джон Рид и Чарлз Джонсон стали сподвижниками великого дела, боевыми друзьями.

События в СПА развивались стремительно. Группы левых социалистов усилили борьбу против правых. В марте 1919 года левые социалисты (Джон Рид и другие) опубликовали «Манифест и программу левого крыла социалистической партии», которые свидетельствовали об идейном росте передовых американских рабочих, вставших на путь борьбы за создание Коммунистической партии в Америке. В апреле 1919 года левое крыло окончательно объединило в себе национальные секции партии.

Левые социалисты в 1918—1919 годах многое сделали для распространения ленинских идей в США, издания работ В. И. Ленина, документов Советского государства, издания и переиздания трудов К. Маркса, Ф. Энгельса. Все это имело неоценимое значение для укрепления левых сил СПА, для сплочения американского рабочего класса.

Весной 1919 года местные организации СПА, ее национальные секции провели в партии референдум по вопросу о присоединении к III Интернационалу и оказании поддержки Советской власти в России. Были проведены выборы партийных органов СПА. При этом около 80 процентов членов СПА проголосовали за кандидатов левого крыла.

Правым силам в СПА был нанесен сокрушительный удар. И тогда Бергер, Хилквит и другие (правые из прежнего национального исполкома СПА), пытаясь спасти положение и свое влияние в партии, объявили проведенный референдум незаконным и отказались признать результаты выборов. Они созвали прежний исполком и пошли на самые крайние и рискованные меры. Из партии исключались Мичиганская организация в составе 6 тысяч человек, 7 национальных секций (русская, латышская, литовская, венгерская, югославская, польская и украинская), насчитывавших более 40 тысяч членов партии. Таким образом правые расправились и с партийными организациями штатов Массачусетс, Огайо, организациями Чикаго, Нью-Йорка и других центров. Всего было исключено 55 тысяч наиболее активных социалистов, что составляло более половины всей СПА.

События, однако, показали, что эта крайняя мера, небывалая в истории рабочего движения и выразившаяся в попытке тотального разгрома левых сил СПА ее правым крылом, не дала своих результатов, а, наоборот, привела к поражению правых и их фактической изоляции.

Было решено созвать конференцию представителей левого крыла, чтобы обсудить создавшееся в партии положение и дальнейшие практические шаги. 21 июня 1919 года она открылась в Нью-Йорке. Горячие споры разгорелись о дальнейших практических шагах. Выявилось два подхода. Одна часть делегатов считала необходимым продолжать курс на завоевание большинства, с организационным разрывом с СПА пока не спешить, окончательно разгромить правых, принять участие в чрезвычайном объединенном съезде СПА, который был назначен на 30 августа в Чикаго. Если же здесь не удастся повести за собой большинство делегатов, то тогда уже надо будет создать коммунистическую партию.

Другая часть делегатов, в их числе и Чарлз Джонсон, стала на более решительные позиции: требовала окончательного разрыва с СПА и немедленной организации коммунистической партии.

Голосование фактически привело к расколу левых сил. За первое предложение было подано 55 голосов, за второе — 38. Традиционное сектантство еще не было изжито, и оно в данном случае ослабило левые силы.

Последующий период внес свои существенные изменения. Раскололось большинство; Рутенберг перешел на позиции второй группы товарищей, стоявших за немедленное создание коммунистической партии. На состоявшейся конференции был предложен созыв съезда на 1 сентября.

Приближался конец августа. Назревали решающие события. 30 августа 1919 года в Чикаго открылся чрезвычайный съезд СПА. Попытки большинства левого крыла во главе с Ридом и А. Вагенкнехтом принять участие в этом съезде оказались тщетными. Секретарь СПА А. Гермер вызвал полицию, и та охотно выполнила просьбу этого «социалиста» — не допускать в зал заседаний представителей левого крыла СПА.

И тогда, как это предусматривалось ранее, делегаты левого крыла, вероломно не допущенные правыми на чрезвычайный съезд социалистической партии, собрались 31 августа там же, в Чикаго, на свой чрезвычайный съезд с целью создать Коммунистическую партию Америки.

На съезд явились 92 делегата от 10 тысяч членов партии. Царил большой подъем. Позже официальные власти предъявят делегатам обвинения в связи с тем, что те пели революционную песню «Красный флаг», заявляли о солидарности с Советской республикой и одобрили Манифест левого крыла социалистической партии. Съезд основал новую партию — Коммунистическую рабочую партию Америки (КРПА) и избрал ее первым секретарем Альфреда Вагенкнехта.

Другая часть левого крыла, оказавшаяся в меньшинстве на Нью-Йоркской конференции в июне, собралась 1 сентября в Чикаго на свой съезд. Ее участники были преисполнены решимости.

В зале штаб-квартиры русской федерации на Блу-Айленд авеню, 1221, висели лозунги «Да здравствует Коммунистический Интернационал!», «Да здравствует Американская КП!», играл оркестр чикагской национальной организации латышских революционных социал-демократов.

На съезд прибыли 128 делегатов почти от 58 тысяч членов партии, в основном организованных в национальные федерации (немецкая, венгерская, еврейская, латышская, литовская, польская, русская, украинская и другие).

Съезд открылся пением «Интернационала». Он провозгласил создание Коммунистической партии Америки (КПА). От латышской Общей социал-демократической организации на нем присутствовали 8 делегатов (А. Форсингер, К. Янсон, К. Мандав, Я. Шварц и другие). Были избраны руководящие органы КПА. Первым ее секретарем стал Чарлз Рутенберг. В состав ЦИК от латышей вошли К. Янсон, Я. Шварц, К. Дирба.

Оба съезда имели историческое значение для коммунистического движения в США, выразили волю и стремления, определенную идейную зрелость и организованность лучших представителей американского рабочего класса. Между обеими партиями не было каких-либо принципиальных идейных разногласий. Обе они стояли в основном на марксистских позициях. Что касается самого факта создания одновременно двух коммунистических партий, то в этом, несомненно, проявилась определенная слабость первых американских коммунистов, допустивших раскол левого крыла; затем и при объединении первых американских коммунистов проявилось неизжитое сектантство в рядах рабочего класса[1].

Американская реакция, которую не на шутку испугало создание Коммунистической партии в США, больше внимания, по крайней мере вначале, обращала на КПА, тщательно следила за подготовкой ее съезда, за ходом самого съезда (а оба съезда проходили гласно). Реакция в США понимала, что некоторые национальные федерации, имевшие в своих рядах революционных эмигрантов из России большевистского толка,— катализатор процесса развития коммунистического движения в Америке. В то же время, сосредоточивая внимание на революционных социал-демократических организациях в основном эмигрантского состава, правящие круги США, реакция и монополии старались представить дело так, будто коммунистическое движение, создание партии коммунистов Америки — движение эмигрантов и для США оно чуждо.

После Октября отношение властей к революционным эмигрантам из России вообще резко изменилось в худшую сторону.

[1] Подробнее см.: *Петров П. С.* Возникновение Коммунистической партии США и ее борьба за легализацию. М., 1971; История рабочего движения в США в новейшее время, т. 1, с. 56; *Foster W. Z.* History of the Communst Party of the United States, p. 164; Political Affairs, 1974, vol. LII, N 9, p. 11.

«Когда главой правительства в России стал Ленин, то шуба у американцев,— рассказывает З. Рудзутак,— оказалась наизнанку. Все изменилось... Однажды мы вышли, как обычно, на демонстрацию под лозунгом нашей социал-демократии. И теперь мы подверглись нападению со стороны полиции и каких-то гражданских лиц. Многие были сильно избиты, а наши все-таки добрались до зала, где был назначен митинг». При этом З. Рудзутак добавила следующее: «Анце (Анце по-латышски — ласкательное от Анна, Аннушка.— *В. Ш.*) и Карл тогда жили в Бостоне и в этой демонстрации участия не принимали, но тоже очень переживали и интересовались последствиями».

Правящие классы США развернули против эмигрантов самую грязную кампанию, обвиняя революционеров во всех бедах и неудачах Америки. Выражение «родившийся за границей» становилось оскорблением, и таких людей уже заведомо в чем-то подозревали. Детям в эмигрантских семьях стали давать американские имена...

Но передовые люди США понимали, что реакция стремится перессорить трудящихся разных национальностей, пытается натравить малосознательных не только на негров, как это уже давно там повелось, но теперь и на российских эмигрантов.

Знаменательно, что одним из первых выступил против этой кампании Джон Рид. Маргарет Коул, происходившая из семьи литовских эмигрантов, в своих воспоминаниях рассказала о выступлении Рида на массовом митинге, где она председательствовала. Он разоблачил низкую ложь, направленную против рабочих-эмигрантов и их семей. «Я родом из старинной американской семьи,— сказал он,— и я могу рассказать вам об итальянцах и литовцах, рабочих шелкового производства и их семьях, ибо я был вместе с ними под арестом в Паттерсоне во время забастовки в 1913 году, могу рассказать и о шахтерах и их семьях 21 национальности в Ладлоу (Колорадо), где я вместе с ними боролся за лучшие условия жизни и за их профсоюзы в 1914 году». Джон Рид назвал их смелыми, героическими борцами за лучшую Америку для всех людей. «Они и есть настоящие американцы». Джон Рид зачаровал аудиторию, когда рассказывал правду об Октябрьской революции. «Новая эра в истории человечества открыта, возник новый мир, будущее которого будет без войны, без бедности, мир полного уважения к человечеству,— говорил он.— Он рассказывал нам о Ленине» [1].

Передовая общественность США требовала: «Признать Советскую власть!», «Справедливость к России!», «Прекратить блокаду и интервенцию против Советской России!».

---

[1] World Magazine, 1969, December, N 6, p. 10.

Потоки лжи, полицейских провокаций, улюлюканье погромщиков грязной волной заливали страну... Ей навстречу вздымалась грозная волна революционной борьбы рабочего класса. Особенно активно выступили рабочие-сталелитейщики, направившие свой удар против «Стального треста» (сентябрь 1919 года — январь 1920 года). Их выступления стали выдающимся событием в истории американского рабочего движения. В этих эпических битвах появился новый лидер рабочих — крупный профсоюзный организатор и стратег Уильям З. Фостер.

Против металлистов высылались войска, неоднократно проливалась кровь, 22 рабочих были убиты... Это стало кульминационным пунктом длительной борьбы американских металлистов.

Правящие круги и на сей раз сумели сломить выступление 365 тысяч рабочих за свои права: забастовка сталелитейщиков закончилась их поражением, хотя монополиям кое в чем все же пришлось уступить.

Успехи могли быть значительнее, но коммунисты США, расколотые на две партии, организационно не были сплочены. Поэтому сразу же после основания обеих партий раздались голоса об их объединении. КРПА первая предложила, чтобы ее членов коллективно приняли в КПА. Но к соглашению прийти не удалось. Делегаты КПА требовали, чтобы прием был персональный.

Чарлз Джонсон, пользуясь большим доверием в партии, дни и ночи посвящал работе среди коммунистов, среди американских рабочих. КРПА и КПА делали в это время все возможное, чтобы усилить свое влияние в массах.

В правительственных кругах был принят план преследования коммунистов, революционно настроенных рабочих. Осуществление плана было поручено министерству юстиции, и главная роль здесь отводилась его руководству — министру М. Пальмеру и Э. Гуверу. Начались беспощадные налеты на коммунистические и рабочие организации, сопровождавшиеся погромами в редакциях газет и других изданий, массовыми арестами.

Буржуазная газета «Нью-Йорк таймс» сообщала 8 ноября 1919 года об очередном полицейском налете обыденным тоном: «Двери были сорваны, столы вскрыты, подняты все ковры в поисках документов». Даже все написанное красными чернилами почиталось преступным. Один из сенаторов с трибуны сената в те дни заявлял: «Мой девиз в отношении красных — высылай или расстреливай».

Позднее на сенатской комиссии докладывали, что всего за время пальмеровско-гуверовских операций было арестовано почти 10 тысяч человек. Стандартное обвинение сводилось к следующему: подстрекательство к беспорядкам, солидарность с Советской Россией. Многим арестованным вообще не предъявлялось никаких обвинений. Пальмеровские рейды были «одним из наиболее

скандальных эпизодов в истории Америки», приемы министра юстиции были «незаконными от начала до конца»[1].

В США не было ни революционной ситуации, ни угрозы революции вообще. И террористические рейды против «красных» на деле обернулись рейдами против профсоюзов, против элементарных требований рабочего класса, против его права создавать свои организации, в том числе и коммунистическую партию. Это было наступление на права граждан Америки высказывать свое мнение, выступать в печати, устраивать митинги и собрания.

В те тяжелые дни был арестован и Чарлз Джонсон. Ему, как гангстеру, защемили руки в наручники и провели по улице в бостонскую тюрьму, откуда не просачивались никакие сведения.

Анна Янсон после ареста мужа перебралась в Нью-Йорк, где стала техработником при ЦК Компартии США (партия оказалась на нелегальном положении). Должность была скромная, но Анна понимала, насколько были важны «мелочи», что находились в ее руках. Она не была сухим функционером. Враги и те признавали, что у Карла Янсона «жена была необыкновенной фигурой», отмечали, что «говорила она, только когда это было необходимо», часто «резко и с язвительным сарказмом». Что ж, жизнь в США все более приучала людей не быть излишне доверчивыми.

Чарлз Джонсон провел в тюрьме уже не один месяц. В его камере сидели в основном люди капиталистического дна, сломленные и разбитые. Им понравился этот могучий человек, говоривший с каким-то особым акцентом. Он оказался моряком. Физическая сила в камере ценилась. Многие осужденные впервые столкнулись и с силой моральной. Не был заключен мир только со штрейкбрехерами: предателей презирали и в тюрьме.

Новые арестанты, и в их числе Чарлз, завели в камере «свои порядки»: предъявляли общие требования властям, устраивали организованные протесты. Тюремное начальство стало пристальней приглядываться, кто тут настоящие «красные».

Их отсеяли и рассредоточили. Чарлза Джонсона кинули в тесную, вонючую одиночку. Ухватившись за выступ стены, в которой было вырублено почти под потолком окошко, он пытался осмотреться вокруг. У него еще были силы, и он мог долго держаться на руках. Всюду маячили каменные стены, серые и щербатые. Только в одном углу к стене прижалась чахлая березка, полная жажды жизни... Перед глазами вставали, как наяву, белые, литые латвийские березы...

Проходили месяцы, а Чарлзу Джонсону никаких обвинений не предъявляли. Даже не вызывали на допрос.

Стало известно, что из тюрьмы выводили по одному, по два и эти люди не возвращались... Стихло в камерах. Называли потом

[1] The Palmer Raids. N. Y., 1948, p. 7, 38.

пароход «Баффорд», куда собирали этих несчастных. Набив ими нижнюю палубу и трюмы — это были бывшие эмигранты,— их отправили на плавучей тюрьме в красную Россию... В феврале 1920 года американский корреспондент Карл Виганд спросит В. И. Ленина, как он смотрит на «депортацию русских революционеров из Америки», и получит ответ: «Мы их приняли. Мы у себя революционеров не боимся. Мы вообще не боимся никого и, если Америка боится еще каких-либо сотен или тысяч своих граждан, мы готовы начать переговоры о принятии нами всех и всяких страшных для Америки граждан (кроме уголовных, конечно)» [1].

И вдруг в один прекрасный день Чарлза Джонсона неожиданно выпустили из тюрьмы. Его освободили под залог до суда — таково было решение партии.

Чарлз Джонсон встретился с первым секретарем партии Чарлзом Рутенбергом — ныне его близким товарищем. Рутенберг взглянул на Джонсона своими близорукими глазами и, убедившись, что месяцы, проведенные Чарлзом в тюрьме, не очень подорвали силы этого упрямого латыша, сказал:

— Чарли, я хорошо понимаю, что тебе следовало бы немного отдохнуть после твоего «пансионата», но дело не терпит отлагательств. У нас две коммунистические партии... а лучше иметь одну, но сильную. Сейчас, как я понимаю, самое главное в организаторской работе — слить, объединить всех настоящих коммунистов Соединенных Штатов в одну партию. Мы не могли ждать суда над тобой, да и неизвестно, чем он кончится. Тут один порядочный человек, сочувствующий, согласился рискнуть своей недвижимостью. Так вот послушай, Чарли, мы решили: на суд ты не явишься, исчезнешь. У вас в России это называется подпольем. Наша демократическая Америка,— Рутенберг иронически улыбнулся,— тоже хочет пропустить своих коммунистов через подполье. Другого выхода у нас нет, зато мы станем крепче!

Чарли спросил:

— А наш товарищ сочувствующий знает, что его недвижимость пропала, если я не явлюсь на суд?

— Знает! — ответил Рутенберг.

Чарлз был согласен с секретарем Центрального Комитета: основную работу надо перенести в подполье. Правящие классы Америки думают, что, загнав коммунистов в подполье, они покончат с коммунизмом. Заблуждение. В России тоже так думали, когда появились большевики. А кончилось тем, что большевики взяли власть в свои руки. Что касается опасностей подполья, то, если ты коммунист, не тебе отказываться от партийной работы, чем бы она ни грозила.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 146.

Долго еще беседовали они. Джонсон с удовлетворением узнал, что Джон Рид в конце 1919 года снова уехал в Россию. Рид надеялся, что с помощью Коминтерна удастся добиться объединения коммунистических партий Америки. Выехал он из США с большим трудом, нелегально. С началом массовых арестов его «вспомнили» на родине и за «шпионаж» приговорили к пяти годам каторжной тюрьмы...

Думая о нем, оба Чарлза немного помолчали. Какая досада, что волею сложной ситуации между ними и Джоном промелькнула тень (Джон Рид был в «другой» партии). А ведь как хорошо вначале складывались отношения между ним и Чарлзом Джонсоном. Они уже в 1918 году были друзьями...

Потом Рутенберг показал Джонсону почти готовую прокламацию КПА с разоблачением рейдов против «красных». Чарлз Джонсон внимательно ее прочитал.

«...Нам сообщают о том, что «тысячи красных иностранцев, принимающих участие в заговоре против свободных демократических институтов республики», будут высланы в Европу. «Коммунистическое движение в Соединенных Штатах — это иностранное движение»,— кричат интеллектуальные невежды класса капиталистов. «Коммунистов вон из страны!». Рейд следует за рейдом, арест за арестом. Капитализм, видя свою неизбежную гибель в Европе и боясь за свое существование в Америке, призывает к скорейшему уничтожению коммунистического движения.

Коммунистическая партия, рабочая партия не уничтожена! Несмотря на нанесенные ей тяжелые удары, движение к победе коммунизма в Соединенных Штатах через власть рабочих будет продолжаться. Партия шлет самый горячий привет товарищам в тюрьмах и ожидающим высылки на острове Эллис и в других местах. Демократия и свобода в Соединенных Штатах, которыми хвастаются капиталистические политики, сейчас обнажены во всей своей отвратительной действительности. Это свобода и демократия грабителей, которые купаются в роскоши и богатстве, в то время как рабочие голодают и подвергаются бесстыдной эксплуатации».

— Ты вот прочитай дальше, вот это место, обрати на него внимание,— сказал Рутенберг.

И Чарли стал читать дальше: «Правительство с помощью тупых и жестоких наемников преследует сегодня иностранцев как самых страшных преступников, потому что они не чувствуют «благодарности» к американскому эксплуататору, который дает им работу и платит им за нее. Хваленые институты Америки и ее сказочные богатства, составляющие миллиарды долларов, созданы за счет пота и крови рабочих иностранного происхождения. В тяжелой промышленности, где важны сила и мускулы, заняты выходцы из России, Италии, Швеции и т. п. Промышленное производство

всей нашей страны зависит от желания иностранных рабочих оставаться на рабочем месте и выдавать продукцию. Рабочие — выходцы из других стран, жертвующие жизнью на производстве, с тем чтобы Америка могла хвастать миллионерами, имеют полное право участвовать в революционной борьбе рабочих Америки».

Прочитав эти строки, Чарли поднял голову и, вместо того чтобы сказать, хорошо или плохо изложена мысль, пожал Рутенбергу руку:

— Да, мы имеем право на это! Спасибо вам, Чарли! — Он впервые назвал Рутенберга так просто: Чарли.

Прощаясь, Рутенберг как бы вскользь заметил:

— Мне недавно прочитали несколько страниц из любопытного издания на русском языке «Как вести себя на допросе». Нашли это издание у эмигрантов. Там говорится прямо: при аресте на допросе не отвечать ни на какие вопросы. Мне это понравилось. Будем перенимать опыт у наших русских товарищей.

Рутенберг протер стекла очков и своим видом дал ясно понять, что последнее меньше всего касалось Чарли, что это должно стать нормой борьбы для коммунистов в Америке, где они сразу оказались вне закона, хотя президент и сенаторы все еще превозносили невиданную свободу личности в их стране...

К тому времени американские коммунисты успели выработать правила подпольной партийной работы, по которым можно было судить, что здесь люди относятся к делу серьезно и уже приобрели соответствующий опыт. «Правила» распространялись в рукописи на английском языке. Их передавали только надежным людям, чтобы информация не дошла до врага. Под «Правилами» стояла подпись Центрального Исполнительного Комитета Коммунистической партии Америки.

Вечером Карл и Анце внимательно вчитывались в мудрые строки «Правил». С тех пор как Анце, пока Карл находился в тюрьме, не задумываясь, пошла в маленький неказистый офис ЦК Компартии Америки (разумеется, скрытый от любопытных глаз) и предложила свою помощь в технической работе, ее авторитет возрос. А главное, у нее с мужем появились важные общие дела, хотя они о своих заданиях не говорили друг другу. Американцы очень дорожили услугами немногословной, надежной миссис Джонсон-Зиберг. Карл не сразу примирился с опасными «связями» своей супруги, но здравый смысл подсказывал ему, что иначе быть не могло.

Они оба склонились над «Правилами» при свете настольной лампы.

«Не открывай без надобности своей принадлежности к партии.

Следи, чтобы за тобой не увязались шпионы, когда ты идешь по партийному делу или на собрание.

Не держи открыто в своей комнате никаких уличающих документов и литературы. Не носи с собой и не храни при себе имен и адресов, если они ненадежно зашифрованы.

Быть задержанным, имея при себе общепонятные записи и адреса товарищей или партийных работников и мест собраний,— это почти то же, что выдать их властям; по крайней мере, результат будет тот же. Такие имена и адреса не следует записывать в общепонятном виде. Их вообще не следует записывать. Старайся как можно больше хранить в своей памяти, а записи должны служить ей только вспомогательными знаками. То же, что необходимо записывать, записывай в хорошо зашифрованном виде.

Не теряйся в минуту опасности.

...Следует избегать всякого ненужного риска не только ради себя самого, но также и ради партии, дабы она могла сохранить тебя как партийного работника.

Будь еще осторожнее, если тебе доверено ответственное место в партийной организации».

Для себя Карл нашел лишь серьезное напоминание: подобными требованиями он руководствовался уже не раз, и сейчас снова настал такой момент. Главное же, что в Америке уже появились люди, которые сознавали, какая предстоит серьезная борьба. Естественно, что эти люди искали опору в прочной, четко действующей организации с высокой коллективной и личной ответственностью. Сам Чарлз Джонсон был готов неукоснительно подчиняться всем требованиям, без особых напоминаний на этот счет.

Они дошли до раздела о том, как надо избегать ареста. Но Анце прикрыла потертую бумагу ладонью.

— Ты думаешь о новом аресте, Карл?

— Я-то нет, а вот «те», они наверняка думают. И для меня это важно. Больше такого удовольствия мы им не доставим. У нас дел по горло и дорог каждый человек!

Они не стали читать этот раздел. Вечер давно уже крался по серым кварталам, каменным дворам, слабо освещенным пригородам. Завтра предстоял новый день, день новых испытаний.

Был один человек, который в своем письме к американским рабочим удивительно точно определил, что́ именно происходило в США. «В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке...

Американские рабочие не пойдут за буржуазией»[1].

Так написал В. И. Ленин в 1918 году, проанализировав положение в США.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 58.

До явки в суд присяжных Чарлз мог себя чувствовать в сравнительной безопасности. Шпики, как они считали, свое дело сделали: так или иначе, в отношении этого эмигранта вердикт последует. Хватало других, за которыми надо было еще хорошенько погоняться в поисках улик... Конечно, Чарлз не мог допускать просчетов, чтобы не ухудшить своего положения, не выдать других... Поэтому каждый раз, выходя из дому, он старался избавиться от любого подозрительного типа, от «хвоста».

Шла очень серьезная подготовка к одной важной встрече. Чарлз в течение дня встречался со многими — дома, на улице, в магазинах, на стройках в обеденный перерыв, когда рабочие жевали свой сандвич, запивая его пивом или молоком из бутылки.

Идя на такие встречи, он всегда готовил в уме несколько ответов на тот случай, если его вдруг задержат и спросят: «Что вы тут делаете или ищете, откуда и куда идете?» Это были трудные вопросы даже для Чарлза, человека опытного, проверившего свое умение и в Латвии, и в Финляндии, и в Германии, а теперь и в США. А рисковать он не имел права.

Кроме того, его положение могло в любую минуту осложниться, как только последует вызов в суд. В суд он не пойдет, это решено. Но тогда против него вступит в действие еще один закон — о наказании за неявку в суд.

Но вызов в суд пока не приходил, и Чарлз торопился дать выход своей энергии, которая гнала его чуть свет на улицы Нью-Йорка, в рабочие районы, в кафе и салуны. Он возвращался домой поздно вечером измотанный, разбитый и, как правило, голодный. Анце быстро заваривала чай, Карл умывался и садился за стол. Они мало говорили в такие вечера. Карл только смотрел и смотрел на свою дорогую Анце. И как только он жил без нее раньше? Анце мягко улыбалась ему...

Утром Карл отправился в штат Мичиган. Он сказал об этом Анце. На всякий случай. «Хвостов» за ним не было. Но для профилактики он вошел в тамбур и, вместо того чтобы зайти в вагон и занять место, сразу же сошел на другой перрон, быстро зашагал к последнему вагону, сел в него и занялся чтением самых респектабельных газет. Он любил в такой ситуации читать солидные газеты.

В Мичигане стояла теплынь. В последние дни мая солнце играло по-летнему. На привокзальной площади городка Бриджмен Чарлз незаметно огляделся, снял шляпу и пошел, поглядывая на витрины; до назначенного часа еще было время.

Возле старого шестиэтажного дома с большими окнами и портиком на двух колоннах он приостановился и, так как все было в порядке, отворил дверь. Вошел.

— Послушайте, вы не ошиблись? — в вопросе чувствовалась настойчивость.

— А разве не здесь собираются агенты компании «Голдмэн энд сан»?

— Здесь... Проходите!

Таков был пароль предстоящего съезда американских коммунистов, который собирался для объединения двух возникших предыдущей осенью коммунистических партий. В большом холле уже стоял гул голосов, смеялись громко, по-американски. Делегаты из Бостона, Миссури, Филадельфии, Нью-Йорка... Чарлза сразу узнали. Подошел Бобби-старший из Бостона, знакомый еще по «Стил корпорейшн». Шел навстречу с радостным приветствием Файнштейн из Миннесоты... Протягивал свою ручищу земляк-латыш...

Входили новые и новые делегаты, и приподнятое настроение все более объединяло присутствовавших. Люди встречались, как после нелепой размолвки, разъединившей соратников.

Перед самым открытием съезда возникло замешательство: пришел полицейский, заинтересовавшийся, почему здесь собираются. Власти были начеку. У Чарлза пронеслось в голове: не начинается ли операция провокаторов? Никто не мог гарантировать, что они сюда не проникли: у властей это был излюбленный метод добывания информации, а подонки, желающие заработать десяток-другой долларов, всегда найдутся. Полицейскому показали договор о найме помещения, бумагу об уплате налога, и он, убедившись, что имеет дело с солидной компанией по производству мыла «Голдмэн энд сан», с ее торговыми агентами, сделал, по его мнению, остроумное замечание:

— У вас даже приятно пахнет хорошим мылом!..

Ему намекнули, что хорошо отблагодарят, если он позаботится, чтобы встреча деловых людей проходила без помех. Малый оказался понятливым: он маячил перед домом до позднего вечера и несколько раз сам слышал, как входившие представлялись в качестве агентов мыловаренной компании, что окончательно рассеяло его первоначальные подозрения. Несколько хрустящих ассигнаций, которые ему были вручены под конец, утвердили в нем убеждение, что эти мыловары — вполне достойные джентльмены...

Съезд прошел без особых коллизий, без взрывов страстей и завершился актом, который готовился несколько месяцев: обе коммунистические партии объединились! Родилась Объединенная коммунистическая партия Америки (ОКПА). Успех был несомненным. Удовлетворение — всеобщим. Присутствующие не скрывали его.

Для Чарлза этот съезд коммунистов в Бриджмене закончился неожиданно. Он был избран членом Центрального Исполнитель-

ного Комитета, заместителем интернационального делегата и делегатом на II конгресс Коминтерна, который через несколько месяцев должен был собраться в далекой России. Кандидатура Чарлза прошла без возражений. Его хорошо знали даже представители прежде «конкурирующей» партии.

Чарлз Джонсон вернулся в Нью-Йорк. В тот же вечер зашел к Волдемару Рудзутаку, и они долго беседовали с глазу на глаз за закрытой дверью. Только много лет спустя, как вспоминает Зелма Рудзутак, муж рассказал ей, что тогда речь шла о том, как побыстрей попасть в Россию. До начала конгресса оставалось немного времени, а путь предстоял громадный — тысячи миль. И на каждом шагу подстерегали неожиданности.

Каким-то путем, известным тогда лишь считанным единицам, а ныне не известным никому, Чарлз Джонсон, он же Чарлз Скотт, оставил Америку. Говорили же, что видели его в Америке в прекрасно сшитом костюме, когда он выглядел «скорее как энергичный и удачливый бизнесмен, чем как обтрепанный представитель пролетариата». Бывало и так! Он мог уехать так же, как это сделал один его знакомый, который пробрался в Бостон-Харбор на торговое судно, нашел контакт с командой этого судна и уплыл в Советскую Россию. Без паспорта и виз...

Америку Чарлз Джонсон оставил, однако в списке прибывших делегатов II конгресса Коминтерна он не числился. Америка на конгрессе была представлена делегатами от двух коммунистических партий: от Коммунистической рабочей партии Америки прибыли Александр Билан, Джон Рид, Джон Юргис; от Коммунистической партии Америки — Александр Стоклицкий и Льюис Фрайна. А Чарлз Джонсон, или Чарлз Скотт, не упоминается! Чем же это объяснить?

Почти во всех автобиографиях, написанных рукой К. Янсона, ясно сказано, что американские коммунисты избрали его на конгресс Коминтерна и он выехал в Россию. В книге П. С. Петрова «Возникновение Коммунистической партии США и ее борьба за легализацию» тоже говорится об избрании Карла Янсона на II конгресс Коминтерна, правда, при этом нигде не упоминается, присутствовал он на конгрессе или нет. Там были делегаты и с совещательным голосом. Имена делегатов от Мексики и Америки не названы. В их числе мог оказаться и Чарлз Джонсон. Но ведь его избрали со всеми полномочиями!

В публикации материалов II конгресса Коминтерна, помеченной 1934 годом, обнаружилось маленькое примечание относительно списка делегатов. «Данный список,— пишут комментаторы,— неполон (!) и содержит ряд неточностей. Так как установить точный состав делегатов в настоящее время не представляется возможным, список делегатов печатается в том виде, в каком он был опубликован в издании 1921 г...»

Значит, список неполон и к нему остается добавить Ч. Джонсона. Легко и просто!

Однако возвратимся к автобиографиям Карла Янсона. Они написаны его рукой и представляют собой документы исключительной достоверности. Янсон всюду пишет, что он был избран на II конгресс Коминтерна, и нигде, что он присутствовал на нем. Что же касается других высоких форумов, то он скрупулезно, как это и требуется в личных документах, отмечал свое присутствие на них.

Как же так? Был избран на конгресс, выехал из Америки, а на конгрессе не был? История знает немало случаев, особенно в начальные годы деятельности Коминтерна, когда делегаты опаздывали на конгресс или вообще не являлись: в пути их арестовывали, держали в тюрьмах.

В хранилище документов бывшей политической охранки буржуазной Латвии среди бумаг, состряпанных грязными руками провокаторов, доносчиков, иуд, бумаг, вызывающих отвращение, желание долго потом отмывать руки, оказались некоторые сведения о том, что Карл Янсон проезжал тогда через Латвию. Нашлась даже его фотография. И не одна!

Кроме того, в одной из своих служебных автобиографий Янсон писал: «Вместе с Джоном Ридом мы были как американские делегаты на съезде народов Востока в Баку» (в том же 1920 году, после II конгресса Коминтерна).

Поиски материалов в Баку превзошли все ожидания. Газета «Коммунист» поместила тогда интервью с Карлом Янсоном (Чарлзом Скоттом): «Впечатления тов. Чарлза Эдварда Скотта». В материале «Беседа с американскими товарищами» имелись в виду Джон Рид и Чарлз Скотт...

Вот теперь можно изложить все по порядку.

Примерно в середине августа Ч. Джонсон-Скотт сошел с корабля на берег в Лиепайском порту, поминая добрым словом всех моряков, которые так ему помогли в этом тяжелом путешествии.

Политохранка буржуазной Латвии, как уже говорилось, его засекла. Имелась у них и его фотография, вероятно присланная «коллегам» американской полицией. Власти в Риге тоже знали, что здесь появился «представитель американских коммунистов». Знали они также, что это латыш по фамилии Карл Янсон, знали даже одну из его старых лиепайских кличек — Кажис. Однако, надо думать, они не знали его новых кличек — Чарлз Джонсон и Чарлз Скотт.

В Риге Карл Янсон походил по магазинам, где еще принимали царские деньги, где говорили на латышском, немецком и русском языках; в Риге было много русских эмигрантов. Его неприятно удивила бутафорская пышность столицы, искажавшая строгую красоту этого повидавшего виды города.

Новые хозяева Латвии все еще неистово искали и истребляли коммунистов и при этом громогласно отстаивали высокую мораль, для чего были установлены особые правила пользования пляжами на взморье — «мужские» и «женские» часы,— чем, однако, «высшее общество» пренебрегало. В моде был белый цвет — белые платья, белые туфли, белые шляпы. «Высшее общество» боролось за мораль. В моде были толстые животы, разводы, молодые мужья — армейские офицеры... И все это происходило под флагом «национального возрождения».

С чувством отчужденности Чарлз Джонсон отправился дальше. В Россию. Охранка его не тронула...

21 августа Карл Янсон был в Петрограде, говоря его словами, «после нескольких недель путешествия, сопряженного с рядом мытарств и препятствий».

С Николаевского вокзала (ныне Московский) он сразу направился в центр красного Питера, к Зимнему дворцу. Здесь начинался Октябрь!

Главное, что его поразило в Петрограде,— это дети. На него в одном месте налетела голосистая ватага. Она пела:

Долой, долой монахов,
Долой, долой попов.
Залезем мы на небо,
Разгоним всех богов.

Позднее, в Баку, он рассказывал: «Меня очаровала следующая живая картинка: передо мною группа детей — резвых, жизнерадостных, бодрых, далеко не худощавых, очень приличного поведения.

Дальнейшие наблюдения только усилили мои первые впечатления, тем более что на каждом шагу я встречал скромных, приличных и почти одинаково одетых детей. Ничего подобного в царстве золота — в Америке.

Там дети разделяются на два лагеря. Буржуазные дети облачены в дорогие одеяния, разукрашенные мишурой и другими безделушками, что превращает их в подвижных кукол. Громадное большинство детей из пролетарского мира полуодеты, иногда обмотаны в грязные тряпки... Предоставленные сами себе, без надзора, они воспринимают все худшие стороны жизни, и в результате из их среды создаются кадры преступных элементов. Появление в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго, Филадельфии и других городах в зимнюю стужу босых и беспризорных детей — явление обычное. В результате они становятся физически, умственно и нравственно нищими»[1]. Дети Советской России,— сказал Чарлз Скотт,— это «носители высшего порядка, высшей культуры».

[1] Коммунист (г. Баку), 1920, 8 сентября.

Чарлз Скотт не мог надивиться чистоте Питера. «Первое, что меня поразило, когда я с Николаевского вокзала проник в гущу и окраины столицы,— это чистота города, которая на 50 процентов превышает чистоту любого американского города, в том числе и центральные части Нью-Йорка, не говоря об Ист-Сайде (восточная часть Нью-Йорка), известном своей грязью. Я это отмечаю потому,— добавил Чарлз Скотт,— что американская печать изо дня в день, не жалея красок, повествует о поразительных антисанитарных условиях, в которых пребывает население России вообще и в Петрограде в частности».

В первый же день в Питере Чарлзу Скотту посчастливилось увидеть и подразделения Красной Армии, о которой он так много читал, слышал (и доброго, и враждебного!). Каждый выход части на улицу тогда становился праздником...

«Еще момент, и передо мной вырастает во всем своем блеске дефилирующая Красная Армия, выкованная из стали, полная беззаветной храбрости и неизменной верности великим идеалам мировой социалистической революции.

Могучая революционная песнь: «Коммунистов семья, собирайся тесней, победим мы врага, будем жить веселей», вырвавшись из богатырских грудей, обняла все живое на Невском и вызвала неслыханный восторг тысяч рабочих, потянувшихся за ней вслед.

Стройные ряды пехоты и кавалерии, красные пышные знамена, одухотворяющая музыка, революционные песни, повышенное настроение живой улицы — все это произвело не поддающееся описанию впечатление» [1].

Вот с какой восторженностью воспринимал великие перемены в России Карл Янсон еще в трудные годы гражданской войны, разрухи и разорения.

Однако те, кто сам боролся за новую жизнь, не обольщались успехами: они видели, сколько в новой России еще от старого мира, мира несдавшегося. Зарождающаяся социалистическая Россия переживала колоссальные трудности. Трудности, казалось, непреодолимые, и только Ленин, партия большевиков и все, кто их поддерживал, верили в окончательную победу. В их числе был и Чарлз Скотт.

Спички, иголки, фунт яблок стоили миллионы рублей. Зарплату рабочим и служащим часто выдавали натурой, мизерными пайками; в деньгах она исчислялась десятками миллионов рублей, но на них почти ничего нельзя было купить. Зарплата росла чуть ли не каждый месяц, а цены еще быстрее. Неотвратимо надвигался голод, разразившийся в 1921 году. Частная собственность была повержена, но еще не побеждена.

[1] Коммунист (г. Баку), 1920, 8 сентября.

Чарлз рассказывал в Баку: «На Невском проспекте остановили мое внимание сплошные ряды больших помещений под магазины, склады, банки, разукрашенные вывесками, рекламами о всевозможных товарах и драгоценностях: они представлялись в моих глазах впервые отстроенными и ждущими своих хозяев — представителей торгово-промышленной буржуазии. Но призраки быстро рассеялись...

Единственные, очень редко попадающиеся аборигены старого буржуазного мира комически-трагичны в своем одиночестве. Жалостно озираясь, они встречают кругом презрительную улыбку прохожих и с бездонной тоской обращаются к вывескам — немым свидетелям былого расцвета буржуазии...» [1]

Конечно, картина была несколько сложнее: с частным капиталом предстояла еще длительная борьба, и он в 1920 году еще не чувствовал своей полной обреченности. Шла гражданская война. В штабе партии как вынужденная мера разрабатывался ленинский план — нэп — с его неизбежным оживлением частного капитала...

Так прошел первый день Чарлза Скотта в красной России, в Питере. Он был радостно взволнован всем виденным. Только одно его расстроило: он окончательно убедился, что на II конгресс Коминтерна опоздал почти на две недели.

Когда Чарлз Скотт прибыл в Москву, конгресс свою работу уже завершил. Здесь он нашел других американцев, которые ему подробно рассказали о ходе конгресса, успешно проведенного под руководством В. И. Ленина. Рассказали ему и о футбольном матче между командой делегатов конгресса и футболистами-москвичами. В первой играли Джон Рид, Уильям Галлахер. Они не очень охотно признались, с каким счетом закончился этот матч, но зато подчеркнули, что первый мяч все же влетел в ворота москвичей...

В Москве Карл Янсон окончательно принял имя Чарлза Скотта.

Считанные дни пробыл он в Москве, где был впервые. И вот опять сборы в дорогу. В Исполкоме Коминтерна формировалась делегация, которая выезжала в Баку, на I съезд народов Востока. Предстояла поездка по железной дороге по местам, где еще шли бои. Но и в местностях, недавно освобожденных Красной Армией, действовали банды. Они подрывали рельсы, обстреливали поезда.

Говорили, что делегация отправится в бронепоезде...

В Баку выезжали И. Сталин, Т. Квелч из Англии, И. Недялков (Н. Шаблин) из Болгарии, Бела Кун из Венгрии, К. Штейнгардт (Грубер) из Австрии, Чарлз Скотт из США и другие. Англо-американскую делегацию должны были возглавить Джон Рид и Уильям Галлахер.

---

[1] Коммунист (г. Баку), 1920, 8 сентября.

Джон Рид был очень взволнован: он до последнего момента не терял надежды встретиться в Москве со своей женой Луизой Брайант. Они давно не виделись... За Галлахером в гостиницу прибыла машина по поручению В. И. Ленина. «Он срочно хотел меня видеть,— вспоминал У. Галлахер.— Когда я вошел, Ленин справился о моем здоровье и о том, как обо мне заботятся. Выслушав ответ, он спросил:

— Когда вы едете домой?

— Не совсем скоро,— ответил я.— Я еду в Баку делегатом на конгресс народов Востока.

Ленин вскочил со своего места.

— Нет, нет! — воскликнул он.— Вы должны ехать домой. У вас там будет много дел. Рабочие создают советы действия, чтобы сорвать попытки Черчилля начать войну против Советской России. Вы можете оказать большую помощь. Вы должны ехать домой».

В англо-американской делегации остались Гарри Квелч, Джон Рид и Чарлз Скотт. Возглавил группу Джон Рид.

Поезд III Интернационала 27 августа покинул Москву, которая продолжала жить тревожной жизнью... С запада все еще угрожали белополяки. На юге шла жестокая борьба с Врангелем и другими белыми генералами. 14 августа Врангель начал высадку крупного, сформированного из офицеров десанта на Кубани. Положение Страны Советов осложнилось.

Бронепоезд с делегацией проходил мимо разрушенных войной станций, мимо искореженных водокачек, через изнуряющую августовскую жару. С приближением к опасным районам Юга в вагонах запахло угарным дымом, в открытые окна залетала пыль иссохших степей.

К исходу августа офицерские десанты были разбиты, но в кубанских плавнях еще рыскали банды, генерал Фостиков держался в районе Майкопа, Лабинской и Баталпашинской. Железнодорожная магистраль Ростов — Баку находилась под угрозой, опасность была рядом...

В Москве, которая все больше отдалялась, В. И. Ленин зорко вглядывался в карту Юга, читал сводку за сводкой. Его волновали не только военные операции. Позднее он напишет о I съезде народов Востока, вдохновителем которого был, приравняв его по значению ко II конгрессу Коминтерна: «Что сделали съезд коммунистов в Москве и съезд коммунистических представителей народов Востока в Баку,— этого нельзя сразу измерить, это не поддается прямому учету, но это есть такое завоевание, которое значит больше, чем другие военные победы, потому что оно показывает нам, что опыт большевиков, их деятельность, их программа, их призыв к революционной борьбе против капиталистов и империалистов завоевали себе во всем мире признание, и то, что сделано в Москве

в июле и в Баку в сентябре, еще долгие месяцы будут усваивать и переваривать рабочие и крестьяне во всех странах мира»[1].

Поздним вечером 31 августа московский бронепоезд вошел в Баку и, следуя по Нобелевскому проспекту, остановился у перрона вокзала. Столица красного Азербайджана не спала. В ту же ночь, в 1 час 25 минут, началось торжественное объединенное заседание Бакинского Совета депутатов и Азербайджанского съезда профсоюзов. Прибыли делегаты съезда народов Востока. Сообщение о том, что на заседании присутствуют также делегаты от рабочих многих стран мира, было встречено длительными аплодисментами.

От имени правительства красного Азербайджана и Центрального Комитета АКП(б) с приветствием выступил Н. Н. Нариманов. Он провозгласил: «Да восторжествует III Интернационал!» Джон Рид обратился к своим слушателям по-английски, но закончил выступление русскими словами. Хотя все устали — одни от трудной дороги, другие — от долгого ожидания гостей, собрание закончилось в половине четвертого утра.

В день начала работы съезда — 1 сентября — бакинская газета «Коммунист», обращаясь к прибывшим «вождям мирового пролетариата», поместила приветствие Бакинского комитета АКП(б), исполкома Бакинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и самой редакции. Почетным председателем съезда был избран В. И. Ленин, а почетными членами президиума — представители Коминтерна, зарубежных коммунистических партий. Состоялось семь заседаний съезда, которые обычно начинались вечером, очевидно, из-за жары, а заканчивались поздней ночью. На последнем заседании было решено послать приветствие В. И. Ленину.

Съезд работал с огромным энтузиазмом и подъемом. Речи делегатов сменялись речами представителей Коминтерна, зарубежных коммунистических партий. Раздавались призывы ораторов к священной войне против империализма, и в зале в ответ кричали «ура», потрясали оружием (многие прибыли на съезд вооруженными, прямо с фронта), раздавались восклицания «Клянемся!». Яркий свет прожекторов заливал театр, сверкали ножи, кинжалы и сабли. «Это лес острой стали угрожающе колышется над головами,— писал один из корреспондентов,— и со всех сторон, на всех языках Востока несутся клятвы идти до конца:

— Победить или умереть!

Незабываемая минута!»

Характерно, что во всех автобиографиях Чарлз Скотт, как правило, упоминает о поездке в Баку на съезд.

Известны его высказывания во время работы съезда народов Востока, свидетельствующие об осознании высокой ответственно-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 357.

сти каждым его участником, о революционном энтузиазме, царившем в те дни в столице красного Азербайджана.

Газета «Коммунист», как уже упоминалось, поместила тогда «Впечатления тов. Чарлза Эдварда Скотта», которыми он поделился в беседе с сотрудником Баказкавроста[1]. Завершая беседу, Ч. Скотт сказал: «Если бы широкие круги американских рабочих могли побывать в России, увидеть собственными глазами всю истину, все положение вещей, воодушевиться революционным духом пролетариата и крестьянства, то, без сомнения, вернувшись домой, они сейчас бы двинулись в бой, кровавый и решительный, со своей собственной буржуазией!..

Так и будет».

В совместной беседе Джона Рида и Чарлза Скотта с представителями бакинской коммунистической печати они «осветили в весьма ярких красках настоящее экономическо-политическое положение С.-А. Соединенных Штатов и предстоящие задачи на Востоке». Они сказали, что экономически-политический кризис в Америке надвигается медленно, но верно. Далее американские представители привели многочисленные факты, наблюдаемые в экономической жизни (перепроизводство, застой), в усилении борьбы революционного рабочего класса, в попытках буржуазии использовать реформистски настроенных вождей профсоюзов. О Коммунистической партии Америки они сказали: «Авангард американского пролетариата в лице американской Объединенной коммунистической партии пока еще насчитывает в своих рядах не особенно много подпольно организованных членов, но зато пользуется большим авторитетом и идейным влиянием в широких рабочих массах».

Рид и Скотт сообщили о поддержке американскими рабочими Советской России: они требуют «прекратить вмешательство в русские долги[2], снять блокаду и установить торговые взаимоотношения с Совет[ской] Россией».

Наконец, они высказали свое отношение к съезду народов Востока. Съезд должен обратить серьезное внимание на колониальную политику грабительской Америки, на жестокое подавление не только рабочего класса в своей стране, но и на подавление всякой самостоятельности негров и покоренных народов Филиппин, Кубы и т. д.

Народы Востока должны сбросить власть Англии в своих странах, а также установить контакт с Советской Россией, чтобы преградить дорогу более могучему, опасному и жестокому американскому империализму.

---

[1] Баказкавроста — телеграфное агентство Азербайджана.

[2] Речь шла о зарубежных долгах царской России, которые Советская власть объявила аннулированными.

Пока не будет свергнут империализм на Востоке и Западе, мирное течение и благоприятная обстановка для творческой деятельности свободных народов немыслимы при постоянных, непрерывных, неминуемых тревогах, интригах и контрреволюционных выступлениях.

«Советская власть и Красная Армия,— закончили свою беседу американские товарищи,— единственная власть, способная обеспечить рабочих, крестьян и все угнетенные слои народов как на Востоке, так и на Западе» [1].

Если мы сравним приведенную нами ранее оценку, которую дал съезду народов Востока В. И. Ленин, и высказывания относительно съезда в Баку Рида и Скотта, то перед нами со всей очевидностью предстанет резко возросшая зрелость деятелей Коммунистической партии Америки. Важно и то, что оба они уже считали себя представителями Объединенной коммунистической партии Америки и говорили от ее имени.

После II конгресса Коминтерна этих двух видных деятелей коммунистического движения Америки фактически ничто не разделяло. Участие в съезде народов Востока, несомненно, позволило им уяснить многие вопросы как стратегической, так и тактической борьбы против буржуазии, против империализма. У них оставались еще некоторые заблуждения относительно конкретных поворотов в мировом коммунистическом движении. В той же совместной беседе они говорили о необходимости «разбить гомперсовские унионы», то есть реакционные профсоюзы на американском континенте, хотя уже перед II конгрессом Коминтерна В. И. Ленин в своем труде «Детская болезнь «левизны»...» поставил перед коммунистами задачу — работать в реакционных профсоюзах, вытравить «левачество» и в этом смысле.

Но исторические повороты большинством воспринимаются не сразу, они необходимы, новы и требуют самостоятельного осмысления. Джон Рид и Чарлз Скотт не были исключением из этого большинства.

3 сентября они участвовали в большой демонстрации «мощи и воли бакинского пролетариата в честь первого красного конгресса народов Востока»,— как писала тогда газета «Коммунист», а 8 сентября — в захоронении останков 26 бакинских комиссаров, казненных английскими интервентами. Останки бакинских комиссаров сначала были перевезены из песков Средней Азии в Астрахань, а теперь на вечный покой в Баку. День 8 сентября был объявлен днем траура бакинских рабочих.

Море людей заполнило в траурно-торжественный час площадь Свободы. Чувство интернациональной солидарности, как никогда, сплотило трудящихся Баку в этот час: среди 26 бакинских

---

[1] Коммунист, 1920, 5 сентября.

комиссаров, отдавших свою жизнь за счастье народов Кавказа, были русские, грузины, армяне, представители других национальностей. Был латыш Эйжен Берг. У его могилы стоял латыш Карл Янсон, который добровольно включился в борьбу американских рабочих за их счастье.

И Берг, и Скотт понимали, что счастье латышского народа, трудового народа Латвии тесно связано с борьбой пролетариата всего мира.

Ко дню отправления поезда III Интернационала из Баку положение на Кубани улучшилось.

«9 сентября 1921 г.

РВС Кавфронта
Орджоникидзе

Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани — дело абсолютной общегосударственной важности. Осведомляйте меня чаще и точнее о положении дела.

Ленин».

«г. Армавир

Из полевого штаба 9 армии

Ни одного солдата из десанта Врангеля на Кубани нет. Банды генерала Фостикова и Крыжановского частью истреблены, частью прижаты к горам. Операция еще не закончена. У нас, безусловно, превосходство людских и технических сил, но сильно затрудняют операцию условия горной войны. Сегодня выезжаю на Терек для проведения ряда народных съездов горцев.

Орджоникидзе».

10 сентября поезд III Интернационала, покинув Баку, направился в Москву. Всем пассажирам снова были розданы винтовки и по две гранаты. Охрана по-прежнему была бдительной.

На юге ночи особенно темны. Бронепоезд нырнул в смолистую жаркую ночь, выбрасывая из паровозной трубы в звездное небо снопы блестящих искр. В Гудермесе на вокзал прибыли командующий Кавказской армией труда и его помощник по политчасти. Краткий доклад о положении дел. Путь чист! Пожелание счастливого пути...

На следующую станцию бронепоезд ни в назначенное время, ни с опозданием не прибыл...

Что случилось в ту роковую ночь, которая, возможно, стоила жизни Джону Риду, в общих чертах уже описано. Однако детали оставались до сих пор не выясненными.

В архивах был найден скрупулезно составленный документ с полным описанием событий той тревожной ночи.

«Приказ по Кавказской армии труда
г. Грозный, № 499
18 сентября 1920 г.

10-го текущего сентября в 11 часов мною было отдано распоряжение командным курсам армии не позже как через 10 минут прибыть в боевом снаряжении и вооружении на ст. Грозный. К означенному сроку курсанты были на станции, немедленно погрузились в вагоны и отправились по направлению ст. Наурской, где стоял поезд председателя III Интернационала... не имея возможности двинуться вперед, так как белогвардейскими бандами был прерван железнодорожный путь, и при попытке вернуться обратно путь и здесь оказался разобранным».

...Ловушка, подстроенная бандитами, сработала. Поезд стоял на станции, но был открыт со всех сторон. Где-то ржали лошади, хлопали ружейные выстрелы. Пули щелкали по бронированным листам паровоза, со свистом впивались в деревянную обшивку вагонов. Бела Кун, Рид, Скотт — все, кто был в поезде,— с винтовками в руках на ощупь подыскивали себе место на железнодорожном полотне. Залегли. «Максим» с паровоза злобно огрызался на беспорядочные выстрелы бандитов. Добровольные бойцы-интернационалисты стреляли в ту сторону, откуда доносился в глухой ночи стук лошадиных копыт. Налетчики то наседали, то откатывались, получив отпор.

Чарлз лежал на земле рядом с Джоном Ридом, который отчаянно, до изнеможения ругался. Чарлз стрелял вслепую — ведь цели в этой непроглядной ночи никто не видел,— но испытывал при этом удивительное удовлетворение. Вот оно, чего ему всегда так недоставало: пусть это всего лишь миг, эпизод, но он стрелял по врагу, чтобы защитить социалистическую рабоче-крестьянскую революцию в России... Ради этого стоит пересечь моря и океаны!..

Часть охраны поезда устремилась к месту, где были разобраны рельсы, надеясь восстановить путь. Но там тоже стреляли.

«Командные курсы к 18 часам прибыли на ст. Ишерская,— повествуется далее в документе,— в 10 верстах от которой был разобран путь. Оставив на ст. Ишерская 3 взвода для сторожевого охранения и выслав усиленные разведки в сторону ст. Наурской, 4-й взвод на паровозе с вспомогательным отрядом отправился к месту разрушения, где энергичными усилиями под прикрытием дозоров и разведки был исправлен железнодорожный путь, натянуты телеграфные провода, порванные на расстоянии 250 шагов.

По восстановлении в кратчайший срок пути и телеграфного сообщения взвод был рассыпан в цепь вдоль дороги, чтобы не дать возможности рассеянным разведкой и дозорами бандам вновь собраться и произвести новые разрушения. Паровоз вернулся на ст. Ишерская, забрал здесь оставшихся курсантов и немедленно

направился на ст. Наурская, где стоял поезд III Интернационала, подвергавшийся неоднократному обстрелу со стороны неприятеля».

...Напряжение ослабло. Выстрелы затихли. Люди возвращались к поезду. Джон Рид жадно пил теплую водицу из ручейка, черпая ее пригоршнями. Никогда простая вода не казалась ему такой животворной! В Москве потом не раз будет вестись серьезный разговор об этой воде из затерянного в огромной России безымянного ручейка...

«Ввиду того что́ район ст. Наурской представлял поле деятельности белогвардейского заговора, курсанты были наряжены для сопровождения и охраны поезда славных вождей до ст. Прохладная, для чего часть курсантов была послана с бронепоездом вперед, прокладывая безопасный путь и энергичными действиями не давая белогвардейцам возможности навредить; другая часть приняла охрану самого поезда, а третья — следовала за поездом для предотвращения нападения сзади. Благодаря дисциплинированности курсантов и энергичным действиям их и комсостава курсов удалось быстро ликвидировать белогвардейское восстание и сразу отбить охоту к нападениям.

На ст. Прохладная поезд III Интернационала прибыл к 8 часам 11 сентября».

Здесь поезд задержался, и об этом приводимый нами приказ по армии повествует кратко, но выразительно. Были «произнесены перед выстроившимися стройными рядами курсантов горячие речи», в них выражалась глубокая благодарность за только что проявленную ими доблесть и надежда, что Красная Армия в их лице получит опытных и самоотверженных командиров.

После приветствия и пения «Интернационала» «...по случаю празднования Кавказской армией труда 11 сентября 2-летия армии был устроен смотр и парад курсантов.

По окончании церемониала и отбытии поезда... курсанты отправились в Грозный, куда благополучно и без потерь прибыли в 21 час 11 сентября.

ВРИД командующего армией
Нач. штаба».

Бакинские корреспонденты газеты «Коммунист» внимательно следили за всеми перипетиями поезда со знаменитыми гостями, направлявшегося в Москву. 21 сентября в газете можно было прочитать:

«Покушение бандитов на поезд III Интернационала.

Н-ским поездом и красными курсантами Кавказской армии труда предотвращена грозившая президиуму Исполкома III Коммунистического Интернационала опасность.

Поезд благополучно проследовал на север».

Взбудораженный, радостно-взволнованный встречал Ростов-на-Дону гостей III Интернационала, хотя в городе еще никто не знал, что случилось с поездом под ст. Наурской. Город был радостно взволнован победой над врангелевским десантом, который бежал в Крым. Радовался прибытию столь высоких гостей.

Газета «Советский Дон» дала такое описание начала этого события:

«Делегаты 2-го конгресса III Интернационала в Ростове.

Прибытие.

Весть о предстоящем прибытии в Ростов делегатов 2-го конгресса Коммунистического Интернационала... возвращающихся в Москву из Баку со съезда народов Востока, мигом облетела город. С 4-х часов 12 сентября со всех рабочих районов и воинских частей потянулись стройные колонны рабочих, работниц и красноармейцев со знаменами».

На Софиевской площади (ныне площадь Карла Маркса) состоялся митинг, который ростовчане назвали митингом III Интернационала.

Митинги в России в те годы были хлебом насущным. На них обсуждались все важнейшие вопросы жизни еще не сложившегося нового государства. Митинги не только вызывали энтузиазм у рабочих и красноармейцев, у мужчин и женщин, но и проясняли, что необходимо делать, чтобы Советская власть устояла...

Так было и на этом митинге. Люди внимательно слушали. Конгресс Коминтерна в Москве и съезд в Баку — это огромные успехи международных сил революции. Надо окончательно разгромить Врангеля. Во что бы то ни стало. До зимы. Страна должна стать на ноги. Нужны не только топливо, хлеб, нефть, нужны новые школы детям, дома отдыха рабочим. Россия еще раздета и разута. Надо много трудиться. Бездельников и всяких паразитов — в отряды трудовой повинности. Сообщение, что пролетариат Питера снова дал 1500 бойцов против Врангеля, вызвало на Софиевской площади радостные возгласы.

От американцев, как обычно, выступил Рид. Он стоял на дощатой, наскоро сбитой трибуне, бледный, обросший щетиной. «Вашим успехам радуется весь пролетарский мир,— сказал он.—...Несмотря на все страдания, американский пролетариат борется против буржуазии и за Советскую Россию». Рид сослался на пример, когда американские рабочие решительно выступили против военных кругов Америки, которые стали готовить экспедицию в помощь белым в Архангельск; войска пришлось отозвать. «Теперь все взоры американских рабочих устремлены к Советской России... Мы (Джон Рид имел в виду себя и Чарлза Скотта.— *В. Ш.*) вернемся домой и расскажем обо всем виденном нами в России, для того чтобы совершить такую же революцию в Америке (аплодисменты).

Да здравствует Американская Советская Республика! Да здравствует Коммунистический Интернационал! (Бурные аплодисменты.)»

Около часу ночи — Ростов еще не спал — делегаты отправились на станцию, поезд снова тронулся в путь.

Еще одну большую школу прошел Чарлз Скотт в эти сложные, насыщенные событиями дни. Сам он говорил мало, говорил, например, когда к «американским вождям» приходили корреспонденты. Больше слушал, вглядывался в новую Советскую Россию, вглядывался в лица людей, стараясь представить, что они думают, что их заботит. Особенно радовался тому, что между ним и Джоном Ридом было покончено со всякими недоразумениями. Они об этом не говорили, но их отношения теперь были ясны, и это случилось как бы само собой и окончательно окрепло в ту жаркую, темную ночь под Наурской. Тогда они оба стреляли по врагу...

В Москве Джона Рида с нетерпением ожидала Луиза. Встретившись, они не могли оторваться друг от друга. Но Джон все-таки не забыл своего обещания. Он подарил Чарлзу книгу «Десять дней, которые потрясли мир» с посвящением — лучшему своему другу... (Мне довелось беседовать с людьми, которые видели эту книгу с надписью еще в 1935 году. Возможно, она и сейчас где-то хранится?)

В Москве среди американцев разгорелись страсти вокруг выдвижения Ю. Дебса кандидатом на пост вице-президента США. И хотя все это, по существу, началось в самой Америке, эхо споров докатилось и до Москвы. В эти споры вовлекался и Владимир Ильич.

Юджи́н Дебс сидел в тюрьме, когда его как самоотверженного революционера выдвинули в ходе массовой избирательной кампании в стране на пост вице-президента. Коммунисты из обеих американских партий вначале это выдвижение приняли положительно. Потом многих из них смутило то, что Дебса решили поддерживать также и американские социалисты; среди них были и те, кто еще недавно радовался, что массовым исключением представителей левого крыла из СПА последняя, мол, избавилась от большевиков... Захотелось иметь «чисто» своего кандидата. В США Дебса в тюрьме посетили товарищи и просили, чтобы он снял свою кандидатуру. Но Юджин отказался снять свою кандидатуру. И даже когда в газете «The Communist» — официальном органе ОКП Америки — появилось «Письмо Дебсу», выработанное и принятое ее ЦК, он продолжал стоять на своем...

Один из руководителей Американской федерации труда, А. Д. Шлезингер, в это время был в Москве. Вечером в пятницу 24 сентября его принял В. И. Ленин и якобы сказал американцу, что коммунистам следовало бы голосовать за Дебса. Владимир Ильич, вероятно, усмотрел в разгорающихся страстях тенденции

еще не изжитого сектантства... Сообщение А. Д. Шлезингера подлило масла в огонь...

В воскресенье 26 сентября все «коминтерновцы» из США собрались в общежитии Делового двора № 216 (потом это был 4-й Дом союзов ВЦСПС), где большинство их размещалось, и написали письмо В. И. Ленину в связи с позицией ЦК ОКП Америки в отношении кандидатуры Дебса. Приложили и упомянутый номер «The Communist» с «Письмом Дебсу». Очень просили окончательное мнение «товарища Ленина» передать через А. Ф. Нуортева (тогда работник Наркоминдела и знакомый Ч. Скотта по США, финский коммунист), который разыщет любого из подписавших это письмо — Л. Фрейну, Н. Гурвича, Д. Рида и Ч. Скотта.

Кажется, в тот же воскресный день письмо уже было на столе у Владимира Ильича. Ленин его внимательно прочел. Его рукой на конверте были сделаны подчеркивания и надпись «О Дебсе». Это все, что сохранила нам история в связи с этим случаем... В. И. Ленин всегда оставался корректным и никому своего мнения не навязывал.

Страсти в Москве никогда не затухали; были только другие причины и поводы. Однако на все требовалось немало энергии. Например, кормили делегатов II конгресса Коминтерна, гостей из-за рубежа далеко не блестяще, так же как и всех. (Рассказывали забавный случай. Новичок, прибывший с Запада в Москву, утром отправился завтракать. Ему подали чуть подслащенный чай и кусочек черного хлеба — гость сразу же проглотил это и продолжал с недоуменным лицом сидеть — когда же будет завтрак?) К Владимиру Ильичу даже попало заявление делегатов II конгресса Коминтерна о плохом питании...

Дела важные, политические, дела житейские, встречи, яркие впечатления — все это отодвинула в сторону беда, нагрянувшая, как всегда, нежданно.

В ночь на 17 октября скончался Джон Рид. Первопричиной тифа считали то обстоятельство, что в Наурской после боя против белых банд он напился из ручья, очевидно зараженного тифозными бактериями.

Луиза Брайант писала Максу Истмену: «У него не было того страшного горячечного бреда, какой бывает у большинства тифозных больных. Он ни на минуту не переставал узнавать меня, и в голове у него все время вертелись стихи, разные истории и выдумки, одна чудеснее другой. Он все повторял: «Знаешь, когда очутишься в Венеции, то без конца спрашиваешь встречных: «Это Венеция?» — просто потому, что приятно услышать ответ». Он говорил, что в воде, которую он пьет, полным-полно песенок. И, совсем как ребенок, сочинял необыкновенные приключения, которые будто бы случаются с ним и со мной и в которых мы проявляем чу-

деса храбрости. За пять дней до смерти у него парализовало правую сторону. После этого он уже не мог говорить, и мы не спали ни днем, ни ночью, продолжая надеяться вопреки очевидности. Даже когда наступила смерть, я не верила, что он умер. Я не выпускала его руки и продолжала с ним разговаривать, кажется, я просидела так много часов» [1].

...В воскресенье 24 октября день был холодный. Моросил дождь. Гроб установили в Колонном зале Дома союзов, переполненном народом. Стоял почетный караул из членов Исполкома Коминтерна. Было много венков, живых цветов. На катафалке в сопровождении красноармейцев и военного оркестра гроб доставили к Кремлевской стене. Начался траурный митинг, короткие речи — на английском, русском, французском языках. Луиза не выдержала, упала без чувств и больше ничего не слышала...

Когда ее привели в сознание, могила была уже засыпана... Джона Рида не стало. Не стало человека, начавшего свой путь в аристократическом доме на берегу Тихого океана и кончившего его у стен большевистского Кремля...

Чарлз Скотт не раз будет приходить к его могиле, чтобы понять смысл жизни этого человека. Понять, чтобы продолжать его дело, его борьбу.

---

[1] *Хови К. Львенок.* Джон Рид, каким я его знал, с. 325.

ФАКЕЛ ДЖОНА РИДА

«ЕСЛИ НАШЕ РОДСТВО ВСЕМИРНО, ТО НАШИ КОРНИ — АМЕРИКАНСКИЕ»[1]

Американцы, которые пока оставались в России, жадно ожидали известий со своего континента. И известия приходили. Иногда малоутешительные. Несмотря на создание Объединенной КП Америки, фактически такая партия не сложилась. В июле 1920 года, от ОКПА откололась значительная часть ее членов, которые приняли наименование Коммунистическая партия Америки. Вначале представлялось вполне возможным завершить объединение партий до 10 октября, но после возвращения делегации из Баку оказалось, что это удастся сделать в лучшем случае до 1 января 1921 года.

Когда Джон Рид еще был жив, он твердо решил нелегально возвратиться на родину, несмотря на риск. Он понимал, что после завершения II конгресса Коминтерна его место только дома, где перед партией со всей серьезностью встали организационные вопросы, и он должен участвовать в их решении, чем бы ни угрожало ему американское «правосудие» (а Рида там ожидал суд!).

И Чарлз Скотт, который уже второе десятилетие не отделял себя от американского рабочего класса, ощущал себя его частицей, вдруг с особой отчетливостью понял: он не смеет дольше задерживаться в Москве...

...В Ригу Чарлз ехал поездом, который состоял из нескольких жестких вагонов, грязного ободранного вагона-ресторана и прицепленных в хвосте нескольких теплушек — простых товарных вагонов с трафаретом: «40 человек, 8 лошадей».

В Риге уже падал мокрый снег. Тайная полиция Латвии, которая тщательно следила за маршрутом Чарлза, отметила его прибытие в Ригу: 22 октября. В делах полиции мы нашли уже новую фотографию Чарлза — не ту первую, когда Чарли ехал в красную Россию, отрастив небольшие усики. Теперь у него было бритое лицо, он выглядел мужественнее, старше. Скулы заострились, взгляд, казалось, обращен внутрь себя. Где тайная полиция достала эту фотографию с такой оперативностью, остается загадкой. Несомненно только одно: ее агенты знали свое дело и провести их

[1] Новая программа Коммунистической партии США. Нью-Йорк, 1970, с. 116.

было не так-то просто. Буржуазная Латвия и ее тайная полиция знали многое. Но не все. Так, например, они не знали, что замышляет этот Чарлз Скотт и каковы истинные цели его поездки. Куда он едет? Зачем? С ним можно было легко расправиться. Даже убить его. Убийства коммунистов, действительных и мнимых, в «новой» Латвии были отнюдь не в диковинку. Корреспондент американской газеты «Нью-Йорк таймс» Уолтер Дюранти, воочию видевший Латвию 1920 года, недвусмысленно писал, что здесь «стреляют коммунистов в принципе» — и «своих», и «проезжих». В Риге охранка схватила человека и убила его, объявив жертву «агентом Третьего Интернационала». Правда, к осени 1920 года кое-что изменилось: Латвия подписала 11 августа в рижском Доме Черноголовых мир с Советской Россией и хотела выглядеть гуманным государством. Но охранка продолжала свои черные дела.

В отношении Скотта ей было сказано — без особых указаний не трогать этого «продавшегося латыша». К тому же он явился в Ригу как официальное лицо Советской России, как курьер ее полномочного правительства. Как бы не наломать дров. Но и глаз с него не спускать!

Когда он пересел в поезд Рига — Лиепая, платные соглядатаи битком набились в соседнее купе; избавиться от них было невозможно. Однако это, пожалуй, к лучшему — Чарлз был тем самым гарантирован от случайностей, его «охраняло» государство. И он почти успокоился. К удивлению сыщиков, он вел себя весьма свободно, чуть ли не самоуверенно. В Лиепае он остановился в лучшей гостинице «Петерпилс». Он сходил в порт, о чем-то переговорил в кассах, выяснил, когда отправляется пароход в Западную Европу. И так как у него оказалось несколько свободных дней и ему никто не препятствовал, то он решил съездить в «Каугари», повидать отца, встретиться кое с кем из родственников.

Сложное чувство овладело Карлом Янсоном, когда он ходил по родной земле. Карл отправлялся в Америку, а свою землю бросал в беде. Нет, не потому, что здесь опасно,— там тоже не мед,— но в США были прямые обязанности перед друзьями, ведь он уже несколько лет был гражданином Соединенных Штатов, а гражданин страны — не пустой звук: там теперь его дом, его семья. Все это отмести не так просто, сколь бы тебя ни мучила кровная, живая привязанность к отчему дому...

Отец был ему очень рад, хотя бурных проявлений чувств не последовало. В свои 76 лет он выглядел еще достаточно крепким. С сыном поговорил солидно, спокойно, рассудительно, завел речь и о политике и не скрывал своей гордости за сына.

Вот ведь какие у сына важные дела!.. Хотя о «делах» оба помалкивали. Много ума не надо, чтобы понять, что добираться из Америки в Москву, а теперь, видимо, обратно без особой надобности никто не станет.

В то лето удались яблоки, особенно в «Каугари». Антоновка из Курземе! Яблоки были уже сняты. Они желтели, переложенные сеном, словно налитые медом и удивительным ароматом. Яблоки таяли во рту. Карл вспомнил, какие он покупал в Москве, в лотках на набережной,— платил 3 миллиона рублей за фунт. Эти потянули бы и больше!

В доме нашелся большой старый чемодан, и отец наполнил его душистой антоновкой — сплавом земных соков и солнечных лучей. Карл отказывался брать этот увесистый чемодан — совсем ему некстати груз! — но старик стоял на своем и под конец обиделся. Пришлось взять. (Потом он эти яблоки отдал своим племянникам в Лиепае, к радости последних.)

...Путь от Москвы до Соединенных Штатов почти такой же, как от Москвы до Токио. И по трудности, и по расстоянию. Так тогда считалось. И все же Чарлз его успешно преодолел, несмотря на все осложнения и опасности.

Он снова был в Америке, снова увидел свою Анце, молчаливую и сдержанную. Вынимая свой небогатый скарб из потертого саквояжа, он достал с его дна два яблока. Антоновка из «Каугари». И подал их Анце... Тут она не выдержала и расплакалась...

Как ни труден был путь сюда, домой, но самое трудное еще предстояло. Скорее — продолжалось. Над Чарлзом Скоттом попрежнему висела опасность быть арестованным, ведь он уклонился от явки на суд. После «пальмеровских рейдов» коммунисты по-прежнему оставались на нелегальном положении. Однако думать о личной опасности не приходилось, надо было браться за дело.

...К концу 1920 года усилиями американских коммунистов, стоявших за окончательное объединение двух партий в одну — Коммунистическую партию Америки, была создана группа, которая получила в истории название «Американская комиссия Коминтерна». В нее вошли Сэн Катаяма, Чарлз Скотт и другие. Все они были из США, проявили себя в американском рабочем движении.

Сэн Катаяма в течение 12 лет учился и работал в Америке и тогда же начал принимать участие в революционной борьбе на американском континенте. Через некоторое время он снова туда вернулся и посвятил немало лет борьбе за рабочее дело. Сэн Катаяму хорошо знали рабочие Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Сиэтла, Хьюстона, Чикаго и других городов США. Фрейна был «чистым» американцем, но в рабочее движение вступил недавно, в его деятельности проявлялась нестойкость.

Наиболее деятельными в «Американской комиссии» оказались Сэн Катаяма и Чарлз Скотт.

Карл Т. Енеда в работе «Наследие Сэн Катаямы» говорит: «По возвращении в Нью-Йорк, несмотря на трудные подпольные

условия, он оставался активным и помогал различным американским коммунистическим группам объединиться в единую коммунистическую партию. В процессе объединительной работы Катаяма был назначен в Американскую секцию Коммунистического Интернационала»[1].

Сэн Катаяма и Чарлз уже до этого знали друг друга, что имело немаловажное значение для совместной работы. Когда Коммунистическая партия Америки только создавалась, оба они оказались в группе товарищей, которые объединились в КПА, разделяя все ее сильные стороны, слабости и недостатки.

Выбор Сэн Катаямы и Чарлза Скотта для работы в «Американской комиссии», безусловно, был удачным. «Комиссия» приступила к работе в обстановке доброжелательства со стороны большинства коммунистов. В феврале 1921 года уже были подготовлены условия к официальным переговорам между КП Америки и Объединенной КП Америки. Переговоры начались 17 февраля 1921 года, и всего через 10 дней был подписан документ, завершавший согласие сторон.

Этот документ свидетельствовал о больших успехах в развитии коммунистического движения в США. Но подписание документа — лишь полдела. Объединение следовало закрепить и фактически осуществить на съезде партии, который уже готовился, только он и мог придать жизненную силу письменному соглашению сторон.

В конце мая 1921 года в Вудстоке (штат Нью-Йорк) собрался долгожданный съезд американских коммунистов, на котором делегаты должны были отказаться от всего наносного, сектантского, отказаться от левацких тенденций во имя единой коммунистической партии Америки. В дискуссиях и спорах, в столкновении разных мнений преграды к единству были преодолены. И в конце концов коммунисты нашли возможным объединиться в общую партию. Из внутренней борьбы партия вышла окрепшей, а сами коммунисты получили идейную закалку и организационно сплотились.

Так родилась Коммунистическая партия Америки, секция Коммунистического Интернационала.

Борьба за сплоченность коммунистических сил крепко сдружила двух американских коммунистов — Сэн Катаяму и Чарлза Скотта. Когда в середине ноября 1921 года Сэн Катаяма покинул США, отправившись в Москву, Чарлз с горечью ощутил его отсутствие. Он лишился мудрого друга, и неизвестно было, доведется ли им встретиться вновь.

---

[1] Political Affairs, 1975, March, p. 50.

В 1921 году Чарлз Скотт впервые отправился в Канаду, имея полномочия члена «Американской комиссии». Американские власти тогда еще не знали, что Чарлз Джонсон и Чарлз Скотт — одно и то же лицо. Чарлз вернулся в Америку без усов, он вообще внешне изменился и потому надеялся, что шпики не сразу сумеют его узнать по тем фотографиям, которые сохранились в секретных досье. Кроме того, путь из США в Канаду мало интересовал агентов: американо-канадская граница была почти номинальной, никаких особых формальностей при ее пересечении не соблюдалось. Поэтому Чарли отправился на север без всяких зловещих предчувствий. Анце ничего конкретного не сказал, но дал ей понять, что вечером домой не вернется, что он уезжает.

Но были все же обстоятельства, которые требовали особой бдительности: Скотт вез коммунистам в Канаду документы, которые в условиях элементарной демократии не считались бы ни «опасными», ни «секретными», какими их объявляли политические противники. В данной же ситуации он не мог допустить, чтобы эти документы, с таким трудом доставленные из красной России в Америку, не дошли до адресата из-за нелепого упущения, промаха, ошибки. Ему был доверен завершающий этап эстафеты.

Чарлзу Скотту было суждено посвятить Канаде не неделю, не месяц, а почти два года. И как раз об этом периоде его жизни неоднократно писали разные авторы. О его пребывании в Канаде высказывался Т. Дрейпер в своей пространной книге «Корни американского коммунизма». Этот ренегат не был заинтересован говорить правду о коммунистах, и мы легко уличаем его в искажении исторических фактов, как принципиальных, так и менее значительных. Немало страниц своей книги «Солдаты Интернационала» посвятил деятельности Чарлза Скотта в Канаде и профессор Торонтского университета У. Родни. Хотя эта работа написана относительно добросовестно по сравнению с пропитанной духом антикоммунизма книгой Дрейпера, У. Родни оказывается в тенетах предрассудков, когда речь заходит о борьбе революционного класса, об истории III Интернационала.

К счастью, у нас есть и достоверные свидетельства, пусть фрагментарные, относительно жизни и борьбы Чарлза Скотта в Канаде. Они содержатся в работах Тима Бака — брошюре «Влияние Великой Октябрьской революции на канадское рабочее движение» и книге «Ленин и Канада». Кроме того, из Канады благодаря усилиям У. Каштана, Б. Кини и других пришли драгоценные материалы и среди них копии двух глав из книги, над которой работал Т. Бак. Они непосредственно относились к деятельности Чарлза Скотта в Канаде. Помимо всего прочего они начисто опровергают все, что писали о Чарлзе Скотте Дрейпер и Родни.

До лета 1921 года первые коммунисты Канады не составляли самостоятельной национальной организации. Они просто входили в национальную организацию США, которая, как известно, продолжительное время была разделена на две коммунистические партии. У канадских и американских рабочих было очень много общего в условиях жизни и труда, поэтому такое единение выглядело вполне естественным.

Однако тяга к самостоятельной национальной коммунистической организации Канады росла по мере усиления борьбы ее рабочих и явственно обнаружилась, когда здесь стало известно, что в Москве учрежден новый, красный Интернационал и в него могут вступить при определенных условиях национальные организации. А вскоре II конгресс Коминтерна принял специальные тезисы и Устав Коммунистического Интернационала. Только ни то, ни другое до Канады никак не доходило. И вдруг помощь была оказана, как ни странно, враждебным лагерем.

Правительственные круги Вашингтона, дабы проинформировать «верхушку» общества о том, что «творится» в красной России, и припугнуть обывателя «красной угрозой», опубликовали полностью «страшные документы» Коминтерна, в том числе Устав и условия вступления в Коминтерн. Что и требовалось канадским коммунистам!

В Канаду было доставлено несколько экземпляров этого «устрашающего» издания...

Первая попытка создания коммунистической партии в Канаде была предпринята еще в начале 1919 года, когда в условиях репрессивного закона коммунисты намеревались созвать учредительную конференцию. Она должна была состояться по адресу: Торонто, Куин-стрит, 1851/2, в помещении, которое служило штаб-квартирой Социалистической партии Северной Америки.

В результате предательства полиция узнала об этом плане. Последовали аресты участников конференции.

Власти вообще поощряли любые акции реакционных элементов против канадских коммунистов. Студенты сельскохозяйственного колледжа провинции Онтарио сорвали антивоенный митинг и бросили «красного» по имени Тим Бак в речку Спид. Подобное случалось и в других провинциях страны.

Репрессии на какое-то время затормозили организационную работу, помешали политической пропаганде в пользу самостоятельной партии коммунистов в Канаде. Однако возникшие в общественной жизни тенденции были закономерны и не могли угаснуть, они снова пробивали себе дорогу.

Прошло некоторое время, и канадские коммунисты стали советоваться с «Американской комиссией» относительно создания Коммунистической партии Канады.

Предстояло учредительный съезд созвать тайно. Но где?

Фред Фарли, рабочий из управления водоснабжения города Гуэлф в провинции Онтарио, имел маленькую ферму на окраине города, и он предложил использовать ее для нелегального учредительного съезда. Фарли не был случайным человеком: он вышел из Социалистической рабочей партии, протестуя против предложения не присоединяться к Коминтерну. И стал членом Объединенной КП Америки. Это был настоящий коммунист. По сведениям Тима Бака, в этой конференции участвовали 18 делегатов, представлявших организации Виннипега, Манитобы и Монреаля — Квебека. В Канаду к тому времени был послан представитель «Американской комиссии». Комиссия не принимала непосредственного участия в съезде, но всячески содействовала его успешному проведению.

Этот съезд 1 июня 1921 года и основал Коммунистическую партию Канады. Одним из наиболее важных было принятое съездом решение подать заявление о вступлении в Коминтерн на правах секции.

Это заявление было направлено в Россию, в Исполком Коминтерна. Канадские коммунисты с нетерпением ждали ответа из далекой Страны Советов, где находилась штаб-квартира Исполкома Коминтерна.

Чарлз Скотт как раз и вез положительный ответ — письмо Исполкома Коминтерна и официальную печать Коммунистической партии Канады как секции Коминтерна. Он должен был выступить с приветствием перед новым организованным отрядом рабочего класса. В этом состояла чрезвычайная миссия члена «Американской комиссии» Чарлза Скотта. Скотт прибыл в Торонто в сентябре 1921 года.

Предстояли встречи с друзьями. Конечно, в меру сил он готов был и помогать, намеревался также рассказать о важных решениях только что закончившегося III конгресса Коминтерна. Намерения и планы можно было пронести в голове, чего никак нельзя было сделать с печатью и письмом. И хотя он искусно запрятал печать в большой бутерброд с колбасой — сандвич, завернул его в бумагу и засунул в широкий наружный карман,— сто́ит попасть в руки полиции, там все перетрясут, расковыряют и сандвич.

Чарлз Скотт был внутренне собран, бдителен и не обольщался кажущейся легкостью пути. Он считал, что самым трудным моментом будет прибытие поезда в Торонто. Он узнал, что полиция всегда встречала пассажирские поезда, прибывающие с юга, из Штатов. Задерживала рецидивистов, бродяг и просто подозрительных.

Поезд долго шел вдоль мутных по-осеннему вод озера Онтарио, потом закачался на переходах среди дымных улиц, и вот пронзительно завизжали тормоза. Пассажиры засуетились, направляясь к раскрытым дверям по бокам вагонов. Скотт смешался с толпой,

которая пронесла его через перрон к вокзальному выходу. Ничего подозрительного он не заметил.

В условленном месте его встретил нужный человек, и первое, что они сделали,— позавтракали в кафе. А потом пошли встречи и беседы, вопросы и ответы.

Чарлз Скотт познакомился с 30-летним Тимом Баком — выходцем из Англии, который более десяти лет назад связал свою судьбу с Канадой и теперь избран организатором, членом ЦК и Исполкома партии. Познакомился он и с другим интересным канадским коммунистом — украинцем Мэтью Поповичем, имевшим клички Волынец, Работник. Но обычно все называли его просто Поп. Увидел Чарлз Скотт тогда и некоторых других активистов молодой коммунистической партии. Слушали они его внимательно, положив на тяжелый стол свои грубые, в ссадинах руки. Им понравился этот человек, у которого были большие натруженные руки. Канадцы вскоре узнали, что их гость — тоже рабочий, квалифицированный судостроитель из Роксбери, что он ради революции оставил свою маленькую родину, которая угнетается буржуазией. Те, кому он рассказал о себе подробнее, никак не смогли справиться с произношением фамилии Янсон, у них выходило скорее по-норвежски — Йенсен.

О содержании общих разговоров вспоминает Тим Бак: «Чарлз Скотт прибыл в Торонто... Была организована его встреча с членами Центрального Комитета. Во время своего выступления в связи с официальным вручением печати и письма от Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала он подчеркивал, что создание Коммунистической партии Канады является хорошим делом, однако это надо рассматривать лишь как первый шаг. Он указал, что Третий Всемирный конгресс (III конгресс Интернационала) выдвинул задачу развивать широкую политическую деятельность. Он подчеркнул, что это требование особенно злободневно для таких партий, как, например, канадская, которые запрещены законом, и что, если они не будут выполнять это требование, они обречены на политическую стагнацию. Он предложил Центральному Комитету приступить к изучению возможностей создания партии, которая соответствовала бы требованиям закона и могла бы по причине этого действовать открыто, но в то же время имела такие качества, которые не давали бы ей возможности «тяготеть вправо».

Это предложение,— продолжает Тим Бак,— вызвало некоторое сопротивление, обоснованное тем, что партия, которая будет действовать официально в рамках военного законодательства, в короткое время станет не чем иным, как другой Социалистической партией Канады. Однако большинство членов ЦК поняло логику его предложения...» [1]

---

[1] Из архива Тима Бака.

Смысл его состоял в том, что коммунисты должны быть тесно связаны с широкими массами, сделав свою партию, таким образом, сильной, способной решать революционные задачи. Эта стратегия была обоснована В. И. Лениным в его труде «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и полностью принята III конгрессом Интернационала. Неопровержимые доводы придали силу рекомендациям Чарлза, когда он говорил с канадскими товарищами. Скотт не горячился в таком важном деле: пусть они все обдумают сами. Он покинул Торонто и вернулся в Нью-Йорк. Перед отъездом канадские товарищи попросили Чарлза найти человека из числа делегатов Объединенной коммунистической партии США, которые были в Москве на III конгрессе Коминтерна, и попросить, чтобы этот делегат приехал в Торонто с докладом. Коммунисты Канады хотели кое-что услышать от очевидца, а Чарлз Скотт на конгрессе не был. Это не уязвило его самолюбия, ведь речь шла о самых серьезных делах, возможно, даже о судьбах революционной борьбы в Канаде, и Скотт пообещал им найти такого делегата в США.

А пока канадцы, не теряя времени, обдумывали доводы Скотта, чтобы прийти к определенному решению. Они «продолжали изучение вопроса после его (Ч. Скотта) возвращения в Нью-Йорк»,— пишет Тим Бак.

Чарлз Скотт сдержал свое обещание. Спустя некоторое время он снова прибыл в Торонто, а с ним — Макс Бедахт — делегат III конгресса Коминтерна, представлявший Объединенную коммунистическую партию США. Он приехал в Торонто под именем Карр, которое было его партийной кличкой, и выступил перед 180 коммунистами, собравшимися в большом помещении по улице Веллингтон, 22. Его выступление было принято одобрительно, докладчика поблагодарили, и дело с организацией массовой революционной рабочей партии продвинулось еще на шаг вперед. Канадцы теперь окончательно убедились в правоте Скотта, в неопровержимости его доводов.

К 50-й годовщине Октября Тим Бак написал воспоминания, в которых воспроизвел подробности далеких, но все еще живых в памяти людей времен. «Во время каждой такой беседы он (Ч. Скотт.— *В. Ш.*) указывал на то, какое значение в работе III конгресса придавалось развертыванию открытой политической деятельности, а следовательно, созданию массовых легальных партий даже там, где из-за ограничения закона приходится облекать их ленинскую политическую и идеологическую сущность в формы, диктуемые капиталистическим классом. Наш собственный опыт подтверждает эту точку зрения. Будучи незначительным, он тем не менее говорил, что политика и вся деятельность, к которой мы стремились для того, чтобы быть эффективными в канадских условиях того времени, должны осуществляться политической пар-

тией, хорошо известной широким массам, партией, к которой они могут обращаться со своими вопросами и членами которой они могут стать. Реальная действительность в сочетании с доводами товарища Скотта заставила нас быстро согласиться с тем, что нам необходимо создать новую, массовую, открытую партию».

Коммунистическая работа в основном оставалась сосредоточенной в Торонто и ближайших регионах. Мало было сделано для привлечения в партию лучших сил из Западной рабочей конфедерации, из Единого большого союза, из групп эмигрантов Центральной Европы, которые, по словам Тима Бака, «имели социалистическую ориентацию». А тем временем Чарлз Скотт готовился к возвращению в США.

Канадские товарищи решили попросить его остаться на некоторое время в Канаде, поняв, что он имеет большой опыт партийной работы и настоящий товарищ без замашек «всеведущего лидера». Тим Бак пишет, что Скотт «согласился остаться в Канаде на несколько недель и помочь преодолеть эти недостатки. Это предложение было с благодарностью принято».

По свидетельству того же Тима Бака, Чарлз Скотт, оставаясь в Канаде и зная, что в эмигрантских кругах некоторым известно его настоящее имя, изменил свою кличку на Чарлз Джонсон. Позже он, уже будучи официальным представителем революционного рабочего класса Канады, пользовался именем Чарлз Джонсон, хотя и от имени Чарлз Скотт тоже не отказался.

Итак, для Скотта-Джонсона начался новый этап борьбы в одном ряду с канадским пролетариатом и с коммунистами Канады.

Несколько дней Джонсон проработал в Торонто и его окрестностях. Потом он отправился в Виннипег. «В Виннипеге,— рассказывает Тим Бак,— он встретился с руководителями революционных иммигрантских рабочих и фермеров и установил с ними деловой контакт. С помощью активистов из местных организаций он установил контакт с известными левонастроенными лицами во всех основных центрах, вплоть до Виктории в Британской Колумбии. Его главной целью было убедить их поддержать идею массовой, но последовательно марксистской партии... В нескольких местах были созданы партийные организации. Когда он вернулся обратно в Торонто, была проделана основная работа для создания новой партии».

По словам Тима Бака, письма с приглашением на конференцию 11—12 декабря 1921 года «были направлены некоторым из тех, с кем Джонсон установил контакт во время своей поездки на Запад». Участниками конференции были тогда представители из Ванкувера, Эдмонтона, Реджайны, Виннипега, Монреаля и некоторых индустриальных центров Онтарио. По этим письмам мы можем судить, где к тому времени уже побывал Джонсон.

Конференция собралась, чтобы «проверить возможность» (Тим Бак) организации партии. Она имела как бы предварительный характер. Были приняты все меры предосторожности во избежание повторения провала в январе 1919 года, отнюдь не забытого коммунистами. В субботу собрались в административном здании по улице Веллингтон, 22, и там состоялись два заседания — послеобеденное и вечернее. Воскресным утром последнее заседание этой конференции провели в заранее арендованном помещении — в Оксидент-Холле. Пришли к единодушному мнению. Были успешно подготовлены проект предложения об учреждении новой партии, проект созыва учредительного конгресса и проект прокламации, которую предполагалось принять по окончании конгресса.

Национальный съезд назначили на февраль 1922 года. В оставшееся до съезда время все силы были направлены на создание новых организаций на местах, на другие области подготовительной работы.

Все шло, как и было предусмотрено. К 22 февраля в Торонто, в помещение «Лейбор Темпл» на Черч-стрит, съехались делегаты почти из всех провинций, исключая Нью-Брансуик и остров Принца Эдуарда. Это были в основном делегаты от местных организаций, а также активисты. Были представлены и местные отделения Американской федерации труда (АФТ); профсоюзы, выступавшие против АФТ; группы членов некоторых профсоюзов, отказавшихся направить официальных делегатов; была официальная делегация от Исполнительного комитета Единого большого союза и один делегат от руководства Индустриальных рабочих мира (ИРМ). Среди собравшихся на съезде был и Скотт.

Благодаря продуманной подготовительной работе и широкому представительству по большинству вопросов больших дебатов не потребовалось. Было принято название новой партии — то же, что предлагалось раньше,— Рабочая партия Канады. Конференция приняла ряд важных решений о политической деятельности (документ, носивший программный характер), о взаимоотношениях между Рабочей партией и профсоюзным движением.

В этой связи Тим Бак пишет: «Проекты обеих резолюций выдвинули такие положения, которые являлись по существу отказом от той позиции, которая была характерна для революционных рабочих Канады до того времени. Первая резолюция обязала Рабочую партию и каждого ее члена проводить последовательную работу, направленную на создание объединенной, независимой политической платформы рабочего класса... Вторая резолюция обязала членов партии стать членами имеющихся профсоюзов соответственно своей профессии и активно в них действовать, независимо от того, объединяет ли этот профсоюз промышленных рабочих или ремесленников, и независимо от политической линии руководства данного профсоюза. Резолюция категорически отверг-

ла идею выхода из профсоюзов с целью создания «идеальных» профсоюзов».

Страсти на конгрессе, однако, разгорелись, и главным образом вокруг этих резолюций, точнее, как отметил Тим Бак в книге «Ленин и Канада», вокруг проблем, выдвинутых Лениным в «Детской болезни «левизны» в коммунизме». В итоге ленинская линия на съезде победила, и это было огромным успехом канадского революционного рабочего движения.

После Национального съезда в Торонто организации заработали на новой основе. Не без трудностей, не сразу так, как этого хотелось. Дело было новое, пути непроторенные... Сохранились рукописные воспоминания товарища Э. Р. Фэя из Альберты, связанные с приездом в эту провинцию товарища Скотта...

«Где-то в начале марта 1922 года,— пишет Фэй,— приехал из Эдмонда Боб Могридж, назначенный организатором в дистрикт 8 (8-й район), охватывавший Альберту, Крауз Нест, часть Британской Колумбии до Ферни. Могридж и «привез с собой одного из братских делегатов, которые присутствовали на конвенте в Торонто. Он был нам представлен как товарищ Скотт. (Родным городом Чарли Скотта была Рига, в некоторых местах он был известен под именем Чарли Джонсона.) О'Саливан, Госс и я встретили Могриджа и Скотта в полдень и договорились о том, чтобы в тот вечер провести встречу Скотта с приглашенными людьми, где он мог бы выступить. В своем выступлении Скотт рассказал о большевистском движении и о Коммунистическом Интернационале и изложил коммунистическую теорию построения организаций, которые он охарактеризовал как ряд концентрических кругов, поставив партию, основанную на демократическом централизме и добровольной дисциплине, в центре, проникающей во все другие секторы». Он сказал тогда, что «партия, как авангард рабочего движения, является самой важной организацией рабочих и должна занимать передовое место по отношению к другим организациям, так как без хорошо организованной партии рабочие не могут завоевать эмансипации». Скотт выделил значение профсоюзов, говорил о роли крестьян, интеллигенции, мелкой буржуазии. Когда он дошел до крупной буржуазии и аристократии, то сказал, что эти классы «до конца будут противостоять революции, хотя отдельные люди могут перейти на сторону рабочих». Далее Скотт снова подчеркнул необходимость всегда ставить партию на первое место, превыше всего, и приложить все усилия для того, чтобы прочно построить ее на основе учения Маркса, Энгельса, Ленина, и что все члены партии... должны организованно участвовать в профсоюзах и фермерских организациях, чтобы завоевать их для дела социализма. Он разъяснил, что у партии нет других интересов, кроме интересов рабочих, которые должны вести весь народ к социализму и в конце концов к коммунизму».

Все это произвело на Фэя и других присутствующих большое впечатление. И не удивительно, ибо четко и активно проводились новые для политической жизни канадцев идеи — ленинские идеи о построении партии, о работе в широких массах трудящихся, даже среди тех, которые участвуют в «реакционных» профсоюзах и других подобных организациях. «Я никогда не забывал эту часть его выступления,— пишет Фэй,— и в течение всех лет, когда я приветствовал новых членов, вступавших в партию, я обязательно излагал эту теорию, высказанную Скоттом тридцать лет назад, в марте 1922 года, в Калгари».

На этой встрече присутствовали тогда не только молодые участники движения рабочих, но и известные активисты, пришедшие на встречу со «стороны»...

За две недели в местную организацию тогда вступило более 300 человек; секретарем стал Фэй, и «стало известно,— по его словам,— что в Калгари создано отделение Рабочей партии». За бортом остались те члены социалистической партии Канады, которые отныне получили насмешливое название «салонных большевиков».

Фэй вспоминает: «Партия организовала митинг в честь 1 Мая, на котором я был председателем, а Билл Ирвин (в то время член парламента, представлявший восточную часть Калгари) был оратором. Это был первый митинг, организованный в Калгари в честь 1 Мая со времени первой мировой войны (1914—1918)...» Вскоре в местную организацию вступило еще не менее 30 человек.

С визитом Скотта связывались и некоторые другие шаги молодой организации — были установлены организационные связи с украинскими революционно настроенными эмигрантами, которых в Канаде оказалось немало, и на этой основе был создан городской Центральный комитет.

Организация росла и крепла. И добрые, правдивые слова, дружеские советы и рекомендации, данные Чарлзом Скоттом, здесь не забывались...

Вот что об этом пишет Тим Бак: «Под влиянием члена Американской комиссии Коминтерна товарища Карла Янсона и других делегатов из США, вернувшихся с III конгресса Коминтерна, мы стали энергично искать пути к тому, чтобы вести широкую открытую коммунистическую деятельность. Это привело к созданию в феврале 1922 года легальной рабочей партии, которая в 1923 году, когда правительство смягчило репрессивные законы военного времени, стала называться Коммунистической партией Канады».

После учредительного конгресса Чарлз Скотт-Джонсон в основном работал в Канаде, временами приезжая в Нью-Йорк, где у него тоже было немало дел. Конспиративные переезды то под одной кличкой, то под другой, использование разных приемов конспирации помогали ему ускользать от полиции, избегать провала. Даже ближайшие его друзья никогда не знали, где он находится

в данный момент. В письмах того времени, которыми обменивались латышские коммунисты, жившие в США и в Москве, звучат сетования, что Капитан часто пропадает в Канаде и его никак нельзя застать в Нью-Йорке по официальному адресу. Казалось, никогда он еще не работал с такой увлеченностью, как в Канаде (Германия в 1906—1908 годах не в счет — там все было иначе!). Он мужал и все глубже понимал людей этого своеобразного континента. Друзей и врагов. И друзья платили ему взаимностью. Тим Бак неоднократно вспоминал, что Карла Янсона «любовно называли по всей Канаде Чарли».

И эта партийная кличка стала для Карла самой дорогой.

«МОСКВА — ГОРОД НАДЕЖДЫ РАБОЧЕГО КЛАССА»[1]

Почти через полстолетия буржуазных историков все еще интриговало умение Чарли внезапно появляться и исчезать. Им так и не удалось установить, например, каким образом он покинул американский континент во второй раз — весной 1923 года. У. Родни смог сказать только одно: «Скотт... ловко оставил Канаду и возвратился в Москву через Берлин». Он даже усмотрел в этом стиль Чарли — не привлекать к себе внимания — и сравнил Макдональда и Скотта. «Контраст между двумя поездками разительный. Макдональд извещал о своем появлении и разрешал, чтобы его присутствие рекламировалось. Скотт появлялся и удалялся без фанфар...» Заметим, что это, пожалуй, единственное место в книге У. Родни, где он оценивает Чарли по достоинству, видя в нем, безусловно, сильного и умного противника буржуазии.

На этот раз Чарли покинул Америку вместе с Анце. Жена настояла на своем — у нее был характер. Она просто не хотела отпускать мужа одного в новый опасный путь, хотя и не знала, как сможет защитить его в минуты риска, скорее только свяжет руки.

Думая теперь не только о себе, но и о безопасности Анце, Чарли оформил их отъезд почти официально. Они сели на пароход в Канаде, где было много друзей и дело упрощалось: в случае отъезда из США власти могли придраться и задержать Чарли до суда, который, возможно, еще предстоял, если только его «досье» не затерялось в миллионах бумаг и в повседневных поисках новых подобных же «преступников», казавшихся столь «опасными» для Америки...

Уже на пароходе он подумал, что поездка в СССР вместе с Анце была все же лучшим вариантом. Его не покидала мысль вернуться в Латвию, ради которой он работал, страдал, подвергался

[1] Слова Тима Бака.

опасностям. И чуяло его сердце, что Новый Свет он оставляет навсегда. Подкрадывалась грусть. Беды и радости сроднили его с этим континентом...

Один автор в начале 20-х годов писал: «Капиталистическая Америка не хочет мириться с фактом очевидного роста классового самосознания пролетариата. Убийство из-за угла, инсценирование уголовных процессов, вооруженные набеги государственной и частной полиции, аресты и административные высылки, таинственные похищения — вот излюбленные формы расправы с борющимися рабочими и их революционными вождями».

Но даже массовые бесчинства, надругательства над людьми не смогли умиротворить эту землю, в чем Чарлз Скотт убедился на собственном опыте. Он узнал в Америке и необыкновенных людей — Джона Рида, Тима Бака, Большого Билла Хейвуда, Уильяма Фостера... Уильям Фостер!.. Чарли дружил с ним, очень любил этого молодого американца. Может быть, еще и потому, что судьбы у них во многом были схожи. Фостер — типичный пролетарий. В поисках свободы прошел путь от простого рабочего парня до стойкого революционера-марксиста. Лесоруб, моряк, организатор рабочих в пакгаузах Чикаго, один из руководителей Большой стачки металлистов.

В 1921 году Фостер участвовал в III конгрессе Коминтерна и в конгрессе Красного Интернационала профсоюзов, приняв его политику и тактику. Через 17 лет в своей книге «Страницы из жизни рабочего» он напишет: «Это был один из замечательных моментов в моей жизни. Под влиянием ленинских взглядов на профсоюзы я вступил в компартию. Мой интерес к Ленину был так велик потому, что он оказал глубокое влияние на мою идеологию и на всю мою жизнь. Я легко согласился с его блестящим анализом империализма, с его сокрушающей критикой ревизионизма и анархосиндикализма, с его учением о диктатуре пролетариата. Благодаря Ленину я после более двадцати лет исканий ощупью наконец-то встал на твердую революционную основу».

Возвратившись из Москвы в США, Фостер все силы отдает деятельности Лиги профсоюзной пропаганды, которая вела широкую агитацию за объединение и слияние сознательных рабочих Америки в одну революционную организацию профсоюзов. Лига профсоюзной пропаганды имела большой успех среди организованного пролетариата, и число ее сторонников росло, хотя организационно она никак не была оформлена.

Буржуазия повела остервенелую борьбу с этим «дерзким» американцем.

26 августа 1922 года в Чикаго должна была открыться I конференция Лиги, и ее генеральный секретарь Уильям Фостер отправился в агитационную поездку по стране. Он прибыл в Денвер, штат Колорадо, намереваясь прочесть там доклад «Кризис рабочего

движения в Америке», и поселился на одну ночь в гостинице, однако ночью неожиданно был... похищен. Вот как об этом рассказал сам пострадавший в газете «Worker» от 26 августа того же года: «Без всякого предупреждения они ворвались в мою комнату и объявили меня арестованным, не предъявляя никаких определенных обвинений. Их было трое. Все они были прекрасно вооружены. Я нисколько не растерялся и потребовал предъявления ордера на право производства ареста. На это сыщики заявили мне, что никаких ордеров в данном случае не требуется. Я все же настаивал на своем, но они кратко и выразительно предупредили меня, что, если я не подчинюсь добром, они возьмут меня силой. Поняв, что благоразумие и выдержка в данном случае являются лучшим проявлением храбрости, я подчинился и пошел за ними.

Основательно перетряхнув мои вещи, книги и бумаги, эти три сыщика или полицейские — я точно не знаю, кто они такие,— усадили меня в автомобиль и умчали в Бриджтаун, в 20 милях севернее Денвера. Там я был посажен в какую-то лачугу, где просидел всю ночь среди отборной компании хулиганов и темных личностей. Утром моя охрана из тех же лиц, уже имея в руках приказ о моей высылке, возвратила мне захваченные в моей квартире вещи, за исключением ряда записных книжек и документов, которые они конфисковали. Я пробовал добиться возможности снестись с моими друзьями в Денвере, но мне было заявлено, что я нахожусь под строгим следствием и никого ко мне допустить нельзя. К вечеру меня отсюда увезли за 50 миль в местечко Грилли, где по приказу местного шерифа я был посажен в тюрьму. Тут меня заставили позировать для фотографии. Из Грилли сыщики увезли меня в автомобиле еще на 50 миль дальше... Меня доставили к местному шерифу... Шериф усадил меня в свой автомобиль. Путешествие продолжалось еще часов пять, после чего меня оставили в чистом поле...»

Но власти этим не ограничивались. 26 августа Фостера арестовали снова. За несколько дней до того арестовали и Чарлза Рутенберга, являвшегося в то время секретарем ЦИК созданной в декабре 1921 года легальной Рабочей партии Америки. Он был делегатом состоявшегося в августе в Бриджмене съезда КПА. Всего арестовали 17 делегатов съезда. Всех их, скрепленных цепью, в наручниках, провели по улицам города Сент-Джозеф в тюрьму. Строй возглавлял Рутенберг. Власти надеялись, что своим грубым спектаклем они сумеют настроить народ против коммунистов, внушить, что коммунисты «готовят насилие».

Процессы над Фостером и другими коммунистами вылились в крупнейшие события в истории рабочего движения США.

Узнав, что случилось с Фостером и Рутенбергом, Чарли сразу же покинул Торонто и примчался в Нью-Йорк. Вместе с друзьями он делал все возможное, чтобы не допустить расправы над товари-

щами. Это была нелегкая борьба. Ломали голову, как их спасти. Вспоминали все подобные случаи из революционной истории американских рабочих. Всего немногим более года тому назад удалось спасти от 20-летнего заключения знаменитого лидера ИРМ, уже больного Большого Билла Хейвуда. При непосредственном участии Чарли.

В критический момент Большому Биллу посоветовали подумать об отъезде в Советскую Россию. Подлинному революционеру трудно было решиться оставить родину, где он жил и боролся... Но в то же время на родине он мог снова оказаться в тюрьме и провести остаток жизни за решеткой.

Чарли давно знал Хейвуда, хорошо известного среди революционных эмигрантов из Латвии. Когда они встретились, Большой Билл внимательно слушал Чарли, чуть прикрыв глаза. Смотрел грустно и задумчиво... время от времени повторял: «Лично я ничего против отъезда не имею».

После долгих размышлений Билл согласился. «Последнюю ночь в Америке Хейвуд провел на конспиративной квартире в знакомой латышской семье. Друзья достали ему все необходимые документы для отъезда. Большой Билл уезжал в Советскую Россию, имея мандат делегата I съезда Красного Интернационала профсоюзов» [1]. Это было куда разумнее, чем оказаться на электрическом стуле или обречь себя на 20-летнее заключение в угоду правящим классам США.

В то же время революционная борьба, как никакая другая борьба, не терпит шаблона. И теперь, когда думали, что предпринять в ситуации с Фостером и Рутенбергом, было единодушно предложено бороться открыто и до конца в условиях американского правосудия...

Арестованных коммунистов обвиняли в том, что они провели свой съезд в Бриджмене. Этому обвинению было решено противопоставить ссылку на конституцию США, которая гарантирует свободу слова и свободу организаций. Поэтому законное право граждан Америки — собираться и дискутировать по вопросам, которые их интересуют.

Фостер и Рутенберг боролись на суде за свои убеждения. Их сила была в правде... Они следовали призыву Маркса и Энгельса: «Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления...» [2] Американские коммунисты избрали для этого один из самых острых моментов классовой борьбы. Когда внимание широкой общественности было привлечено к «преступному» коммунизму, они открыто изложили свои взгляды. Фостер и Рутенберг выступали бесстрашно, как подлинные герои. И в этом их огромная заслуга перед рабочим классом США.

[1] *Лапицкий М. И.* Уильям Хейвуд. М., 1974, с. 161.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 423.

На завершающем этапе суда над Фостером в марте 1923 года присяжные удалились и совещались в закрытом помещении 31 час подряд (по другим данным, 33 часа). 36 раз проводилось голосование, кончавшееся одним и тем же. Шесть присяжных требовали вынести обвинительный приговор, шесть других считали Фостера невиновным. Смело и решительно от начала до конца отстаивали правоту Фостера миссис Минерва Олсон (домохозяйка), Рассел Дерм (продавец магазина) и четыре фермера. Фостер был признан невиновным.

Едва оказавшись в Берлине, Чарли набросился на американские газеты — и на прогрессивные, и на реакционные. Он нашел несколько разрозненных номеров «Voice of Labor», «New York Times». Стал их листать, просматривать...

...Один из лидеров рабочей партии, вернувшийся из многомесячной поездки по России, выступает на митинге в Чикаго на North Avenue, 2040, с рассказом «Россия сегодня». Вышли и продаются книги Ленина «Государство и революция», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Империализм, как высшая стадия капитализма»; Фостера «Революционный кризис в Европе». Идет сбор денег, чтобы купить 20 тракторов и послать их в Россию.

...Но в этот раз в газетах Чарли искал другое — конкретные сообщения о процессе над его товарищами. «Суд над Фостером близится к концу». Здесь он нашел подтверждение того, что ему уже было известно. А вот интервью миссис Минервы Олсон, напечатанное в «New York Times»,— Чарли просто проглотил это интервью. Он узнавал то, что происходило среди присяжных на процессе Фостера, когда они собирались за закрытой дверью.

Домохозяйка Минерва Олсон неизменно стояла за оправдание Фостера... Удивленному корреспонденту известнейшей буржуазной газеты она это объясняла так: «Для меня суд имел большее значение, чем просто определение, виновен мистер Фостер или невиновен... Другие члены жюри смотрели на этот суд так же. Это действительно была большая битва за человеческие права...»

Корреспондент газеты от себя пояснил, чтобы читатель как-то легче воспринял такие радикальные мысли миссис Минервы. Она «единственная женщина в жюри и является самой настоящей американкой — она с гордостью говорит о своих прадедах времен Войны за независимость». И снова Минерва Олсон: «Агитация, в общем, дело неприятное, но мы должны помнить, что агитаторы являются теми, кто нес прогресс в мир. Не думайте, что я встала на определенную сторону потому, что я оказалась под иностранным влиянием. Мои предки были здесь в дни революции 1776 года. Мой прадед был офицером в революционной войне. Вероятно, имеется причина того, что у меня несколько революционный дух. Я за прогресс, а не за застой».

Чарли восхищался тонким умом Рутенберга и Фостера, их гибкой тактикой, их возросшим умением отстаивать правду до конца. Процесс над ними — живое тому свидетельство. Тут было чему поучиться и самому! Но как великолепна и миссис Минерва Олсон! По-мальчишески хотелось кому-то рассказать — он, Чарли, жил годы за океаном среди таких людей!

Устроители процесса, желая нанести решающий удар по Коммунистической партии Америки, добились лишь усиления ее популярности и влияния в США, что могло только радовать каждого коммуниста, тем более если он внес свою долю, пусть и скромную, в борьбу за права американцев устраивать свою жизнь по собственному разумению. Но Чарли понимал также, что успех в Мичигане — лишь один выигранный бой, а коммунистам Америки предстоит еще немало упорных боев, где будут победы, но, вероятно, и поражения...

Судебные власти Мичигана тут же после своего провала с «делом» Фостера без передышки назначили на 16 апреля 1923 года суд над Рутенбергом. Это был тянувшийся почти два года мучительный процесс, где даже присяжным заседателям «выкручивали руки». Однако и Чарлза Рутенберга пришлось оправдать. Этот смелый коммунист, известный в истории США как один из наиболее преследовавшихся людей в Америке (его многократно арестовывали, заключали в тюрьму, осуждали), на суде заявил, что его идеи являются идеями Рабочей партии США, «в участии в собраниях которой меня обвиняют и принадлежностью к которой я горжусь».

На пути в Москву Чарли посетил Заграничное бюро Латвсекции Коминтерна, которое тогда находилось в Берлине. В Берлине в то время было много латышей-эмигрантов и среди них брат Чарли — Янис Янсон, издавна носивший партийную кличку «Архивариус». Обо всем этом мы узнали из письма Р. Робина, посланного 26 июля того же года из Бостона в Берлин «Архивариусу». ««Друг Чарли» (брат покойного Брауна) недавно останавливался в Вашем городе по пути в Москву,— писал Робин.— Надо думать, Вы встречались с ним и он Вас информировал о наших делах».

По прибытии в Москву Чарли сразу же окунулся в работу в столь необычных для него условиях, когда все можно было делать открыто, говорить свободно, ни от кого не таясь, ничего не скрывая.

Дел было невпроворот. Он даже не мог урвать времени для письма своим родственникам. Анна Яковлевна Браун (жена покойного брата Яниса — Янсона-Брауна), работавшая тогда в советском дипломатическом представительстве в Лондоне, писала Доре и Петру Стучкам в Москву 17 сентября 1923 года: «Теперь, не знаете ли Вы, куда исчез Кажис? Уехал ли он обратно домой или все еще в России?»

11 июня 1923 года Чарли явился на заседание Исполнительного бюро (Исполбюро) Профинтерна, где с интересом ожидали его

выступления относительно событий в США. В официальном сообщении о ходе этого заседания говорилось, что «т. Джонсон сделал подробный доклад о положении дел в Америке». Он говорил о деятельности Лиги профсоюзной пропаганды, подчеркнув, что общее число организованных рабочих, которые поддерживают Лигу, приближается к двум миллионам. Чарли рассказал об острой борьбе, которая идет в АФТ, в частности, против ее деятелей типа Гомперса, Льюиса и пр.

Вопрос об Америке был столь важен, материал столь богат, что Исполбюро Профинтерна продолжило обсуждение всей суммы проблем и на заседании 19 июля. Чарли выступил и на этом заседании главным образом о предстоявшем в ближайшее время съезде профсоюзов Канады.

Скрупулезное обсуждение насущных вопросов мирового профессионального рабочего движения на Исполбюро Профинтерна на этот раз служило прямой подготовкой к обсуждению этих вопросов в более широком кругу — на сессии Центрального Совета профсоюзов, которая должна была открыться в Москве через несколько дней.

А тем временем Коминтерн проводил в Москве расширенный пленум своего Исполнительного комитета. Чарли был приглашен и на пленум, где он представлял Канаду. Он выступил в прениях по отчету Президиума Коминтерна и по докладу А. Лозовского «Проблемы профсоюзов и фабрично-заводских комитетов».

Запомнились эти необычные заседания, где в сдержанную официальность врывалась импровизация... В перерывах горячо толковали о ноте Керзона с угрозами в адрес СССР. По поводу керзоновских слов — «зловредная организация, именующая себя III Интернационалом» — сколько было смеха! Маяковский со страниц «Известий ВЦИК» строками стихотворения, злого и острого, про «Керзоновские бредни», прославлял «дредноут Коминтерна» и посвящал громыхающие строки настоящему пленуму.

Буржуи мира,
притаясь
по скрывшим окна шторам,
дрожат,
предчувствуя
грядущих штормов шторм,
Слюною нот
в бессильи
иссякая,
орут:
— Зловредная,
такая, рассякая! —
А рядом поднят ввысь
миллион рабочих рук,
гудит сердец рабочих
миллионный стук...

Карл Янсон в 1920 г. Снимок найден в охранке буржуазной Латвии. Надпись: «Карл Янсон. Кажис. Представитель американских коммунистов».

Чарлз Рутенберг — первый Генеральный секретарь Коммунистической партии США

Карл Янсон (Чарлз Джонсон, второй слева) в президиуме I съезда народов Востока (Баку, сентябрь 1920 г.). Кадр из документального фильма «Первый съезд народов Востока» (из ЦГА кинофотодокументов СССР)

Отец Карла Янсона — Эрнст Янсон (20-е годы). (Партархив ЦК КП Латвии)

Петр Стучка

Тим Бак — один из основателей Компартии Канады, впоследствии ее Генеральный секретарь на протяжении многих лет (снимок 20-х годов)

Янис Янсон — младший брат Карла Янсона, активный участник революционной борьбы в Латвии, в 20-е годы — ответственный советский работник

Экземпляры «Известий ВЦИК», что принесли сюда газетчики, зачитывались до дыр.

Сессия Центрального Совета Профинтерна открылась через день после завершения расширенного пленума ИККИ, то есть 25 июня, здесь же, в Москве, и проработала до 2 июля. Чарли вошел в комиссию, предложившую повестку дня: о стачечной борьбе, об информации и связи, по английскому вопросу. Стержневым и кардинальным вопросом сессии был доклад А. Лозовского о ближайших задачах Профинтерна. Доклад был одобрен и передан в специальную комиссию для окончательной редакции. В комиссии работали А. Лозовский, Маурин, А. Эркле (М. Торез), И. Гайс, Я. Вальхер, В. Косиор и Чарлз Джонсон.

Выступления Чарли на этой сессии, а их было несколько, звучали темпераментно, эмоционально, оратор стремился передать истинную картину всех трудностей и перспектив развивающегося американского рабочего движения как в США, так и в Канаде. Полностью разделяя мнение А. Лозовского о том, что левое крыло американского рабочего движения стало значительной силой, Чарли считал нужным при этом подчеркнуть важность правильной тактики Профинтерна, которая уже сыграла свою положительную роль, борясь за массы американского рабочего класса, указывая им правильный путь в классовой борьбе. «Насколько усилилось влияние Профинтерна, показывает, например, тот факт,— говорил Чарли,— что в Западной Канаде на одном провинциальном съезде не хватило только двух голосов для принятия резолюции о присоединении к Профинтерну».

Лозовский и другие участники этой сессии внимательно слушали всех, кто прибыл недавно из-за рубежа в Москву на заседание. Относительно одного из выступлений Чарли он сказал так: «Тов. Джонсон дал нам оптимистическую картину положения дел в Соединенных Штатах. Если бы так шло дело в Соединенных Штатах, как хорошо было бы! — вот что может сказать Центральный Совет. Если бы все обстояло так, как нам изложил т. Джонсон, мы могли бы только радоваться. Мы имеем все основания радоваться работе наших товарищей в Соединенных Штатах, но нельзя, товарищи, идти слишком далеко, надо учесть все трудности объективного характера, которые имеются, и те еще, скажем совершенно откровенно, незначительные, небольшие силы, которыми располагает коммунистическое движение Америки перед лицом того мощного капитализма, каким является капитализм Соединенных Штатов. Вот почему поменьше оптимизма: не нужно быть пессимистом, но не нужно слишком окрашивать в такой розовый цвет то, что мы имеем в Америке... Я менее всего хотел бы разочаровывать наших товарищей из Америки, но тем не менее реальный учет наших сил является матерью премудрости и особенно в нашей классовой стратегии».

Не возражая Лозовскому в принципе, Чарли все же полемизировал с руководителем Профинтерна. Если истина рождается в споре, то как же обойтись без споров? Он принимал к сведению замечания в свой адрес, но готов был отстаивать и свое мнение.

Устами Чарли говорила революционная Америка, которой часто недоставало веры в свои силы, которая нуждалась в революционном оптимизме. И это настроение было созвучно характеру самого Чарли, прошедшего трудную школу революционной борьбы в разных странах, на разных континентах и воочию увидевшего плоды победы Великого Октября. История показала, что коммунистические партии и в США, и в Канаде именно в эти годы созревали, складывались как партии нового типа. «Нешумная, неяркая, некрикливая, небыстрая, но глубокая работа создания в Европе и Америке настоящих коммунистических партий, настоящих революционных авангардов пролетариата начата, и эта работа идет» [1],— писал В. И. Ленин в «Заметках публициста». Первая половина 20-х годов, по словам Тима Бака, была для канадских коммунистов временем движения «от «политической неопытности» к борьбе за ленинизм». Подобные же процессы происходили в те годы в рядах рабочего класса США.

Что же до трудностей борьбы на американском континенте, то они Чарли тоже хорошо были известны. Вот выдержки из его выступления на сессии:

«Касаясь дефектов организации в Америке, т. Джонсон указывает на недостаток работников и на слабую организационную спайку». Говоря о реализации ленинского требования завоевывать массы в «реакционных профсоюзах», «тов. Джонсон подчеркивает, что организация оппозиции внутри реформистских союзов должна быть в высшей степени централизованной, так как оппозиции приходится вести агрессивную политику, которая невозможна без строгого централизма. Вместе с тем организация эта должна быть достаточно гибкой, чтобы соответствовать местным условиям и быть способной на всякого рода тактические маневры».

Как видно, Чарли хорошо представлял себе всю сложность борьбы в Америке, необходимость тонкой и гибкой тактики для преодоления реакционных сил. Возможно, он немного увлекался. Возможно! Многие его любили за это, понимая, что ни одно большое революционное дело не делается без увлечения, глубоких чувств и переживаний.

Дни в Москве проходили быстро. Участие в заседаниях, чтение огромной массы материалов, подготовка к выступлениям — все это требовало много времени, большого напряжения. Днем проходили встречи с московскими рабочими. А вечерами и по ночам Чарли писал статьи для советской прессы и для заграницы.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 421.

Так проходили дни и ночи. Не удавалось даже встретиться со своими земляками, которых было в Москве немало. Он лишь некоторым звонил по телефону и уповал на какую-нибудь передышку от внезапно обрушившихся на него заседаний, совещаний, кулуарных споров, резолюций, статей. Чего только не происходило в эти суматошные дни!

Для журнала «Красный Интернационал профсоюзов» он подготовил, по крайней мере, три статьи, которые и были напечатаны в августовском номере за 1923 год и январском за 1924 год. Это: «12-часовое рабочее пекло в стране «свободы» (сообщение из США)», «Из рабочего движения в Канаде», «Съезд Индустриальных рабочих мира». Первые две он подписал как Чарлз Э. Джонсон, последнюю — Чарлз Э. Скотт. Статьи характерны конкретным содержанием, в них использованы последние политические и экономические данные о США и Канаде. Написаны доходчивым языком, убедительно и свежо.

Приходило умение работать с печатным словом.

Хорошее знание обстановки в США и Канаде, авторитет Чарли в американском рабочем движении, в международном революционном движении вообще определили его ближайшую судьбу. Делегаты с американского континента, из Западной Европы хотели иметь в Москве, в Профинтерне, «своего» человека, и когда дело дошло до выборов на пост генерального секретаря Профинтерна, то единодушно назвали К. Э. (Ч.) Джонсона. За него и проголосовали... Планы отправиться в Латвию на любую подпольную работу — Чарли об этом даже кое с кем говорил в Москве — рухнули. Определяющей стала воля товарищей, которых он ценил и любил за их устремленность к общему делу, и Чарли даже в мыслях не допускал заупрямиться.

Затем коммунистические партии США и Канады уполномочили его быть их представителем в органе Исполкома Профинтерна «Красный Интернационал профсоюзов», который редактировался А. Лозовским и выходил на русском, немецком, французском, а позднее также на английском и испанском языках. Работая в редакции этого международного издания, Чарли проходил дальнейшую школу организации классовой борьбы. Он уже почти физически стал ощущать притягательность Москвы с ее неугомонностью, в которой выявлялся определенный ритм. Здесь было чему учиться и у кого учиться. В редколлегию журнала кроме А. Лозовского входили А. Андреев, Ф. Геккерт, А. Эркле, У. Террачини, Д. Джерманетто, Г. Поллит, Г. Димитров, Сэн Катаяма, Ван Чин (Китай), Уильям Фостер, Тим Бак, Том Манн, Гастон Монмуссо (Франция). Чарли принял также участие в подготовке задуманного многотомного издания справочника Профинтерна под названием «Мировое профессиональное движение».

1924 год начался в Москве суровыми морозами, от которых Чарли и Анце давно отвыкли. И вдруг над замерзшей, запорошенной снегом Москвой разнеслась страшная весть — умер Ленин. Вся Москва содрогнулась и заметалась в снежном вихре.

Потрясенный Чарли заставил себя собраться с мыслями и отправить телеграмму в Торонто, в адрес Исполнительного комитета Рабочей партии Канады. В субботу 2 февраля 1924 года, в ближайшем очередном номере органа партии «Уоркер» на первой странице крупными буквами было напечатано это сообщение из далекой Москвы:

«Наш великий учитель и вождь товарищ Ленин умер.

Вся Россия в глубоком трауре. Джонсон».

Исполком Коминтерна и Исполбюро Профинтерна обратились ко всем революционным рабочим мира с воззванием «Ленин — наш бессмертный вождь». Читая это воззвание сегодня, мы чувствуем дыхание того времени, биение сердца коммунистов, для которых имя Ленина, его идеи были и остались знаменем борьбы и побед...

«Широкие массы революционных рабочих всего мира охвачены скорбью,— скорбью по Ленину — величайшему из вождей рабочего движения. Но пусть эта скорбь не лишает нас мужества, товарищи. ...Ленин создал победоносную революционную рабочую партию — Российскую коммунистическую партию. С несокрушимой верой в революционную силу и будущность рабочего класса он трудился над созданием партии. Он создавал партию при невероятных трудностях и преследованиях, при непрестанной борьбе против царской деспотии, против глубоко укоренившихся предрассудков, против предателей-«социалистов», лжевождей рабочих масс. В этой долголетней борьбе он создал победоносную стратегию и тактику революционного марксизма и партийное оформление коммунистического движения.

В истории международного рабочего движения деятельность Ленина открыла новую главу. Никогда еще история не знала более благородного примера глубокой преданности святому идеалу освободительной борьбы трудящихся масс. Никто никогда еще не сделал так много для осуществления этого идеала, как Ленин.

Своим руководством в Коммунистическом Интернационале он дал нам прочный базис для революционного рабочего движения всех стран. Этим базисом является, прежде всего, развитое им в теории и осуществленное на практике марксистское учение о государстве и революции, о диктатуре пролетариата, а также его новый анализ существа буржуазной демократии.

...Ленин был и навсегда останется бессмертным вождем пролетарской мировой революции.

...Готовьтесь к боям, революционные пролетарии всех стран! Пусть ненависть к врагам коммунизма будет так же пламенна и вечна в наших сердцах, как любовь к Ленину.

На борьбу за полное осуществление заветов товарища Ленина! К этой борьбе призывают Исполком Коминтерна и Исполбюро Профинтерна все свои секции и организации.

Мы обращаемся к миллионам наших товарищей по борьбе во всем мире с призывом: следуйте заветам Ленина, которые продолжают жить в его партии и во всем, что создано трудом его жизни. Боритесь, как Ленин, и, как Ленин, вы победите».

Под этим документом, звучащим как клятва Интернационала рабочих, поставили свои подписи Клара Цеткин (Германия), В. Коларов (Болгария), У. Террачини (Италия), Р. Стюарт (Англия), А. Штирнер (Южная Африка), И. Амтер (США), О. Куусинен (Финляндия), А. Лозовский, А. Калнин (СССР), Д. Джерманетто (Италия), А. Эркле (Франция), Карл Янсон-Ч. Джонсон (Канада), У. Фостер (США) и другие.

Гроб с телом вождя был вынесен из Горок на руках, гроб несли до станции Герасимовка, где в ожидании стоял траурный поезд. Через заснеженные улицы, мимо почерневших деревьев гроб снова пронесли по Москве — с Павелецкого вокзала к Дому союзов. Вместе с другими членами Профинтерна Чарлз прошел тогда через город за гробом Владимира Ильича.

Потоки людей устремились к Дому союзов. На его здании под порывами зимнего ветра колыхалось огромное полотнище: «На смерть вождя ответим еще большей сплоченностью, выдержкой и железной дисциплиной». Трамваи через центр уже не могли пройти и остановились. Красноармейцы в буденовках помогали людям выстраиваться в ряды у входа в Дом союзов, соблюдать порядок.

В толпе за цепью красноармейцев Чарлз увидел Анце и подошел к ней. У нее было бледное заплаканное лицо. Они прошли вместе у гроба человека, который так много значил в их жизни.

В день похорон у Кремлевской стены жгли костры. И снова шли взволнованные люди на Красную площадь, словно искали там ответа на вопрос, как жить дальше. В почетном карауле на Красной площади у гроба В. И. Ленина 27 января 1924 года с 11 до 12 часов стоял Чарлз Джонсон.

В 1924 году Карл Янсон оформляет свое членство в Российской коммунистической партии (большевиков). Партийный стаж, вполне естественно, ему проставляется в документе с 1904 года. Он получил партийный билет № 686816.

Трудным выдался этот год. Шла полным ходом подготовка к V конгрессу Коминтерна и III конгрессу Профинтерна, которые должны были собраться летом в Москве.

На V конгрессе Коминтерна (17 июня — 8 июля) от Коммунистической партии США были представлены девять делегатов с решающим голосом и в их числе К. Джонсон.

Конгресс открывался в Большом театре. Перед его началом состоялся марш делегатов по Красной площади. Играл духовой

оркестр, над головами делегатов полыхали красные знамена. Тысячи трудовых москвичей собрались на площади против временного — деревянного, но тоже внушительного Мавзолея Ленина, чтобы приветствовать посланцев пролетарского мира. Делегаты конгресса прошли в Мавзолей — и соратники Ильича, и те, кто впервые видел его.

Джонсон во время конгресса работал в нескольких комиссиях: в Организационной вместе с А. Андреевым, Д. З. Мануильским, Бела Куном, В. Коларовым, Г. Димитровым и другими; в Японской, в Польской, где председательствовал тогда И. Сталин, секретарем был В. Мицкевич-Капсукас, а членами — В. Молотов, Ф. Дзержинский, Э. Тельман, Г. Димитров и другие. День отдыха делегаты провели на Москве-реке.

Сразу же после V конгресса Коминтерна в Москве открывался III конгресс Профинтерна, и новая волна деловой спешки захватила Чарли: в аппарате Профинтерна он к тому времени ведал отделом международных связей, и все нити сходились к нему.

Незадолго до конгресса Профинтерна из Чикаго пришла телеграмма следующего содержания: «Янсону. Солянка, 12. Москва.

Делегаты Профинтерна — Дан, Аронберг, Эдвард, **Скотт** (выделено мною.— *В. Ш.*), Кучер. Лига и Исполком партии единодушно одобрили предлагаемую программу. Фостер».

Товарищи за океаном в очередной раз оказали ему доверие. Спасибо вам, спасибо, Уильям!

На основании этого документа Ч. Скотт и заполнил опросный лист делегата от США, а позднее получил и мандат с решающим голосом. Чарлзу поручили обязанности секретаря мандатной комиссии, и он с присущей ему добросовестностью принялся за дело: принимал прибывавших, выдавал им временные удостоверения, направлял в общежитие Коминтерна на Тверской.

Пришел старинный друг и старший товарищ Петр Стучка, он был делегатом от Латвии. Сохранилась резолюция Джонсона на его мандате от 7 июля 1924 года.

Из Канады с правом решающего голоса прибыл Тим Бак. Он участвовал в конгрессе Коминтерна и теперь остался для работы на профсоюзном конгрессе.

Встреча с Тимом Баком принесла обоим много радости. Этот молодой худощавый канадец с излучавшими улыбку глазами, любопытный и неугомонный, всякий раз, приезжая в Советскую Россию, хотел все узнать, со всеми встретиться, с кем только можно поговорить. О своих впечатлениях Тим Бак писал на родину: ему не терпелось поделиться со всеми, кто еще не смог увидеть этой удивительной страны — Советского Союза.

12 декабря 1924 года «Уоркер» помещает статью «Москва — город надежды рабочего класса», помеченную редакцией как письмо Тима Бака из Москвы. Этот материал многосторонне характе-

ризует внутренний мир самого автора, его понимание роли Советской России в судьбах народов Страны Советов, в мировой истории. Тим Бак рассказывает о том, как добрался в СССР на конгресс, сравнивает положение в СССР и западных странах, говорит и о встрече со своим другом — «товарищем Чарли».

Москва вызвала у Тима Бака неподдельное восхищение: «Москва. Она не так строго красива, как Берлин, и не так могущественна, как Нью-Йорк, но эта революционная столица, насчитывающая почти три миллиона жителей, обладает специфической красотой, свойственной только ей. Она имеет то, чего не имеет ни один западный город...

Тысяча золотых куполов сверкает в июньском солнце, как тысяча драгоценных камней. Ее необычные улицы и дома, ее великолепная Красная площадь и Кремль, равно как и разнообразная одежда толпы, создают впечатление легенды, в которой встречаются Восток и Запад.

И счастливые, смеющиеся люди, держащие друг друга за руки, прогуливаются по улицам и бульварам. Их смех и вообще поведение так отличаются от мрачной атмосферы в Эстонии, от искусственного веселья на Фридрихштрассе и удручающей тишины рабочих районов Берлина, что волей-неволей начинаешь удивляться.

Да, они бедны, и их одежда выглядела бы старой по сравнению с одеждой жителей Нью-Йорка или обыкновенного канадского города, но их радость настолько естественна и непосредственна, что мне захотелось узнать о ее причинах».

Товарищ, с которым Тим Бак гулял по Москве, был не кто иной, как его друг Чарли, к которому тот и обратился за объяснением, в чем тайна этого города, смысл и содержание новой жизни, рождающейся в Советской России.

По словам Тима Бака, Чарли сказал: «Ничего удивительного в этом нет, все здесь идет в гору. Каждый месяц ныне мы отмечаем успехи. Продвижение вперед пока еще медленное, мы все очень бедны, но мы строим для себя, и рабочие только начинают пожинать плоды жестокой борьбы прошедших семи лет. Престарелым, покалеченным и безработным оказывается помощь, средства для обуздания нэпманов созданы, и рабочие точно знают, зачем нужно каждое отдельное мероприятие. Они счастливы и горды, ибо знают, что в недалеком будущем увидят солнце успеха».

Тим Бак и Чарли дышали воздухом Красной площади. Они были в Мавзолее Ленина. Постояли у могилы Джона Рида.

Потом была другая встреча — Уильяма Фостера и Чарли. Они тоже о многом говорили, говорили о делах Америки. Чарли весь обратился в слух, когда речь зашла о Рутенберге, которого американские «исправники» настойчиво упрятывали в тюрьму. Наконец, Чарли прочитал Уильяму вырезку из американской газеты о недавнем суде над Фостером, где как свидетель выступал и Рутенберг.

«Спокойный, среднего роста, с мягкими манерами, красный интернационалист Фостер сидел в свидетельском кресле в синем костюме, белом воротничке и в черном галстуке под американским флагом, который нависал на него с судейского стола. Он откинулся головой назад на спинку высокого кресла, закинув ногу на ногу и подпирая ладонью подбородок. Так он сидел в течение всего времени, пока длились показания. Он говорил медленно и твердо.

Его спокойное, обдуманное поведение, его приятная манера держать себя и нежный тембр голоса не позволяли думать, что это человек, которого многие считают наиболее опасным красным агитатором в стране. По временам, в особенности когда его адвокат предлагал ему рассказывать об его участии в рабочем движении или излагать некоторые свои убеждения, он был похож на поэта или мечтателя со своими нежными голубыми глазами и высоким лбом.

Но он быстро преображался, когда начинал свой допрос прокурор. Лишь только обвинение делало на него тот или иной нажим, его глаза метали стальные молнии, его суровые челюсти воинственно сжимались и за мягкой внешностью чувствовался дух борца. Тем не менее он у всех оставил впечатление искренности и благородства. В то время как Рутенберг производил впечатление начальника генерального штаба, намечавшего широкий план кампании, Фостер наводил на мысли о боевом полководце...»

Самое удивительное в этом рассказе то, что его написал **буржуазный** корреспондент. Какой же силой убеждения обладали эти люди, чтобы заставить инакомыслящего признать достоинства и силу правды борцов из лагеря противника! Фостер после всего этого лишь сказал: «Да, мы им задали тогда!.. Правосудие долго приходило в себя».

Эту вырезку из буржуазной газеты Чарли хранил как самую ценную реликвию, напоминавшую об Америке.

НАД ТИХИМ ОКЕАНОМ ЦИКЛОНЫ

ЯМОТО, ИЛИ СУДЬБА ВАТАНАБЭ

1 сентября 1923 года в Японии произошло страшное землетрясение. В Токио и Иокогаме вслед за разрушениями к небу взметнулись грандиозные языки пожаров, слизывавшие квартал за кварталом. Мир, затаив дыхание, следил за газетами, сообщавшими о катастрофе на перенаселенных островах. Экономисты потом подсчитают, что страна за несколько дней потеряла почти 7 процентов своего национального достояния. В научных журналах напишут, что «катастрофа землетрясения 1923 года окончательно опустошила японский сундук».

В стране, где 200 вулканов, где в день бывает 3—4 толчка, а в год более 7 тысяч землетрясений, где в памяти поколений остались ужасы былых катастроф — 1642, 1779 и 1914 годов, люди пережили трагедию, какой еще не знала их история.

Ямото увидел Токио два года спустя, но вокруг все еще оставались следы великого опустошения: стояли временные бараки, многие дома были в лесах, окна занавешены циновками. В Иокогаме, где в отличие от Токио было немало кирпичных фабрик, каменных массивных зданий, и сейчас еще чернели развороченные цементные фундаменты, груды спекшегося металла — остатки станков и оборудования.

Почти 5 миллионов фабрично-заводских рабочих (в том числе 1,5 миллиона женщин) и сотни тысяч строителей поднимали города из руин, вдыхали в них жизнь, а многочисленные частные корпорации открывали для себя новые возможности.

В 1898 году фирма «Мицубиси» построила первый пароход водоизмещением в 6 тысяч тонн, а теперь, даже после сентябрьского зловещего удара, пришедшегося и на предприятия «Мицубиси», компания строила дредноуты водоизмещением в 30 тысяч тонн, стремясь вывести японский военный флот в число первоклассных, а страну сделать обладательницей двадцатой части всего мирового морского тоннажа... В былые годы Япония приобретала электрооборудование в Европе и Америке, а сегодня, извлекая из богатых недр медь, сама производила новейшие электроустановки.

Газеты, не смолкая, шумели о «единстве» нации, «единстве» деловых людей и рабочих перед лицом «национального бедствия».

Это был хороший повод для очернения якобы выдуманной марксистами «классовой борьбы»...

Для Ямото Япония началась, как только он сел в Фузане на океанский пароход японской компании. Плыли Японским морем. Подходя к берегам Японии, он увидел, как встала почти отвесная стена густого дыма, заслонявшая Страну восходящего солнца. Войдя в Симоносекский пролив, там, где еле различался Модзи, стоял настоящий смог. Как в промышленных поясах Англии. Однако, различив на берегу причудливо изогнутые сосны, понял, что он не на Британских островах.

В Симоносеки Ямото сел в поезд, который, меняя паровую тягу на электротягу, менее чем за сутки пересек центральную Японию. Проносились, как в кинематографе, новые стройки, крошечные лоскуты рисовых полей, фабричные трубы, опять возделанные клочки земли, башни электропередач... Плыли домики, тесно прижатые друг к другу, наполненные чужими жизнями...

В Токио Ямото не увидел ни одного высокого здания, ни одного броского ориентира для приезжего. Высотные дома там тогда еще не строили. Это был город «деревянной Японии» — нагромождение двухэтажных домиков. В парке Уэно все было залито розовым цветом.

Ямото в Японии был впервые, хотя носил японское имя, одно из самых старых и распространенных. Он не был уроженцем этих островов, и в действительности у него было другое имя, а приехал сюда с намерением оставить добрую память о себе у тех японцев, с которыми познакомится. Но зачем же тогда такой камуфляж? Разве друзьям не положено открыто смотреть в глаза? Он предъявил в Японии официальные документы. Они были в полном порядке — гербовая бумага, большие печати; выписано имя — Янсон Карл Эрнестович. А кличку Ямото Карл выбрал для личных связей с друзьями на родине. Возможно, отчасти романтики ради — вся советская жизнь в то время была приподнято-романтической, а может быть, сработала привычка: новая страна, новое дело — новое имя. Наркоминдел Г. В. Чичерин, до предела измотанный, узнав о Ямото, лишь пожал плечами.

4 апреля 1925 года К. Янсон был определен в резерв назначения Наркомата иностранных дел. 15 мая он получил назначение в полпредство СССР в Японии референтом бюро печати и информации. 20 мая покинул Москву, а 8 июня 1925 года прибыл в Токио вместе со своей женой Анце.

Карл Янсон стал дипломатом, солдатом дипломатического фронта. Этот архиважный фронт в те годы для Советской власти был еще новым и неимоверно тяжелым. Его солдатами становились лишь люди опытные в механике стратегии и тактики классовой борьбы, готовые идти за Советскую власть в огонь и в воду.

После окончания гражданской войны с Японией были установлены дипломатические отношения; в Токио и Москве учреждались посольства, конвенцию об этом от имени двух правительств подписали в Пекине в январе 1925 года Л. М. Карахан, полпред СССР в Китае, и Кенкити Иосидзава, японский дипломат, кавалер ордена «Священного Сокровища» первого класса. Янсон оказался в числе первых советских дипломатов, вступивших в здание полпредства в Токио. Его назначили на скромную должность. Он был рад, что и в дипломатии начинает с арифметики. Алгебра придет потом, если вообще настанет ее черед. Круг его задач был очерчен общо, без деталей. Придется переучиваться и учиться. Чему? Тому, что много позже опытные советские дипломаты сформулируют как «искусство завязывать отношения с людьми и развивать эти отношения», ибо, по словам А. Коллонтай, «дипломат, не давший своей стране новых друзей, не может называться дипломатом...».

Карлу сразу стало ясно, что «советскому» в Токио будет нелегко, пусть даже он и дипломат, наделенный определенными правами. Вообще первых дипломатов из красной России принимали тогда с опаской, их побаивались, хотя и не подавали виду. Чиновники японских государственных учреждений широко улыбались, на приемах — даже искренне. Но менялись министры, уходили в отставку премьеры, а где-то за кулисами продолжал работать механизм, заведенный на очень длинную пружину... В этом механизме числились разведка, полиция, сколоченные банды, науськиваемые на «красных», как своих, так и из России; эти «добровольцы» хорошо оплачивались: «меценаты» всегда находились.

Предстояла борьба — и открытая, и скрытая,— К. Янсон был к ней готов; борьба оставалась его стихией. Он твердо решил, что ни за что не откажется от одной из основных функций всякого дипломата (в противном случае незачем было соглашаться ехать в Японию) — информационной, необходимой для лучшего знания страны, с которой установлены дипломатические отношения, и признанной международным правом; а его референтский пост в бюро печати и информации непосредственно требовал от него этой работы.

10 июня 1925 года Карл Янсон отправляет своим товарищам первое письмо (в Москве его получили ровно через месяц). Он писал: «По дороге меня постоянно бомбардировали репортеры и чиновники как торгпреда, и я должен был отдать отбой! В конце концов все-таки приехал благополучно.

Так как я только третий день здесь, то я не поспел ни с кем познакомиться и повидаться. Землетрясение до сих пор еще не псте... [неразборчивое слово] ...чувствуется и видно, что здешнее правительство о нас заботится, оставляя нас под строгим надзором». И дальше одна шутливая фраза: «Но все равно, надзор —

не надзор, я и так с «гейшами» свяжусь и потанцую по надобности». И в конце письма: «Со следующей почтой и отправлю Вам кое-что важное о наших делах да и пошлю книги, журналы и т. д. С приветом. Ваш Ямото».

Что касается слежки, установленной за Янсоном в Японии с первых же дней, то это не преувеличение: ее трудно было не заметить. Полпред СССР в Японии В. Л. Копп был вынужден 29 сентября 1925 года вручить министру иностранных дел Японии Сидэхара ноту, в которой настоятельно просил обратить внимание на то, что по отношению к советским гражданам в его стране допускаются грубые нарушения международного права. «При поездках на автомобиле агенты полиции садятся в автомобиль и отказываются высадиться, несмотря на самые настойчивые приглашения... В последние дни мною неоднократно отмечены случаи дежурства агентов полиции у самых ворот Посольства. Эти агенты заглядывают внутрь выезжающих со дворов Посольства автомобилей. Личные квартиры проживающих вне Посольства его секретарей гг. Астахова и Вольфа настойчиво осаждаются полицией, делающей всевозможные попытки проникнуть внутрь здания».

Такова была обстановка, в которой приходилось работать и жить. Но были в Японии и другие веяния. Сам факт, что японские журналисты и деловые люди еще на пароходе приняли Янсона за советского торгпреда в Японии [1] и заинтересовались им, показывал, что надежды Советов на улучшение взаимосвязей с Японией опираются на реальные силы, имевшиеся и в этой стране. Их тоже надо принимать в расчет, а не одни враждебные происки. Это было первым уроком для Янсона в его новой школе.

Рабочий день в полпредстве начинался рано. Карл собирал японские издания — часть выписывали, другие покупали — и днями и вечерами просматривал их. Нужно было получить представление, о чем сообщает печать, чтобы понять, что происходит в мире. С газетами и журналами на английском языке было просто, а вот с иероглифами катаканой и хираганой сплошная мука. Нанятый японец-переводчик педантично переводил все подряд, ему была важна и политическая «утка», и сообщение о самурайском «харакири». Да Янсон и мало ему доверял: прислуга, переводчики и гиды обычно были тайными осведомителями полиции.

Из Москвы вскоре последовали первые упреки. Янсон отвечал на них: «Я тоже за скорость и даже за американскую скорость, но дело здесь обстоит так, что придется действовать медленно, но ос-

[1] Недоразумение произошло по той причине, что торгпредом в Японию был назначен член коллегии Народного комиссариата внешней торговли СССР, тоже носивший фамилию Янсон (Документы внешней политики СССР. М., 1963, т. 8, с. 238, 702).

новательно... Я прекрасно справлюсь со своими задачами». Просил, чтобы прислали статьи о жизни советских профсоюзов, которые, возможно, здесь переведут на японский. Желательно обменяться корреспонденциями с профсоюзами Японии. Можно, чтобы инициативу взяли советские транспортники, потом горняки, металлисты, которые найдут в Японии сочувственно мыслящих рабочих...

Вместе с ответом Янсон послал много местных изданий на английском и японском — книг, журналов, газет. Извинился, что ничего пока не высылает старому своему товарищу Сэн Катаяме, хотя и обещал. И в заключение: «С комприветом к Вам. Ямото». Подпись размашистая, энергичная.

Одним из первых, с кем познакомился в Японии Карл, был Масаноскэ Ватанабэ, хорошо известный в рабочих профсоюзах. Этот парень выглядел чуть ли не юношей: в глазах вспыхивали озорные огоньки, черный как смоль хохолок торчал ежиком. Лишь твердый изгиб рта и общее выражение обветренного лица выдавали его возраст. После встречи с ним Янсон для себя отметил: «Рабочий от станка... очень симпатичен, решителен, с организаторской жилкой».

В 18 лет Ватанабэ стал одним из пионеров профсоюзного движения в Японии. Ряд организаций возник под непосредственным руководством или при ближайшем его участии. Потом произошла драма в Камейдо, нанесшая Ватанабэ тяжелый удар: семь его товарищей и соратников — все из рабочих — были схвачены в предместье Токио Нанкацу и зверски умерщвлены во время землетрясения. Без суда и следствия! Правительство воспользовалось паникой после землетрясения и объявило по радио о необходимости наведения «порядка». «Корейцы, китайцы, социалисты, жулики, хулиганы и проходимцы чинят грабежи и поджоги»,— утверждалось в этом сообщении. Распорядившись повсеместно принять «строгие меры», полиция устроила охоту на руководителей профсоюзов, Коммунистического союза молодежи. В погромах погибли 3 тысячи корейцев.

Ватанабэ восьмым не стал случайно. К тому времени он сидел в тюрьме по «делу» японских коммунистов, и те, кто вершил их судьбы, считали, что Ватанабэ смерти все равно не минует... Он вышел на свободу, оглушенный и придавленный кровавой расправой. Трагедия в Камейдо, однако, многому научила его. Ватанабэ приходит к мысли расширить действия левых сил японских профсоюзов. Из рамок Канто — района вокруг Токио — он переносит свою деятельность на более широкий регион страны. Ненависть его к угнетателям и «вождям» соглашательского типа, которых он не мог терпеть и которых умело разоблачал, его организаторский талант во многом определили дальнейшие удачи профсоюзного движения.

Когда Янсон впервые встретил Масаноскэ Ватанабэ, тот уже был рабочим деятелем национального масштаба, войдя в Хиогикай (Совет японских профсоюзов), созданный в мае 1925 года как всеяпонская организация. В Хиогикай Ватанабэ вел за собой левых, которые боролись за создание своего крыла, чтобы проникнуть во все союзы и создать прочную базу для японского движения единства. Пока же рабочее движение Японии страдало распыленностью, что отражалось и на процессе формирования молодой Коммунистической партии Японии, которая формально не существовала. Созданная в 1922 году, КП Японии вскоре оказалась в руках ликвидаторов, которые в 1924 году и объявили о ее роспуске, несмотря на протесты в низах. Среди протестовавших был и Ватанабэ.

Янсон проводил долгие вечера с новыми друзьями за ароматным чаем. Японские гости старались соблюсти хотя бы какой-то элемент чайной церемонии («тя-но ю»), но в полпредстве это меньше всего удавалось. Здесь пили чай по-русски, обильно, чашку за чашкой, в нескончаемых разговорах. Гости относились к хозяевам с симпатией. При случае не удерживались от вопроса: «Что думают о Японии иностранцы?»

Когда же Ямото сам бывал в гостях у японцев в их низких домиках с раздвижными сёдзи, приходилось подчиняться в большей или меньшей степени (в зависимости от того, как принимал хозяин гостей) сложному ритуалу чаепития. В этой стране считается главным в чаепитии — самосозерцание, достижение внутреннего покоя. Но пока не до сложных материй, научиться бы свободно подбирать под себя ноги и сидеть на пятках. Первое время Карл жаловался, что оставался без ног от такого чаепития. Хоть тренируйся дома.

Русские из Советской России в Японии были еще в диковинку (всех, кто приезжал из Москвы, здесь называли русскими). Интерес к ним рос. Самым удивительным для японцев — новых товарищей Янсона — оказалось то, что он даже не был русским. Принесли карту. Латвия выглядела на ней маленьким пятнышком. Нет, не отказался от края, где он родился, от родного языка. В СССР никто не требует такого абсурда. Люби язык своей земли, понятнее будет любовь других людей!

Такое было непонятно в мире, где большие всегда давят малых. Небольшие нации щепетильны, и если они шли с русскими (после той великой революции в октябре, что перевернула всю Россию), то значит, и русские стали другими. Не в том ли тайна свершившегося, что построить новый мир (а Советская Россия это провозгласила!) можно только всем вместе, приложив все рабочие руки — больших и малых народов?

Пили чай по-русски, пили по-японски. Воцарялись непринужденность, взаимное уважение. Японские гости, иные — уже друзья,

все ближе знакомились с этим скромным человеком из советского полпредства, с его страной, которая граничила с Японией, но все еще казалась такой далекой и непостижимой.

Особенно мучительно, хотя и не без успеха, росли в Японии прогрессивное движение, революционная борьба. Людей, которые рисковали в нее включаться, роднила со Страной Советов ее политика дружбы, мира, уважения к другим народам.

Японские рабочие укрепляли подпольные коммунистические группы, старались использовать все легальные возможности, искали пути и средства для публикации по-настоящему левого, но легального издания. (И когда им это удастся, Янсон отметит в своих записях: «Вот-вот выходит первый номер журнала левого крыла вроде фостеровского «Лейбор Хералд», 5 тыс. экз.». Он еще недостаточно знает Японию и поэтому ищет для сравнения примеры из привычного ему мира.)

Японцы читают историю Российской компартии. Читают «Детскую болезнь «левизны»...» В. И. Ленина. Для нескольких сот японцев марксизм перестал быть загадкой. В стране в те годы организовались и действовали группы ученых-марксистов: Институт обследования промышленного труда, Общество науки нового подъема, Институт международной культуры. В изданиях этих организаций печатались сообщения о революционном движении в Европе и Азии, материалы из газеты «Правда», статьи Сэн Катаямы. Уже были первые коммунисты, сознательные рабочие, тянувшиеся к марксизму.

И многие из них стремились извлечь из всего, что они узнавали, истину для себя, как бы родившуюся в их собственной стране. Ведь истина, правда вытекает из фактов, это не голая абстракция, не бездомный ребенок.

Так думает Масаноскэ Ватанабэ. Так думает Карл Янсон... Естественно, что среди первых его друзей в Токио были коммунисты. Коммунисты быстро находили общий язык не только умом, но и сердцем, что, пожалуй, самое дорогое в отношениях людей. Японские коммунисты, эти простые рабочие, уже с первых своих шагов думали, какой быть их родной земле, и Янсон нашел в них опору на трудном пути улучшения отношений между Японией и Советской страной.

Напряженные рабочие дни проходят быстро. Одна неделя. Вторая неделя. Третья... И вроде бы ничего еще не сделано. Посетители разные. Первыми были самые смелые. Но всех надо принимать спокойно, выслушивать без спешки, ведь они гости полпредства. Уметь располагать к себе. Трудная наука советской дипломатии!

Однажды к полпредству подъехал на автомобиле почтенный старик. В дорогой расшитой обуви и в кимоно с золотистым отливом. Какое у него могло быть дело? Через переводчика, которого

он привез с собой, старик сказал: он хочет убедиться, на самом ли деле у русских лица красные от крови своих жертв и почему они так ненавидят весь мир...

А этот посетитель пожаловал ни свет ни заря. Он настойчиво звонит у калитки полпредства, хотя летнее солнце только встает. Это беспокойный Ватанабэ.

Вышел пригласить его в дом, поговорить с ним Янсон.

— Охайе годзаимасу! — говорит гость, и тем же приветствием отвечает ему хозяин, уже усвоив, что это примерно «доброе утро».

У Ватанабэ родилась хорошая идея, и ему не терпелось ею поделиться, а главное — заручиться содействием.

Он решил, что надо укрепить связи левого крыла Хиогикай с профсоюзами СССР, может быть, создать что-то вроде «японо-русского комитета». По мысли Ватанабэ, это поможет вытравить из головы у многих «левых» идею «нейтрализации» японских профсоюзов как якобы лучшего способа борьбы за дело рабочих.

Официальное начало рабочего дня в полпредстве еще не наступило, но Янсон уже пошел читать «свои» «The Japan Times», «The Japan chronicle», «Weekly Edition» и пр. Вскоре должен был прийти и переводчик-японец. Днем Карл написал письмо Лозовскому, попросил прислать немного литературы, очень нужной в полпредстве (на разных языках), выслал ему «Капитал» Маркса, изданный на японском,— подарок Ватанабэ. Пообещал статьи для журнала «Красный Интернационал профсоюзов» и газеты «Труд». Письмо свое закончил словами: «Я лично живу ничего. Климат скверный. Шпиков изобилие. Помещений не хватает. Мне свою работу приходится вести в очень трудных условиях и так немножко измучился».

Карл Янсон понимал, что помещений Москва не даст, от шпиков не избавит. Но пусть там знают, как работается за границей...

В Токио стояла изнуряющая жара, воздух был насыщен влагой и духотой. Кончался июль. К ночи жара спадала, и когда замирали шумы, хорошо думалось.

Эта страна удивляла его, даже мелочи привлекали внимание. Если в Европе, наказывая ребенка, родители не выпускают его на улицу, то в Японии — не пускают в дом. Во время цветения сакуры толпы наводняют парки, любуются цветами. И если влюбленные при этом говорят: «Какие прекрасные цветы»,— то не надо добавлять: «Я люблю Вас»,— признание состоялось.

Когда работаешь для общего блага, всегда кажется, что сделано мало. Но и в этом случае нужно уметь радоваться жизни.

На третий месяц своей работы в Японии Янсон получил долгожданное письмо от Лозовского. Последний товарищески благодарил Ямото за участие в отправке в СССР хорошо подготовленной делегации японских профсоюзов. В то время людей не баловали похвалами, тем значительнее было каждое теплое слово,

хотя Ямото эту благодарность почти полностью переадресовал Ватанабэ, который так много сделал для организации и сплочения японских рабочих, отправлявшихся в СССР. Ватанабэ вообще был прекрасным «практиком», ибо знал хорошо свою страну, разбирался в психологии рабочих и, когда был уверен в своем деле, становился неудержимым.

Теперь ждали посланцев от советских профсоюзов. Делегацию СССР, которая выехала из Москвы 11 июля в Китай, несмотря на все усилия пригласить в Осаку, где находился центр Хиогикай, не удалось. Делегация вернулась из Китая, минуя Японию. Неудача...

В начале сентября из Москвы отправилась другая советская делегация профсоюзов. Посадка на японский пароход во Владивостоке прошла благополучно, но по мере приближения к берегам Японии вой в буржуазных газетах по поводу «красных», «наступающих» из России, нарастал. Можно было подумать, что к японским островам неотвратимо приближается зловещая комета или что на Японию снова надвигается свирепый тайфун. Никто не мог предугадать, во что все это выльется.

Тем временем Янсон собрался в первое свое путешествие по Японии. Он хотел побывать в Кобе, Осаке и Киото, что было связано с ожидаемым приездом в Японию советской делегации. В Осаке он имел персональное приглашение от Хиогикай — выступить с рассказом о плане индустриализации в Советском Союзе. О плане в Японии писали много, но противоречиво, несвязно, враждебно.

Министерство иностранных дел Японии было оповещено о том, что референт советского полпредства Карл Янсон выезжает этим маршрутом. Можно было ожидать провокационных действий со стороны полиции и других чинов, и, возможно, приближался час «решительных действий» в отношении советского «красного». Шумные буржуазные газеты и влиятельные круги, стоявшие за ними, остро нуждались в «разоблачении» коммунистов. Именно сейчас, когда в Токио ехала делегация из СССР.

Полпред просил Янсона соблюдать особую осторожность в пути, при встречах с людьми. Не поддаваться ни на какие провокации. Полпред и Янсон хорошо знали, при каких обстоятельствах был убит в Лозанне 10 мая 1923 года Вацлав Воровский... И он решил, что от «хвоста» избавится, запутает его. Этому Карла не учить. О дате своего выезда он даст телеграммы в Кобе, Осаку и Киото за подписью Ямото (там знают его имя). Если полиция не расшифровала Ямото, то все будет в порядке.

Карл как в воду глядел. За день до выезда он получил точную информацию от друзей-японцев: те узнали от своего товарища с телеграфа, что кто-то послал в Иоккаити телеграмму — задержать «красного» под именем Ямото, он европеец (давалось описание внешности), и далее шло серьезное предупреждение: «Бывший

моряк, обладает большой физической силой, для взятия подготовьте группу».

На неприкосновенность дипломата провокаторы решили наплевать. Конечно, если они и схватят его, то никаких улик, а тем более вещественных доказательств у них все равно не будет, таковых в природе не существовало. Но тот, кто готовит провокации, как известно, готовит и «документы».

За день до выезда Карл пришел на вокзал. С «хвостом». Как обычно. И, как обычно, они приветствовали друг друга. Японские шпики, наблюдавшие специально за советскими работниками, обычно не прятались, делали свое дело открыто, наивно и цинично. Они широко, добродушно улыбались, охотно оказывали различные мелкие услуги, особенно если ожидалось некоторое вознаграждение. Янсон подозвал «хвоста» и отправил его в кассу за билетом. «Хвост» не без гордости и прежде выполнял маленькие поручения Янсона, ощущая при этом всю государственную важность своих обязанностей.

Ожидая возвращения шпика, Карл присел за столик на бамбуковых ножках, заказал пиво. Он стал думать о том, сколько же верст или километров проделали такие ищейки за 25 лет, ходя за ним по пятам. Царские филеры, часто тупые и жестокие; шпики в Германии, методичные и упрямые; настоящие шпионы в США и Канаде, больше всего любившие выдавать себя за революционеров; в Японии — твердолобые, настойчивые, исполнявшие свои обязанности со слепой верой в их святость, фанатично, бездумно верящие императору и в то же время готовые на своеобразную дружбу с «подопечным»...

«Хвост» вскоре вернулся с билетом. Карл дал ему несколько иен на чай «за службу», и они пошли каждый по своим делам, что на практике выглядело так: впереди шел К. Янсон, за ним, буквально по пятам, «хвост», они даже перебрасывались фразами.

В тот же день через других лиц Карл приобрел еще один билет. На сей раз, чтобы добраться до Кобе кружным путем. А вечером, в решающий момент, он снова отослал шпика купить газеты. И тут Янсон «предал» его. Исчез, как он умел это делать. Ночью сел в поезд и убедился, что за ним никто не следит. План удался, полиция упустила своего «подопечного». Янсон благополучно проехал через Нагою на север (а не поехал через Иоккаити, где агенты договорились его задержать) и уже на следующий день добрался до Осаки. Там его встретили профсоюзные активисты из Хиогикай. Поодаль крутились несколько растерянных шпиков.

Осака — промышленный центр страны. В городе более двух миллионов населения, главная сила — пролетариат. Продукция Осаки развозится на кораблях (из порта Кобе) по всему миру: в Америку, Канаду, страны Азии, Индонезию. Продукция хороше-

го качества и удивительно дешевая. Рабочие Осаки, вынужденные продавать свой труд за стакан риса, обутые в «туфли» на деревянных подошвах и производившие редкостные ткани и другие уникальные изделия, радушно приняли своего гостя и оградили его от всяческих недоразумений.

Выступления Ямото среди рабочих были встречены с огромным воодушевлением. Когда он вернулся в Токио, его на вокзале уже ожидал «хвост». Находился шпик в возбужденном состоянии, обозвал своего «подопечного» предателем и заявил, что их былой дружбе конец: он больше не будет у Янсона на побегушках.

Через несколько дней советская профсоюзная делегация посетила города Токио, Осака и Кобе. 2 октября Янсон писал в Москву о том, что посещение делегации «расшевелило всю страну и оставило глубокое впечатление среди японских рабочих». Власти не могли с этим примириться. Полиция арестовала около 300 человек — коммунистов, просто рабочих. Ватанабэ избежал ареста.

Истинная картина поездки советской делегации по Японии была несколько более «красочной», чем ее изобразил Янсон. Подробнее ее обрисовал советский полпред в Японии В. Л. Копп в своей уже упоминавшейся выше ноте протеста от 29 сентября 1925 года на имя министра иностранных дел Японии Сидэхара:

«Господин Министр,

за последнее время в отношениях между СССР и Японией произошел ряд событий, которые глубоко взволновали общественное мнение СССР и которые могут весьма неблагоприятно отразиться на дальнейшем развитии столь счастливо начавшихся взаимоотношений между обеими странами.

Я позволю себе настоящим письмом обратить Ваше внимание на эти события в надежде, что Вами будут приняты необходимые меры для того, чтобы загладить прошлое и создать прочные гарантии неповторения подобных инцидентов в будущем.

Я имею в виду, прежде всего, то отношение, которое имело место со стороны японской полиции, в частности полиции городов Токио, Осака и Кобе, к четырем представителям Всесоюзного Совета наших профессиональных союзов. Об этом отношении достаточно подробно сообщалось в японской печати, и, вероятно, Ваше Превосходительство столь же хорошо осведомлены об этом, как и я. Лишь суммируя происшедшее, я позволю себе указать, что установленный для четырех советских граждан режим был равносилен лишению их свободы. Полиция вторгалась в их частные помещения, которые не покидала, несмотря на самые настойчивые просьбы. Она не пропускала к делегации желающих повидаться с ней частных лиц, а в тех исключительных случаях, когда, после долгого и подробного допроса о цели посещения, отдельные лица, например корреспонденты газет, пропускались, полиция присутствовала при разговорах и записывала каждое слово. Полиция

ограничивала свободу передвижения указанных четырех лиц, когда она не только эскортировала их, передвигались ли они пешком или на автомобиле, но и без приглашения садилась в их автомобиль. В случаях большого скопления народа, как это, например, имело место при отъезде делегации из Токио, полиция избивала приближавшихся к делегации лиц даже тогда, когда они не имели никакого намерения поговорить с делегацией. Так, например, был дважды избит служащий Советского Посольства японский гражданин Отани только за то, что он по моему поручению помогал делегации отправить ее багаж...»

Провокаторы отомстили и Янсону. В каком-то пункте оказалась уничтоженной его почта. Со всеми отчетами и другими не менее важными бумагами. Японские власти извинялись за «утерю» пакета.

Накануне своего отъезда в Пекин Карл отправил в Москву два комплекта японских газет и журналов. «Прошу один комплект япгазет и журналов передать т. Катаяма»,— напоминал Янсон. Ушли наконец на родину и статьи «Пролетарская Япония» и «Законопроект о легализации яппрофсоюзов». Это был долг редакции, с которой он теперь рассчитался.

7 октября 1925 года Янсон выехал в Пекин на встречу советских дипломатов. Он тогда даже не подозревал, какое место в его жизни займет Китай, лишь пытливо вглядывался в жизнь еще одного народа, в каскад изменчивых событий уже разразившейся китайской революции, стараясь по деталям, отдельным фактам узнать, что же может произойти завтра в этой гигантской стране.

Возвращался он через Шанхай в Иокогаму рейсовым пароходом «Тацуте-мару». Выходил на палубу, дышал полной грудью. В Иокогаме быстро миновал таможню, получил свой легкий багаж, и электрический поезд понес его по стальным рельсам к Токио.

Ему показалось, что он давным-давно не видел столицы. И он понял — этот город ему уже нравился. Была осень. На листьях клена — момидзи — вспыхнули первые россыпи золота; глубокой осенью они растекутся багрянцем по листьям; была пора хризантем. У занятых людей нередко обострено восприятие природы.

В полпредстве обнаружил завал работы. Ведь заместителей у него не было. Снова письма, отчеты, кипы газет и журналов.

...Состоялся съезд Японской федерации труда — Нихон родо содомэй (15 тысяч членов), довольно правой организации, которая яро выступала против «экстремистов» и «коммунистического заговора». Съезд предложил создать «свою» партию на «наших собственных принципах». Янсон обратил внимание на то место из газетного сообщения, где говорилось, что один делегат съезда, рабочий-металлист, задал президиуму вопрос: «Что это такое «наши собственные принципы» и «принципы экстремистов»?» В прези-

диуме посчитались и ответили: «Это довольно трудно объяснить, и сейчас некогда». Янсон невольно улыбнулся, представив себе металлиста с его ехидным вопросом. «Вряд ли этот съезд,— подумал Карл,— существенно повлияет на рабочую массу».

...Больше порадовали его другие сообщения, и он сделал для себя такую запись: «Появление первого номера коммунистической газеты в Японии «Rodosha Shimbum» было встречено с большим одобрением и подъемом радикально настроенных рабочих. Через пару дней выходит второй номер. Вся буржуазная пресса обсуждала появление первой политгазеты рабочих. Некоторые признали, что она опасна...»

Когда Янсону довелось встретиться с Ватанабэ, их беседа лишь подтвердила оценку первой политической газеты японских коммунистов.

Пришло письмо от Лозовского. В конце делового, очень значительного текста тот добавил постскриптум: «Большое спасибо за посланные вещи. Портфель великолепен, а халат настолько хорош, что я его надену на торжественное заседание в Большом театре».

И Карл вспомнил, что и впрямь его товарищи вот-вот соберутся в Москве, в Большом театре. Приближался девятый год Октября. А здесь готовился в полпредстве второй октябрьский прием. На первый, год тому назад, приглашенных пришло немного.

Послал Янсон письма и литературу в США и Канаду: Рутенбергу, Фостеру, Баку. Радовался, когда получал оттуда какие-либо известия. Редко, но приходил «Worker» из Торонто. Карл жадно набрасывался на газету. Как они там?

В Коминтерне хорошо понимали, что рабочее движение в Японии и не сложившаяся еще по-настоящему коммунистическая партия страны нуждаются в серьезной помощи, в советах. Об этом думали и в Политбюро ЦК РКП(б).

И. В. Сталин настойчиво вникал во все дела. Время было трудное. Партия скрестила оружие с троцкистами в решающей схватке. В этой обстановке назначение Янсона в Японию как-то прошло мимо Генсека И. Сталина. Он остался недоволен («Не сделаете дипломата из этого латыша; он родился под другой звездой»), но менять ничего не стал.

На прием к Генсеку попросился Лозовский. Сталин ему назначил время на два часа ночи. Это означало, что предстоит обстоятельный разговор. В Кремле поощрялись ночные бдения. С собой у Лозовского было письмо Янсона, в котором критиковалась статья Г. Войтинского в «Правде» об итогах и перспективах китайского освободительного движения. «Чересчур оптимистична и преувеличивает развитие и т. д. Одним словом, она агитка, а не серьезная статья». Он считал нужным, чтобы ЦК послал в Китай, например, В. Молотова или Я. Рудзутака. Янсон отчеркнул это

место в своем тексте и просил Лозовского передать все дословно Сталину.

Лозовский хотел пересказать статью Войтинского, но Сталин его остановил:

— Я «Правду» читаю. Статью Войтинского помню, настоящая агитка. Метко сказано! — Сталин потянулся за папиросами (трубку он тогда курил редко), давая понять, что свою мысль не закончил, и вдруг спросил: — А разве этот Янсон-Джонсон уже в Китае?

Лозовский пояснил.

— Ну, тогда пусть и занимается дипломатией в Японии. А советы его мы учтем...— И, подумав немного, добавил: — Вот вы с ним, товарищ Лозовский, посоветуйтесь, как нам лучше подготовить тезисы Коминтерна по Японии. Я думаю, что он да еще один-два товарища ныне только и знают настоящую Японию. Как только покончим с компанией Троцкого, нам понадобится материал к «Тезисам»...

В ту же ночь Лозовский написал Ямото. В письме не было всех подробностей состоявшегося разговора в Москве, но Карл понял, что его действия получили одобрение. И в тот же день сел за «свой», как он назвал его позже, проект «Тезисов», хотя у него просили лишь некоторые соображения.

Этот проект, написанный по-английски, сохранился до наших дней. Вот его начало: «Без революционной теории не может быть революционной практики. Никакая организационная форма не имеет значения без большевистской политики, правильной политики в вопросе об отношениях между компартией и беспартийными рабочими и рабочим классом в целом. Как бы правильна ни была политика компартии, она будет действительна только тогда, когда партия сумеет проводить ее среди рабочих масс. А это возможно лишь тогда, когда компартия умеет приспосабливаться к тем условиям, при которых ей приходится работать.

На основании революционного опыта большевизм выработал определенную форму партийной организации...»

Такое начало Янсону понравилось. Прочитал еще раз, задумался. Не понравилось. Казалось, все было правильно и теперь надо было только перейти к более конкретному, к Японии. А этого не получалось. Выходило нечто вроде «всемирных тезисов», пригодных всюду и нигде. Общие слова! И он почувствовал, как в его глазах вырастает Ватанабэ, так хорошо знавший свою страну, своих братьев — японских рабочих.

Янсон серьезно изучал Японию, и не только по книгам и журналам. Как много ему дали беседы с рабочими, активистами профсоюзов, всевозможными посетителями полпредства, журналистами, издателями газет! И он уже хорошо понимал, что Япония — это не только цветение сакуры, багровый разлив клена,

летние и зимние фестивали, привлекающие тысячи энтузиастов-зрителей, «Фестиваль звезд», когда вспоминают романтическую историю звезд Альтаира и Веги, или фестиваль «бон» — буддийский праздник. Япония для него теперь была не только гора Фудзи, неудержимые силы тайфунов и цунами и даже не грозные землетрясения, хотя без них нет ни истории, ни настоящего японского народа. Есть другие тайфуны и циклоны, более могучие,— они потрясают общество снизу доверху, бури, бушующие в душах людей... А какие волны вздымает борьба классов в океане политических страстей! Как здесь сложно и важно предсказать тот момент, когда накатывается решающий вал!

Нужно вникнуть в самое сокровенное страны, думал Янсон, изучить то, что отражает социально-экономические процессы, что, кстати, ему необходимо прежде всего как советскому дипломату. И дело не только в самих «Тезисах».

Карл со всей энергией окунается в эту работу. Сидит в основном вечерами, до глубокой ночи. Привлекает к этому делу кого только возможно. Имей он больше досуга, он охватил бы все быстрее. Но не ждали и другие дела!

...Ямото — тов. Софии в Москву: «Почему вы не выписали «Правду» и «Труд»? С января я больше не получаю. Ах, какая вы скупая. 26.II 1926».

«...Слава богу, благополучно выехали в Москву японские металлисты — профделегация. Теперь ожидают с нетерпением их возвращения».

...Послал через Лозовского статью для журнала — о съезде Хиогикай. Газеты вскоре пришли. Вернулись металлисты. Восхищенные новым, рады... Полиция, правда, их сразу же арестовала. Выезжают в СССР два рабочих-текстильщика на съезд текстильщиков; полиция перевернула весь их невзрачный багаж, словно искала бомбу.

«...Ватанабэ брошен в тюрьму. Никто не знает сути обвинений. Полиция явно получила какие-то указания. Бесчинствует».

...Лозовский в письме спрашивает: «Председатель Госпароходства Ленцман спросил меня, не возьмет ли на себя его старый приятель, капитан дальнего плавания, представительство госпароходства в Японии. Что вы думаете на этот счет?»

Еще помнят, что он был капитаном дальнего плавания! Как это давно... Ах, мой друг далеких дней, разве может один человек сделать все! Ты бы посмотрел, в каких условиях приходится работать... Пришлось вежливо, по-товарищески отказать.

Лозовский отправился в Китай, на Всекитайский съезд профсоюзов. Приглашал туда Ямото вместе с его новыми друзьями из левых Хиогикай.

Ямото очень уважал Лозовского. Но что касается дела, то пришлось и здесь отказать.

Только в июле 1926 года он послал письмо в Москву с сообщением: почти закончен «обзор японского капитализма, который мы... окончательно отделываем». Но он скромничал. Это был не просто «обзор», а содержательные очерки, которые в Москве решили издать, как только там получили и прочли. Ждали лишь присылки последних пяти-шести глав.

Наконец анализ социально-экономических отношений Японии был завершен. Ямото меньше всего беспокоился, напечатают ли этот труд. Самое важное было в другом. В итоге кропотливого анализа он увидел жизнь Японии как бы изнутри и теперь, как никогда, представлял себе те силы, разные по величине, и те тенденции, разные по направленности, которые в действительности определяли движение страны. Ему было стыдно и подумать, каким верхоглядом он был в Японии еще недавно. Он посмеялся над собой, вспомнив строки первого своего письма из Японии с обещанием потанцевать с гейшами. Он недавно увидел настоящих гейш (был приглашен вместе с Анце на строгий чайный церемониал). Их традиционной обязанностью при церемонии было наилучшим образом принять гостей. И здесь были свои тонкости. Танцевали «майко» молодые гейши. А «гейко» специализировались в музицировании и пении.

...Ямото снова уселся за «Тезисы». Товарищам он писал: «Работаю долгие часы и поздно по ночам, радостей немного, но есть (выходит из тюрьмы Ватанабэ и др.)». Далее следовал рассказ о собственных планах. Наконец: «Итак, разрешите закончить, ибо уже 3 часа утра».

Но реализацию своих планов Ямото пришлось отложить на более поздний срок. Поступила срочная депеша — Янсону выехать в Москву. Депеша краткая, без объяснения целей выезда, но Ямото почувствовал ее волевой подтекст. Вызывал не Наркоминдел, а Центральный Комитет партии.

Жизнь человека соткана из миллиона нитей, связывающих его с миром. И чем больше он делает для других, тем крепче эти нити. Такой человек сильнее любого отшельника. Одинокое дерево или зачахнет, или буря его сломит...

Москва жила неспокойно. Партию лихорадило. На платформе троцкизма объединились все оппортунистические группы.

Янсон узнал достоверно: в Москве созывался VII пленум Коммунистического Интернационала, чтобы окончательно подвести итоги в дискуссии вокруг Троцкого, его идей, его сторонников. Борьба с троцкизмом выросла в международную задачу. Янсон узнал, что ему придется заниматься канадскими делами, за что он и взялся с удовольствием, но не без опаски...

Во-первых, как бы там ни было, а он разделял ответственность за дела канадских коммунистов. Почти три года он работал в Канаде, щедро делился умением в искусстве борьбы и, конечно,

учился сам, как этого требует настоящее искусство. Да и ныне он продолжал оставаться представителем канадских рабочих в редакции журнала «Красный Интернационал профсоюзов».

Во-вторых (и это его по-настоящему беспокоило), он, получая из Канады газету «Уоркер» и внимательно прочитывая ее, заметил, что газета никак не реагировала на развернувшуюся в СССР борьбу против троцкизма. Словно это чисто внутреннее дело одной партии большевиков. Можно было догадаться, что в руководстве Компартии Канады не все обстоит благополучно и, вероятно, силы, симпатизирующие Троцкому, значительны, раз они могли заставить молчать центральный орган по такому важному вопросу.

Редактором «Уоркера» был тогда М. Спектор, генеральным секретарем Компартии — Д. Макдональд. Их поведение часто вызывало беспокойство в КП Канады.

Спектор, сын мелкого торговца, под влиянием Октября и рабочего движения в самой Канаде увлекся революционной борьбой, но придерживался прудонистских взглядов, а к 1924 году он (тайно от партии) сблокировался с троцкистами, использовав для этого свою поездку в Москву. Неустойчивостью взглядов отличался и Макдональд. Даже Спектор критиковал его за «вульгарный прагматизм».

Кто же приедет на этот важный пленум ИККИ? Спектор? Макдональд? Если они, то какие предложения привезут с собой, какую позицию займут?

С тяжелым сердцем Карл Янсон ожидал приезда делегации из Канады. И когда в тамбуре вагона он увидел старых своих друзей — Мэтью Поповича и Тима Бака, от сердца отлегло. Попович был руководителем революционной Ассоциации украинских рабочих и фермеров Канады. Делегацию возглавлял Тим Бак.

От сердца отлегло, но кое-что и озадачило: значит, Спектор и Макдональд фактически уклонились от поездки в Москву? Такая миссия им, вероятно, не по душе? «Ну, что ж, возможно, это и к лучшему»,— подумал Янсон. Но не оставляла и другая мысль: готовы ли его друзья к битве в Москве?

Обрадовались и канадцы: говоря словами Тима Бака, их встретил «наш общий друг товарищ Карл Янсон». Они обнялись, расцеловались.

«Чарли, как называли его мы с Поповичем и сотни членов нашей партии, интересовался положением в Коммунистической партии Канады...»[1] Уже первая беседа с посланцами коммунистов Канады, однако, показала, что многие вопросы для них неясны, оставались недоумения, непонимание отдельных моментов острой борьбы против троцкизма, которая началась далеко не в 1926 году...

---

[1] *Бак Тим.* Ленин и Канада. М., 1972, с. 76.

Встреча Чарли с канадской делегацией дала возможность выявить истинное положение и неглубокое представление гостей о сложившейся ситуации. «Мы объяснили ему (Чарли.— *В. Ш.*) положение и попросили помощи»,— пишет Тим Бак и добавляет, что они, то есть М. Попович и Т. Бак, решили, что последний соберет «информацию, необходимую нашей делегации для участия в работе пленума»[1].

Приведем еще одно место из воспоминаний Тима Бака. «На VII расширенном пленуме Исполком Коммунистического Интернационала твердо определил свою позицию по ставшему предметом ожесточенных споров вопросу о том, сможет ли советский народ построить социализм в стране, находившейся в то время в окружении враждебных капиталистических государств. Мое собственное понимание дискуссии, развернувшейся по этому вопросу, стало более глубоким в результате участия в работе пленума и пребывания в Москве *в течение нескольких дней до его открытия* (выделено мною.— *В. Ш.*)».

Что же произошло в эти несколько дней?

Известно, что в первые два дня Чарли и Тим Бак забрались в библиотеку Коминтерна и заперлись в одной из ее комнат. С источниками и документами в руках они начали выяснение глубокой сути мелкобуржуазной революционности Троцкого и нынешней его платформы. Это были часы деятельного изучения истории ленинизма, чрезвычайно важные для подготовки канадской делегации к пленуму ИККИ.

Два дня Чарли и Тим Бак разбирались в документах. Чарли старался как можно точнее перевести содержание того или иного ленинского документа, ибо большинство их было на русском языке. Часть переводов на английский он писал здесь же и передавал их Т. Баку. Тот перечитывал, вдумывался, иногда восклицал «о'кэй!» и добавлял по-русски «хорошё».

Тим Бак впитывал новый материал, как губка, переваривал в своем сознании и, наконец, стал... упрекать Чарли. Канадец был горяч, но, вероятно, прав в своих упреках. Предоставим ему слово: «Из работ В. И. Ленина, статей в «Правде» и «Известиях» и материалов, отпечатанных на стеклографе, Чарли переводил для меня на ходу высказывания В. И. Ленина по интересовавшим меня вопросам. Исписал целый блокнот. Среди них были высказывания, которые внесли полную ясность в мои запутанные представления о политических взаимоотношениях Ленина и Троцкого, особенно в годы, предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции. Они четко свидетельствовали о том, что оппозиция Троцкого той линии, которая проводилась по заветам

---

[1] *Бак Тим.* Ленин и Канада, с. 76.

В. И. Ленина, не возникла случайно, а была продолжением всех его уклонов.

Сейчас трудно описать тот подъем, то чувство откровения, которое я испытал, узнав, как четко Ленин разъяснил суть проблем, являвшихся тогда предметом горячей дискуссии. Я отчетливо помню, с каким упреком в голосе я спросил тов. Янсона: «Почему это еще не издано на английском языке?», когда он перевел мне следующий отрывок из доклада В. И. Ленина на IX Всероссийском съезде Советов: «...есть теперь в мире два мира: старый — капитализм, который запутался, который никогда не отступит, и растущий новый мир, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он непобедим»[1].

За эти два дня Тим Бак узнал многое. «Для меня в 1926 году слова Ленина были гарантией того, что социализм восторжествует в Советском Союзе. Отрывки из произведений В. И. Ленина, с которыми я ознакомился по этим беглым переводам с листа, убедили меня еще до открытия пленума, что Ленин был на стороне тех, кто говорил: «Да, мы можем построить социализм в Советском Союзе, и мы его построим».

Совместная работа Т. Бака и К. Янсона накануне пленума помогла Т. Баку и М. Поповичу занять на расширенном пленуме ленинские позиции и быть на стороне тех, кто осудил троцкистскую оппозицию.

Большевистская партия тогда наголову разгромила Троцкого с его антиленинской теорией о невозможности построения социализма в условиях СССР. Идейный разгром троцкизма был достигнут и в Коминтерне.

VII расширенный пленум ИККИ, по оценке Тима Бака, явился поворотным пунктом в политике Коммунистической партии Канады, которая вскоре вышвырнула из своих рядов троцкистов (Спектора, Макдональда и других) и стала играть еще более видную роль в жизни своей страны и в международном рабочем движении.

В острый момент борьбы с оппозицией, показав себя подлинным интернационалистом и теоретически подготовленным марксистом, К. Янсон помог делегации Компартии Канады занять четкую ленинскую позицию в Москве, а затем развить успех и у себя дома.

В те решающие дни борьбы с троцкизмом, когда в партии всем пришлось окончательно избрать свою позицию, свое место в окопах, Янсон обнаружил глубокую партийность, марксистскую зрелость, преданность делу социализма и верность ЦК партии, сумевшему отстоять ленинские позиции в труднейшей борьбе с врагами марксизма-ленинизма. У него были и «личные» счеты с Троцким, который во время создания «августовского блока» сумел на какой-то момент подчинить своему влиянию старшего брата Карла —

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 299.

Янсона-Брауна. То была тяжелая ошибка брата. По воспоминаниям одного из родственников Янсона Эдуарда Робежниека, Карл не раз говорил: «Я хочу исправить ошибки своего брата...»

Ямото возвратился в Японию. Позади в зимнем мареве утонула заснеженная Сибирь — зима была сугробистая и злая,— осипшие от мороза станции, дороги, продутые студеными ветрами. Новый год он встретил в поезде. Лишь день своего рождения — вместе с Анце в Токио. Дорога оказалась трудной, и, вероятно, там он и простудился. Анце отпаивала его чаем. Чаем с малиной, которую он так кстати привез из Москвы. Но не помогло, пришлось слечь. Вначале дома, потом его отправили в госпиталь.

Болезнь была не ко времени. Из Японии предстояло вскоре уехать. Янсон уже знал, что он отзывается с дипломатической работы, но куда именно, не знал. В Москве сказали:

— Вернешься, засядешь за «Тезисы», а там будет видно.

Оставшееся время следовало использовать рационально. Янсон игнорировал болезнь, насколько это было возможно. Он не умел ни отдыхать, ни болеть. Как вся страна в те годы.

...Компартия Японии, кажется, выстояла перед своим девятым валом. В декабре 1926 года нелегальный съезд восстановил компартию, и было решено послать представителей в Коминтерн. Но разногласий оставалось еще много. Это и потуги правых, жаждущих реванша, и «детская болезнь «левизны»...», и крайнее сектантство. Создается впечатление, будто эти люди стараются убежать подальше от рабочих масс, думал Карл. Пока компартия не станет массовой, в Японии не двинутся вперед, а массовой она может стать только в том случае, если вовлечет в свой состав лучшие элементы японского революционного профдвижения.

Из левых сил профсоюзов полтора года тому назад был только Хиогикай, а сегодня, в 1927 году, уже есть и Лига профединства с 50 тысячами организованных в ней рабочих (в этой Лиге с осени 1926 года и развернул свою дальнейшую деятельность М. Ватанабэ), и левая фракция Союза моряков; есть левые во Всеяпонском союзе железнодорожников, в Объединении союза служащих и др. Выпускаются газеты «Родосимбун» («Рабочая газета») в Хиогикай тиражом в 45 тысяч экземпляров, «Родося» («Рабочий») в Лиге единства (10 тысяч экземпляров), наконец, журнал «Марксизм».

Силам мирового капитализма в столкновениях и борьбе рабочее движение должно противопоставить международную солидарность рабочего класса. Мысль не новая. Это истина. Сегодня Лига единства уже готовится послать в Кантон 10 своих делегатов на учредительную Тихоокеанскую конференцию профсоюзов, обещающую стать важным звеном в цепи интернациональных усилий революционных профсоюзов стран Тихого океана.

Во вторую свою поездку в Осаку (это совпало с днем Первого

мая прошлого, 1926 года) Ямото стал свидетелем мощной демонстрации и митингов, когда по случаю праздника прекратили работу 50 тысяч трудящихся. Пришли в город и тысячи крестьян из ближайших окрестностей Осаки. Ямото писал, что действия рабочей Осаки «в этом году превзошли все выступления прошлых лет по случаю Первого мая».

Народ пел рабочие гимны, раздавались клики «банзай» в честь рабочего класса и его организаций. Народ проявлял деятельную энергию, настойчивость. Как бы желая себя проверить, Ямото прислушался: окно выходило на улицу. Снаружи крепчал ветер, вырвавшийся с океана в запутанные улочки города — быть тайфуну! Звенели жалобно оконные стекла, и он все же расслышал дробный стук деревянных сандалий о каменные мостовые. Это тянулась утренняя смена рабочих, мужчин и женщин...

Ямото писал: «Дорогие товарищи, будучи прикован к больничной постели, я, к сожалению, должен прекратить свое письмо. Я надеюсь, что приблизительно дней через 10 я уже буду чувствовать себя хорошо и тогда напишу вам более подробный доклад, а пока удовлетворяюсь этим кратким очерком. С коммунистическим приветом. Ваш К. Ямото».

Действительно, дней через десять он покинул госпиталь. Это было уже в середине февраля. А вызов в Москву еще не пришел. Где-то что-то заело...

По настоянию Анце он написал срочное письмо, которое вложил в пакет с газетами и журналами, отсылаемыми из Японии. «По всей вероятности, я скоро отправлюсь домой, т. е. в Москву. Поэтому будьте добры и поторопите т. Юрдзика, чтобы он забронировал мне комнату в люксе. Желательно комнату 148 (которая была у меня). Ну, итак, до скорого свидания. К. Ямото».

«Люкс» — громкое название, в сущности же это просто комната в общежитии на Тверской, быть может, чуть получше, но предупредить все же следовало. Да и Анце очень нравилась прежняя комната, ставшая уже «своей».

Чувствуя, что со дня на день ему придется расставаться с Токио, К. Янсон засел за последний свой дипломатический отчет. И еще раз окунулся с головой в море статистики, экономических выкладок, таблиц, сравнений, нисходящих и восходящих кривых. «Я постараюсь собрать и обработать материалы,— писал он «домой» в феврале,— чтобы Вы могли издать всю эту музыку на иностранных языках ко времени предстоящего съезда Профинтерна».

Полпред не без сожаления прощался с Янсоном: тот ему нравился. Правда, нередко приходилось сносить упрямство его, прикрытое немногословностью, но полпред был спокоен за все, что делал в Токио референт по печати.

Пройдет много лет, и уже в наше время дипломат и писатель Савва Дангулов скажет: «Как ни опытны были дипломаты старой

России, красные дипломаты превосходили их — они были масштабнее, государственнее, образованнее. Их жизнью руководила идея свободной России, которой они посвятили себя. Русская революционная действительность сформировала тип революционера-воителя, который одновременно был революционером-ученым».

Янсон-Ямото нес в себе эти новые черты.

Уехал из Японии он все же с неспокойной душой. Реакционные силы страны как бы в ответ на успехи демократических организаций, все решительнее порывавших с «нейтрализмом», изоляцией от Советского Союза, использовали любую возможность для водворения «порядка» на островах. Аресты, суды, бесцеремонное вмешательство в жизнь профсоюзов — все это продолжалось в полную силу. Нагло, настойчиво...

Никто не мог сказать, когда изменится это положение, сколько усилий и жертв потребуется от рабочих Японии, в их числе и друзей К. Янсона, какие превратности судьбы предстоит им пережить в борьбе с силами реакции. Одно не вызывало сомнения — обе стороны были исполнены решимости бороться.

Апрель в Москве был щедрым на потоки света и воздуха. Янсон явился в Профинтерн и занял там небольшой кабинет, на дверь которого так и не знали, какую повесить табличку. Никакой официальной должности в этих стенах он пока не занимал. Поэтому люди редко к нему приходили. Янсона это почти обижало, но освобождало много времени. И весьма кстати.

Он был очень занят материалами Японской комиссии Профинтерна, которая работала то параллельно, то совместно с такой же комиссией Коминтерна. Чаще всего он просиживал подолгу вместе с Сэн Катаямой. Как-то в свободную минуту он сказал ему: «Я видел в Токио старинную тюрьму Сугамо... Сколько там пересидело японских революционеров! Я вспомнил, что и тебе, Сэн, пришлось вкусить ее прелести после той забастовки трамвайщиков...» Сэн Катаяма задумчиво улыбнулся, видимо вспоминая те далекие дни, когда он боролся на своей родине.

Карл очень уважал и любил этого седеющего человека, известного всем как выдающийся деятель международного рабочего движения, сыгравшего руководящую роль в создании Компартии Японии. Многие помнили, как Сэн Катаяма пожал руку Плеханову во время русско-японской войны. Когда 14 декабря 1921 года Катаяма прибыл в Москву, его на вокзале встречали видные представители Советского государства и Коммунистического Интернационала — М. Калинин, И. Сталин... Был выстроен почетный караул. Теперь японские милитаристы воспрепятствовали возвращению Сэн Катаямы на родину, но служить родине никто не мог ему помешать. Сэн упорно работал. В прошлом году он издал две книги — «Современная Япония» и «Работница и крестьянка в Японии».

Сэн Катаяма, со своей стороны, видел в Янсоне тактичного, умного интернационалиста, человека, который уважал и мог понять чаяния другого народа. В этом Сэн Катаяма теперь — после двухлетнего пребывания своего друга в Японии — особенно убедился. Янсон вынес из Японии массу знаний о настоящем страны, о людях самых низших слоев, о трудящихся, коммунистах. Сэн Катаяма остро почувствовал это, когда они стали вместе работать над «японскими тезисами», и японский революционер проникся еще большим уважением к своему другу.

И действительно, Карл знал и сегодняшнего капиталиста Японии, и кичливого представителя сановного клана, вроде того, который лично заявился в полпредство, чтобы убедиться в «кровожадности московских коммунистов». Но лучше всего он знал буржуазных политиков, не уступающих западным в своем вероломстве и демагогии. Он немало их перевидал в Токио на приемах, во время деловых бесед, переговоров.

3 мая сошлась Японская комиссия Профинтерна. На Солянке, во Дворце труда. Пришли Д. Мануильский, Г. Войтинский, О. Куусинен, недавно прибывшие в Москву из Японии К. Токуда и М. Ватанабэ. (Еще никто не знал, что вскоре М. Ватанабэ изберут Генеральным секретарем КП Японии и предсказание Карла, что из Ватанабэ выйдет крупный политический деятель, сбудется.)

Сэн Катаяма и Янсон сели рядом. На председательское место направился Лозовский, который осмотрелся по сторонам и приставил справа от себя свободный стул.

— Возможно, придет товарищ Сталин. Но просил не ожидать его,— сказал он.

Больше всех волновался Янсон. Собравшиеся повернули головы в его сторону, когда он, выравнивая стопку своих бумаг, поднялся и приступил к докладу. Ведь ни для кого здесь не было секретом, что он только что из Японии, и потому от него ждали чего-то нового. Текст доклада сохранился. Очень обстоятельный анализ обстановки в Японии, классовой борьбы в стране, причин дифференциации в рабочем движении. Карл дал характеристику левых сил, центра и правого крыла. Особо подчеркнул он опыт классовой борьбы в России, опыт борьбы Ленина за партию и рассказал о том, чему он лично научился за годы, проведенные в США и Канаде и, конечно, в Японии, и что может быть полезным для японских товарищей.

Говорил Янсон почти полтора часа. Полтора часа анализа, аргументации, выводов, соображений, рекомендаций. Не засушил ли суть вопроса? Ведь собравшиеся и сами эрудиты, а некоторые слывут в этой области настоящими теоретиками, мастерами? Возможно, надо было больше фактов? С этими внезапно нахлынувшими сомнениями он и сел на свое место под тяжестью великой ответственности тех суровых дней.

Прения и дискуссии закончились только на другой день. Карл окончательно почувствовал, что его волнения были напрасными. Доклад был встречен хорошо.

Поздно вечером курьер доставил И. В. Сталину и в ИККИ стенограмму доклада. Стенограмму прений предполагалось отправить на другой день. Девушки-машинистки из комнаты, называвшейся «ремингтоновской», заваленной черновиками и перепиской, попросились отдохнуть.

Прошло еще немало дней, пока в ИККИ был окончательно сформулирован и принят важный документ.

В июне в печати появилась резолюция Исполкома Коминтерна по японскому вопросу, известная как «Тезисы 1927 года». Документу была уготована важная роль в развитии Компартии Японии на подлинно классовых, марксистско-ленинских позициях.

В Профинтерне еще весь июнь дорабатывали свой соответствующий документ, основанный на «Тезисах...» ИККИ. Почти через 50 лет автору этой книги показали сохранившийся черновой вариант документа. Без особого труда можно было опознать в многочисленных вставках руку Янсона-Ямото.

...Отдел международных связей Профинтерна получил записку от 29 июня с просьбой выслать в Японию по запросу Исследовательского института промышленных рабочих (Industrial and Labour Research Institute) все возможные издания Профинтерна. Записку подписали: «С коммприветом Sen Katayama, К. Э. Джонсон».

В отделе кто-то заметил:

— Давно Карл Эрнестович не подписывался как Джонсон. Не возвращается ли он окончательно на Солянку?

Примерно через две недели из Дворца труда пошла во Владивосток срочная телеграмма: заказать место в гостинице, приготовить для заграницы 350 долларов. Подписал телеграмму К. Джонсон, у которого в кармане уже лежали «червонцы» и рубли. Был принят маршрут до Нагасаки: через Циндао, Корею (а не через Шанхай, где к этому времени по причине предательства гоминьдана было уже небезопасно).

«Ямото, вернемся-ка на боевой пост!» — сказал себе тогда Янсон.

Но в настоящей борьбе происходят такие повороты, о которых вчера, возможно, еще и не думали. Во всяком случае, солдаты об этом узнают не сразу.

Янсон во Владивосток не выехал. Туда была дана «отбойная» телеграмма.

Карл навсегда распрощался с Ямото. Добрым, нетребовательным, много давшим ему, Карлу, в трудные минуты жизни и борьбы. Ямото была всего лишь кличка, но они расстались как старые товарищи-бойцы... Однако Ямото не умер. Оставалась Япония, бо-

Амалия Кавалере (сидит в центре) — сестра Карла Янсона. Преследовалась царским правительством, была в ссылке (фото 30-х годов)

Анна Янсон — супруга Карла Янсона (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС)

Карл Кавалериес — племянник Карла Янсона, коммунист, участник революционной борьбы в буржуазной Латвии, участник Великой Отечественной войны

Карл Янсон и его брат со своими женами (фото конца 20-х годов)

ровшаяся за труд, за дружбу с СССР, за счастье рядового человека. Значит, оставался и Ямото, влюбленный в японский народ с его недюжинными талантами.

На работу в Профинтерн Янсон не вернулся. Его кабинет какое-то время пустовал, потом его заняли другие; повесили на дверях табличку. Карл и Анце освободили и свой «люкс» на Тверской...

ДНИ И НОЧИ ШАНХАЯ

Ему не советовали ехать по Китаю казенными железными дорогами — беспорядок, грязь, пассажир никогда не знает даже примерного времени прибытия на свою станцию. Все это — следствие войны и анархии, насажденной милитаристскими генералами, военными кликами, оспаривавшими в Китае власть друг у друга, за спинами которых действовали крупные империалистические державы. Рекомендовали частные дороги, на которых за деньги все же можно было купить какую-то гарантию безопасности. А это чрезвычайно важно для Чарли, ибо в Шанхае его ждали живым.

Южно-Маньчжурская железная дорога — частная дорога, она обеспечивала комфорт. Чарли с супругой сели в спальный вагон. Суетливый проводник-китаец сразу же принес новое кимоно, неношеные туфли, пахнущее свежестью постельное белье. В купе не было душно, работал электровентилятор — тогда новинка, пришедшая из Европы.

Чарли всматривался в мир, пробегавший за окном. На стоянках иногда выходил на перрон. На вокзалах всюду были шумные толпы торговцев, зазывал из гостиниц, много женщин и девушек с небрежно перевязанными вещами, тюками. Можно было увидеть и самоуверенных иностранных миссионеров — французов, англичан, американцев, итальянцев, немцев.

В соседнем купе ехал сановитый китаец в ярко блестящем атласном облачении. Это была своеобразная куртка с цельнокроеными рукавами, высоким воротом и с застежкой посередине, однако без петель и пуговиц, а на ловко переплетенных, удобных, как заметил Чарли, шнурках. Как он узнал позже, в такой «курме» в бедном Китае ходили немногие.

В коридоре вагона Чарли и важный сановник вначале обменивались взглядами, затем они разговорились. Китаец знал немного английский...

Страну, народ, а тем более великий народ, надо изучать серьезно и тщательно, вплоть до деталей, использовать даже толчею вокзалов, знать и быт простых людей, и нравы высшего общества.

В период с апреля по июль 1927 года выявился кризис китайской революции, и она потерпела поражение: Чан Кайши совер-

шил контрреволюционный переворот. Это предательство подорвало силы революции, а разгул кровавого террора гоминьдана усугубил тяжесть положения. Многие советские товарищи, ранее приглашенные в Китай как советники, должны были возвратиться на родину.

Из Китая уехал В. К. Блюхер (Галин) — главный военный советник Национально-революционной армии Китая в Гуандуне. Покинул Китай главный политический советник при Сунь Ятсене М. М. Бородин. Отзывались и другие советники по 58 разным специальностям, которые работали, в частности, в Южном Китае к апрелю 1926 года.

В апреле 1927 года было разгромлено советское консульство в Пекине. Разгром консульства в Кантоне сопровождался убийствами советских работников. Всю мировую печать тогда облетело тревожное сообщение: советский пароход «Память Ленина» был остановлен на Янцзы, команда арестована и брошена в тюрьму. Пароход позднее был затоплен.

Чанкайшистские генералы, расправлявшиеся с коммунистами и левыми гоминьдановцами, даже нередко появлялись на улицах в сопровождении палачей с большими обоюдоострыми мечами.

Позднее в истории будет засвидетельствовано, что после переворота в результате репрессий состав КПК сократился с 50 до 10 тысяч, а с 1927 по 1935 год эти потери стали еще бóльшими; гоминьдановцы не щадили даже рабочих-некоммунистов, если они были членами «красных» профсоюзов.

Незадолго до событий 1927 года рабочее движение в Центральном Китае переживало бурный подъем, хотя при этом имело и слабости. Его центрами были Ухань и Шанхай. Правда, стихийный элемент в рабочем движении если не преобладал, то весьма сильно ощущался. Профсоюзы охватывали преимущественно малоквалифицированных промышленных (текстильщики, табачники и т. д.) и непромышленных рабочих, ремесленников, рикш, кули, приказчиков. Влияние партии и профсоюзов среди наиболее квалифицированных слоев промышленного пролетариата было слабым. Для рабочего движения Центрального Китая были характерны распыленность профсоюзов, конфликты и борьба между ними, нехватка руководящих кадров, оторванность руководства от масс. Коммунистическая партия стояла во главе борьбы пролетариата, но, как и в деревне, явно не поспевала за темпом и размахом массового движения.

После переворота усложнилась и деятельность профсоюзов, появились новые, небывалые трудности.

Гоминьдановцы хорошо понимали, что с помощью одного террора им не справиться с рабочими, а тем более с коммунистами. Чтобы ослабить рабочий класс, гоминьдановцы, отказавшись от мысли разогнать профсоюзы (хотя в их арсенале борьбы был и

этот метод — он применялся по отношению к «красным» профсоюзам), пошли по линии подчинения профсоюзов своему руководству, «узаконения» профсоюзов. В 1929 году были приняты гоминьдановские законы о профсоюзах, проект фабричного закона, в следующем году — закон об урегулировании конфликтов между трудом и капиталом, закон о коллективных договорах.

Подобная «социальная политика» контрреволюционного гоминьдана в городах на первый взгляд выглядела довольно прогрессивной, пока дело не дошло до ее практического применения. После опубликования «разъяснений законов» их показной блеск сразу померк.

Профсоюзы разрешалось создавать лишь там, где было не менее ста рабочих. Тем самым рабочие мелких предприятий, а их в Китае были десятки тысяч, теряли права на объединение в профсоюзы. Запрещались профсоюзы среди рабочих и служащих правительственных организаций, государственных предприятий, в военной промышленности, на транспорте, среди коммунальных рабочих, учителей. Устав профсоюза и любые соглашения с предпринимателями подлежали утверждению властями, которым, кроме того, надо было представлять списки членов профсоюза с их фотографиями. Повестку дня собраний надлежало согласовывать с властями, а проводить их — только в присутствии представителя властей. Запрещалось объединение профсоюзных организаций, а тем более создание общенациональных объединений. Всекитайская федерация труда (ВФТ) объявлялась, таким образом, незаконной. Кроме того, властям предоставлялось право изменять и эти положения, если требовали «местные условия», «обстановка».

Гоминьдановские власти настойчиво насаждали так называемые государственные профсоюзы, которые, по мысли их организаторов, должны были полностью находиться под руководством властей. В отношении реформистских профсоюзов, а их (в частности, в Шанхае) было немало, которые выступали с умеренными требованиями и вели «разумную политику», гоминьдановцы проявляли достаточную терпимость.

Одной из первых задач гоминьдановцев была ликвидация коммунистов в каких бы то ни было профсоюзах. Тут уж власти не гнушались и секирой палача, а для оправдания пускалась в ход оголтелая демагогия. В каждом своем воззвании они обрушивали на коммунистов потоки клеветы, а затем назойливо и цинично повторяли вопрос: «Так стоит или не стоит убивать коммунистов?».

...Коммунист из России — Чарлз — отправился в это время в Китай. В Шанхай. Туда, где опаснее всего.

Надо было помочь китайским коммунистам, сознательным китайским рабочим собраться с силами, помочь объединить рабочий класс, оставшийся верным революции, чтобы он мог дать отпор политике и тактике контрреволюционного гоминьдана. Надо было

определить правильную линию действий ВФТ, сделать ее способной осуществить свои задачи в китайской революции. Чарли должен был помочь в выработке документов, с которыми Федерация обращалась к профсоюзным массам, воззваний, в марксистско-ленинской оценке ситуации.

Друзья, хорошо его знавшие, говорили, что он в нелегальных условиях ориентируется чуть ли не лучше, чем в открытой борьбе. Анце подшучивала над мужем: неудавшийся дипломат. Чарли не спорил: претензий ему не высказывали, но, возможно, и впрямь та работа была не по нему, она требовала много джентльменства в этом трудном, кровью залитом мире...

Другой, более конкретной задачей и, конечно, тесно связанной со всеми перипетиями китайской революции, была работа в Тихоокеанском секретариате профсоюзов (ТОС).

История появления ТОС — это звено в активной борьбе против империализма. Еще в 1922 году австралийская делегация, участвовавшая во II конгрессе Профинтерна, предложила созвать Тихоокеанскую конференцию профсоюзов как одно из средств борьбы с готовившейся тогда агрессией Японии против Советской России. Были намечены вопросы для обсуждения — поддержка китайской революции, протест против интервенции в Китае, борьба с опасностью войны на Тихом океане и другие.

Практическая возможность созвать Тихоокеанскую конференцию профсоюзов появилась в 1927 году. Местом ее созыва был определен Китай — Кантон (Гуанчжоу), куда 14 апреля 1927 года и прибыла советская профсоюзная делегация во главе с С. А. Лозовским. Но за день до этого генерал Ли Цзишень произвел в Кантоне контрреволюционный переворот. С. А. Лозовский в связи с этим рассказывал: «В день нашего приезда уже шли массовые аресты, многие профсоюзы были окружены. Железнодорожники оказали вооруженное сопротивление, и среди них было много жертв. На другой день город, обычно оживленный, казался безмолвным и безлюдным. Слышны были только звуки военных рожков. По улицам под конвоем вели связанных рабочих. Кантон был оккупирован войсками и полицией, аресты и облавы не прекращались. Было арестовано более двух тысяч человек, расстреляно несколько сотен коммунистов. Прошла волна арестов и в Университете имени Сунь Ятсена. Разгромили академию Вампу.

...В городе висели плакаты с лозунгами: «Долой коммунистическую партию Китая!», «Долой уханьское правительство!», «Да здравствует Чан Кайши!».

...В такой обстановке,— продолжал Лозовский,— о работе конференции в Кантоне не могло быть и речи».

Лозовский и несколько других делегатов из СССР отправились из Гуанчжоу через Гонконг в Ухань, точнее — в Ханькоу, куда была перенесена конференция. Два других советских делегата

(Королев и Марков) попытались добраться в Ухань через Шанхай, они сели на пароход в Кантоне. Но в Шанхае на борт поднялся английский офицер и запретил им сходить на берег. А в подкрепление этого запрета на советский пароход «Ставрополь» были наведены пулеметы с военного катера. Ночью военные суда держали корабль под мощными лучами прожекторов. Королев и Марков вернулись во Владивосток. Не попали на конференцию и делегаты некоторых других стран.

Несмотря на разгул контрреволюционного террора, бешеное сопротивление и угрозы милитаристов и колониальных сил, делегации ряда государств — Англии, Австралии, США, Франции, Индонезии, Кореи, Японии — собрались в Ханькоу. Они представляли четырнадцать с половиной миллионов организованных рабочих.

20—26 мая 1927 года в Ханькоу и состоялась первая, учредительная конференция революционных профсоюзов стран Тихого океана, которые стремились к объединению усилий в борьбе против капиталистического гнета, против эксплуататорской политики великих колониальных держав, за национальную независимость и свободу. Были определены главные задачи профсоюзов стран Тихого океана — борьба против угрозы новой войны, против расовых предрассудков, помощь угнетенным народам, борющимся против империализма. Относительно задач китайских профсоюзов был принят специальный манифест.

Конференция сформировала руководящий центр ТОС, приняла решение издавать журнал «Тихоокеанский рабочий» на английском языке.

Несмотря на все трудности, Секретариат ТОС осел в чрезвычайно неспокойном Шанхае. Неспокойном, но с большими преимуществами. Шанхай — крупный рабочий центр, географически удобный пункт для координации совместных усилий профсоюзов стран Тихого океана. Но по мере нажима контрреволюции, усиления волны убийств, открытых казней коммунистов, активных беспартийных рабочих ТОС пришлось фактически перейти на нелегальное положение.

...Центральный отель в Пекине под названием «Paradise» («Рай») сиял россыпью огней. Это был самый шикарный отель в городе: крыша-сад, лучший оркестр из русских эмигрантов. По вечерам здесь собирались сливки общества, преуспевающие пекинцы, иностранцы. Пили виски с содовой водой, лимонад, тянули через соломинку кофе-гляссе.

Чарли и Анце разглядывали эту пеструю толпу, похожую на скопление ночных бабочек у огня. Ужин подали им обильный. В Китае обед и ужин у состоятельных людей — это не меньше 10—11 блюд. Принесли сладкую рыбу с хрустящей корочкой, жирную свинину, наконец, излюбленное китайское блюдо — курицу с перцем, утку по-пекински. Чарли орудовал за столом умело, как ис-

тый гурман. Анце следовала примеру своего мужа. Никто не должен был заподозрить, что такой обильный ужин для них необычен.

По-немецки Чарли говорил с заметным акцентом, английская его речь тоже была далека от совершенства. Но ему повезло: китаец-официант владел и тем и другим языком еще слабее. Карл небрежно бросил салфетку на стол, оставив официанту сдачу.

Спустя несколько дней Чарли и Анце сошли с английского парохода, курсировавшего по Янцзы, в Шанхае.

...Чарли побывал во многих городах мира — больших и малых, красочных и серых, строгих и безалаберных, и все же был поражен калейдоскопичностью Шанхая. Широкая река Хуанпуцзян — приток могучей Янцзы, впадающий в ее устье,— делила город на две части, но и объединяла его в единый многомиллионный конгломерат. Причалам порта, казалось, нет конца... Шанхайский порт принимал ежедневно до ста океанских судов. На правом берегу Хуанпуцзян дымили трубы фабрик и заводов, на левом громоздились бесконечные склады, всякие хозяйственные пристройки. Город шумел, грохотал и вопил: трамваи, автобусы, автомашины, мотоциклы, велосипеды, рикши-тачечники и рикши-извозчики. И все были готовы куда-то везти. (Только не следовало путать трамваи белого цвета и зеленого, белый — для европейцев, зеленый — для китайцев.) Медленно в этой массе тянулись грузовые повозки, запряженные мужчинами, женщинами и детьми... Богатые торговцы всех рас и наций передвигались на автомобилях, часто в шикарных пролетках с собственными лошадьми. Пролетки тогда были в моде. Пролеткам спешили освободить проезд, и всякий замешкавшийся рикша немедленно получал удар полицейской дубинкой.

Китайские кварталы поражали скученностью, шумом и суетой. Жизнь шла не только в домах, но и на улицах и тротуарах. Приходилось лавировать среди китайцев-ремесленников, мастеровых, различных умельцев, которые располагались тут же на улице со всем своим инструментом, материалом, готовыми изделиями.

Главная улица международного сеттльмента — Нанкин-роуд — тянулась от набережной на запад и выглядела как часть Западной Европы, каким-то чудом оказавшаяся здесь. Европейские дома, красивые магазины и рестораны. Далее располагались добротные европейские и китайские особняки с прочными кирпичными заборами, зелеными лужайками и цветниками. Все дышало здесь покоем, жизнь была размеренной и спокойной. Никто не спешил, и полицейские прогуливались, вовсе не намереваясь пускать в ход свою дубинку...

Было так тихо и спокойно, что даже не верилось — неужели в этом городе ведется настоящая охота за коммунистами, неужели ежедневно проливается кровь лучших сынов китайского народа?

Чарли застал борющийся пролетариат Шанхая в тяжелом положении. Казни и убийства продолжались. Власти громили «красные» профсоюзы. Все время кого-то искали, хватали, расстреливали... Но искоренить «зло» чанкайшисты не могли, несмотря на все свои усилия, круглосуточные бдения, шныряние шпионов, ищеек, провокаторов. В профсоюзах Шанхая тайно печатали и распространяли листовки, из уст в уста передавали призывы усилить борьбу против контрреволюции, предателей типа Чан Кайши.

Чарли пришлось снова взяться за трудную и тонкую конспиративную деятельность.

В 1932 году немецкий коммунист-интернационалист, военный советник Коминтерна при ЦК КПК О. Браун прибыл в Шанхай с австрийским паспортом в кармане. «В Шанхае я сначала остановился в «Астор-хауз» — гостинице для иностранцев, выдержанной в старом английском колониальном стиле. Через несколько недель обосновался в Американском пансионе. Это обеспечило мне общественное положение, необходимое для свободного, не вызывающего подозрений передвижения, поскольку, в отличие от других иностранцев, я не открыл собственного дела и вообще не имел определенных занятий... Иностранцы забавлялись игрой в поло, собачьими гонками, кутили в бесчисленных ночных барах, дансингах и портовых кабачках»[1]. Но белый террор, отмечает Браун, вынуждал строго соблюдать все правила конспирации. «Правда, мы, некитайцы, могли встречаться сравнительно безопасно, так как у нас были «чистые» паспорта и жили мы на территории «международного сеттльмента» или «французской концессии». Однако нужно было соблюдать необходимую предосторожность: открыто общаться только с иностранцами, посещать время от времени какой-нибудь клуб и вообще вести себя как можно незаметнее... Мы регулярно (обычно раз в неделю) посещали ЦК, который находился в новом жилом квартале и, разумеется, был тщательно законспирирован. В конспиративный дом ЦК разрешалось входить только по условному знаку (например, лампа, стоящая на одном из окон, или приподнятая штора в освещенной комнате и т. п.)»[2].

Чарли вначале своего «дела» в Шанхае не завел. Он выбрал иной способ конспирации, подсказанный опытом и революционным инстинктом: изображал пресыщенного европейца, каких здесь немало, прибывшего сюда в поисках экзотики. Утро начиналось со знакомства со свежими газетами, журналами. Это были в основном издания на английском языке: американская «Чайна пресс», оплачиваемая японцами, «Шанхай таймс», деловые — «Кэпитэл энд трейд», «Чайна уикли ревью» (все они печатались в Шанхае). Заглядывал он и в русские белогвардейские газеты, такие, как

[1] *Браун О.* Китайские записки. М., 1974, с. 8.
[2] Там же, с. 10.

«Шанхайская заря», «Россия». Последняя несла неудержимую антисоветчину.

Что печаталось в китайских газетах, Чарли узнавал в основном от местных товарищей при встречах.

У Анны Карловны по утрам были свои дела — она любила спокойно погулять, и муж ее таким образом узнавал, что происходило в городе, за стенами их жилья.

Первые контакты у Чарли установились с Су, чье полное имя было Су Чжаочжен. Су в это время раздваивался между Ханькоу и Шанхаем, искусно минуя гоминьдановские заслоны и умело избегая других опасностей и встреч с агентами, которые его искали в главных городах Китая, ибо хорошо знали, что этот человек всегда там, где коммунистам грозит наибольшая опасность.

Су был худ, его заостренные скулы и впалые щеки обтягивала болезненно серая кожа. Но он поражал своей энергией, подвижностью — казалось, его никогда не брал сон, он был постоянно на ногах.

До того как Су стал руководителем Тихоокеанского секретариата профсоюзов (с мая 1927 года), а еще ранее — председателем ВФТ (с 1926 года) и членом Политбюро ЦК КПК (с августовской конференции 1927 года) и побывал министром труда в Уханьском правительстве, он провел длительные годы в тяжелом изнурительном труде, жестоких лишениях.

Су более 20 лет проплавал матросом, нанявшись еще мальчишкой на океанский пароход. Плату он получал нищенскую. Китайскому моряку, как правило, платили в пять раз меньше, чем моряку белому. После тяжелейшего рабочего дня он валился без сил на узкую койку в каюте на двоих, куда хозяева напихивали по шесть-семь матросов. Су перевидел много земель и стран — от Индокитая до Южной Америки, побывал в Европе и Австралии, был в Канаде и Индонезии и убедился, что хотя мир и велик и живут в нем люди разного цвета кожи, говорящие на разных языках, но судьба многих миллионов одинакова: жестокая эксплуатация и гнет, горе и страдания. Он научился немного английскому.

В 1922 году Су стал одним из руководителей знаменитой забастовки моряков в Гонконге. Его товарищ Дэн Джунся писал о нем: «Среди китайских моряков он пользовался большой личной популярностью задолго до того, как он стал популярнейшим рабочим вождем».

Су уже тогда хорошо разбирался в отношениях классов. Знал, что в Китае имеется коммунистическая партия. Рассказывали, что однажды в Гонконге он обегал весь город в поисках этой партии. Примерно в 1925 году он оформил свое пребывание в коммунистической партии.

Чарли и Су сразу же сблизились, и их отношения вскоре переросли в дружбу. Они хорошо понимали друг друга — два моряка-

пролетария, два человека одной судьбы. Говорили они между собой по-английски, и лишь тогда приходилось прибегать к помощи переводчика, когда Су хотел точно сформулировать свои мысли.

Су с большим вниманием выслушивал советы Чарли, а перед отправкой бумаг в Профинтерн он показывал их и вместе с ним в случае надобности дорабатывал документы. Су отправил в Профинтерн принятую в Шанхае резолюцию «Общие предстоящие задачи Всекитайской федерации труда» и сообщил о тяжелом положении в Китае.

Поражение революции в 1927 году вообще привело в конце года к временному спаду политической активности рабочего класса и крестьянства Китая. Когда в последние месяцы года были предприняты попытки провести восстания небольшими силами — они вспыхнули в Ханькоу, Уси, Чанша, Кайфыне и ряде уездных центров,— то все они закончились поражением. Наиболее значительным вооруженным выступлением явилось восстание в Гуанчжоу (Кантонская, или Гуанчжоуская, коммуна) в декабре 1927 года. Милитаристские генералы при прямой помощи империалистических держав (англичане, например, высадили в Гуанчжоу десант, а японские канонерки обстреливали баррикады восставших) потопили в крови Кантонскую коммуну. Было убито более 6 тысяч рабочих. Милитаристы разгромили тогда советское консульство в Кантоне и расстреляли его сотрудников.

Это была неравная борьба, хотя она и говорила о высоких боевых качествах революционных рабочих, решимости коммунистов. Но в то же время путчистский характер повстанческой тактики КПК был связан, как отмечается в научной литературе (например, в книге «Коминтерн и Восток», с. 314), также с неверной оценкой момента как «продолжения революционного подъема» и «непосредственной революционной ситуации», которая нашла отражение в решениях чрезвычайного совещания ЦК КПК от 7 августа 1927 года и особенно в «Политической резолюции» ноябрьского (1927 года) пленума ЦК.

Спад революционной волны продолжался.

Но вернемся к Кантонской коммуне, к которой Су и Чарли имели прямое отношение. Су в момент восстания находился в Ханькоу, где выполнял работу партийного центра, но восставшие председателем Коммуны избрали именно Су, одного из самых популярных своих руководителей. Дэн Чжунся писал, что после победы Кантонской коммуны «крестьяне не делали различия между словами «Су Чжаочжен» и «Су Вейай» (китайское название Советов), но при этом твердо знали, что со словом «Су» связано их полное освобождение».

Чарли прибыл в Китай, по его же сведениям, в конце 1927 года и еще успел проделать некоторую работу для Южного Китая, где важнейшей опорой китайской революции оставался Кантон.

Член партии с 1903 года А. П. Каспарсон, участник III конгресса Коминтерна и I конгресса Профинтерна, говорил (а потом и письменно сообщил) автору этой книги в июне 1972 года, что Чарли оказал значительную помощь китайским революционерам в Кантоне: «Он многое сделал (знаю по рассказам) для осуществления связи с Южным Китаем. То ли с его слов, то ли со слов его товарищей — не помню точно — мне стало известно, что он помогал снабжать Южный Китай, в частности Кантон, оружием, другими материалами. Вел пропагандистскую работу».

В оружейных магазинах Шанхая, Пекина, Нанкина, Кантона оружие продавалось свободно. Оно довольно свободно ввозилось из-за границы, его надо было только как-нибудь прикрыть другим товаром. А если таможенные власти вдруг обнаруживали груз оружия, то это обычно кончалось штрафом.

Для Чарли было бы неестественно не использовать свои возможности ради интернациональной солидарности с китайскими товарищами, коммунистами.

В назначенное время Чарли встречался с людьми Су или с ним самим. Встречи чаще всего заканчивались тем, что Чарли брал некоторые материалы для обработки домой. При этом рисковали и китайские товарищи, и Чарли. Но разве бывает подполье без риска!

Материалы дорабатывались на английском языке, и перед их отправкой в Профинтерн Чарли часто что-нибудь надписывал своей рукой, например: «Shanghai, March, 1928» («Шанхай, март 1928»), что следовало понимать: жив, здоров, действую. Никакой необходимости не было писать отдельные письма. Между ним и Су установилось полное доверие, а дело Всекитайской федерации труда стало и его делом.

Весной 1928 года Су отправился в Москву, о чем уже давно мечтал. Все, кто знали о предстоящей поездке, давали ему разумные советы, например ничего не брать с собой: ведь если вдруг у него обнаружат доказательства его причастности к компартии, профсоюзам, Профинтерну, он рискует жизнью. Су и Чарли проследили по карте путь к Москве.

— Выходит, что я буду возле твоей земли и твоего моря, Чарли? — спросил Су.— Вот твоя Латвия... А знаешь,— продолжал он,— когда освобожусь, выучу латышский язык, и тогда мы поедем с тобой туда участвовать в революции. Но сперва я доведу революцию в Китае до конца!

Су беззаботно шутил, словно не ему предстоял трудный, опасный путь. Он уже давно привык бросать вызов судьбе.

Тянулись томительные дни ожиданий. Москва должна была сообщить о его прибытии...

Заросший, почти неузнаваемый, добрался Су до Москвы. Явившись в Профинтерн, упрямый Су вывернул свои карманы и до-

стал оттуда большую пачку бумаг на английском и китайском языках, а объяснил все так: «Если бы я не взял эти материалы с собой, они бы опоздали на 2—3 недели, а может, и на целый месяц».

С тех пор прошло немало времени, но этот случай не забыли, и Чарли пришлось выслушать резкие упреки: как он мог допустить, чтобы Су лично возил такие материалы!

Чарли упорно продолжал свою работу в Шанхае. Трудился, как кули, часто не зная, день за окном или ночь. А выглядеть всегда надо было отдохнувшим, беззаботным, как положено иностранцу, который в праздности коротает время. После отъезда Су — председателя ТОС — нагрузка у Чарли значительно увеличилась. Не было на месте и секретаря ТОС американца Браудера: с тех пор как здесь воцарилась контрреволюция, его вообще в Шанхае не видели. Неспроста спустя несколько лет Чарли писал в своей автобиографии, что «работал как секретарь (генсек) ТОС в Шанхае». Вся черновая работа над документами по-прежнему оставалась за ним. И он ее не чурался. Наоборот, гордился, когда своими усилиями мог двигать вперед общее дело.

В связи с обострением кризиса китайской революции Чарли, используя все свои полномочия, принимает необходимые меры для укрепления ТОС, что означало и укрепление ВФТ. В условиях контрреволюционного наступления гоминьдана ТОС, как отметил позже Чарли, «вынужден был отчасти отказаться от легальных методов работы». Подводя итоги сделанному, он писал в 1929 году: «Перед ТОС стояла задача организации отпора наступлению реакции. На пленуме, состоявшемся вскоре после разгрома кантонского восстания, был выработан ряд мероприятий поддержки китайской революции. ТОС оказал всемерное содействие происходившему в феврале 1928 года съезду Всекитайской федерации труда».

В феврале 1928 года в Шанхае состоялся второй пленум ТОС, на котором была оказана поддержка китайским профсоюзам в их борьбе против правых (те требовали ликвидации революционных профсоюзов и признания только профсоюзов гоминьдановских) и против ультралевых, «путчистов». Кстати, на втором пленуме ТОС впервые участвовали делегаты от профсоюзов Австралии и Филиппин.

7 мая 1928 года, уже будучи в Москве, Су в письме к Исполкому Профинтерна сообщал о положении в Китае: «Казни и разгромы происходят почти каждый день... Несмотря на жесточайшую реакцию после гоминьдановского переворота кит[айские] профсоюзы сумели не только сохранить свое влияние среди широких пролетарских масс, но и мобилизовать последних вокруг лозунга «Советов» и вести их на вооруженное восстание (Кантон)».

Что касается влияния, то это было преувеличением. В КПК многие страдали неумением реально оценить политическую ситуацию. Однако китайские коммунисты, сознательные рабочие,

безусловно, вели упорную борьбу с контрреволюцией за права трудящихся. И сюда немалую толику своего труда вкладывал и Чарли.

В архиве остались материалы, которые сохранили следы черновой работы Чарли. Резюме письма ВФТ в Профинтерн от 27 июня 1928 года, письмо в Москву из Шанхая от 21 декабря того же года поправлены рукой Чарли. В январе — феврале 1928 года Чарли много работал над текстом «Общей программы профсоюзного движения в провинции Чжили и для района Пекина», а в октябре он участвовал в разработке конкретной программы для рабочего движения в Хэнани.

Чарли тщательно изучал опыт революционного движения рабочих масс в Китае. Он понимал, что это доля опыта мирового рабочего движения: ведь рабочий класс любой страны вносит свой капитал в дело международного рабочего движения.

В этом аспекте Чарли интересовала борьба трамвайщиков, общая забастовка учителей в Нанкине, деятельность профсоюзов в Шанхае, положение рабочих и профсоюзное движение в Юньнани. В конце 1928 года он завершил обзор и анализ деятельности Всекитайской федерации железнодорожников, используя материалы событий в октябре и ноябре.

Особый интерес Чарли проявил к борьбе китайских моряков. Это была значительная часть рабочего класса, пожалуй наиболее эксплуатируемая и наиболее распыленная и поэтому трудно поддающаяся организации. А в то же время опыт борьбы китайских моряков за улучшение экономического положения и за политические права был применим к условиям тысяч и тысяч моряков других стран Тихого океана, а потому имел особое значение для ТОС.

На отчете Федерации шанхайских моряков, над которым Чарли работал совместно с китайскими товарищами, посланном в Профинтерн, написано: «Please give a copy to Achkanof, Yamagata» («Прошу передать по экземпляру Ачканову, Ямагате») [1].

Китайские товарищи использовали пребывание Чарли в Шанхае, чтобы некоторые наиболее важные документы выносить на международную арену, доводить до сознания самых широких масс. Так было, в частности, с воззванием ВФТ «Долой японский империализм и его приспешников», подписанным 9 мая 1928 года в Шанхае председателем Федерации Су Чжаочженом и руководством ТОС.

В Москве воззвание было получено 12 июня и сразу же передано для опубликования в прессе Профинтерна и в советской прессе.

Когда же на заседании Исполбюро Профинтерна 11 декабря 1928 года была принята резолюция «О желтых профсоюзах в Ки-

[1] Ачканов ведал в Профинтерне проблемами борьбы моряков за свои права; Ямагата — представитель Японии в Профинтерне.

тае», то ее сразу же направили Чарли в Шанхай для доведения до сведения китайских товарищей.

В конце 1928 года понадобилось провести еще один пленум ТОС, третий по счету. С большими предосторожностями, придерживаясь тщательной конспирации, собирались представители в Шанхае. Ожидали приезда Масаноскэ Ватанабэ, который стал выдающимся руководителем японского рабочего движения, лидером тогда еще молодой Коммунистической партии Японии.

Годом раньше Ватанабэ ездил в Советский Союз, был в столице первой рабочей республики и вынес оттуда не только богатые впечатления, но и более глубокое понимание законов борьбы, которой он посвятил себя. Теперь Ватанабэ стал уделять больше внимания интернациональному союзу революционного пролетариата на Востоке. Он стал чаще появляться в Китае.

То, что случилось в начале октября, Чарли узнал ранним утром, когда они с Анце пили чай в крохотной чайной под легким абажуром из бамбуковых палочек и он просматривал свежие газеты. Ссылаясь на японские сообщения, утренняя газета утверждала, что в Шанхае схвачен и ликвидирован опаснейший преступник... Ватанабэ. У Чарли замерло сердце, но не дрогнул на лице ни один мускул. Он спокойно сказал:

— Прочти, дорогая, сообщение из Японии. В каком ужасном городе мы живем...

Рядом за столиком сидели другие посетители-иностранцы, и в этом привилегированном обществе было не принято проявлять свои чувства...

Да, Ватанабэ был убит японской полицией, которая его выследила. Убит, как потом выяснилось, не в Шанхае, а в тайваньском порту Килун (Цзилун), почти у цели своей поездки на пленум.

Чарли забеспокоился о других товарищах, которые вот-вот должны были прибыть в Шанхай. Как бы с ними не случилось чего-нибудь подобного... Неужели полиция и власти пронюхали о намерениях ТОС собрать людей в Шанхае?

Но, судя по всему, ничто пока не говорило о непосредственной опасности. Да, Ватанабэ зверски убит, но известно ли, зачем этот коммунист ехал сюда? Будь им известно, они скорее всего стали бы выслеживать, чтобы напасть на след «сообщников».

27—28 октября в Шанхае состоялся пленум ТОС.

Вопросы обсуждались по-деловому. Постановили усилить борьбу с международным реформизмом, который запустил свои щупальца и в революционное движение стран, прилегающих к Тихому океану. Из конкретных вопросов обсуждалось, как помочь индийским профсоюзам, с которыми у ТОС нет даже постоянной связи. Решили послать в Индию австралийского делегата Райяна, чтобы он принял участие в VIII Всеиндийском конгрессе профсоюзов, намеченном на декабрь 1928 года.

Во время поисков материалов о Чарли в одном архиве автору попался небольшой лист бумаги, на котором кто-то отметил некоторые годы, имена и страны, относящиеся к биографии Чарли. К отрывочной фразе: «Джонсон К. Э.— 1929 года в Москве» — в скобках добавлено: «Был в Индии». И больше ничего! Ни в одной автобиографии сам Чарли ничего об Индии не писал. В собранных воспоминаниях также никто не упоминал о такой поездке Чарли.

Но откуда же такая заметка?

В самом начале 30-х годов Чарли на вопрос одной анкеты — какие он знает страны? — впервые написал: «Дальневосточные страны, включая Индию». Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что почти сразу же по возвращении из Китая в Москву он пишет специально об Индии две статьи — «В полосе подъема» и «В Индии нет больше иллюзий», помещая их в августовских номерах владивостокской газеты «Красное знамя». В 1930 году в номере издания «Тихоокеанский рабочий» (на японском языке) он печатает статью «Классовые бои в Индии». А на VIII сессии Центрального Совета Профинтерна (1932 год) он выступает с речью «Революционное профдвижение в Индии».

Всю жизнь Чарли писал только о том, что знал из личного опыта, он пользовался, как правило, материалами из первых рук. Поэтому все сказанное нельзя считать случайными фактами в жизни Джонсона.

Пока не удалось установить время поездки Чарли в Индию. В архивном документе пребывание Джонсона в Индии датировано 1929 годом. По найденным бумагам установлено, что в январе 1929 года Чарли еще был в Шанхае, потом его след теряется до конца апреля...

Английские колонизаторы ревниво охраняли Индию от «коммунистического влияния», в том числе и Профинтерна. Еще в 1927 году индийские революционные профсоюзы попытались послать в Ханькоу на I Тихоокеанскую конференцию профсоюзов двух своих делегатов, но их не выпустили из Индии. После этого в начале 1928 года руководящий центр тихоокеанских профсоюзов, теперь уже ТОС, предпринял попытку послать своего представителя в Индию, чтобы установить более тесные контакты с ее профсоюзами, искавшими этих контактов. Но английские власти были начеку: представитель ТОС так и не увидел Индии, ему категорически отказали во въезде.

Райян сумел выполнить поручение пленума ТОС, он все же попал в Индию, и это было оценено на V конгрессе Профинтерна (1930 год) как первое крупное наступление ТОС на противников революционных профсоюзов в Индии. Райян участвовал в съезде профсоюзов в Джарии в 1928 году и привез в ТОС некоторую информацию.

Однако оставалась потребность подробно ознакомиться на месте с положением дел и оказать товарищам в Индии возможную помощь. Это было бы ответом на устремленность многих членов индийских профсоюзов, пришедших к убеждению о необходимости объединения сил профсоюзных федераций на Тихом океане и считавших, что этой цели лучше всего может служить ТОС, влияние которого в странах Тихого океана все росло.

Кроме того, уже началась подготовка ко второму конгрессу ТОС, и представительство индийских профсоюзов на этом конгрессе могло обозначать их присоединение к ТОС, что было бы существенным шагом вперед. Именно теперь следовало ковать железо, пока оно горячо.

Поездка генсека ТОС — Чарли — в Индию была бы веским доказательством, что ее рабочему движению придается большое значение в организации интернациональной классовой борьбы, и, кроме того, возможно, на месте удалось бы решить некоторые сложные идеологические и практические вопросы.

По мнению самого Чарли, эта его поездка была кстати и с другой точки зрения. Долгое пребывание в одном городе без видимых занятий могло вызвать у властей подозрение. Поэтому было решено открыть «дело». Власти подписали лицензию, и респектабельный коммерческий офис стал функционировать.

Теперь утро начиналось с того, что Чарли появлялся в своем офисе прекрасно одетый, говорил со своими клиентами по-английски, с приятным акцентом. Дела предприятия быстро пошли в гору, оно стало приносить прибыль. Нужные люди из Америки, Австралии, Филиппин приезжали под видом агентов офиса.

В этой ситуации Чарли и решил отправиться в Индию. Он заказал билет на огромный пассажирский пароход «Президент Кливленд», курсировавший тогда по морям Дальнего Востока и Индийскому океану. Здесь были каюты только первого класса, вышколенные официанты-китайцы, всевозможные удобства, и одно это придавало респектабельность каждому пассажиру лайнера. Важно было и то, что «Президент Кливленд» отходил от причала международного сеттльмента, где не имели никаких прав китайские власти, в том числе и гоминьдановцы. Это вселяло надежду, что ничего непредвиденного не произойдет.

Правда, в день отъезда Чарли настигло насторожившее его известие. Американка Китти Долблей, которая должна была прибыть из США в Шанхай на должность «клерка» в коммерческом офисе Чарли, по пути в Маниле предъявила чек на значительную сумму. В шикарном манильском отеле чек согласились принять, но пожелали запросить банк, выдавший его. Китти опрометчиво забрала чек обратно. Ошибка еще была и в другом — чеки следовало иметь на небольшие суммы, это не вызвало бы дополнительной проверки. Но то, что уже случилось, поправить было нельзя.

Не дождавшись Китти, Чарли оставил Шанхай.

...В Калькутте твердой походкой сошел по трапу. Внизу у трапа стоял лощеный английский офицер — в светлых шортах и пробковом шлеме. Чарли бросил ему фамильярное «хэллоу» и направился к выходу. Вероятно, внимательный наблюдатель мог бы узнать в Чарли по походке моряка. Но даже и в этом случае визитная карточка огромного лайнера «Президент Кливленд» была способна усыпить бдительность любого обладателя пробкового шлема.

У выхода из порта он купил несколько местных газет, стараясь выбрать из них наиболее умеренные или консервативные, чтобы они вполне приличествовали его статусу, тем более что рядом стоял полицейский. Он взял газету «Либерти» — орган индийских буржуазных националистов, «Индиэн нэшэнел геральд» и одну американскую. Потом подозвал провяленного на солнце худого рикшу и покатил в город.

Порт лежал на левом берегу реки Хугли, против пригорода Хаура, и Чарли понял, что ему не придется ехать по единственному мосту Калькутты, который, надо думать, изрядно перегружен городским транспортом и пешеходами. Он быстро оказался в деловой части города, они выехали на центральную магистраль — Чоуринг-жди,— и Чарли без труда нашел свою гостиницу. Уплатив рикше, он отпустил его.

Два-три дня, как и было предусмотрено, Чарли знакомился с городом, с обстановкой. Как истинный европеец, он осмотрел мраморную громаду Виктория-мемориала, старинный форт Уильям, парк Майдан, где отдыхали коровы, которые потом медленно брели по городу или стояли под жарким солнцем на центральных улицах. Осмотрел также несколько храмов и добрался до знаменитого ботанического сада. Чарли сделал много записей в своем блокноте. Он не боялся, что их могут у него обнаружить, если вдруг придется иметь дело с полицией или даже с военными властями. Чарли придерживался того мнения, что, если у задержанного интеллигентного человека нет никаких блокнотов и записей, это серьезное основание для подозрений. Разумеется, записи надо делать умело... А кроме того, все, что он увидел, само по себе было интересно.

Он посетил также некоторых коммерсантов и договорился о поставке товаров в Шанхай...

Калькутта представлялась Чарли прежде всего как оплот британского колониального владычества, но она несла в себе и дух индийского народа. Тысячи бенгальцев, приходивших из пригородов Хаура, Дам-Дам и просто из сельских районов, слонялись по улицам в поисках случайной работы, а когда она вдруг обнаруживалась, то рвали ее друг у друга из рук. Огромная масса нищих разных возрастов и просто обездоленных людей наводняла богатые кварталы: люди сторожили приезжих у гостиниц, настойчиво выпрашивая милостыню. Полиция была бессильна, хотя колониаль-

ные власти всячески боролись с этой «бездельной» массой, как она именовалась в хорошо отредактированных английскими юристами законах штата...

Чарли хотелось раздать этим несчастным все, что он имел, хотя он и не был сентиментален. Но он не сделал и жеста в их сторону, ибо знал: дай одному — подвергнешься штурму толпы нищих, еще запросишь помощи у полиции, а в его положении это менее всего было желательно.

На третий день Чарли убедился, что за ним нет «хвоста». И только тогда он перешел к самому главному: к встречам с местными активистами профсоюзов. У Чарли были имена и явки.

К вечеру, когда часы показывали 6 часов 15 минут по местному времени, Чарли вошел в храм. Босиком, как того требовали законы буддийской религии и в целях конспирации. Он не мог слиться с толпой местных людей, но зато его белые босые ноги ничем не отличались от ног блуждавших по лабиринтам храма скучающих европейцев.

Здесь Чарли и встретил своих новых товарищей...

Потом в безопасном месте ему рассказали о положении в индийском рабочем движении, о чувствах и настроениях, которые волнуют тысячи и тысячи членов профсоюза. Так было в Калькутте, так было и в Бомбее, куда Чарли перебрался неделю спустя. Лидеры индийского революционного профсоюза текстильщиков «Гирни камгар» («Красный флаг») говорили об огромном подъеме протеста, который все шире охватывает недовольную рабочую массу. В Индии еще были свежи в памяти 1919—1921 годы — период бурного революционного подъема. Однако в 1928 году здесь бастовало в пять раз больше рабочих, чем в 1921 году!

Но дело заключалось не в одном числе забастовщиков, хотя их было 500 тысяч. Забастовки стали отличаться большей организованностью — действовали пикеты, отряды обороны, стачечные комитеты. Чарли почувствовал, что где-то в глубинных слоях индийского рабочего класса уже вызревала сила, которая освободит народ от гнета эксплуатации и жестокого колониального подавления. Он был восхищен ростом сознательности индийских рабочих, их упорством и позднее написал: «150 000 бомбейских текстильщиков бастуют уже больше года и не поддаются никаким провокациям со стороны империалистов и реформистов». И подчеркнул это жирной чертой.

Ему рассказали и о том, как два индийских революционера в порыве ненависти и, пожалуй, отчаяния бросили бомбу в здание индийского Законодательного собрания. Колониальный суд приговорил этих людей, несомненно смелых борцов, к пожизненному заключению. Однако Чарли, со своей стороны, заметил, что метод, примененный этими революционерами, не ведет к мобилизации масс и, следовательно, не наш путь.

Серьезной слабостью индийских профсоюзов было то обстоятельство, что в большинстве из них все еще верховодили реформисты, сеявшие беспочвенные иллюзии, болтовней и обманом сбивавшие рабочих с правильного пути. Этим объяснялась и продолжительная дискуссия, которая вспыхнула среди лидеров, когда Чарли передал им приглашение и просьбу прислать своего представителя на съезд тихоокеанских профсоюзов во Владивосток...

Индийские товарищи все же пообещали дать ответ на приглашение и заверили, что, вероятнее всего, их представитель в назначенное время прибудет во Владивосток.

Чарли вернулся в Шанхай, где охота за коммунистами все ожесточалась. Здесь можно было исчезнуть без следа, не нашли бы даже трупа. Тайные убийства распространялись как эпидемия... К тому же, по некоторым данным, Чарли понял, что «дело с чеком» имело неприятные последствия. Полиция уже рыскала вокруг. Приходили представители властей, требовали показать бумаги...

Анце сообщила, что за время его отсутствия не было ничего такого, что могло бы насторожить. Никто не интересовался, куда выехал Чарли. Иностранцы здесь вели себя по-хозяйски...

Выждав несколько дней, Чарли отправился на явку. Там его ожидали радостные новости. Он увидел Су, живого и невредимого, они от души обнялись, эти два пролетария, два моряка, два капитана рабочего движения.

Су вернулся в Шанхай в начале 1929 года. Путь сюда был тяжелым, как у каждого подпольщика-революционера, но он привез хорошее настроение, чего так не хватало здесь, в борющемся Шанхае... И снова Су вез с собой материалы, которые могли стоить ему жизни... Чарли не одобрял подобной «архиреволюционности», хотя она и требовала незаурядного личного мужества. У конспирации свои законы, и многие китайские коммунисты еще только осваивали азы конспиративного революционного опыта. А пока им случалось за свои ошибки расплачиваться головой.

Су рассказывал о днях, проведенных в Советском Союзе. Как подлинный революционер, он учился не только по марксистским книгам. Су принял участие в IV конгрессе Профинтерна (апрель 1928 года), а в августе того же года — в VI конгрессе Коминтерна. Его избрали в президиум и того и другого конгресса, а затем членом Исполбюро Профинтерна и членом ИККИ. Сам он проявил максимум энергии, чтобы содействовать успеху международных конгрессов. Су выступал в Москве, Ленинграде, в Крыму, на больших и малых собраниях, среди рабочих и служащих, и всюду его принимали с подлинным энтузиазмом.

В Крыму он был в санатории, его впервые в жизни хорошенько подлечили, и как нельзя кстати, ибо сил было растрачено без меры.

На прощанье врач, по словам Су, наивно посоветовал ему впредь хорошо питаться и не переутомлять себя...

До отъезда из Москвы Су успел написать свою единственную работу «Забастовка гонконгских моряков в 1922 г.» и принять участие в VIII съезде профсоюзов СССР, на котором он выступил с докладом. Разговоры относительно ошибок, которые не раз велись в Москве, Су воспринял по-партийному.

— Наши ошибки,— сказал он,— поскольку они будут обсуждаться Интернационалом, послужат ценным уроком другим товарищам и нашим братским партиям.

У Су было важное сообщение также и для Чарли — пора возвращаться домой. Как оно было кстати — в любой день в его торговый офис могла нагрянуть чанкайшистская полиция!

Чарли покидал Китай без тревоги за положение в Шанхае. Многое было сделано. Несколькими месяцами позже Лозовский скажет об этом трудном периоде деятельности секретариата ТОС: «Работая нелегально в Шанхае, он сумел крепко связаться с рабочим движением Японии, Китая, Филиппин и Австралии, с революционным движением Англии, Соединенных Штатов, Франции» [1].

Вернулся Су Чжаочжен, полный энергии, планов и проектов, хотя физически он выглядел усталым. Большие надежды, и не без основания, возлагались на другого видного китайского коммуниста — Дэн Чжунся. Это был работник с партийным опытом, он прошел школу секретаря провинциального комитета сначала в Цзянсу, потом в Гуандуне. Хорошо знал профсоюзную работу в Китае. В 1928 году его избрали представителем ВФТ в Профинтерне. Не случайно реакционные власти в Гуандуне, Ухане, Нанкине еще в 1927 году разослали приказы об аресте Дэн Чжунся...

Ступив весной 1929 года на родную землю, Чарли понял, что «китайская операция», как он позже в шутку называл свою работу в Китае, для него не закончилась. Борьба продолжалась, интернациональный долг оставался. С мая он становится заместителем заведующего Восточно-колониальной секцией Профинтерна и каждое утро, как правило, приходит во Дворец труда на Солянке, 12, где собирался Восточный отдел Профинтерна.

Вернулась тогда из Китая и супруга Чарли. Относительно ее работы в Китае А. П. Каспарсон написал автору книги следующее: «Со слов Карла помню, что Анна Карловна вместе с ним проводила «китайские операции» и порой выполняла весьма опасные поручения».

Карл и Анце Янсоны снова принимали гостей, застольничали в те редкие часы передышки, когда им как-то удавалось расположиться по-семейному в своей большой комнате на Тверской. Приходили родственники, знакомые. Никто не спрашивал, откуда

[1] Труд, 1929, 15 августа.

приехали хозяева и чем они занимались на Западе или на Востоке. Так было принято. И это нравилось и Янсонам, и их друзьям. Исчезновение Карла и Анце из Москвы и столь же внезапное их появление здесь всеми воспринималось как нечто само собой разумеющееся. У каждого была своя судьба, своя работа. У Янсона вот такая, беспокойная...

Но в этот раз гости поняли — Янсоны были в Китае; на стенах уже висели картины с китайскими сюжетами, на этажерке красовались изящные восточные фигурки. Каким же образом их удалось провезти? Гости знали в общем и целом о тяжелых путях Чарли и полагали, что в их ситуации желательно быть налегке, без лишнего багажа.

Карл, улыбаясь и рассматривая вместе с гостями китайские изделия, ответил:

— Друзья подарили. Подарки не выбрасывают. Кое-что приобрел и сам — китайцы большие мастера по части рисунка и статуэток.

Карл, однако, не сказал, что он из гоминьдановского окружения выбрался чуть ли не с почетом: у него был паспорт на имя американского дельца Карла Штейна, чьи родители (по «легенде») мальчиком вывезли его из Германии в Америку (этим легко объясняется акцент Карла в английском языке и умение по-немецки лишь говорить). Разумеется, американскому дельцу не пристало покидать Китай, не набив свой саквояж произведениями восточного искусства...

Имя Карла Штейна он принимал не часто в своей жизни. К нему он прибегал в исключительных случаях.

...В Москве начиналось лето с буйной зеленью парков, с ливневыми дождями и грозами. Янсоны связали свою жизнь с этим самым замечательным городом, и уже не первый раз все важное они начинали в Москве и сюда неизменно возвращались. Москва всегда их ждала.

Вдруг пришло совершенно невероятное сообщение из Китая. Как гром среди ясного неба... Су слег с тяжелым приступом аппендицита и через несколько дней скончался в Шанхае. Сколько друзей уже потерял Чарли! Но привыкнуть к этому трудно.

Су Чжаочжена не стало. И убил его, конечно, не аппендицит. Он в молодости отличался крепким здоровьем, но работа на износ, постоянные преследования вконец его измотали. Тяжелое подполье доконало его. В подполье аппендицит — грозная болезнь, ведь не всегда решаются сразу пригласить врача к человеку вне закона. Да и самому больному кажется: вот-вот приступ пройдет...

Профинтерн создал достойный памятник Су. Товарищи, знавшие Су по международному рабочему движению, написали о нем книгу «Су Чжаочжен, вождь китайских рабочих». Книга вышла в Москве в 1929 году. С ее обложки на нас смотрит Су.

ВЛАДИВОСТОК — АВГУСТ 1929-го

Владивосток не сразу был назначен местом созыва конгресса тихоокеанских профсоюзов. Шанхай, безусловно, отпадал, в нем практически невозможно было бы собраться и провести конгресс. ТОС пытался договориться с Австралией, потом вели переговоры в Нидерландской Индии, на Филиппинах. Но всюду — решительный отказ. Тогда избрали Владивосток как ближайший к странам Тихого океана, Дальнего Востока советский город.

Каждый понимал, что в советском городе будет создана самая благоприятная обстановка для свободного и делового обсуждения всех назревших вопросов. Но никто не скрывал и того обстоятельства, что собраться в СССР для многих делегатов будет трудно: поездки в Страну Советов в то время вызывали бешеное сопротивление официальных властей за рубежом.

Внезапно появились и новые трудности. К лету 1929 года разгорелся конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Милитаристские силы Китая при активной поддержке империалистических стран в июле 1929 год захватили КВЖД, напали на генеральное консульство СССР в Харбине и стали готовить нападение на СССР. Поэтому проехать через Северный Китай оказалось почти невозможным. Из 17 китайских делегатов во Владивосток прибыли только пять. Из 10 японских товарищей на конгресс попали только трое. Пятеро филиппинских делегатов не были пропущены через Маньчжурию, а одного из них даже арестовали в Дайрене.

Три австралийских делегата оставили Сидней 29 июня и направились по маршруту Гонконг — Шанхай — Маньчжурия — СССР. Но в Маниле они узнали о событиях на КВЖД и правильно решили, что лучше изменить путь следования. Они получили японскую визу и направились пароходом через Кобе. Казалось, все идет хорошо. Но, когда по прибытии в Кобе они попытались сойти на берег и пересесть на судно, идущее во Владивосток, полиция их на берег не выпустила, сославшись на некие «невыясненные причины». Делегатов под конвоем вооруженного отряда пересадили на другой пароход и насильно отправили обратно в Шанхай, и теперь об их судьбе во Владивостоке никто ничего не знал.

Через Москву ехали на конгресс скорым поездом делегаты из США, Франции, Англии и некоторых других стран. Большинство их собралось в одном поезде вместе с делегацией профсоюзов СССР, которую возглавлял Лозовский.

Специальный корреспондент газеты «Труд» наблюдал за вагонной жизнью гостей нашей страны, а дорога во Владивосток тогда была многодневной! Он писал о «рослом, белобрысом» французе Эркле (М. Торез), о Мановаре Муссо — видном руководителе индонезийского коммунистического движения.

Поезд отсчитывал далекие сибирские километры, а между полками в купе у делегатов шла своя жизнь — шелестели бумагами в походной канцелярии, играли в шахматы, изучали железнодорожную карту, определяли пройденное и оставшееся расстояние. Но все думали: приедут ли делегаты из других стран, удастся ли им преодолеть многочисленные препятствия?

Красноярск встретил делегатов митингом на перроне. Произносили речи, громко кричали «Ура!». Сверкая медными трубами, духовой оркестр играл «Интернационал».

И снова станции, снова митинги, даже поздней ночью. Тогда люди спали мало...

12 августа в 7 часов 30 минут утра поезд наконец остановился у перрона владивостокского вокзала.

Чарли приехал во Владивосток раньше, по крайней мере в самом начале августа. Он сразу же убедился, с каким искренним гостеприимством ждут делегатов в городе, сколько хлопотали партийные и профсоюзные организации, чтобы наилучшим образом принять гостей — представителей рабочих из стран Тихого океана. Позже появятся данные, что с 1 июля 1929 года, меньше чем за полтора месяца, в городе — на предприятиях, в красных уголках и клубах — в обеденные перерывы состоялось 305 докладов, 27 бесед; 4 интернациональных вечера в честь предстоящего конгресса. Слушателей и участников при этом было почти 60 тысяч! А кроме того, для восточных рабочих (китайцев, корейцев), работавших на Дальнем Востоке, было прочитано еще 95 докладов, и присутствовали при этом 18 650 человек.

8 августа редакция газеты «Красное знамя» приняла у себя уже прибывших на конгресс делегатов ВФТ, японских революционных профсоюзов и представителей ТОС. Гости ознакомились с работой редакции и типографии. Потом, как писала газета, состоялась дружеская беседа за чашкой чая, а встреча вылилась в «вечер дружной товарищеской спайки». Говорили русские, японцы, китайцы. В заключение выступил «с большой речью», как подчеркнула газета, представитель ТОС. Этим представителем был Чарли.

На самом деле выступление Чарли было кратким, но ярким, он говорил страстно, с большим душевным напряжением. Из многих вопросов, которые волновали его как человека и борца, он выбрал два. Первый относился к трудностям созыва настоящей конференции, об этом он сказал в конце выступления. «Мы прекрасно знаем, товарищи, какой бешеной ненавистью встретили империалисты идею создания и саму организацию Тихоокеанского секретариата профсоюзов. Точно так же мы являемся живыми свидетелями того яростного сопротивления, которое мировой империализм вместе со своими верными слугами — реформистами оказывают созыву второго конгресса. И именно это убеждает нас в том, что наша мощь, наши силы с каждым днем крепнут, с каждым днем увеличивают-

ся, с каждым днем укрепляют фронт международной пролетарской солидарности против империализма».

Чарли и его товарищи не допускали мысли о возможности срыва конгресса во Владивостоке. Но подспудное предчувствие этой грозной опасности не покидало его. Ведь в классовой борьбе на конкретном этапе не всегда побеждает правое дело....

Существовала, однако, и еще большая опасность. Чарли, как политик и далеко не рядовой член большевистской партии, признанный лидер и за пределами своей страны, чувствовал дыхание войны, острие которой направлялось империалистами против СССР. События на КВЖД убеждали его в растущей реальной угрозе нападения на Советскую Страну. «Мало искренне возмущаться преступными планами империалистов,— сказал он в той речи.— Мало даже осознать необходимость бешеной борьбы с этими планами. Надо знать, **как бороться** с военной опасностью.

...Мы не можем ограничиться принятием протеста против надвигающейся войны. Вся международная обстановка повелительно диктует наметить **конкретные пути борьбы с военной опасностью.**

...Конгресс должен это сделать, чтобы вполне реальными мерами обеспечить свое социалистическое отечество — Союз Советских Республик — от опасности и интервенции».

Газета «Красное знамя» опубликовала эту речь полностью ввиду ее принципиальной важности. Чарли помимо сказанных в речи добрых слов в адрес редакции и тысяч рабкоров — все они в значительной мере содействовали созыву важного конгресса во Владивостоке — написал в газету следующие слова благодарности: «От имени Секретариата тихоокеанских профсоюзов я выражаю глубокое удовлетворение тем содействием, которое оказывает «Красное знамя» подготовке второго конгресса тихоокеанских профсоюзов.

Да здравствует «Красное знамя»!

Чарлз Эдуард Джонсон».

Пришел день открытия этого важного собрания, к которому так долго готовились. Здесь должны были собраться представители 15 миллионов организованных рабочих стран Тихого океана (без СССР). Делегатам предстояло обсудить итоги двухлетней работы ТОС, вопросы о борьбе с опасностью войны, о роли профсоюзов в освободительном движении в колониях, программы требований профсоюзов, задачи борьбы в странах Тихого океана.

Газеты «Труд» в Москве, «Красное знамя» во Владивостоке и другие издания горячо приветствовали открывающийся конгресс. «Рабочие СССР шлют пламенный привет Тихоокеанскому конгрессу профсоюзов. Да здравствует боевое единение рабочих Советского Союза, капиталистического Запада и угнетенного Востока! Все на защиту первой страны пролетарской диктатуры против империализма, против военной опасности! Да здравствуют трудящиеся Ки-

тая! Долой гоминьдановских палачей! Привет революционерам Индии, привет узникам макдональдовских тюрем!»[1]

«Красное знамя» пестрело заголовками, которые перемежались с приветствиями. «Белые банды готовятся к нападению», «Империалисты финансируют диверсии», «Тайфун движется на Восток» (сообщение морской обсерватории). В газетах сообщалось, что в клубе имени Воровского на общегородском собрании актива Владивостокской парторганизации выступил А. С. Бубнов с докладом «Итоги X пленума Коминтерна и события на КВЖД». Бубнов был начальником политуправления РККА, членом Оргбюро ЦК ВКП(б) и прибыл специально на Дальний Восток.

Август во Владивостоке выдался жарким, метались грозовые молнии, небо обрушивало на землю ливни. Парад физкультурников и демонстрацию трудящихся гости принимали вместе с руководителями города по-домашнему — в расстегнутых рубашках, без пиджаков.

На первое заседание собрались вечером 15 августа. Большинство делегатов пока не прибыли. Но 10 стран уже были представлены, и этого оказалось достаточно, чтобы провести конференцию, тем более что в пути из Москвы был делегат из Англии и все надеялись, что вот-вот прибудут затерявшиеся где-то австралийцы. На том и порешили — провести конференцию, не меняя плана намеченной работы. Делегаты приступили к работе в назначенное время.

История ТОС не насчитывала еще и трех лет. Но какие это были тяжелые, трагические годы для молодого объединения! 20 делегатов подвергались преследованию за революционную борьбу. Некоторые погибли. Конференция почтила память борцов, павших в борьбе непобежденными.

...Ван Хебо, член ТОС, один из его организаторов, лидер китайских железнодорожников, убит бандами Чан Кайши; Су Чжаочжен, председатель ТОС, умер на посту; Ватанабэ, японский коммунист, зверски убит.

Сакко и Ванцетти казнены по приговору буржуазного суда США.

Оркестр играет траурный марш.

Речи делегатов перемежались приветственными речами. Выступали рабочие Хабаровского сельскохозяйственного завода — русские и местные корейцы, объединившиеся в колхоз. Их представитель заявил: «Мы приехали заверить вас, что колхоз «Гигант» и мы разовьем мощную организацию для борьбы с капитализмом»,— и просил делегатов в знак «совместной борьбы за общее социалистическо-классовое дело присвоить нашему колхозу «Гигант» имя вашего великого съезда — «Тихоокеанский революционер»».

[1] Труд, 1929, 16 августа.

С ответом выступил тов. Манахан. Он сказал: «В качестве делегата II Тихоокеанской конференции, председателя рабочих и крестьянских организаций Филиппин от имени президиума благодарю делегатов — крестьян Суйфунского района за их приветствие конференции. Те уроки, которые делегаты получили в Стране Советов, то бурное строительство социализма, которое происходит здесь, научили их очень многому, и когда они вернутся на место, они расскажут об этом рабочим и крестьянам своих стран. Выражаю уверенность, что крестьяне и рабочие всех стран объединятся для защиты Советского Союза от всех нападок, с какой бы стороны они ни шли.

...Да здравствует союз рабочих и крестьян! Да здравствует Советский Союз! Да здравствует мировая революция!»

В глубокой тишине делегаты заслушали письмо узника японской тюрьмы Саппоро на Хоккайдо, оклеенное разными марками, покрытое почтовыми штемпелями, прошедшее через многие руки.

«Получив сообщение о созыве вашего конгресса в августе месяце,— писал узник,— при энергичной поддержке международного пролетариата, посылаю горячий товарищеский привет из японской тюрьмы. Ваш международный конгресс имеет особо важное историческое значение именно теперь, когда опасность империалистической войны с минуты на минуту обостряется на Тихом океане, когда вопрос об объединении боевого фронта международного пролетариата стал важнейшей задачей мирового рабочего движения.

Не могу не передать вам глубокой уверенности в успехе вашей работы и в то же время не могу не сказать о готовности участвовать вместе с вами в классовой борьбе не на жизнь, а на смерть».

Все эти искренние слова, раздававшиеся в зале заседаний, широко распространялись по городу, ибо вообще вход на заседания был свободным, а репродукторы на внешней стороне здания, укрепленные среди лозунгов, далеко разносили то, что говорилось в те дни в клубе водников.

В числе документов конференции до нас дошла небольшая книжечка «Тихоокеанская конференция профсоюзов», изданная в Хабаровске в год конференции. Здесь собраны официальные документы, принятые конференцией. Они и сегодня читаются с большим интересом и далеко не как документы прошлого. В них дыхание нашего времени, ощущение революционных бурь, которыми так богат нынешний век...

Здесь и задачи профсоюзов стран Тихого океана в борьбе против войны и империализма, и экономическая программа ТОС, впервые принятая в Ханькоу в 1927 году и теперь снова подтвержденная как руководство к действию. Документ об организации сельскохозяйственных рабочих в странах Тихого океана. Резолюция о профсоюзной печати и рабкоровских связях стран Тихоокеанского

побережья. Важное постановление «Организационные задачи революционных профсоюзов тихоокеанских стран», которое было одним из основных.

С докладом по последнему вопросу выступил Джонсон. У него все было готово, продумано, но он не успокаивался, беседовал с делегатами, слушал и слушал их. Чарли не был на Филиппинах (с тех пор как США захватили эту огромную островную страну, туда попасть было почти невозможно), и поэтому он кое о чем решил расспросить филиппинца Манахана, «крестьянского вождя», как называли его на родине.

— Как рабочие вступают у вас в профсоюз?

— Мы смотрим по имущественному признаку: рабочие ферм и близко стоящие к индустриальным рабочим вступают в союз промышленных рабочих, те же, кто ближе к бедным крестьянам,— в крестьянские союзы.

— Но не дробите ли вы силы в деревне, не ослабляете борющихся крестьян? В вашем случае, как мне кажется, много неясностей с конкретными формами организации союза рабочих и крестьян.

К разговору присоединялись другие делегаты, высказывались новые соображения...

На четвертый день работы конференции выступил с докладом Чарли. Он проанализировал положение в Китае, Японии, Индии и других странах. Призвал революционные профсоюзы «стать во главе надвигающихся экономических боев и всех других выступлений рабочего класса», призвал к единению сил рабочих профсоюзов, всего рабочего класса, чтобы экономические бои превратить «в массовые выступления политического характера».

Делегаты дружно поддержали основные положения доклада Ч. Джонсона — в докладе чувствовалось знание обстановки, задачи ставились четко и понятно. Ямагата из Японии сказал: «Тов. Джонсон в своем докладе подробно остановился на положении японского профдвижения. Он указал на те недостатки и ошибки, которые были в прошлой борьбе и которые мы должны преодолеть в дальнейшем... Характерной чертой теперешних условий Японии является выступление компартии перед массами».

Через два дня Чарли было предоставлено заключительное слово. Он посвятил его в основном одному вопросу — против нейтральности профсоюзов. Он счел наилучшим рассказать о том, как Ленин и большевики решительно отвергали идею нейтральности профсоюзов. «Нейтральной позиции в классовой борьбе быть не может,— говорил Чарли,— [люди] должны быть за или против нас. За много лет до войны этот вопрос о центристах дискутировался на международном конгрессе II Интернационала, и тогда тов. Ленин взял твердую позицию — профсоюзы не должны быть нейтральными. Они должны быть беспартийными, но беспартийность не значит

нейтральность. Каутский и меньшевики стояли на том, что профсоюзы должны быть нейтральными...»

Конференция единодушно постановила: «Тезисы т. Джонсона принять за основу, для детального просмотра создать комиссию...» Позже резолюции конференции, в том числе и резолюция по докладу Чарлза Джонсона, были опубликованы в печати Профинтерна и других изданиях.

Отметим, что замечание Чарли Манахану относительно организации сельскохозяйственных рабочих было существенным, его учли при составлении окончательного текста соответствующей резолюции. В резолюции по этому вопросу было записано, что в профсоюзы сельскохозяйственных рабочих надо привлечь рабочих капиталистических плантаций (чайных, табачных, сахарных, каучуковых, рисовых и т. д.), рабочих крупных имений, ферм и лесных разработок, а также рабочих сельскохозяйственных предприятий данной плантации, если на предприятии нет самостоятельного профсоюза. Таким образом достигалось сплочение трудящихся в деревне, находила практическое воплощение идея союза городских промышленных рабочих и рабочих сельскохозяйственных районов. Тем более что в резолюции указывалось на необходимость организации сельскохозяйственных рабочих стран Тихого океана в «самостоятельные классовые профсоюзы».

Конференция бурно протестовала против продолжающихся бандитских налетов китайской военщины на советскую территорию; была принята осуждающая резолюция.

Делегаты конференции избрали новый состав ТОС из 20 человек. Чарли вошел в руководство этой международной организации. Он еще не знал о том, что ему придется снова сыграть большую роль в деятельности ТОС.

Те, кто организовал преследование делегатов и задержал некоторых из них на пути во Владивосток, не должны были торжествовать победу. Как вскоре стало известно, делегаты, застрявшие в Шанхае, не сидели там сложа руки. Они проявили инициативу и гибкость и в итоге сумели свою неудачу превратить в пользу для ТОС.

В Шанхае была проведена как бы параллельная конференция ТОС, которая, по сообщению печати (газета «Труд»), обсудила те же вопросы, что и во Владивостоке, и пришла к тем же выводам.

Шанхайская конференция нашла возможность передать в адрес рабочих и крестьян СССР телеграмму, в которой она осудила провокации на КВЖД и заявила: «Мы обязуемся организовать рабочих и крестьян наших стран для достижения международного единства, для борьбы против империалистических войн, за независимость и в защиту СССР».

О шанхайской части конференции в Москве узнали только к началу ноября 1929 года. Но и это было еще не все. Через два дня

после окончания конференции во Владивосток, когда уже многие стали разъезжаться, заявились австралийцы — Рольф, Уолши и Ганнет. Они знакомились с документами завершившейся конференции и, единогласно придя к общему выводу, сделали следующее заявление: «В настоящее время, преодолев ряд трудностей, мы находимся с Вами во Владивостоке, в единственно свободной стране, стране русского пролетариата. Выражаем свою благодарность за гостеприимство, оказанное нам русскими товарищами». Они заявили, что с резолюциями конференции полностью согласны, и Австралийский совет тред-юнионов «со своей стороны утвердит ваши постановления и сделает все возможное для того, чтобы их реализовать...».

Австралийскую делегацию пригласили в Москву. Тем более что в Австралии продолжалась острая борьба за профсоюзы, за развитие революционной работы в них, за присоединение возможно большего числа крупных тред-юнионов к ТОС.

Имело смысл детально обсудить обстановку, тенденции в австралийских профсоюзах и, возможно, выработать рекомендации. Австралийцы охотно согласились. Натерпевшись всевозможных невзгод в пути, они оказались наконец в скором поезде Владивосток — Москва — Негорелое. Этим же поездом в Москву возвращались С. А. Лозовский и Ч. Джонсон. Их попутчиками были также Эркле, Ч. Болет. Не было нужды откладывать разговор с австралийцами до прибытия в Москву! Выяснилось также, что к скорому поезду был прицеплен специальный вагон-салон Андрея Сергеевича Бубнова, ветерана ленинской гвардии, человека внимательного и общительного. Он и пригласил всех к себе. В его салоне велись заседания, дискуссии... К ночи все возвращались на свои места, в мягкий вагон, а утром снова приходили к гостеприимному А. Бубнову. Лучших условий нельзя было и придумать. Австралийские товарищи остались довольны как переговорами, так и обстановкой, в которой они проходили: «Если бы не шум поезда,— писали они позже в своем отчете,— это было бы самым идеальным местом для заседаний...»

За окном вагона — нескончаемая сибирская тайга. Появлялись и исчезали сопки, где-то вдали изгибались зеленые реки. Почти сутки обходили Байкал. В открытые окна врывались запахи сибирского лета, протяжные свистки паровоза.

ДЛЯ ВАС, БРАТЬЯ ПО КЛАССУ!

Центр ТОС по-прежнему оставался в Шанхае, но возможностей для работы там было все меньше. И тогда было решено усилить роль и работу Владивостокского бюро (Владбюро) ТОС, возможно, перенести центр тяжести работы сюда,

чтобы выполнять решения, принятые на Владивостокской конференции. Настоящие революционеры для того свои решения и принимают...

Чарли снова оставлял Москву, он направлялся во Владивосток. До отъезда узнал, как низка зарплата работников ТОС во Владивостоке. Можно было только удивляться, как сводили концы с концами эти самоотверженные труженики. Ведь у многих были семьи... В декабре тосовцам повысили зарплату на 25 рублей. Деньги были не ахти какие, но все же каждый воспринял это как внимание и помощь.

В то время в нашей стране обострилась классовая борьба. Трудящееся крестьянство вступало в колхозы, ликвидировались последние сельские эксплуататоры — кулаки. Международный империализм пытался всячески использовать обострение классовой борьбы в интересах сил реакции.

Владивосток к тому времени изменился по сравнению с тем, каким он выглядел сразу после гражданской войны. Кривые улицы попрежнему взбирались на сопки рядами обшарпанных, просоленных океанскими ветрами домов, но как-то незаметно здесь появлялось и новое, и символом его стала улица Ленина, вытеснившая былую Светлановку.

Однако старое не хотело сдавать свои позиции. Дельцы и авантюристы разного пошиба не вымирали. Спекулировали и торговали из-под полы. На Семеновском базаре торговали не только трепангами и морской капустой, крабами и устрицами, заржавленными самурайскими мечами... Продавали пекинские цветастые шали, контрабандные духи. Дельцы понаглее вели операции посолиднее. Они продавали дефицитные бетономешалки, находили для них дефицитный цемент...

Близость границы также накладывала свой отпечаток на настроения в городе...

Чарли прошелся как-то вечером по улице Ленина. Китайцы продавали искусственных соловьев, цветные бумажные фонарики, игрушечных драконов. По тротуарам прогуливались томные дамы, благоухавшие «Убиланой», юные денди в модных коверкотовых костюмах. Они упорно продолжали называть улицу Светлановкой и знать не хотели о том, что совсем неподалеку растет и крепнет пролетарский район Эгершельд, центр портовиков...

С Японией уже почти пять лет существовали дипломатические отношения, однако милитаристы Страны восходящего солнца не оставляли Советский Союз в покое. На Дальний Восток, в том числе и во Владивосток, систематически засылались агенты японской разведки. Под видом мелких торговцев, моряков, простых рабочих... На Камчатке, Сахалине и в Приморье Советское правительство ежегодно принимало несколько десятков тысяч японских рабочих,

которые были заняты на еще существовавших здесь японских предприятиях; многие работали на советских предприятиях. Среди них были японские разведчики.

Все это приходилось учитывать нашим людям. Шла активная борьба со всякого рода провокаторами и шпионами, их агентами и информаторами. Среди японцев, корейцев, китайцев велась большая интернационалистская работа, разоблачались происки империалистических кругов, их провокации и клевета. Иной раз приходилось соблюдать строгую конспирацию.

Чарли прибыл во Владивосток под своим обычным именем — Джонсон. В тот же день он стал Антоновым и держал еще про запас дополнительное имя — Мамонов. Но, как только Чарли отправился пообедать в вокзальный ресторан, где посетители обычно меньше всего знают друг друга, к нему подошел какой-то японец, нагло ухмыльнулся и как бы между прочим заметил:

— Я слышал, что Джонсон уже находится в нашем городе. Не так ли?

Чарли расстался с Антоновым. Были приняты дополнительные меры конспирации и рекомендовано Чарли не выступать на собраниях во Владивостоке и Хабаровске, чтобы не привлекать внимания тех, кто им «интересовался». Чарли ездил с докладами к рабочим Артема, Никольска-Уссурийского и других городков и сожалел о «закрытых» для него городах. «Правду говоря,— писал он, столкнувшись с этой необходимостью,— мне очень жалко, что не могу во Владивостоке и Хабаровске выступать открыто и официально как член ТОС».

Японскую разведку провести было нелегко. Но Чарли надеялся на свой опыт и на друзей, которых у него осталось немало в той же Японии.

Чарли поселился в городе по адресу: улица Ленина, 61, квартира 3, но бывал он здесь редко: квартира стояла пустой, без мебели; два-три стула и старая кровать в счет не шли. Бóльшую часть времени он проводил на работе — во Дворце труда, в комнате 508. Иногда он здесь засиживался до глубокой ночи за делами и остаток ночи проводил тут же, спал как убитый на продавленном диване.

Товарищи из-за границы писали на Пушкинскую улицу и соответствующую фамилию, а для некоторых корреспонденций Чарли сохранил имя Мамонов.

Через команду японского судна «Сакае-мару» один друг из Японии прислал ему предостерегающее письмо. Текст быстро перевели с японского, и Чарли прочитал: «Обращаю особое внимание тов. Джонсона на то, что... о работе, проделанной тов. Джонсоном, японская власть знает и смотрит на тов. Джонсона как на центральную фигуру, и мы также узнали, что японская власть собирается сделать протест Советскому Союзу. Мы безусловно желаем сохране-

ния особой осторожности и внимания в работе тов. Джонсона в г. Владивостоке, 6 марта 1930 г.».

Чарли был благодарен за предупреждение и добрые намерения, хотя и понимал, что японцам не все известно (ни одна разведка никогда не знает всего, как бы тщательно она ни работала). Что же касается протестов, то скорее их могли заявить (и заявляли!) общественность и власти Страны Советов.

Циклоны, которые бушевали над Тихим океаном, приносили во Владивосток мерзкую, удручающую погоду, а когда при этом усиливались морозы, с далеких сопок веяло холодом. Однажды, продрогнув на ветру, Чарли долго не мог избавиться от недомогания. И это случилось с морским капитаном! Но Чарли и виду не подавал. Он успел побывать у врача и затем — снова на работу. Свежий и энергичный. Только своим близким товарищам в Москву он писал: «Здесь погода ужасная, и я опять начал хворать; врачи говорят, что мне лучше бы уехать. Однако я стараюсь выполнять свой долг...»

Советы врачей были совершенно нереальны — когда идут бои, кто просится на покой! Врачи советовали лучше питаться. «Они говорят,— писал Чарли в конце декабря 1929 года,— что Владивосток к моему здоровью не подходит. Особенно теперь, когда здесь продовольственное снабжение плохое. Если хочешь как следует покушать, то нужно столоваться в «Золотом Роге», а это значит по 5—6 рублей в день».

Во Владивостоке можно было достать хлеб, молоко, мясо, масло и помимо карточек. Но этим надо было специально заниматься, идти на сделку с совестью... Чарли это не устраивало, и он продолжал жить и питаться, как жили и питались тогда миллионы людей в СССР...

Положение Чарли несколько облегчилось после прибытия одной телеграммы. Она попала к шифровальщикам. Будучи опытными специалистами, те все же прочесть телеграмму не смогли. То ли в текст вкралась какая-либо ошибка, то ли случайно применили еще не известный во Дворце труда шифр, ведь шифры менялись. Сконфуженные шифровальщики так и пришли к Чарли ни с чем.

Чарли прочел текст, улыбнулся, громко рассмеялся.

В телеграмме говорилось: «Дорогой друг! Через девять дней буду с тобой. Целую и люблю. Анце».

Приехала Анце. Раздобыли кое-какую мебель для квартиры на улице Ленина, создали подобие домашнего уюта. Чарли больше не оставался ночевать на работе. И болезни стали постепенно проходить. Но после случая с телеграммой кто-то пустил среди тосовцев слух: Джонсон знает все секретные шифры наизусть!

Предполагалось, что во Владивостоке Чарли задержится не дольше, чем до середины лета. Поэтому надо было спешить. Надо было создать устойчивые связи с товарищами во всех странах

Тихого океана. Было намечено начать издание журнала «Тихоокеанский рабочий» — ежемесячного официального органа ТОС,— при этом должно было выходить три самостоятельных издания — на китайском, японском и корейском языках. Подготовка к V конгрессу Профинтерна (намеченному на август 1930 года) также, несомненно, будет сопряжена со множеством всяких непредвиденных хлопот.

Чарли отправил с верным человеком письмо в Японию, через надежные руки передал письмо товарищам в Шанхай, сложным путем пошло письмо на Филиппины. Срочно понадобились текст протеста Секретариата Профинтерна против преследования сторонников профсоюзов в Японии, текст обращения Всекитайской федерации труда и некоторые другие документы — их надо было опубликовать, размножить на разных языках, разослать. Чарли просил все это выслать из Москвы, и немедленно — не поездом, не почтой, а телеграфно. «На это скупиться или «обогащаться» (за счет экономии) не следует,— подчеркивал он,— ибо мы только в десять раз больше потеряем политически».

15 декабря Чарли провел в качестве председателя первое заседание Владбюро ТОС. На заседании он рассказал о проделанной ТОС работе, дал свою оценку, подметил сильные и слабые стороны Шанхайской конференции. Было намечено содержание и направление изданий «Тихоокеанского рабочего»: освещение рабочего движения в странах Тихого океана, а в СССР — социалистического строительства, хода выполнения пятилетки, строительства совхозов и колхозов, роли и деятельности профсоюзов, пролетарской диктатуры, Советской власти. Бюро утвердило Ч. Джонсона ответственным за работу всех трех редколлегий журнала «Тихоокеанский рабочий».

Уже 28 декабря Чарли засел за отчет о проделанном и не встал, пока не закончил его со всей скрупулезностью, которую выработал в себе за многие годы революционной борьбы. Отослал отчет в Москву, в Профинтерн. Приложил маленькое письмецо: «Очень хорошо сделали, что настаивали на моем приезде... Здесь масса трудностей, с одной стороны; с другой стороны, поле работы «нёвспаханное», но обширное, и в этом отношении я чувствую себя «на месте»... В общем, возможности здесь большие, и хорошо, что я приехал».

Поколение Чарли Джонсона заботилось прежде всего о том, чтобы найти себе истинное место в строительстве новой жизни, где можно работать с полной отдачей, каких бы усилий это ни требовало. Несколькими месяцами позже в один из критических моментов Чарли напишет о своем действительном положении во Владивостоке:

«Ты, пожалуйста, не требуй от меня длинных писем. Мне, дорогой Семен, теперь некогда. Я работаю, как черт,— ногами, руками,

головой и т. д. Я завален работой. Твой Чарли» (Владивосток, май, 1930 год).

И никаких жалоб! Каторжная работа революционера принималась за норму. Лишь одна просьба — избавить его от необходимости писать длинные письма! Таковы были эти железные люди, наши отцы и деды!

Мы уже говорили, что журнал «Тихоокеанский рабочий» начал выходить по решению конференции тихоокеанских профессиональных союзов, состоявшейся в мае 1927 года в Ханькоу. До сентября журнал выходил здесь, а затем его издание было перенесено в Шанхай. В Китае он печатался на английском языке. Теперь было решено продолжать его издание во Владивостоке тремя отдельными изданиями. Все это потребовало колоссального напряжения, нервотрепки, организационных усилий. Специальной типографии, конечно, не было. На местную типографию, довольно примитивную, со старыми, изношенными иероглифами, ложилась дополнительная нагрузка. Да и находилась она не во Владивостоке, а почти в 700 километрах от него — в Хабаровске.

Трудности возникли с первым же номером китайского издания. Письма в Хабаровск, направление туда всяких «толкачей» мало что давали. Товарищи в Москве беспокоились, торопили. Чарли пришлось самому отправиться в хабаровскую типографию. «Я «дрался» в типографии больше недели,— писал он в Москву.— Сейчас все в порядке (более или менее) и поэтому выезжаю обратно во Владивосток».

В середине января 1930 года «Тайпинъян гунжень» (китайское издание «Тихоокеанского рабочего») уже вышел. Вслед за ним должны были появиться издания на корейском и японском языках.

Во время очередного приезда в Хабаровск Чарли дождался выхода китайского издания и, ранним утром рассматривая его, с огорчением убедился, какие блеклые краски, какая грубая бумага. Написал письмо в Москву. Выразив удовлетворение — это все-таки был успех! — он добавил, что понимает — журнал в техническом отношении страдает недостатками. Еще мало опыта, очень торопились. Просил прислать критические замечания, советы.

Журнал получился содержательным, и вышел он тиражом в 3000 экземпляров. Здесь было помещено 16 статей, сообщений, документов. Ценно, что в издания «Тихоокеанского рабочего» писали не только местные авторы, но привлекались и известные деятели международного революционного движения: Уильям Фостер, Тим Бак, коммунисты из Китая, Кореи, Японии. Сам Джонсон писал по нескольку статей для каждого издания. Он старался наилучшим образом приспособить журнал для конкретных условий страны. В «Тайпинъян гунжень» были напечатаны статьи Ф. Джонсона (Чарли Чена) — «Шанхайская конференция тихоокеанских профессиональных союзов», «Обзор деятельности ТОС» (в № 1),

«Под знаком самокритики» (в № 2), «Империалистическая кампания против СССР» (в № 4—5).

В апрельско-майском номере корейского издания он напечатал статьи «Борьба за власть в Германии» (за подписью К. Ямадзаки) и «Обзор деятельности ТОС» (за подписью К. Сасаки). В апрельско-майском номере японского издания — «Военная опасность» и «Классовые бои в Индии» (за подписью Ямадзаки).

На выход первого номера китайского издания появились отзывы. «Тихоокеанскому рабочему» прислала приветствие редакция журнала «Международное рабочее движение». В нем говорилось: «Редакция «Международного рабочего движения» с глубоким удовлетворением отмечает выход в свет первого номера «Тайпинъян гунжень» («Тихоокеанского рабочего»), ежемесячного органа Тихоокеанского секретариата профсоюзов, и шлет сотрудникам его, рабкорам и читателям поздравления и горячий привет. Передайте также на страницах нового органа наше приветствие всем китайским рабочим в связи с выпуском первого номера «Тайпинъян гунжень». Мы не сомневаемся в том, что боевой революционный орган ТОС «Тайпинъян гунжень» станет знаменем китайского пролетариата в назревающих решительных классовых боях, что он выполнит задачу, поставленную перед революционной профпечатью Лениным: „Быть не только агитатором, но и организатором революционных масс"».

Здесь же была дана небольшая рецензия на это издание.

Позже опубликовал свое приветствие журнал «Красный Интернационал профсоюзов». Рецензией на новое издание отозвалась и владивостокская газета «Красное знамя» (№ 47 за 25 февраля 1930 года), отметив среди положительных качеств то, что «язык журнала — ясный», статьи — «не длинны и очень содержательны». Горячо приветствовали свой журнал и китайские рабочие Дальнего Востока.

Разумеется, были замечания, давались советы. Отмечалось, например, что в первом номере «Тайпинъян гунжень», к сожалению, «снимки технически плохо выполнены». Обращалось внимание на то, что в журнале «слишком много общих руководящих статей», «на отсутствие рабочих корреспонденций», «отсутствие информаций о профдвижении в тихоокеанских странах (Япония, Филиппины, Индия, Корея и др.)». К замечаниям, правда, добавлялось, что недостатки «совершенно неизбежны при первом опыте этого рода», но Джонсона эта оговорка не успокоила. Выражалось также пожелание, чтобы в ближайшее время «была создана рабкоровская база, главным образом в крупных промышленных районах Китая, и расширена информация о ходе революционной борьбы на местах, и не только в Китае, но и в других странах Тихого океана».

Во втором номере китайского издания была опубликована статья Уильяма Фостера «Лицо Лиги профсоюзного единства». 23 фев-

раля 1930 года руководители Компартии США получили письмо от Чарли, он приглашал их сотрудничать в работе журнала, просил прислать различные материалы. «Я предполагаю, что вы получаете наш ежемесячник. Сообщите нам ваши критические замечания». В мае из США прибыло письмо «дорогому товарищу Чарли». Американцы писали: «Китайское издание «Тихоокеанский рабочий» мы получили и имеем хорошие отзывы от местных китайских товарищей». Чарли сообщалось, что ему посланы центральные партийные издания США, готовятся статьи по его просьбе.

В редакцию поступали новые материалы. Приходили письма — в них благодарили, советовали, критиковали. Китайские рабочие советского Дальнего Востока писали: «Мы малограмотны, поэтому пишите просто и кратко». Чарли попросил писать конкретно, доходчиво, просто.

К одному письму редакция добавила свое замечание: «Здесь приведено письмо китайского рабочего, незамысловато написанное, но правильно рассказывающее о жизни китайского рабочего на советском Дальнем Востоке. Прочтя это письмо и сравнив жизнь китайского рабочего в СССР с жизнью его в Китае, можно легко понять,— подчеркивала редакция,— почему каждый сознательный рабочий должен защищать Советский Союз».

Сам же автор письма прямо писал: «Китайские рабочие должны быть всегда готовы к революционной защите СССР».

В письме в Москву Чарли 24 марта 1930 года писал: «Без преувеличения можно сказать, что интерес к изданиям ТОС уже большой...»

Все три издания становились фактором международного значения. Издания читали в Китае, Маньчжурии, Корее, Японии, Гонконге, США.

Но Чарли был опытным революционером, и он не упивался похвалами и восторгами... Он принимает меры к усилению связей с японскими товарищами на местах. Некоторые из них приезжали во Владивосток. Японские революционные рабочие и их профессиональные организации в это время находились в трудном положении: компартия была загнана в подполье, профсоюзы жестоко преследовались, полиция всюду пускала в ход дубинки, проводила аресты; процветал шпионаж, власти поощряли доносы. Наряду с правыми все выше поднимали голову и «левые», которые, например, призывали к немедленным вооруженным стачкам и демонстрациям, пренебрегали работой в массах, тесными связями с рабочим классом.

В конкретных условиях Владбюро приходилось опираться иа отдельные группы сознательных революционных рабочих из Японии, на простых моряков, с которыми Чарли быстро находил общий язык. На восьми японских пароходах оказались ребята, готовые сотрудничать с Владбюро ТОС. На каждом пароходе их было

от одного до трех человек — в основном кочегары. Они брали издания «Тихоокеанского рабочего» и другую литературу, которую японская реакция старалась под видом «борьбы с коммунизмом» не допускать в страну.

Некоторые из японских товарищей стали подлинными друзьями Страны Советов, советских профсоюзов, Чарли.

В Китай было решено послать для связи жену сотрудника ТОС Уралова. Но Чарли в этом случае решил использовать главным образом советских товарищей, которые тогда находились в Китае. Загруженные по горло сотрудничеством с китайскими революционерами, большой практической работой в революционных районах Китая, те не всегда могли выполнить новые его поручения. Чарли, однако, был уверен, что человек, если он деятельный и умный, при любой нагрузке может что-нибудь сделать сверх того, если это необходимо для дела революционной борьбы, даже в Китае: ведь он сам хорошо помнил время, проведенное в Шанхае и других городах...

В ответ на жалобы о перегрузке Чарли, утрачивая свое латышское хладнокровие, метал громы и молнии: «Эти уже пишут и носятся по всему свету, что я их перегружаю уже тогда, когда они ни черта, абсолютно ничего для ТОС не сделали».

Связь ТОС, в том числе и его Владбюро, с Китаем усиливалась. В этом крепко помогали сами китайские коммунисты, руководители революционных профсоюзов. Однако снова что-то не ладилось в хабаровской типографии. И в марте Чарли снова отправляется туда чуть ли не на 10 дней. Он приходит к выводу, что журналы все же надо печатать не в Хабаровске, а во Владивостоке, и загорается идеей купить за границей два хороших монотипа, чтобы улучшить техническую сторону всех изданий «Тихоокеанского рабочего», сделать их печатание более оперативным. Чарли, конечно, понимает сложность и щепетильность этой торговой сделки: ведь покупать надо в Японии, а японцы о его деятельности во Владивостоке знали много и, возможно, в их руки уже попали иероглифические издания ТОС. Некоторые японские реакционные газеты прохаживались насчет того, что центр ТОС, дескать, находится в Шанхае, так почему же его издания выходят во Владивостоке. Эти газеты фактически занимались подстрекательством в надежде, что японские власти примут «соответствующие меры». И действительно, Чарли получил сообщение из Москвы, что японцы собираются сделать запрос наркоминделу М. М. Литвинову «по поводу твоей работы».

Были все основания предполагать, что в Японии не допустят продажи лицензии на монотипы. «Они прямо не продадут,— писал Чарли.— Тут придется делать разные фокусы...» И он предложил обратиться к наркомторгу А. И. Микояну, чтобы заполучить лицензию. Рассуждения Чарли, как всегда, были шире и глубже конкретного случая. Речь шла не только об изданиях ТОС. В таких

монотипах нуждался и Дальневосточный государственный университет, который мог бы широко использовать эту технику в интересах связей со странами, пользующимися иероглифическим шрифтом.

...Казалось, зима уже на исходе, вот-вот даст о себе знать весна. Но циклоны один за другим проносились над Дальним Востоком — иногда с мокрым снегом, иногда со жгучими морозами — и уносились на просторы Тихого океана, грозного и неукротимого, свирепого и неуемного.

Члены Владбюро ТОС работали в сумятице нескончаемых дел, не зная покоя ни днем, ни ночью. Чарли воочию убедился, в каком напряжении жили его товарищи, ведь приходилось «работать регулярно по вечерам,— констатировал он в своих письмах,— и выходных до сих пор не имели и не могли иметь».

Подготовка к созыву V конгресса Профинтерна, который должен был собраться в Москве в августе 1930 года, как бы ускоряла свой бег. По предложению Джонсона и по его докладу в марте на бюро обсудили этот вопрос. Скорректировали цель каждого работника, его обязанности. Чарли тогда же написал статьи в связи с конгрессом и передал их для двух левых японских газет, где дал, по его же словам, «большевистскую установку». Владбюро вынесло постановление: «Одобрить все сделанное т. Джонсоном по провертыванию и подготовительной работе и кампании в Японии. Поручить Джонсону написать директивное письмо, а также соответствующую статью для Кореи».

Все это как бы само собой разумелось. «Свистать всех наверх» пришлось несколько позже, когда дела осложнились. До Владивостока дошла точная информация, что правители некоторых стран Тихого океана сговорились не допускать выезда делегатов в Советский Союз на конгресс, воспрепятствовать их проезду транзитом через другие страны, если делегатам удастся каким-то образом покинуть начальный пункт. Особенно жесткие меры принимались в Японии, в колониях Великобритании. Те, кто строил эти планы, надеялись таким образом сорвать конгресс, по меньшей мере, снизить его значение, если многие делегаты не прибудут. Империалистические и антирабочие силы, грубо попирая гражданские права людей, решили повторить опыт, который они применили совсем недавно в отношении Владивостокской конференции тихоокеанских профсоюзов. С этим нельзя было не считаться.

Революционные профсоюзы стран Тихого океана на этот раз решили сделать все, чтобы планы империалистов не сбылись. Советские профсоюзы, со своей стороны, обязались приложить максимум усилий в борьбе с задуманной провокацией и оказать всемерную помощь своим товарищам по классу.

Во Владивостоке ответственность за проведение данной операции (иначе это, вероятно, трудно назвать) была возложена на

Чарли Джонсона. Началось настоящее единоборство между тосовцами, которых поддерживали революционные профсоюзы разных стран, обогащенные опытом борьбы международного рабочего движения, и противостоящими им силами — империалистами, соглашателями.

Формула победы была чрезвычайно проста, составные — достаточно весомы. ТОС — это 15 миллионов членов профсоюза Дальнего Востока СССР, Китая, Японии, Формозы (Тайваня), Кореи, Австралии, Филиппин, к которым недавно присоединилась малайская федерация, охватывающая рабочие союзы Сингапура, Сиама, Явы, Суматры и др. В ТОС вступили Новозеландский союз горняков и Унитарная конфедерация труда Мексики, заявил о своем присоединении к ТОС Исполком Всеиндийского конгресса профсоюзов. Силы были велики! Но те, кто противостоял миллионам, обладали не меньшей силой — в их руках были государство, полиция, армия, организованность капитала; они не пренебрегали ложью и обманом, в их арсенале был опыт борьбы с правдой.

В этой обстановке было решено применить против покушения властей на гражданские права делегатов, лишения их свободы передвижения такие методы борьбы рабочего класса, как открытые протесты, нелегальные действия, организованная переправка людей в СССР на съезд.

«Я с вами целиком согласен,— писали Джонсону,— что необходимо уже сейчас организовать переправочный пункт, иначе вся работа по организации может быть взорвана... Еще раз повторяю о необходимости принять меры к тому, чтобы публика не болтала лишнего. В противном случае вся работа пойдет насмарку. Изучай людей, подбирай их умело и опасайся провокаторов. Учти все. Тебя учить не надо».

Такие письма временами раздражали Чарли, хотя он понимал, что товарищи там, в Москве, совершенно правы... Они требовали дела, а не слов. Требовали гибкости ума. Требовали тонкости классовой работы.

Японская полиция и разведка установили строгий контроль за портами страны и задерживали всех подозрительных. Поэтому попытки делегатов проехать через Японию, как стало ясно, были бы нереальными. Со всякими оказиями предупреждали делегатов, что нужно пробираться через Маньчжурию, хотя и там орудовали японцы.

Предстояло продумать, где встречать людей. Последнее обстоятельство было крайне важным, чтобы истинных делегатов отличать от провокаторов.

Расчет на Маньчжурию оказался верным. Из Китая прибыли шесть человек. В Корее произошел провал, но четыре делегата успели проскочить и благополучно добрались до Владивостока. Затем сложным путем прибыл из Кореи еще один делегат, который

сообщил, что за ним следует еще один товарищ. Появлялись — по одному, по два — делегаты из других стран. Мандаты у многих были зашиты в одежду и часто представляли собой лоскуты материи с фамилией и печатью. Иные доставали мандаты, хитроумно запрятанные в веревочную, редко — в кожаную обувь.

Некоторые избрали путь в Москву настолько окольный, что добирались туда через Ближний Восток или даже через Западную Европу.

В самом сложном положении оказались японские делегаты, запертые полицией на собственных островах, а из Японии предполагалась солидная делегация — 15 человек. Были учтены все возможности, даже наименее вероятные. Обратились с самой серьезной просьбой к двум знакомым морякам, один из них был кочегаром на пароходе «Сакае-мару». Кочегары других пароходов, с которыми поддерживалась связь и которым можно было доверять, тоже согласились, несмотря на риск, попробовать перевезти нужных людей. Но Чарли по опыту знал, что не каждый сможет проваляться в кочегарке несколько дней подряд, затаившись в черном пекле. Поэтому он написал сразу в Японию, что «пассажиры» должны быть хорошего здоровья, ибо «придется 3—4—5 дней лежать в адском месте». Но ведь в числе «пассажиров» могли быть и женщины...

Совместно с товарищами из Японии был разработан остроумный шифр. Чтобы известить или предупредить о чем-либо, следовало дать невинное объявление в одну из японских газет, которые приходили во Владивосток, лучше — в какую-нибудь буржуазную, она привлечет меньше внимания. От ТОС требовалось заметить такое объявление, для чего надо было прочесть всю газету. Все способные разбираться в иероглифах каждое утро по требованию Чарли засаживались за кипы газет. «Объявления» могли помочь и тем, кто прибыл без мандата. А такое могло случиться, ведь люди испытывали невероятные трудности и притеснения в поисках дороги на Москву.

...Ранним утром на китайском пароходе, зашедшем из Иокогамы во Владивосток, приехала хрупкая, маленькая японка. Чарли разбудили по телефону, и он из дому примчался на условленное место: пешком, трамвай еще не ходил, не попалась и извозчичья пролетка с фонарями на левой стороне; в такую рань тащились лишь первые китайские ломовики с упряжью без дуги.

У японки мандата не было...

Чарли помимо воли подумал: не водит ли она за нос? Никакого объявления в газетах также не обнаружили. Надо было все проверить, проявить максимальную осторожность...

На губах японки блуждала тень виноватой улыбки. Она приехала к тому же еще с сыном, что категорически запрещалось. Тот жался к маме и глядел исподлобья, сердито, недоверчиво. Японка

пояснила, что сын всегда с нею, его некуда девать, они одиноки и сын уж очень хотел увидеть сказочный город Москву. Их накормили, одели, обули, как это приходилось делать почти со всеми делегатами с Востока. Приезжали люди бедные, а эта женщина сказала, что она ткачиха; ее руки говорили о тяжелом труде... Нет, вряд ли это провокаторша, думал Чарли. Сложный и кровавый путь рабочего движения показывал, что провокаторы в подобной ситуации, как правило, были снабжены исправнейшими документами, мандатами. Эти черные души втирались в рабочее движение, стремясь быть вне подозрений, и лишь со временем их разоблачали. Даже крупные провокаторы вроде Малиновского[1] и те шли путем завоевания доверия в рабочей массе. Но зачем она взяла с собой мальчика? Смягчить сердца бдительных товарищей? Однако еще ни один провокатор не провел Чарли, ни в одной стране!

Чарли мысленно вернулся в Канаду. За годы, прожитые вместе с американскими и канадскими рабочими, у него развилась интуиция к искренности. Он, как ему казалось, стал лучше отличать искренность, да и преданность от их подделки. Тогда в Канаде Чарли познакомился с Джоном Леопольдом (он же Эссельвейн). Этот человек вступил в партию в местном отделении в Реджайне, проявив себя до этого в Комитете медицинской помощи Советской России. Симпатии человека к новой России всегда высоко ценились в среде сознательных рабочих.

Леопольд-Эссельвейн вскоре стал секретарем местной организации коммунистов. Однажды Чарли совершил с этим человеком длительную поездку по местным организациям, имел возможность с ним подробно побеседовать, присмотреться к нему. Леопольд-Эссельвейн ему не понравился; он много говорил о своих заслугах, о дружбе с Тимом Баком, Брюсом, хотя Чарли было достоверно известно, что их связывали обычные отношения коммуниста с коммунистом. Леопольд-Эссельвейн мог иногда и приврать, допуская такие ляпсусы, что Чарли стал сомневаться в этом человеке. Он поделился с Тимом Баком своими сомнениями еще в Канаде. Нет, никаких фактов у него не было, но разве подозрение, основанное на наблюдениях, беспочвенно? Чарли было не совсем ясно, что связывает Леопольда-Эссельвейна с партией коммунистов, ведь этот человек акцентировал внимание на каких-то внешних моментах работы, где можно было себя показать, возвыситься над остальными. Порой ему казалось, что Леопольд-Эссельвейн проявляет интерес к таким сторонам деятельности организации, которые его непосредственно не касались. В условиях гонений на коммунистов в Канаде такое любопытство не одобрялось.

[1] Малиновский Р. В.— провокатор, тайный сотрудник Московского охранного отделения. В 1906 г. в корыстных целях примкнул к рабочему движению. В большевистской партии занимал ряд видных мест. В 1918 г. был арестован, предан суду и расстрелян.

В 1927 году Леопольд-Эссельвейн перебрался в Торонто, но вскоре отошел от активной деятельности, остался рядовым членом партии в местном отделении. Однако никаких грехов за ним вроде бы замечено не было [1].

Сейчас, когда японка занимала все его внимание, Чарли вспомнил свои подозрения относительно Леопольда-Эссельвейна и рассердился на самого себя: не стал ли ты, Чарли, болезненно подозрительным? Если так, то тебе пора в отставку — при таком характере нормально работать с людьми невозможно!

А тем временем тосовцы снова и снова перечитывали объявления в газетах. Рябило в глазах от букашек-иероглифов. Но Чарли был неумолим: семь раз отмерь — один раз отрежь! И вот что-то такое нашли. «Опытная гувернантка местного происхождения, имеет европейское образование, ищет работу. Лучшие рекомендации. По договоренности — возможен выезд из Токио». И дальше был почтовый адрес, никогда не существовавший в природе!

Пропустили объявление! Проглядели! Виновники подверглись ужасному разгону со стороны Ч. Джонсона. Сам Чарли себя давно не помнил таким разъяренным.

Японка, с которой все обошлось благополучно, сообщила, что прибудут еще семь человек, возможно «пассажирами». Но после этого из Японии не было ни слуху ни духу. Человек, обещавший все разузнать на месте, тоже как в воду канул.

Чарли вспомнил, что еще зимой они привлекли двух японских моряков для доставки литературы на острова. Это были обычные профсоюзные издания. Моряки привезли пачку в Иокогаму, беспрепятственно вышли из порта и сдали литературу для продажи одному прогрессивному книготорговцу. Но в тот же день, сидя за рюмкой саке, они вдруг почувствовали страх: ведь за перевозку «коммунистической литературы» (а все, что ввозилось из СССР, считалось не иначе как коммунистическим) можно было легко схлопотать 10 лет заключения. И эти моряки, уже не раз бравшие для себя и товарищей литературу, вдруг не на шутку испугались, пошли в полицию и признались. Предательство было оплачено чистыми иенами, а книготорговец оказался за решеткой.

Москва бомбардировала Чарли телеграммами, оттуда звонили по проводам, хотя слышимость была никудышная. Спрашивали:

— А проверены ли эти твои люди?

— Где же их проверить заранее! Ведь именно в деле-то и проверяются люди! — вот и все, что он мог сказать в ответ, хорошо понимая, что в случае провала порученной операции головы ему не снести. В те дни у Чарли прибавилось седины.

[1] Леопольд-Эссельвейн полностью себя разоблачил как агент полиции, когда в 1931 г. выступил главным свидетелем обвинения в верховном суде провинции Онтарио на процессе восьми рабочих — узников тюрьмы в Кингстоне (Т. Бак, Дж. Бойчук и другие).

Во Владбюро ТОС все ходили мрачные. Ждали людей, известий. До одурения перечитывали массу объявлений. Но только одно сообщение касалось этих напряженных взвинченных людей — корреспондентская информация в газете «Джапан адвертайзер» о дальнейшем усилении полицейского контроля за уходящими в Россию, в Китай судами. Лучше бы не знать таких новостей! Вначале никто не решился показать их Джонсону...

Люди Чарли обычно встречали каждый пароход из Японии. Сам Чарли в порту почти не появлялся, чтобы не привлекать к себе внимания тайных японских резидентов. Он сидел по своему официальному адресу на Пушкинской улице и ждал звонка. Зарубежных гостей обычно приводили на эту тихую улицу (а не во Дворец труда), и только после этого они уезжали в Москву.

И все-таки звонка Чарли дождался. Кочегары не подвели. Японская делегация теперь уже почти в полном составе находилась на советской земле. Это в основном были рабочие — металлисты, горняки, электрики, текстильщики. Это они вызывали такой ужас японских властей, кичившихся своим порядком в стране...

20 июля 1930 года Чарли сдал свои дела во Владивостоке новому товарищу, который отныне должен был возглавить Владивостокское бюро ТОС. 28 июля он еще присутствовал на заседании бюро. В архивах удалось прочитать протокол этого заседания. В нем говорилось: «Пункт 4. Об отъезде тов. Джонсона. Тов. тов. Пукке, Грин, Иванов, Ким-Хабан отмечают большую работу, проделанную ТОС под руководством тов. Джонсона. Постановили: Отметить большую работу, проделанную Владбюро ТОС под руководством т. Джонсона. Выразить пожелание, чтобы т. Джонсон и в дальнейшем держал связи с ТОС».

Партийный долг, призвавший Чарли во Владивосток, был исполнен. 29 июля они с Анце сели в скорый поезд. Два дня Чарли отсыпался. Потом приступил к подготовке своего выступления на V конгрессе Профинтерна, делегатом которого его избрали. Благо времени было достаточно. Поезд должен был подойти к московскому перрону только через неделю. А в поезде, в дороге — через всю Сибирь — ему всегда думалось хорошо...

ЖИТЬ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

УМУДРЕННОСТЬ

«Лишь тот прожил жизнь достойно, кто отдал юность чувству, годы зрелости — борьбе, старость — размышлениям. И только ту жизнь можно назвать славной, в которой человек до конца остался верен своим идеалам»,— сказал англичанин Уилфрид Блант — смелый борец против реакции.

Эти слова можно лишь относительно применить к поколению борцов, к которому принадлежал Чарли. Революционная борьба рабочего класса выковывала и выковывает характеры несколько иного склада, борцов нового типа. Они навсегда сохраняют юношеские чувства, норма жизни для них — борьба, борьба, пока стучит сердце и повинуется разум, и, возможно, только зрелый возраст (Блант назвал его старостью) углубляет размышления, приносит мудрость.

В революционной борьбе пролетариата мудрость приходит с опытом. Однако опыт не всемогущ и сам по себе не приводит человека к мудрости. Скажем прямо: только опыт революционной борьбы пролетариата, пережитый в какой-то его части личностью, борцом и умноженный на освоенную теорию марксизма-ленинизма, открывает человеку подлинную мудрость современной эпохи, дает ему истинное понимание того, как должны люди жить, как они должны бороться, чтобы преодолеть современные противоречия, чтобы одержать победу над классами, живущими угнетением масс, унижением человеческой личности...

К такой мудрости не может привести ни сама «чистая» революционная борьба, ни «чистое» штудирование научной теории, учения марксизма-ленинизма.

Первым известным нам выступлением Карла Янсона, содержание которого сохранилось, была его речь на II съезде СДЛК (1907 год). Она носила чисто информационный характер, как того и требовали обстоятельства. Здесь никаких теоретических положений мы не находим, хотя где-то в подтексте выступления они, безусловно, существовали. Затем за период до 1920 года в нашем распоряжении имеется большое число его писем и некоторые другие его документы, особенно за 1906—1909 годы. В этом наследии Карла Янсона отразились беззаветная преданность пролетарским

идеалам, целям революционного рабочего класса, безусловная вера в конечную победу революции в России, вера, которая не оставляла его даже в тяжелую годину реакции. Вспомним его слова о силе СДЛК, когда он сказал, что эту силу в Прибалтике царизму никогда не удастся разбить. Теоретические выступления Янсона того периода до нас не дошли, но они были (он выступал с докладами среди латышских революционных эмигрантов в США).

Однако мы знаем о его глубоком интересе к теории не только по этим докладам. Вспомним, как, прибыв в Ригу с транспортом оружия в 1906 году, в условиях глубокой конспирации, когда тщательно взвешивается каждый шаг, Янсон, по его же словам, покупает себе «теоретические книги».

В письме от 9 марта 1908 года мы находим слова сожаления о том, что он не может читать на немецком языке глубоко теоретические книги, как это ему хорошо удавалось на русском, английском и конечно же на латышском. Мы точно знаем из письма Янсона, что в конце 1909 года он садится за серьезное изучение «Капитала» Маркса.

Все приведенные факты говорят о том, что К. Янсон, став профессиональным революционером, занимался не только практическими делами, но и глубоким изучением революционной теории, придавая теории огромное значение.

Пребывание в красной России в 1920 году в качестве делегата II конгресса Коминтерна, дни, проведенные в Москве и Баку, обогатили Карла Янсона и теоретически. По возвращении в США, в Канаду он становится активнейшим и сознательным борцом за воплощение ленинских идей, изложенных в книге «Детская болезнь «левизны»...». Прямые доказательства этого мы находим в подробных свидетельствах Тима Бака, приведенных ранее.

Теоретическое мышление Янсона зрело вместе с мышлением всей ленинской партии. Мудрость пролетарской партии — это не абстрактное понятие, не нечто витающее над партией. Это коллективная мудрость, а значит, крупицу этой мудрости несет в себе и каждый член партии, который способен овладеть и овладевает идейным богатством партии.

В период острейшей борьбы с троцкизмом, что отразилось и на работе VII пленума Коммунистического Интернационала в 1926 году, Карл Янсон был приглашен в качестве знатока произведений В. И. Ленина, чтобы оказать теоретическую помощь канадской делегации, прибывшей на пленум ИККИ в Москву. Мы знаем, что Янсон блестяще справился с этой задачей.

В конце 20 — начале 30-х годов он не раз выступает в защиту и с разъяснением теории марксизма-ленинизма, и эти выступления, пусть и не все, до нас дошли. Теоретическая сила того или другого деятеля, как известно, не прямо пропорциональна количе-

ству его устных или печатных выступлений. Решающим является качество трудов, глубина изложения теории, научная аргументация автора, его творческие тенденции.

Мы хотели бы в данном случае обратить внимание лишь на некоторые выступления Янсона в указанные нами годы. Это его статья «Борьба на два фронта в Китае» (1931 год) и более раннее выступление — на V конгрессе Профинтерна (1930 год). Они для нас очень важны не только серьезностью теоретического содержания, но и постановкой таких теоретических вопросов, которые имеют актуальнейшее значение и на нынешнем этапе интернациональной борьбы рабочего класса, мирового коммунистического движения.

...В тяжелых условиях развития китайской революции к 1930 году в Китае, и прежде всего в Китайской компартии, сложилось опасное политическое положение, связанное главным образом с действиями «левых», их возглавлял тогда руководитель Китайской компартии Ли Лисань. Он выступал с теоретически неверными и практически вредными лозунгами, реализация которых, по его мнению, должна была привести к немедленной победе революции в Китае. Основной смысл этих лозунгов и практических действий состоял в том, чтобы в Китае сейчас же, немедленно было поднято вооруженное восстание.

В Исполкоме Коминтерна (ИККИ) были обстоятельно обсуждены ситуация в Китае, положение в Китайской компартии, и «левые» установки подверглись осуждению. ИККИ предложил провести пленум ЦК КПК, который и состоялся в октябре 1930 года, но на пленуме не удалось осудить подобные призывы, разоблачить «левые» установки.

22 декабря 1930 года ИККИ выпустил свои тезисы «О военно-политическом положении в Китае на 22 декабря 1930 года», в которых говорилось: «...внутри Китайской компартии за последнее время создалось острое критическое положение. По оценке президиума ИККИ, история Коминтерна не знает равных прецедентов такого рода уклонов, какие создались сейчас внутри КПК. Существо вопроса сводится к тому, что Политбюро ЦК КПК вслед за своим лидером Ли Лисанем заняло позицию, отличную от генеральной линии Коминтерна.

Ли Лисань предполагает победу китайской революции только при условии победы революции в мировом масштабе. Исходя из этой предпосылки, он потребовал, чтобы в интересах скорейшего осуществления социализма СССР начал бы немедленную войну против Японии, чтобы Монголия немедленно двинула свои войска на Китай, чтобы СССР вооружил сотни тысяч китайских рабочих Сибири и тоже двинул бы их на Китай. Одновременно Ли Лисань призвал поднять восстание во всех городах Китая. В целях проведения восстания по всему Китаю ликвидируют профсоюзы, комсо-

мол и парторганизации. Вместо всего были созданы комитеты действия, которые и должны осуществить восстание.

Красной Армии, несмотря на ее поражение под Чанша в августе сего года, было приказано наступать на Чанша, Ханькоу и Наньчан.

Протестуя против решения Коминтерна, осуждающего такую босяцко-провокаторскую установку, Ли Лисань заявил, что он будет разговаривать с Коминтерном иным языком, когда Красная Армия займет Ханькоу.

По рекомендации ИККИ в октябре сего года был созван третий пленум ЦК КПК.

Несмотря на то что члены китайской делегации Коминтерна были в курсе решения Коминтерна и называли Ли Лисаня сумасшедшим, по прибытии в Китай они не только не стали защищать линию Коминтерна, но перекинулись на точку зрения Ли Лисаня, а критику его установок свели к мелким, якобы техническим разногласиям с Коминтерном...»

Борьба Коминтерна против правых сил в КПК, а в данный момент — против «левых» имела прямое отношение к деятельности Профинтерна, а что касается самого Китая,— то и к позиции Всекитайской федерации труда (ВФТ). Профинтерн, как и следовало ожидать, занял четкую позицию поддержки ленинской линии Коминтерна.

В ВФТ существовала группа элементов правооппортунистического направления, а под влиянием установок Ли Лисаня и по некоторым другим причинам подняли голову еще и «левые» авантюристы. В этой обстановке ВФТ не поддержала линии Профинтерна, затушевала глубокую ошибочность и пагубность политики «левацких» и правых оппортунистов.

В середине зимы 1931/32 года Исполбюро Профинтерна обсудило китайский вопрос и сделало следующий и твердый вывод: **«Во всей работе Всекитайской федерации труда нужен перелом. Перелом должен быть основан на решениях V конгресса Профинтерна.** Сторонники Профинтерна в Китае должны добиться крутого поворота во что бы то ни стало».

После тщательного обсуждения китайского вопроса на Исполбюро Профинтерна Карл Янсон написал содержательную статью «Борьба на два фронта в Китае» и опубликовал ее за подписью К. Э. Джонсон во втором январском номере журнала «Красный Интернационал профсоюзов» за 1931 год.

В своей работе он осветил необходимость борьбы в Китае на два фронта: против правой опасности в работе с профсоюзами и против «левых». Правые, как это хорошо показал Янсон, потеряли революционную перспективу, стали противопоставлять «экономическую борьбу пролетариата борьбе политической» и в итоге стремились «ограничить борьбу рабочих узкоцеховыми рамками». Это

было явное тред-юнионистское направление. Однако основное внимание в статье Янсон уделил критике «левого» оппортунизма, который вырастал в большую опасность во всей политической жизни Китая, его рабочего класса, его профсоюзов. «Что касается «левого» оппортунизма, возглавляемого т. Ли, то он совершенно искажает ленинскую линию Коминтерна и Профинтерна... Тов. Ли и некоторые другие из руководящих товарищей делают ставку только на политические забастовки и немедленное вооруженное восстание во всекитайском масштабе»,— писал Карл Янсон.

«Левые» и в теории, и на практике мешают мобилизации масс, а в экономической борьбе они не понимают, что борьба за экономические злободневные требования не может подменяться какими-либо «радикальными лозунгами», нетерпеливыми призывами к революции, практическими шагами по свертыванию экономических боев. Политику Ли Лисаня и его сторонников Янсон назвал «авантюристической». Он отмечал, что «авантюристическая политика т. Ли могла привести не к развертыванию нарастающего стачечного движения, не к усилению мобилизации масс для борьбы против гоминьдана и империализма, а к полнейшей дезориентации и дезорганизации масс».

Карл Янсон высказал твердое мнение относительно позиции ВФТ, второй пленум которой занял «явную примиренческую позицию» к «левым», да «по существу и сам остался на позициях «левацких» авантюристов». Китайским товарищам из ВФТ К. Янсон советовал разрешить ряд основных, кардинальных вопросов, таких, «как борьба на два фронта, развертывание экономической борьбы, превращение экономических стачек в стачки политические, укрепление и расширение красных профсоюзов, укрепление и создание массовых союзов на советских (в Китае.— *В. Ш.*) территориях, вовлечение членов профсоюзов в советский аппарат и в Красную Армию и превращение их в подлинные революционные органы восставших рабочих и основных масс крестьянства».

Заключительную часть своей статьи Янсон начал со слов: «Беспощадная борьба одновременно против «левых» авантюристов и против правых оппортунистов является необходимым условием дальнейшего движения вперед. Без борьбы на два фронта осуществление ленинской линии Профинтерна в Китае невозможно». Думается, что упоминание здесь, в заключении, на первом месте борьбы с «левыми» случайным не было.

И теперь, вернувшись несколько назад, мы можем проанализировать также выступление Янсона (Джонсона) на V конгрессе Профинтерна, тем более что в теоретическом отношении оно, несомненно, отражает действительно научное понимание марксистско-ленинской теории пролетарской революции.

В этом выступлении Янсон остановился на положении рабочего класса и трудностях революционной борьбы в некоторых капита-

листических странах, где компартии и революционные профсоюзы в тот момент оказались загнанными в подполье и жестоко преследовались правящими классами. Не сумев приспособиться к подпольным условиям, кое-где стали выдвигать лозунги применения вооруженной силы, вооруженных демонстраций, призывать к вооруженным стачкам. Эти лозунги не отвечали моменту, вносили дезорганизацию и вели в итоге к падению поддержки революционного ядра со стороны масс.

Янсон это назвал «левым» уклоном. И очень справедливо. Однако внимание он здесь сосредоточил не на политической критике «левого» уклона, а на разборе его теоретической несостоятельности, на внутренней связи правого и «левого» уклонов, на игнорировании достижений марксистско-ленинской науки, на неумении некоторых деятелей применить теорию на практике. Вот одно наиболее важное место из выступления Янсона: «Характерной чертой «левого» уклона является сплетение ультралевых лозунгов с правой оппортунистической практикой. Ультралевые лозунги вооруженных стачек и демонстраций показывают, что... товарищи действительно стремятся подняться к высшим формам классовой борьбы. Высшей формой классовой борьбы является, конечно, вооруженное восстание, но эта высшая форма требует известных предпосылок. Прежде всего, она требует острой революционной ситуации, во-вторых, она нуждается в массовой поддержке и массовой активности, в-третьих, ей должна предшествовать систематическая, упорная подготовительная работа. Для этого должны иметься налицо такие признаки, как превращение экономических стачек в политические, частое возникновение чисто политических стачек, политических демонстраций и т. д.».

Карл Янсон понимал, что указанные предпосылки не всегда имеются, что иногда люди «пытаются пойти напрямик». Три года тому назад в одной стране товарищи считали, что можно добиться низвержения монархии, низвержения буржуазии, «перенеся центр борьбы на теоретический фронт». И Янсон разъясняет, как марксизм-ленинизм понимает классовую борьбу. «Теоретическая борьба — это один из постулатов, выдвинутых Энгельсом для классовой борьбы; Энгельс говорил об экономической и теоретической борьбе... товарищи не поняли, что **марксизм-ленинизм не выделяет из прочих теоретической борьбы, но что все три вида борьбы являются органическими частями одного великого процесса массовой борьбы.**

Выделение и концентрация сил на одном изолированном и абстрактном лозунге не развивает и не усиливает наших стратегических сил в классовой борьбе. Напротив, оно мешает нашему движению (всюду выделено мною.— *В. Ш.*)».

Это выступление помимо всего прочего показывает, как умело Карл Янсон объяснял довольно трудные и сложные вопросы марк-

сизма-ленинизма. Он был настоящим пропагандистом революционной теории, глашатаем марксизма, опыта большевиков.

Что касается опыта ленинской партии, то Янсон на этом же съезде еще раз подчеркнул его международное значение, исключительную ценность для всего мирового революционного движения. Он сказал: «Товарищи должны раз и навсегда понять, что в классовой борьбе нельзя «идти напрямик». Они должны изучать Ленина и понять, что большевистская партия и русские революционные профсоюзы комбинировали различные орудия и методы работы в широком, в массовом масштабе, чтобы добиться успеха, чтобы низвергнуть буржуазию... Товарищи должны также раз навсегда отбросить механические концепции и механическое применение наших лозунгов в наших кампаниях и организационной работе».

Те, кому приходилось встречаться с Карлом Янсоном, говорят, что это был человек спокойный, вдумчивый. Свои мысли он излагал убедительно, как бы выкладывая одну мысль за другой, и слушать его было нетрудно. Иногда был прямолинеен, резок. Но всегда правдив. Надо полагать, его охотно слушали. Он покорял логикой, страстностью, последовательностью, аргументацией.

Когда эта книга уже завершалась, пути автора снова пересеклись с людьми, которых словно сама судьба посылала навстречу.

...В Варшаве живет человек с интересной и богатой биографией — генерал Станислав Окенцкий; в Москве, на тихой улочке Рылеева,— Мария Александровна Фортус... Они знали Карла Янсона (Джонсон). И снова идут письма, ведутся разговоры о незабытых годах, годах неповторимых...

...В конце 1931 года в Москву прибыл политэмигрант Станислав Окенский. Он нашел для себя работу в Профинтерне и почти три года увлеченно отдавался делу интернациональной борьбы профсоюзов. Последние месяцы 1934 года был заместителем ответственного редактора известного тогда журнала «Красный Интернационал профсоюзов». Станислав Окенский писал автору книги в августе 1979 года:

«За эти почти три года я часто встречался с Карлом Джонсоном. Он, по моему мнению, был одним из наиболее опытных и прекрасно подготовленных работников Профинтерна. Причем это не только мое личное мнение. Мне довелось по роду моих обязанностей присутствовать на многих заседаниях Исполбюро, и там я встречал, как правило, тов. Джонсона. С его мнением очень считался генеральный секретарь С. А. Лозовский, секретарь Профинтерна Костаньянц — второе лицо в Интернационале. У меня даже создалось впечатление, что Лозовский и Джонсон были связаны дружескими узами. К его выступлениям все мы, молодые еще тогда люди,— мне было всего лишь 24—25 лет — прислушивались с большим вниманием. Это, несомненно, был человек с большими знаниями и широким кругозором.

Как сегодня помню этого седого, высокого роста человека, прекрасно владеющего русским языком, но с сильным латышским акцентом. Не могу сказать, что Джонсон был жизнерадостным человеком. Мне он казался задумчивым, всегда чем-то озабоченным, порой с нахмуренным лицом. Но это была скорее всего лишь внешняя оболочка. Во всяком случае к нам, молодым, еще малоопытным работникам, он относился с большим вниманием, пытаясь выяснить много новых для нас вопросов».

Станислав Окенский рассказывает о том, как Профинтерн посылал бригады для знакомства с профработой в других странах — Германии, США. «И вот в ходе подготовки и инструктажа бригады, которая направлялась в США — на сталелитейный завод «Иллинойс», на чикагские бойни и на станцию Северо-Западной железной дороги в Чикаго, принимал весьма активное участие и Джонсон. Хотя, как я знал, главная заинтересованность Джонсона была в вопросах профработы в странах Востока, но все же и тут он показал себя как хорошо знающий местную обстановку и специфические условия, в которых находилось в то время американское профдвижение. Его практические советы, наряду с высказыванием представителя американских профсоюзов в Профинтерне... оказались особенно ценными, в чем мы убедились после возвращения нашей бригады...

...Мне особенно понравились критический подход Джонсона к оценке деятельности ЛПЕ (Лиги профсоюзного единства) и акцентирование необходимости усиления работы среди членов реформистских, левореформистских и др. профсоюзов с целью завоевания масс рабочих на сторону революционного профдвижения, одновременно с необходимостью дифференцированного подхода к реформистским профвождям; не надо ослаблять борьбы за каждую выборную должность в реформистских и других массовых профсоюзах (АТФ и др.). Основной поворот (на практике) в этом таком важном деле принесли, как известно, решения VII конгресса Коминтерна в 1935 г.

...Джонсон обратил внимание на необходимость добиться решительного сдвига в борьбе против империализма, в первую очередь направляя огонь по американскому империализму...»

Вот таков был этот человек — мудрый, хорошо чувствовавший и понимавший свое время; он вынашивал в себе много разумных соображений и делился ими. Человек рассудительный, вдумчивый. Возможно, несколько сдержанный, замкнутый, словно ему еще предстояло много сказать и особенно много сделать...

Тот, кто встречался на жизненном пути с этим человеком, никогда его не забывал. Он оставался в памяти навсегда...

Кто много знает и умеет — тот учит других. Так было, так оно и есть по сей день. Во всяком случае, как правило. К. Янсон и в

последние годы жизни имел своих учеников и в стенах учебных аудиторий.

В 1933 году он стал лектором (по совместительству с основной работой) Международной Ленинской школы в Москве. Его слушателями была революционная молодежь Востока, которая приезжала в СССР, чтобы глубоко овладеть теорией революционной борьбы в эпоху империализма, научиться связывать научную теорию с практическими задачами революционного Востока. В Международной Ленинской школе был собран цвет лекторов того времени. Здесь выступали видные деятели международного рабочего движения.

Лектора Джонсона в школе любили и ценили. Сохранилось несколько характеристик, в которых он оценивался как лектор и раскрывался его вклад в новое для него дело. В характеристике от июля 1933 года мы читаем: «Джонсон (по профдвижению). Ведет курс в 1-м и 2-м кружках. Зав. Восточно-колониальной секцией Профинтерна. Свою преподавательскую работу в секторе тов. Джонсон начал лишь со второй половины апреля 1933 г. В течение полутора месяцев он показал себя одним из лучших преподавателей в секторе. Его отличительные качества: большой революционный опыт по профдвижению, глубокое знание положительных и слабых сторон рабочего движения в Китае в прошлом и теперь и тех боевых задач, которые стоят перед КПК в данном вопросе в настоящее время. Отсюда его глубокая национализация и актуализация программы и заданий по своему курсу. Его уровень подготовки и метод преподавания удовлетворяют слушателей полностью».

В последующих характеристиках подчеркивалось, что лектор Э. Джонсон проводит правильную партийную линию и большую работу по индивидуальному изучению студентов. К своим лекциям готовится ответственно.

Последние данные о лекционной работе Э. Джонсона относятся к 1936 году.

Если в зрелом возрасте у человека есть ученики и ему есть что сказать своим ученикам, такой человек избавлен от чувства опустошенности и одиночества... А ведь это — важный компонент счастья. Такое счастье не обошло и Карла Янсона.

«ОСОБРАБОТА»

12 января 1932 года Карлу Янсону исполнилось пятьдесят.

Отрезок жизни — то бешеный бег, то лихорадочное выжидание, то снова рывки вперед — слился с прошлым. В семье отмечался день его рождения. Но не в январе, а ближе к весне.

Как только удалось застать Чарли в Москве, друзья собрались у него дома. Чарли и Анце по-прежнему жили в своих «люксах» на Тверской, как иногда называли общежитие Коминтерна, занимая одну комнату, но большую, почти квадратную, удобную. Они привыкли к этим «люксам».

Пришел младший брат Янис с женой-сибирячкой, которую полюбил еще в царской ссылке. Теперь он работал в Москве и жил на Каляевке. Была и жена покойного старшего брата Чарли — Яниса — Анна Яковлевна.

Пришел Вилис Дерман с супругой Генриеттой: они были давние и хорошие друзья Чарли, знакомые еще по Америке. Пришла с сыном Августом и сестра Чарли Анна Эрнестовна, оставив своего второго сына, маленького Юлия, дома.

В «люксе» стало шумно, многолюдно, что в доме случалось редко, хотя каждого гостя здесь принимали всегда радушно.

В те годы семейные события отмечались обычно скромно — не было длинных столов, уставленных яствами, не было калейдоскопа бутылок. Экономическое положение страны все еще оставалось напряженным, и это чувствовалось в каждой трудовой семье. По карточкам выдавали хлеб, масло, сахар. Промышленные товары — одежда, обувь — тоже строго нормировались. Становилось традицией приходить в гости не только с цветами. И к Чарли пришли кто со своим сахаром, кто с куском жаркого из мяса, заполученного по случаю отоваривания карточек в конце месяца. На столе появилась бутылка водки, выданная в магазине по талону. Запахло вареной картошкой, квашеной капустой, огурцами...

Чарли был смущен вниманием, которое оказали ему родственники и товарищи. Облегченно он вздохнул, лишь когда разговор перешел на других, и ему понравилось, что в такой день вспомнили тех, кого не оказалось здесь за столом.

Вспомнили конечно же мать большого семейства Янсонов. Прошло много времени с тех пор, как ее проводили в последний путь; Чарли тогда было двенадцать лет. Но она для Чарли всегда оставалась живой, казалось, всегда была с ним, была живой. И в трудный час, и в минуту радости. В Латвии в те годы жили родственники Чарли, и они ухаживали за могилой матери. Но именно Чарли (после смерти отца) переслал в Латвию деньги, чтобы матери поставили небольшое надгробие...

После смерти отца!.. Да, не было в живых уже и отца. Когда он умер — а это было в 1929 году,— никто из сыновей не смог приехать в Каугари проводить его в последний путь. Из Янсонов, живших в Советском Союзе, в это время оказалась в Латвии только дочь старого Эрнеста Анна.

На родину Анна приехала тогда в связи с другими обстоятельствами. Она чувствовала себя плохо, часто хворала. То воспалением легких, то плевритом. Тогда она поехала к сестре Карлине в

Лиепаю, надеясь навестить и отца, которого не видела лет десять. А дальше, много лет спустя, сама рассказывала так: «Поехала к отцу, кое-что отвезла ему из продуктов, он любил покушать. Встретились с ним радостно. Он был еще бодрый, слушал меня внимательно, говорил: ладно, вижу, живешь хорошо; отец любил самостоятельность в детях. Затем я поехала в Лиепаю. Спустя недели полторы вдруг сообщают из деревни — отец умер. Мы с сестрой Линой сразу же поехали на хутор. Там уже готовились похороны... Время тогда в буржуазной Латвии было смутное. Власти преследовали всех «красных» и их «агитаторов». Но ведь у могилы надо было сказать слово... И я решилась. Я сказала, что наш отец был хорошим отцом: он нам помогал мало, но не запрещал идти своей дорогой. И мы его за это благодарим».

Зазвонил телефон, протяжно зазвонил. Председатель Профинтерна Лозовский попросил к телефону Чарли, поздравил его с 50-летием, извинившись, что никак не смог освободиться от дел, чтобы приехать в «люксы». Лозовский сказал Чарли еще что-то, можно было догадаться — важное, ибо Чарли быстро оделся и покинул дом. Гости остались наедине с хозяйкой...

В начале 30-х годов в мире быстро назревали тревожные события: ведущие империалистические державы тайно и явно готовились к войне. Пройдет несколько лет, и мир окажется ввергнутым в новую мировую войну; народы содрогнутся от невиданных человеческих жертв, уму непостижимых разрушений...

Первый очаг новой мировой войны разожгли милитаристские силы Японии. Создав предлог для вмешательства в дела Китая, японские милитаристы в 1931 году начали захват Маньчжурии, и уже в марте следующего года мир узнал, что на захваченной территории создано марионеточное государство Маньчжоу-го. Япония ставила перед собой далеко идущие цели, о чем недвусмысленно сказал в 1931 году японский посол в Москве Хирота: японцы должны «быть готовы воевать с Советским Союзом в любой момент» с целью «захвата Дальнего Востока, Сибири».

В Европе, в фашистской Германии, складывался другой, еще более опасный очаг мировой войны. Когда Гитлер 30 января 1933 года стал канцлером Германии, он открыто провозгласил основой своей политики войну. «Война,— говорил он,— самое естественное, обыденное явление. Война — всегда, война — всюду. Она не начинается и не заканчивается. Война — это жизнь... Я хочу войны». Позже выяснилось: основное направление войны — против Советского Союза.

Настойчиво проводимая Англией антисоветская политика, политика поощрения германского, итальянского фашизма, фашистских и антисоветских сил в других странах, японских милитаристских планов против СССР также несомненно способствовала даль-

нейшему разжиганию военных очагов, созданию таких условий, когда мировая война становилась практически неизбежной.

И кажется, нигде в мире не представляли с такой ясностью опасность развивающихся событий, как в Москве. В СССР в основном аккумулировались и те организующие силы, которые могли поднять все здоровое и прогрессивное в мире, чтобы связать силы фашизма, империализма и войны, избежать величайшего кровопролития. А такая возможность еще была....

Сознание грозной опасности и необходимости действовать без промедления все глубже проникало в ряды коммунистических партий, объединенных Коминтерном. Профинтерн, в свою очередь, стремился поднять на борьбу всех, кто осознавал опасность войны, соединить классовую борьбу рабочих против капитализма с борьбой против фашизма, за цели общедемократического движения. В повседневную жизнь вошли новые слова и термины глубокого смысла, например «особработа» — «особая работа». Под ней подразумевалось усиление борьбы против военной опасности, борьба против империалистической войны. Появились и так называемые «антивоенные инструктора».

Один из таких антивоенных инструкторов — Карл Штейн — и прибыл тогда из СССР в Западную Европу...

Письмо в Москву
Александру и другим

Прибыл без затруднений 24 февраля и на другой же день на заседании Европейского секретариата сделал доклад об особработе. Единогласно поддержали. Был в Гамбурге, встречался с руководителями партии, редактором «Гамбург фольксцейтунг» и другими товарищами. В Берлине совещался с известными Вам товарищами. Выступал на заседании местных и областных организаций, каждый раз собиралось 50—60 человек. Совещался с т. Далемом [1].

Из Англии на совещании были Джордж и Джек; они рассказали об антивоенной кампании, но стало ясно, что здесь пока мало заостренности против английского империализма.

Совещался с тов. Запотоцким и польскими товарищами.

Договорились — необходимо больше антивоенной литературы и листовок, больше митингов, профессиональных собраний, нужна настоящая борьба с империализмом в собственной стране, нужно организовать «спецнедели», с максимальной мобилизацией масс, проводить демонстрации у японского посольства.

Через два дня выезжаю в Б.

5 марта 1932 года

Твой Штейн.

[1] Член Политбюро ЦК КП Германии.

Писал он в Москву нечасто. Время уходило на встречи, беседы, собрания, заседания, споры, когда надо было кого-либо переубедить, когда надо было выслушать, ибо высказывались разные мысли, соображения. Писал коротко, соблюдая осторожность. В письмах должен был быть самый минимум. Только то, о чем необходимо кратко проинформировать. Ведь письма могли попасть в чужие руки. Хотя Штейн передавал свои корреспонденции только через самые надежные каналы.

Во Францию уже пришла весна. В парках Парижа цвели деревья. Весенние ветры приносили рваные тучи, таявшие в южном небе.

Письмо в Москву
Александру и другим

Теперь о делах во Франции. Из разговоров с теми, с которыми я встретился вначале, вынес впечатление, что здесь еще мало занимаются «особработой». Некоторые вообще считают, что экономическая борьба и есть антивоенная борьба и поэтому никакой особой антивоенной борьбы нет. Еще объяснили мне и так: антивоенная борьба есть политическая работа, и это, мол, дело партии. Вместо сочетания форм работы (экономической с антивоенной) их хотят противопоставить друг другу. Мы видели антивоенный митинг в Марселе, и только... Около 500 человек участвовали в нем. Это, по моему мнению, мало. Хотелось бы, чтобы на предприятиях в этом отношении делалось больше. Но я смотрю вперед оптимистично. Партийные товарищи убедили меня, что идея единого фронта здесь охватывает все большую массу людей. Привлекательность этой идеи растет.

Меня просили совета для улучшения работы интернационального клуба моряков в Марселе. Но, к сожалению, в порты Марселя, Руана, Дюнкерка я проехать не смог (товарищи предупредили меня о возможном провале при этой попытке). Поэтому имел с товарищами «основательную беседу». Я прямо сказал, на основании своего опыта (вспомнил я Владивосток), что надо открыть в Руане и Дюнкерке интерклубы и поддерживать их всемерно.

В одной витрине я увидел стряпню Л. Троцкого, посылаю ее Вам для сведения. Полистайте ее, увидите, как низко пал этот человек.

Берлин, 6 апреля 1932 года Твой Штейн.

В тот же день он отправил письмо тов. Семену, написав в нем, что надеется быть в Москве в конце апреля.

Его пребывание в Марселе все же прошло благополучно. Даже встреча с итальянскими товарищами, которые не очень-то затрудняли себя заботой о конспирации. Они уже не раз и легко переезжали из Италии во Францию южным берегом, берегом дворцов,

ярких пансионатов, искрящихся под солнцем гостиниц. В курортный сезон здесь развлекалась вся Европа, вся богатая Европа и Америка.

К. Штейн переехал затем в Руан... Бывает, что в лесу шелохнется листок, ветка и чувствуешь: где-то оживает ветер, а возможно, и буря — злые силы природы... У Карла Штейна было какое-то особое внутреннее чутье к «хвостам», выработанное за многие годы работы. Обострилась эта настороженность и в Руане. И он сказал о своем предположении двум широкоплечим рабочим парням, которые неизменно сопровождали его из Парижа... Решили немного выждать. Ребята знали английский язык — на севере Франции он распространен немного менее, чем французский,— и Карл днем и вечером болтал с ними в Руане за чашкой кофе, они часами просиживали в кино, чаще всего на пустых голливудских фильмах. Эта вынужденная передышка даже успокаивала Карла Штейна, вся жизнь которого проходила в нечеловеческом напряжении, на пределе, когда стирается грань возможного и невозможного.

Настал последний срок, когда было еще не поздно пойти в порт, где располагалась штаб-квартира профсоюза моряков. Но французские товарищи колебались, они держали связь со своим руководством, а там не было уверенности, что все обойдется благополучно. Карл Штейн ничего не собирался предпринимать на свой страх и риск и сказал в ответ:

— Ну что ж, вы несете полную ответственность за мою безопасность, и я не намерен отсиживаться здесь в полиции, а тем более в тюрьме. Меня пригласили в Европу не для этого!

Карл пекся не о себе, ему действительно не выделили времени для пребывания в полиции или тюрьме, и он полностью полагался на разумные действия французских товарищей. На другой день они покинули Руан. В Дюнкерке напряжение не спадало. Французы сказали ему, что назревает провал, о чем он и сообщил в письме Александру в Москву.

...Карл Штейн возвращался в Берлин; путь туда из Дюнкерка он решил проделать без сопровождающих. В этом был свой смысл. Если агентура действительно что-то заподозрила, «засекла» его, то постоянное пребывание возле него двух атлетически сложенных парней, естественно, могло навести на раскрытие действительной их роли при господине Карле Штейне. И он сел в поезд в Дюнкерке один, хорошо понимая, что идет на дополнительный риск, если полиция осведомлена, что господин Карл Штейн — не тот человек, за которого себя выдает.

На франко-германской границе пограничные чины проходили по вагонам, проверяли документы. Была уже глубокая ночь, и многие дремали, сидя в креслах ночного экспресса. Электрические лампочки в вагоне светили тускло, и контроль продвигался по вагонам с карбидными фонарями.

Ничего не случилось. Поезд пришел в Берлин глубокой ночью. Штейн добрался до гостиницы, серой и мрачной, что на плацу. В номере было чисто, а для усталого человека и уютно. Карл сразу же завалился спать. Сколько он проспал — неизвестно. Поднял голову от шума: кто-то настойчиво ломился в дверь, пытаясь если не открыть ее, то взломать. Карл подошел к двери и спросил по немецки: «В чем дело?» В ответ раздался выстрел. С облицовки двери полетели щепки, запахло каменной пылью — пуля вонзилась где-то под потолком. Значит, стреляли в воздух, вверх, чтобы припугнуть. «Только без паники!» — сказал себе Карл. Не зажигая света, он быстро снял телефонную трубку с черного аппарата на ножках. Телефон молчал. Дверь уже поддавалась под сильным нажимом снаружи...

А дальше все, как в голливудских фильмах. Вылез из номера через окно во двор. Нашел какую-то дверь. Лестница вывела его на чердак. Потом крыша.

Его преследователь стоял перед ним. И Карл мог разглядеть лицо незнакомца. Этого человека он никогда не встречал: у него была хорошая зрительная память. А тем временем на Карла было направлено дуло револьвера.

Когда незнакомец наконец заговорил, голос его, к удивлению, оказался не злым.

— Капитан! Я ищу тебя много лет. Я впервые вышел на тебя в Бостоне. Там мне дали досье на тебя... Искал тебя. Находил и терял...— Незнакомец все больше нервничал и словно бы оправдывался. Лицо его под полями шляпы подергивалось.

— Я гонялся за тобой в Шанхае и Токио. Но ты всегда был неуловим. Однако бог меня услышал; теперь ты в моих руках, и я тебя не выпущу! Ты мне сейчас нужен, как никогда!

В голосе незнакомца вдруг зазвучали просительные нотки:

— ...Ты меня должен понять. Я тоже бывший моряк. Ты поедешь со мной к моему хозяину. Документы для тебя у меня готовы... Нет, не здесь, не в Германии; мы поедем дальше. Я ухожу на покой, и ты мой гарант высокой пенсии и спокойной жизни в дальнейшем. У меня жена, четверо детей, двое уже учатся в колледже, а ведь это требует расходов... Тебе это ничего не будет стоить, Капитан. Я не предлагаю тебе перейти на нашу сторону. Ты этого не сделаешь — я знаю. Да мне это и не нужно. Твое правительство вытребует тебя обратно. Мы оба будем удовлетворены.

Дальше этот тип почему-то вспомнил людей, которых в свое время Карл знал. Вспомнил американца Бена, ренегата, бросившего партию в 1929 году. Вспомнил Леопольда из Канады, Карл знал и этого предателя.

— ...Если же ты со мной не пойдешь...— Незнакомец надвинулся на Карла, не отводя в сторону револьвера; старая металлическая крыша заскрипела,— уложу тебя, как бездомного кота!..

Карл не проронил ни слова, только почувствовал вдруг резкую боль в скулах. От стиснутых зубов...

Этот тип мог ухлопать его в один момент. Мертвый Капитан тоже вполне сгодится для хозяев этого подонка. Так вот, не задумываясь, убили года три тому назад его друга Масаноскэ Ватанабэ. Тот был в костюме торговца, но в тайваньском порту Цзилун (Килун) чиновник его опознал. На Ватанабэ набросился отряд полицейских, и Ватанабэ пал в неравной схватке. Его просто раздавили. Здесь, конечно, Европа. Так просто не раздавят. Культурно пристрелят.

...Когда над Берлином забрезжил рассвет, в глухом дворе-колодце служащие гостиницы обнаружили тело человека. Прибыла полиция, которая подобрала труп, опросила ночных служащих и возможных других свидетелей. Примчавшиеся корреспонденты ничего вразумительного от полиции не услышали. Администрация гостиницы в свою очередь заверяла, что погибший номера не снимал, и каким образом он оказался на крыше и как свалился вниз — объяснить никто не может.

Где-то после полудня Карл Штейн спустился на первый этаж в бар и сел у стойки выпить кофе. Он даже не обратил внимания, насколько горький и горячий напиток подали ему. Что же на самом деле произошло ночью, не сон ли все это? Но боль не отпускала кисть руки.

Хук вооруженному врагу был нанесен с нечеловеческой силой, и главное — молниеносно; тот даже не успел выстрелить, два раза перевернулся и глухо шмякнулся куда-то во двор. Правая кисть у Карла так вспухла — вероятно, вывих,— что еле пролезла в рукав пиджака. Малейшее движение усиливало гнетущую боль. О том, чтобы обратиться к врачу, и думать нечего было. Это могло его выдать.

Невыносимо страдая от боли, он скорым поездом покинул Берлин. Вечерние газеты, которые он купил на вокзале, писали о непонятном убийстве во дворе гостиницы, что на плацу. Врачебная экспертиза, по сведениям газет, установила у погибшего — фамилия его не называлась — перелом позвоночника и раздробленную челюсть.

В Негорелом — пограничная станция СССР — Карл Штейн сошел совершенно разбитый (от боли в руке он не мог уснуть). Сошел больной... Врачи оказали ему немедленную помощь.

Вызвал Москву и понял — его ждут, ждут в столице. Лечь в больницу в Негорелом не было времени. Самолета (даже военного) поблизости не оказалось. Карл потребовал санитарную машину. Он в ней мог ехать лежа и наконец выспаться, а боль приутихнет, рассчитывал он.

На следующую ночь машина с красным крестом въехала со стороны Минского шоссе на московские улицы.

В Москве пахло весной...

В 1935 году в Москве собрался VII конгресс Коминтерна. Карла Янсона пригласили участвовать в этом конгрессе, который имел историческое значение для выработки стратегии и тактики Коминтерна, коммунистических партий мира в их борьбе против фашизма, сил агрессии, за сплочение масс, за демократические свободы, социализм и мир.

Сохранился мандат № 120, выданный тов. Джонсону от организации ВКП(б) на право участия в конгрессе с совещательным голосом. Мандат был подписан секретарем ИККИ Пятницким. На мандате мы видим последнюю из известных нам фотографий Карла Янсона. Очень характерны выражение его лица, его взгляд... На вас смотрит наш старший современник. Смотрит искренне, возможно, с некоторым беспокойством, как бы желая сказать: «А знаете ли вы, какое это было трудное и ответственное время? Мы жили нашим временем, но мы делали также все возможное, чтобы вы нас потом не укоряли в бездействии».

То было время первых советских пятилеток. Время отчаянной борьбы за то, чтобы социализм выжил, за то, что сегодня мы с такой гордостью называем — наша социалистическая Родина. Она складывалась в те годы.

...В сентябре 1935 года К. Янсона избирают кандидатом в члены Секретариата Исполбюро Профинтерна. В конце марта 1936 года он принимает дела как заместитель руководителя англо-американской секции Профинтерна. Его супруга Анна Карловна Янсон, с 1933 года работавшая в Коминтерне, в 1937 году готовилась перейти на службу связи ИККИ. Потребовалась рекомендация, и она ее получила. В рекомендации А. Янсон характеризовалась «в качестве заслуживающей полного политического доверия работника» с ручательством, что «в политическом отношении она безупречна».

В 1937 году Карл и Анце отдыхали в Сочи. Ездили в Кудепсту, Адлер, Гагры... Осень только начиналась, выбиваясь кроваво-багряными прядями из-под зеленого убора склонов гор с их синими очертаниями. Море и небо еще переливались летними красками...

О чем могли говорить два большевика, два интернационалиста в дни отдыха, не так часто выпадавшие в их жизни? Они говорили о том, чем были переполнены... О любви. О любви к людям, о любви друг к другу.

Анце вслух вспоминала свои родные места, затерявшийся где-то в Латвии маленький хутор Курсиши. Она говорила так ярко, что Карлу казалось, будто он знал Анце — свою жену, идущую с ним через жизнь,— всегда, что он любил ее еще девочкой в тех неведомых Курсишах, таких сказочных и необычных, каким всегда представляется родной уголок, отброшенный временем в какое-то незапамятное прошлое...

На этом история большевика-интернационалиста Карла Янсона обрывается...

Но заканчивается ли она?

СЛОВО О БЕССМЕРТИИ

Когда перед нами открывается море — это удивительное создание природы, оно неизъяснимо поражает нас, особенно если его долго не видеть. Море тревожит наши чувства, обостряет их до предела, и, казалось бы, давно угасшие мысли, забытые события вновь обретают реальность. Балтийское море не составляет исключения; особенно впечатляюще оно осенью, когда солнце скрывается за низкими тучами, воды темнеют и гребни волн, гонимых напористым ветром, мечутся в поисках далекого берега. И накатывается неумолчный гул, и серо-белые чайки то падают, то взлетают, кричат пронзительно и тревожно.

О чем это они, чайки? И почему их странный крик, ничем не похожий на человеческий, находит отклик в твоем сердце?

И так всегда, каждый раз — настойчивые призывы сильных птиц и порывы соленого, как слезы, ветра вызывают в моем сознании образ этого человека. Каждый раз, с тех пор как он вернулся к нам из огненных лет...

...Ежегодно 12 января строгая и суровая женщина с типичной внешностью латышки приходила на Красную площадь и подолгу стояла неподалеку от Кремлевской стены... Она ничего определенного не искала ни среди серебристых елей, ни среди обожженных кирпичей древней стены. Но минуты пребывания там, где величественное прошлое встречалось со стремительным настоящим, наполняли ее душу неизъяснимым чувством. И никакой тайны здесь не скрывалось: когда человек наедине с собой, ему нечего скрывать.

После гражданской войны в Советской России осталось немало латышей. Многие из них к тому времени прошли нелегкую школу красных стрелков, чей героизм стал легендарным. После гражданской войны эти латыши, верные своему долгу, оказались в одной семье с опаленными революцией другими народами России, с русским народом. Советская власть на маленькой родине латышей, прижатой к морскому заливу, на исходе гражданской войны была подавлена силами интервенции и национальной буржуазии, жестокой и продажной, как и всякая реакционная буржуазия.

Родина — это не только земля, запах которой ты впитал с детства, но и твои сбывшиеся заветные чаяния. Можно ходить по тропам своего детства и не понимать родины, не слышать биения ее сердца. Можно на годы потерять этот незаменимый уголок земли, где мать и отец водили тебя за руку и где ты впервые увидел жу-

равля в небе, но быть с родиной вместе, страдать ее болью, плакать ее слезами.

Для латышей-интернационалистов родиной стала Страна Советов. От зари до зари они работали на заводах, в числе первых создавали совхозы и артели на селе, добывали для Советской власти золото на Алдане, завоевывали воздушные просторы на первых, фанерных самолетах, были безупречными воинами и чекистами. Для них, как и для всех интернационалистов, стала святыней Красная площадь. В Кремлевскую стену замурован прах выдающегося интернационалиста Латвии — Петра Стучки.

На Красную площадь 12 января, в день рождения Карла Янсона, ежегодно приходила его сестра, свято убежденная, что только здесь можно принести достойную дань уважения его героической жизни.

Тот не забыт, кто добрыми делами и мыслями причастен к истории и судьбе народа!

Бессмертие — это не трезвон колоколов, не бронза или гранит монумента. Это память, живая, как живая вода, о людях, их делах и поступках, их чувствах и мыслях, близких нам и волнующих нас.

Карл Янсон остался с нами, остался в наших песнях, в лучах солнца, в листве деревьев.

Кажис, Моряк, Капитан, Эрдман, Б. Тифенталь, Авенида, Клеер, К. Розенталь, Ч. Джонсон, Ч. Скотт, Чарли, Чарли Чен, Карл Штейн...

Всего мы сегодня знаем 25 его подпольных кличек, имен и псевдонимов.

Они остались за Карлом Янсоном навечно.

В Каугари, на родине Карла Янсона, стоит валун, на котором выбито:

ЗДЕСЬ, В КАУГАРИ,
РОДИЛСЯ КАРЛ ЭРНЕСТОВИЧ ЯНСОН
(1882—1939) —
ЧЛЕН БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ С 1904 г.,
ВИДНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ,
ДРУГ ВСЕХ, КТО БОРОЛСЯ НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ
ЗА СВОБОДУ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО.

Валун с памятными словами поставили в год столетия со дня рождения Карла Янсона. Негромко произносились речи при открытии памятника. Пели песни, песни времен молодости Карла Янсона, новые песни, что поют сегодня на его родине.

Зачитали письмо, что пришло из далекой Канады:

«Дорогие товарищи! Я рад был услышать о ваших планах отметить в январе 1982 года сотую годовщину со дня рождения

тов. Карла Янсона (Чарлза Скотта). Он является не только выдающимся сыном латышского народа, но также и приемным сыном тех революционно настроенных канадцев, которые боролись за формирование Коммунистической партии Канады и добились этого в июне 1921 года. Товарищ Скотт много сделал для того, чтобы внести ясность в умы тех трудящихся мужчин и женщин, которые были охвачены стремлением основать Коммунистическую партию и действительно сыграли активную роль в начальном периоде формирования партии».

Горячие слова, посвященные товарищу Скотту — марксисту, революционеру, настоящему интернационалисту,— земляки Янсона — Капитана — Скотта слушали затаив дыхание.

«Я желаю всяческих успехов в праздновании знаменательной даты, которая особенно значительна сегодня, когда международная солидарность превратилась в жизненно важную необходимость для продвижения вперед дела мира и социального прогресса.

С товарищеским приветом
Уильям Каштан,
Генеральный секретарь Компартии Канады».

...Правительство Латвийской Советской Социалистической Республики приняло постановление «О присвоении имени видного деятеля международного коммунистического и профсоюзного движения Карла Янсона Лиепайскому мореходному училищу и впредь именовать его — Лиепайское мореходное училище имени Карла Янсона. Председатель Совета Министров Латвийской ССР Ю. Рубэн. г. Рига, 4 февраля 1982 года».

В училище, которое окончил этот необыкновенный человек, приходят юноши, чтобы навсегда посвятить себя морю, стать капитанами — властителями водных просторов, творцами новой жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Валентин
Августович
Штейнберг

ЧАРЛЗ СКОТТ,
ЕГО ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

О Карле Янсонe

Изданне второе,
дополненное

Заведующнй редакцией *А. И Кr-еленец*
Редактор *Л. И. Стебакова*
Младший редактор *З. У. Устенова*
Художннк *Б. Г. Попов*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 3796

Сдано в набор 16.07.82. Подписано а печать 10.11.82. А00193. Формат $60 \times 84^1/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарннтура «Литературная». Печать высокая Условн. печ. л. 15.40 Услоан. кр.-отт. 16.85 Учетно-нзд л. 17,97. Тираж 100 тыс. экз Заказ 2543 Цена 80 коп.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Леннна
типография «Красный пролетарнй»,
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

80 коп.

МАНДАТ № 120

тов. Джонсон

От компартии ВКП(б)

С совещательным голосом

Секретарь ИККИ:

Москва, июль-август, 1935 год.

На снимке: мандат, выданный тов. Джонсону (Карлу Янсону — профессиональному революционеру) от организации ВКП(б) на право участия в VII конгрессе Коминтерна с совещательным голосом. Конгресс собрался в Москве в 1935 г. Он имел историческое значение для выработки стратегии и тактики коммунистических партий мира в их борьбе против фашизма, сил агрессии, за сплочение масс, за демократизм.

ПОЛИТИЗДАТ